

ПСИХОЛОГИЯ
И ГЕОГРАФИЯ

ДЖ.ГОЛД

ОСНОВЫ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Перевод с английского и вводная статья

С. В. Федюлова

Москва «Прогресс» 1990

Оглавление

Неоткрытые земли сознания	5
Предисловие	25
<i>Часть первая</i>	27
Основные идеи	27
Глава 1. Введение	27
Глава 2. Некоторые понятия и основные направления психологии	31
Глава 3. География и поведение в окружающей среде	51
<i>Часть вторая</i>	69
Формирование пространственного знания	69
Глава 4. Пространственная информация	69
Глава 5. Воссоздание облика реальности: некоторые факторы, влияющие на формирование образов и пространственных представлений	84
<i>Часть третья</i>	98
Постижение пространства	98
Глава 6. Микропространство: познавательное значение территории	98
Глава 7. Представление о городе	111
Глава 8. Образ ландшафта	137
Глава 9. Образы отдельных регионов и мира в целом	150
<i>Часть четвертая</i>	165
Пространственное познание и поведение	165
Глава 10. Город как место жизни людей	165
Глава 11. Поведение в естественной природной среде. I. Оценка ландшафтов	211
Глава 12. Поведение в естественной природной среде. II. Стихийные бедствия	225
Глава 13. Пространственные представления и деятельность по принятию решений: размещение промышленных предприятий	241
Глава 14. Образы среды: дизайн пространства и поведения	257
Глава 15. Заключение	267
Примечания	271
Литература для дальнейшего чтения	276
Библиография	278

Редактор Л. Н. Кудряшева

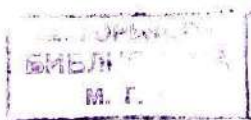
Голд Дж.

Психология и география: Основы поведенческой географии: Пер. с англ./Авт. предисл. С. В. Федулов. — М.: Прогресс, 1990. — 304 с.

Книга представляет собой своеобразную сводку основных понятий и направлений исследования в области поведенческой географии. В ней рассматриваются основы психологии, история становления поведенческих аспектов деятельности человека, парадигмы индивидуального восприятия пространства, развитие пространственного познания, характеристики пространственных представлений и, наконец, результаты изучения собственного поведения человека в различных средах.

Г 1805060000-452
006(01)-90 22-89

ББК 60.55

581-14-91

1000

Научно-популярное издание

Дж. Голд

ОСНОВЫ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Редактор Л. Н. Кудряшева. Художник А. Е. Смирнов. Художественный редактор Е. А. Антопленков. Технический редактор С. Л. Рыбинина. Корректор Г. А. Локина. ИБ № 16862. Сдано в набор 12.12.89. Подписано в печать 16.08.90. Формат 70 × 100^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Гарнитура тип таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 26,7. Усл. кр.-отт. 54,8. Уч.-изд. л. 29,10. Тираж 3500 экз. Заказ № 1347. Цена 3 р. 70 к. Изд. № 45198. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Zubovskiy bulvar, 17. Можайский полиграфкомбинат В/О «Союзкнигпринт» Государственного комитета СССР по печати. Можайск, ул. Мира, 93.

ISBN 5-01-001624-9

Редакция литературы по географии, экологии и народонаселению

Заведующий редакцией О. Д. Катагощин

© John R. Gold 1980

© Перевод на русский язык, предисловие, издательство «Прогресс», 1990

Неоткрытые земли сознания

Немногим эта книга покажется скучной или бесполезной. Ясность изложения и литературный стиль ничуть не вредят строгой научности содержания и делают книгу открытой любому читателю. Круг затрагиваемых в ней явлений, столь же интересных, сколь и малоисследованных, привлечет живое внимание и социолога, и архитектора, и градостроителя, и научного методолога, и, конечно, психолога и географа, да и буквально любого человека. Ведь ее темы — организация среды обитания — от салона автомобиля до земного шара; самоощущения человека в различных пространствах; пространственное («средовое») поведение и восприятие человеком города, страны или ландшафта; «география» в массовом сознании; анализ действий людей в экстремальных условиях; влияние личностных, культурных, исторических и социальных особенностей на эти процессы — эти темы так или иначе касаются каждого.

Эта книга, входящая в число семи обязательных для чтения учебников для студентов, занимающихся изучением среды в самых различных аспектах, открывает целый пласт неизвестного нам гуманистического мышления в мировой географии и связанных с ней науках о поведении в пространстве. С учетом процессов демократизации, происходящих в мире, работа Джона Голда являет для нас пособие по освобождению научного сознания, долгое время находившегося в плену двусмысленностей. Значение этой книги особенно велико и потому, что она содержит не только подробный обзор и анализ огромного числа исследований, но и различных методик их проведения. Предлагаемый вниманию читателя текст — это как бы «кликбез» и по социологии, и по общей и социальной психологии, и по истории науки, и по социальной психологии и по психологии экологической, и по эстетике, и по семиотике, и по физиологии. Эта книга — тот первоначальный курс, который необходимо освоить, чтобы приступить к осознанному чтению Райта и Кирка, Энтринкина и Рэлфа, Голда и Линча, Сааринена и Уайта, И Фу-Туана и Лоуэнтала, тем более что работы этих ученых подробно в ней проанализированы.

Во вступительном очерке мне хотелось бы не только помочь состыковке двух традиций научного мышления и двух языков, не только уточнить место нового для нас направления в рамках географии, но и показать некоторые прецеденты подобных исследований в отечественной науке, используя размышления над книгой по темам, предлагаемым ее автором, как структурный стержень и оптическое приспособление, позволяющее понять ситуацию в этой области науки у нас.

Итак, предмет книги — загадочная «поведенческая география» — сочетание слов, до недавнего времени имевшее в нашей науке негативный и несколько злобещий смысл. Кроме идеологических упреков («работа» на теорию «конвергенции»), претензий «бихевиоризму», выставлялось и то, что он... «всячески выпячивает биологические корни поведения людей и тем самым

снимает их зависимость от социальных условий, от классовых интересов»¹. Увы, как легко может убедиться читатель, эти упреки не имеют под собой серьезных оснований. Многие недоразумения, по-видимому, вызывались вольным или невольным отождествлением двух различных понятий — «бихевиоризма», означающего одну из исторических школ психологии, и современных работ, выполняемых на ее принципах, и «бихевиорализма» (буквально «поведенчества»), то есть комплекса (направления) исследований, рассматривающих поведение в самых разных аспектах, причем не только чисто психологических. Именно этот общенаучный подход, примененный к географической проблематике, в сочетании с компонентами географии, традиционно затрагивавшими поведение и сознание человека, и привел к формированию в 60-х годах самостоятельного направления, названного «поведенческой географией». Надо сказать, что термины «поведенческая география», «география поведения», «география восприятия», «когнитивная география», «перцепционная география» автором книги воспринимаются, в общем, как синонимы. Сам термин «поведенческая география» закрепился в нашем научном языке, но, строго говоря, он сужает предмет рассмотрения. По сути дела, указанное словосочетание обозначает нетрадиционные аспекты исследований социальной географии и географии человека и в контексте нашей ситуации его было бы точнее переводить как «гуманизированная география». Однако, поскольку за рубежом существует отдельное направление географии, называемое «гуманистической географией», мы, чтобы не вносить путаницы, решили все же оставить принятое название — «поведенческая география». Однако читатель об этой оговорке должен помнить.

Обзорный, сводный характер работы повышает ее достоинство не только для тех, кто хотел бы быстро понять содержание этого направления науки, но и для специалистов, предоставляя им точку отсчета, сопоставимые понятия, что очень важно для развития этой довольно конгломеративной отрасли исследований, в которой даже люди, специально занимающиеся ею, не всегда адекватно понимают друг друга².

Появление этой работы на русском языке отвечает, на мой взгляд, не только крайне необходимой потребности информационного ознакомления с одним из ведущих направлений зарубежной науки, у нас практически неизвестного³, не только необходимости изучения обострившихся территориальных, социальных и экологических проблем и важности резвертывания эмпирических исследований по затрагиваемым поведенческой географией темам, но и самой логике развития географического мышления.

Мы видим три основных противоречия, дихотомии географического мышления, присутствующие в науке с момента ее зарождения. Во-первых, это дихотомия «образ» — «логическая схема», выразителем которой являются две тенденции, пронизывающие историю географии: художественно-страноведческая (родоначальниками можно назвать Страбона и Гомера⁴) и

статистико-картографическая (Эратосфен — Птолемей). Если первые для показа места создают его образ, то вторые — строгую схему, если первых интересует синтез компонентов территории, поиск взаимосвязей (в том числе и с поведением и характером людей, что и обусловило появление и устойчивость концепций «географического детерминизма», поскольку связи трактуются упрощенно и лишь функционально), то вторых — точнейший показ места. Обе эти тенденции ярко представлены основателями современной географии: К. Риттером — первая, вторая — А. Гумбольдтом. Причем идеи, впоследствии развитые в поведенческой географии, намечены в работах обоих: Гумбольдт¹ исследовал восприятие физико-географических явлений, а Риттер сформулировал знаменитое положение «человек — зеркало территории»².

Второй дихотомией является дихотомия «общее» — «уникальное», также имеющая в истории географии давнюю традицию, ярко проявившуюся в нашем веке, с одной стороны, в работах В. Кристаллера и А. Леша, с другой — Р. Хартшорна (концепция «уникальности места»).

Смысл третьей дихотомии прорисовывается в емком высказывании В. Бутте, предшественника К. Риттера: «Население, ассимилируемое территориями, пытается ассимилировать ее»³. Итак, «население» — «территория», то есть ориентация на изучение либо деятельности в ее проявлениях на территории, либо прежде всего территории с учетом деятельности людей⁴. Географическая мысль в своих попытках познать объект географии — место (страну, территорию) пульсирует между тремя парами полюсов указанных дихотомий («образ» — «логическая схема», «уникальное» — «общее», «деятельность» — «пространство»). Очевидно, что для плодотворного развития напряжение между полюсами должно иметь определенный уровень, то есть в рамках географии должны развиваться исследования, ориентированные на все полюсы. Однако в советской географии работы и компоненты научного географического мышления, тяготеющие к нетрадиционным направлениям (триада «образ» — «уникальное» — «деятельность»), развиты очень слабо. Появление работы Дж. Голда, в которой рассматриваются исследования, сориентированные именно на эти «полюсы», создает поэтому предпосылки для восстановления полнокровности географического мышления в нашей стране и обновления ее научного стиля и языка.

История отечественной географии содержит ряд прецедентов нетрадиционных исследований, затрагивающих сюжеты, близкие поведенческой географии. Интересна «нравственная география» Е. Ф. Зябловского, в которой исследуется, например, «отношение к отцеубийству в Лапландии и Японии»⁵. Первый атлас экономической географии России Н. А. Милюкова (1850) содержал ряд карт, посвященных географии преступности⁶.

В своем классическом труде Л. И. Мечников, разобрав влияние различных физико-географических факторов на историю в целом, стремится раскрыть секрет исторической роли великих рек цивилизации, подчеркивая (отказываясь и от «географического детерминизма», и от «географического нигилизма»): «социальная эволюция всюду находится в зависимости от органических условий. Следовательно, окружающая среда и вообще все

¹ Саушкин Ю. Г. История и методология географической науки. М., 1976. с. 288–289. Следует отметить, что автор далее выделяет и некоторые позитивные черты этого направления (методика, эмпирические наблюдения и др.), предлагая использовать их в советской географии.

² Подробнее см.: Bunting T. E., Guelke L. Behavioral and perception geography: critical appraisal. Annals of the Association of American Geographers. Vol. 69, September 1979, N 3, p. 448–462. См. также ответ Сааринена, Рунтона и Даунса там же.

³ Специально этой теме посвящена одна небольшая статья тринадцатилетней давности (!) — Костинский Г. Д. Вопросы поведения человека и восприятия среды в зарубежной географии (обзор). — Изв. АН СССР, геогр., 1976, № 5, с. 142–148. Отдельные аспекты затрагиваются в кандидатских диссертациях Н. В. Петрова (1982) и Д. В. Николаенко (1983). Об этом направлении образно рассказано в недавно изданных на русском языке Дж. М. (Все возможные миры. М., «Прогресс», 1988) и Р. Дж. Джонстона (География и географ. М., «Прогресс», 1987).

⁴ География Страбона в семнадцати книгах. М., 1879. Страбон называет Гомера «основоположником науки географии» (с. 60).

¹ Гумбольдт А. Картины природы. М., 1876.

² Риттер К. Европа. М., 1864, с. 18.

³ Цит. по: Синицкий Л. Д. Очерк истории антропогеографических идей. М., 1909, с. 7.

⁴ Рассмотрение этого противостояния (в терминах «Деятельность» — «Космос») содержится в работе: Пространственно-временной анализ системы расселения Московского столичного региона. Препринт. (Редактор-составитель Н. В. Петров). М., Ин-т географии АН СССР — Польская АН, 1988, с. 193.

⁵ Зябловский Е. Ф. Курс всеобщей географии. СПб. 1818–1819, с. 57.

⁶ Яцунский В. К. Неопубликованный статистический атлас Министерства внутренних дел 1850-го года, составленный Н. А. Милюковым. — «Вопросы географии», № 17, 1950.

естественные условия влияют... на форму коммуникации, согласию последних достижений которых доказано, что человек живет в особой, селективно выделяемой из внешнего мира, индивидуальной информационной среде, не совпадающей с общим потоком информации, обрушивающимся на человека. Как следует из этих теорий, человек реагирует только на сообщения, поступающие из своей «информационной» среды. Важнейшей проблемой здесь является точное обнаружение этой среды. В этом смысле интерес представляют идеи школы «символического интеракционизма», согласно которым между «стимулом» и «реакцией» существует процесс интерпретации индивидом «стимула», представляющего всегда в виде «символа», наделенного тем или иным «значением». Отсюда следует, что индивид не окружен уже существующими объектами, но сам их конструирует, придавая внешнему окружению значения на основе осуществляемой им деятельности. Отсюда следует, что действия индивида конструируются или строятся, а не просто протекают»¹. Использование концепций этой школы, не рассматриваемых в отличие от других теорий в работе Дж. Голда, может углубить понимание влияния «факторов, определяющих процесс наделения географического пространства теми или иными значениями» предмет главы пятой. В ней показано, что восприятие – сложный процесс, детерминированный не столько врожденными особенностями, сколько историей развития человека, социально-культурными и внешними влияниями². К приводимой автором критике понятия «мысленная карта» можно добавить, что эта «карта» в различных своих частях нередко строится просто на разных принципах и разными способами – представляемое пространство видится то близким плоскому изображению, то как набор отдельных предметов (зданий), объемных, но окруженных пустотой, то как набор специфических запахов и т.д. Задачей (пока нерешенной) исследования «мысленных карт» является достижение адекватного выражения «мыслительных представлений», а также выработка аппарата корректного их сопоставления у разных людей. Согласно Л. В. Никольской, «результатом восприятия является образ, в котором отражается как сам объект, так и его субъективная оценка. Образ всегда эмоционально окрашен, причем значительную роль в его формировании играют ассоциации. Механизм их возникновения основан на процессе установления связей, аналогий и обобщений, обусловленном прежним опытом, особенностями мышления и условиями восприятия»³.

В. П. Семенов-Тянь-Шанский, лидер российских антропогеографов, в последней своей крупной работе созданию образов в географии отводит особое место. По его мнению, география «есть наука изобразительная, наука зрительных представлений, зрительной памяти». География учитывает и колористические, и динамические, и акустические составляющие ландшафта, синтезирует и углубляет их соотношения для передачи образа местности. Он заключает: «География идет преимущественно интуитивным путем, особенно близко роднящим ее с искусством, но в тоже время не мешающим ей устанавливать научные законы, по точности не уступающие законам физики»³. Итак, именно «интуиция» в географии, как и в искусстве, приводит к «точности». Она создает образы, а читатель специфически, индивидуально их воспринимает. Здесь уже заложена одна из принципиальных идей поведенческой географии.

После войны в советской географии начинается изучение миграций населения – наиболее географичного примера «массового поведения»⁴. Их глубокое исследование невозможно без анализа социально-психологических механизмов поведения и может считаться одним из примеров неявного вторжения психологии в географию. Исследователи этого старого, как география, направления почерпнут много полезного в работе Дж. Голда⁵.

В появившейся в то же время работе Р. М. Кабо отмечает, что «объектом географического изучения общества является сам общественный человек в разнообразных проявлениях его жизнедеятельности», и что, ставя такую задачу, «невозможно игнорировать и оставлять в стороне его сознание, духовные способности, социально-культурные свойства»⁶. Понятие «образ места» исследует Н. Н. Михайлов, отводя ему центральное место в искусстве географического описания, поскольку оно вскрывает то, что специфично для данной местности⁷. Однако в то время эти работы остались лишь теоретическими манифестами, не поддержанными эмпирическими исследованиями, развившимися в нашей стране лишь в начале 70-х годов.

Увидев ограниченность традиционных подходов, зарубежные географы включили в изучение промежуточное звено, а вместе с тем главное действующее лицо и, конечно, итоговую цель любой науки, в том числе и географии, – человека, подвергая пристальному рассмотрению то, как человек научается воспринимать пространство и ориентироваться в нем, каковы в этом случае функции органов чувств. Особый интерес в этой теме, излагаемой Дж. Голдом в четвертой главе, по-моему, имеет рассказ об

информационных теориях коммуникации, согласно которым достигнута информация которых доказано, что человек живет в особой, селективно выделяемой из внешнего мира, индивидуальной информационной среде, не совпадающей с общим потоком информации, обрушивающимся на человека. Как следует из этих теорий, человек реагирует только на сообщения, поступающие из своей «информационной» среды. Важнейшей проблемой здесь является точное обнаружение этой среды. В этом смысле интерес представляют идеи школы «символического интеракционизма», согласно которым между «стимулом» и «реакцией» существует процесс интерпретации индивидом «стимула», представляющего всегда в виде «символа», наделенного тем или иным «значением». Отсюда следует, что индивид не окружен уже существующими объектами, но сам их конструирует, придавая внешнему окружению значения на основе осуществляемой им деятельности. Отсюда следует, что действия индивида конструируются или строятся, а не просто протекают»¹. Использование концепций этой школы, не рассматриваемых в отличие от других теорий в работе Дж. Голда, может углубить понимание влияния «факторов, определяющих процесс наделения географического пространства теми или иными значениями» предмет главы пятой. В ней показано, что восприятие – сложный процесс, детерминированный не столько врожденными особенностями, сколько историей развития человека, социально-культурными и внешними влияниями². К приводимой автором критике понятия «мысленная карта» можно добавить, что эта «карта» в различных своих частях нередко строится просто на разных принципах и разными способами – представляемое пространство видится то близким плоскому изображению, то как набор отдельных предметов (зданий), объемных, но окруженных пустотой, то как набор специфических запахов и т.д. Задачей (пока нерешенной) исследования «мысленных карт» является достижение адекватного выражения «мыслительных представлений», а также выработка аппарата корректного их сопоставления у разных людей. Согласно Л. В. Никольской, «результатом восприятия является образ, в котором отражается как сам объект, так и его субъективная оценка. Образ всегда эмоционально окрашен, причем значительную роль в его формировании играют ассоциации. Механизм их возникновения основан на процессе установления связей, аналогий и обобщений, обусловленном прежним опытом, особенностями мышления и условиями восприятия»³.

Важнейшей особенностью книги Дж. Голда является то, что это первая книга феноменологической географии, появившаяся на русском языке. Задача феноменологического метода в этом случае состоит в том, чтобы исследователь, отбросив культурные и научные способы восприятия действительности, ее «феноменов», понял феномен таким, какой он есть на самом

¹ Blumer H. Society and Symbolic Interaction. American Sociological Review, 1965, N 3. Цит. по: Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984, с. 173–178.

² «Зрительная система человека», пишет В. Ф. Колейчук, «осуществляет не только отражательную функцию, но и операции преобразования и моделирования поступающей в нее зрительной информации... чем тоньше и изящней будут процессы предварительной переработки, тем более изящными и тонкими будут наши сенсорные представления об окружающем визуальном мире». (Колейчук В. Ф. Зрительные образы пространства. Опыт экспериментального анализа. – Труды ВНИИТЭ, Техн. эстет., 1983, вып. 40, с. 57. См.: Беляева Е. Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия. М., 1977; Березин М. П., Пространство – восприятие – поведение. – Строительство и архитектура Ленинграда, 1975, № 2, с. 39–42.

³ Никольская Л. В. Линия и слово. – «Строительство и архитектура Ленинграда», 1980, № 10, с. 36.

Леннарт Мери показывает характерное восприятие пространства эвенками, вызванное их образом жизни и рассеянием в «гомеопатических дозах» на просторах Сибири. Он даже пишет об отсутствии у них «чувства расстояния». – Мери Л. Мост в белое безмолвие. Пер. с эст. М., «Сов. писатель», 2-е изд., с. 279.

¹ Мечников Лев. Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924, с. 68.

² Цит. по: Синицкий Л. Д. Указ. соч., с. 81–82.

³ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М.–Л., 1928, сс. 260, 273.

⁴ Изучение миграций до этого воспринималось проявлением «географического детерминизма» – Покшишевский В. В. Население и география. М., 1978, с. 37.

⁵ К. Риттер среди «трех древнейших форм дошедших до нас географических известий» называет «первый маршрут народного переселения» (маршрут библейского исхода). Риттер К. История землеведения и открытий по этому предмету. Спб., 1864, с. 6–7.

⁶ Кабо Р. М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии. – «Вопр. геогр.» М., 1947, № 5, с. 25, 27.

⁷ Михайлов Н. Н. Образ места. – «Вопр. геогр.», 1948, М., № 10.

деле, выходя, таким образом, на понимание его изнутри. При таком подходе разделение «объективного» и «субъективного» теряет смысл, и в этом заключается вторая особенность феноменологического подхода – размывание, если не ликвидация самого противопоставления «объекта» и «субъекта», «познаваемого» и «познающего». Задача ученого в этом случае – увидеть феномен максимально «чистым» от наслоений его восприятия, от предрассудков знаний о нем, его задача заключается в том, чтобы увидеть, как познаваемый видит мир, и, увидев его таким же образом, понастоящему понять познаваемое («феномен») и вообще выйти на подлинно новое знание (а не просто подтвердить сформировавшееся научное установление – предубеждение, «наложенное» на действительность, как это делают позитивисты). Несколько «сниженным» преломлением феноменологических принципов в географии стало увеличение интереса к изучению «видения» мира обыденным сознанием, стремление понять, как самоорганизуется, «саморайонируется» население в пространстве, более серьезное исследование смыслов различных пространственных объектов и, наконец, размывание противопоставления «объективного» и «субъективного» и при рассмотрении среды, и при районировании, и при анализе пространственного поведения¹.

Все сказанное выше объясняет то огромное внимание, которое уделяется в поведенческой географии изучению представлений о пространстве, исследованию его образов в сознании. Показательным примером феноменологического мышления является рассказ о различных территориях, существующих у людей и животных, – первичных, вторичных, общественных, полупубличных, личностных, а также о личностном (персональном) пространстве. Им открывается раздел, посвященный образам пространства, поскольку все эти «объективные» феномены не мыслятся авторами поведенческой географии вне субъективных представлений о них. И здесь автор очень ясно показывает ограниченность биологических аналогий для понимания чисто человеческих явлений, не отвергая, однако, их как способ усиления наглядности описаний. Принципиально новым для нас положением является то, что все виды «человеческих» пространств видятся проявлением феномена *территориальности* – своего рода чувств территориальной справедливости в пространственном преломлении. Широкий диапазон точек зрения, объясняющих его происхождение, функционирование и значение, вводит в географическое сознание новый ряд дисциплин и аргументов².

Гораздо более знаком советскому читателю круг вопросов, относящихся к исследованию образов города, прежде всего вследствие широкой известности работ Кевина Линча³. Однако Голд не только существенно расширяет тематику этого направления, но и показывает слабые стороны работы

Линча, приводя исследования, углубляющие концепцию последнего, и те, авторы которых опираются при изучении образов города вообще на иные принципы.

Приятная художественность, достойная подражания, демонстрируется автором книги при описании установок по отношению к городу (для обозначения установки используют и кальку – слово «аттитюд», однако при переводе я, где мог, старался употреблять слова именно русского языка). Между прочим, В. П. Семенов-Тянь-Шанский как раз в том, что в Сибири, в отличие от Европейской России, культурная жизнь концентрируется в городах, а не в сельской местности (имения дворян и дачи интеллигенции), видел серьезное препятствие для развития азиатских территорий страны⁴. В наши дни отношение к городу (например, в «Нашем современнике» или «Огоньке») является нередко политическим критерием, зачастую действительно, как показано в книге Голда, определяя все дальнейшие оценки. В условиях резкого противостояния города и деревни в нашей стране изучение этой темы может быть и научно плодотворным, и конструктивным.

По мнению А. Г. Левинсона, позитивная установка жителей деревни на город порождается тем, что последний, отражаясь в «негородском» сознании, интерпретируется «как праздничное инобытие, где позволено нарушать нормы трудовой жизни»⁵. В последнее время, однако, и среди населения нашей страны заметен рост антиурбанистических настроений.

Интересный раздел, посвященный ориентации в городе, можно дополнить результатами исследований И. А. Добричиной, согласно которым, ориентируясь в пространстве различного масштаба, человек принципиально по-разному строит его схему. Этот автор показывает также влияние способов передвижения, в том числе метрополитена, на характер ориентационной деятельности и образ городского пространства⁶.

Рассматривая образ города, Голд сворачивает пятичленную классификацию Линча до триады: «здания» – «пути» – «площади»⁷. Некоторым пробелом выглядит недостаточное рассмотрение феномена «городского сознания», являющегося и фактором, и нередко источником образа города. По мнению В. Л. Глазычева, путь к пониманию образа лежит через исследование исторически изменяющихся смыслов городской среды, в тесной увязке с исследованием «литературы, живописи, прочих искусств»⁸.

Именно таким путем идет Г. З. Каганов, который, подвергнув анализу образ Петербурга-Ленинграда на сотнях картин XVIII–XX вв. и в обыденном сознании ленинградцев (через опрос), приходит к выводу о глубинном принципиальном единстве художественного и обыденного образов города при их сильных поверхностных различиях. Отмечая пять основных переломных этапов, изменявших художественный образ Ленинграда, он показывает «следы» этих переломов в его нынешнем образе, причем как обыденном, так художественном, и делает вывод об историческом развитии образа этого города: «Отчетливо выражена тенденция к «сужению» кадра, к

¹ Об «условности» и «подвижности» границы между объективными и субъективными компонентами среды см.: В. П. Семенов-Тянь-Шанский. Представления потребителей о типологически различных средах. – «Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет.», вып. 44, с. 6–21.

Пытаясь ликвидировать дихотомию «субъективное» – «объективное», мы предложили понятие *интегрального географического положения* как устойчивого набора удаленностей от центров различных иерархических уровней в сознании того или иного сообщества. Эмпирически это понятие исследовано в 22 сельских поселениях Московской области. – Федюлов С. В. Географическое изучение образа жизни (методологические и методические аспекты). Автореф. дисс. канд. геогр. наук, МГУ, 1988, с. 22.

² Термин «территориальность» использовал Ю. В. Медведков, вкладывая в него иное содержание. – Медведков Ю. В. Интеграционное моделирование городской среды. Городская среда и пути ее оптимизации. М., 1977, с. 11.

О влиянии стесненности на поведение см.: Нийт Т. Плотность людей и чувство стесненности: теории и гипотезы. Человек в социальной и физической среде. Таллинн, 1983, с. 99–142. Анализ сути персонального пространства содержится в: Садмин Л. Ю. Жилище в городе, город в жилище. – «Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет.», 1987, вып. 51, с. 79.

³ Линч К. Образ города. Пер. с англ. М., Стройиздат, 1982.

⁴ Семенов-Тянь-Шанский В. П. Город и деревня в Европейской России. Записки РГО, отд. статистики, т. 10, вып. 2, 1910, с. 187.

⁵ Левинсон А. Г. Традиционные ценностные системы и город. Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1979.

⁶ Добричина И. А. К постановке в дизайне проблемы обеспечения ориентации в среде современного города. – «Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет.», вып. 44, 1984, с. 23–27.

⁷ Развитием концепции К. Линча является введение А. В. Боковым понятия «ворот» и «места», предложенного Е. В. Ассом. – Боков А. В. Категории городского ландшафта. – «Техн. эстет.», 1982, № 8, с. 11, 13; Асс Е. В. Средовая типология и городской дизайн. – «Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет.», вып. 44, М., 1984, с. 70, 72.

⁸ Глазычев В. Л. Социально-эстетическая интерпретация городской среды. М., «Наука», 1984, с. 124, 132.

восприятию окружения со все более короткой дистанции... так, как оно мелькает перед глазами горожанина». Отсюда отрывочность восприятия, замкнутость воспринимаемого пространства, ориентация на восприятие не его отдельных элементов, а среды в целом¹.

В результате изучения восприятия людьми (при помощи свободного интервью) трех различных районов Москвы Г.З. Каганов приходит к выводу, что, в подтверждение гипотезы эстонского ученого М. Хейдметса, «рядовой горожанин не склонен замечать среду, пока в ней все в порядке», и что «мобилизация всех уровней сознания» в формировании образа среды происходит, лишь когда среда «оказывает человеку сопротивление, становится не совсем своей»².

Разницу графического и словесного образа своего «соседства», или «территориальной общности» (*"neighbourhood"*—*"community"*), показанную Голдом, Л. В. Никольская, изучавшая роль силуэтов в формировании зрительного образа города, пытается преодолеть, составив «словарь изобразительно-словесных синонимов», демонстрируя таким путем возможность общезначимого графического выражения эмоциональной составляющей образов города³ (видимо, и иных мест). По мнению Л. Ю. Салмина, особое влияние на образ города оказывает жилище человека: «Городская среда переживается как бы сквозь образ жилища, а жилище—сквозь образ города»⁴. Важнейшими категориями пространства в «городском» сознании, считает И. З. Заринская, являются направление и внутренняя его соотносительность⁵.

Исследования, проводившиеся в Москве, Таллине, Тбилиси и Новосибирске, направленные на изучение особенностей восприятия пространства, и в частности центра города, у жителей центрального, периферийного и прилегающего к центру районов, выявили разность видения центра у этих трех групп не только по его пространственным размерам, но и по его структуре. Если жители центра видят его цельно, детально, в их образе все элементы пространственной структуры равнозначны, то с периферии центр видится более размытым, фрагментарным, отдельные улицы в его образе перевешивают значимость всей средовой ткани центра в целом⁶.

Особое значение улиц в образе города, отмечаемое и Личем и Голдом, подтверждается и исследованиями в нашей стране: говорят даже об «уличной» модели городского пространства в сознании жителей крупнейшего города⁷.

Необходимо понимать, что приводимые Голдом, на первый взгляд «экзотические», исследования (хотя в этом тоже нет ничего плохого) способны стать мощным инструментарием конструктивной науки. Например, исследования восприятия центра Москвы (и в словесном, и в графическом описании) жителями трех периферийных районов, произведенные Ю. Г. Вешинским, не только показали его «неравномерность» и несовпадение центра с жесткими административными или градостроительными признаками, но и позволили понять ряд новых моментов в организации

пространства столицы. Оказалось, что «в сознании» центр резко ограничен с востока и увеличен по улице Горького и линии метро к станции «Юго-Западная» (многие респонденты даже саму эту станцию считали расположенной «в центре»). Конструктивный вывод таков: вынесение престижных объектов из этого «центра в сознании» не помогает тому району, куда вынесен объект (пример с театром им. Моссовета, перенесенным одно время на восток столицы и сразу утратившим популярность), но самому «центру» вредит¹.

Сложность изучения городской среды обусловлена, как справедливо отмечает В. Л. Глазычев, тем, что она «очевидна», поэтому нелегко получить ее образ «вызывающим доверие способом». Автор делает это через исследование рисунков школьников младших классов г. Тихвина. Он приходит к поразительным результатам: историческая среда играет особую роль в формировании образа города, даже если не содержит никаких достопримечательностей; искусственная неорганическая среда нового города воспринимается детьми как пустыня².

Увы, с эстетической точки зрения среда наших городов находится в катастрофическом состоянии. Волна «реконструкций», «жилищных программ», уничтожив старое, хотя бы равноценного нового не породила. Не зря у нас нет работ, посвященных «зданиям», — даже в столице снесены такие монументальные жемчужины, как Храм Христа Спасителя, Сухарева башня, Красные ворота, многие церкви, монастыри, усадьбы... «в результате не только... исторически сформировавшийся образ города оказался нарушенным, но не возник и новый»³, если не считать сталинских высоток, так напоминающих дворцы четырех оруэлловских министерств.

Раздел, посвященный *образам ландшафтов*, со всей определенностью ставящий неизвестную (или почти неизвестную) у нас проблему ландшафта как того или иного символа, может быть фундирован обстоятельной работой А. Д. Арманд. Автор не только показывает, что изучение различных «человеческих» аспектов ландшафтов (от адаптации до восприятия) широко представлено в науке, но и делает принципиальный вывод, созвучный тем идеям, на которых строится феноменологическая поведенческая география: «образ ландшафта, изученного географом, — продукт «совместного творчества» исследователя и природы». Единственный вариант «истинного» ландшафта заменяется в этом случае «множеством возможных моделей», причем для того, чтобы достичь их максимальной определенности, необходимо лишь учесть личность исследователя («с его требованиями, знаниями и... предрассудками» — в явном виде, чтобы не принять в дальнейшем следствие предрассудков за объективную истину»⁴.

Углубляет понимание проблемы работа В. Л. Каганского, который считает, что «ландшафт — это композиция мест, наделенных смыслом», что «смотровая площадка находится внутри, а не вне ландшафта, разлита в нем», что «ландшафт дан не только взору, но всем органам чувств, постижим не специализированным духовным органом, но всей личностью»⁵. Работы специалистов по геральдике, нумизматике и сфрагистике (наука о печатях) помогают лучше понять символику знаков и городских ландшафтов, рассматриваемую в следующем разделе книги. В. С. Драчук дает отличное от приводимого Голдом объяснение смысла загадочной

¹ Каганов Г. З. Пространственные образы городской среды. «Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет.», вып. 40, 1983, с. 7–22.

² Его же. Представления потребителей о типологически различных средах. «Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет.», вып. 44, М., 1984, с. 6–22.

³ Никольская Л. В. Указ. соч., с. 36.

⁴ Салмин Л. Ю. Указ. соч., с. 77.

⁵ Заринская И. З. Эстетические ценности в «деревенской», «городской» и «полугородской» культуре. — «Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет.», вып. 51, М., 1987, с. 91.

⁶ Социально-культурные функции города и пространственная среда. Под ред. Л. Б. Когана, М., Стройиздат, 1982.

⁷ Там же, с. 164. См.: Степанов А. В. «Малые» улицы центра Ленинграда. Проблемы формирования и развития общественных центров городов ЦНИИП градостроительства. М., 1978.

¹ Вешинский Ю. Г. Планировка, свет, ориентация. — «Гор. х-во Москвы», 1983, № 4, с. 12.

² Глазычев В. Л. Картины. «Знание — сила», 1986, № 8, с. 43–45.

³ Молева Н. Время исторической правды. — «Строительство и архитектура Москвы», 1988, № 3, с. 10–11.

⁴ Арманд А. Д. Ландшафт как конструкция. — Изв. ВГО, 1988, т. 120, вып. 2, с. 120–125.

⁵ Каганский В. Л. Существует ли культурный ландшафт? Городская среда. — Докл. уч.-ов конф. ВНИИТАГ и СА СССР, 1989, т. 1, с. 10, 11.

«мандалы» — распространенного символа города, связывая его с культом солнца¹. Близки приводимым автором исследования символика городского ландшафта работы ученых Тартусского университета².

Совершенно новым для нашей науки является понятие «образа мира». Очень неширокое хождение имела концепция «географической картины мира», выдвинутая Н. Б. Култашевым и развитая У. И. Мересте³. Но это — понятие теоретико-методологическое, науковедческое, совсем иное, чем «образ мира» — категория человеческая, отражающая картину мира в голове именно данного человека или данной группы людей в настоящем или прошлом, социальной или культурной, этнической или религиозной. Этот образ отражает самоощущения человека в названном поименованном пространстве, он неполон, противоречив, изобилует стереотипами, но именно он служит человеку в качестве исходной базы для поведения, в том числе и в пространстве.

Доказательством того, что образ мира сильно определяется ценностями и имеющимися стереотипами, как это подтверждает предлагаемая работа, служат исследования С. Н. Гуковой. Она показывает, как христианство наполняло символикой Вселенную, являющуюся для него выражением трансцендентного замысла. И хотя гелиоцентрическая теория была известна с III в. до н. э., она была отвергнута, так как противоречила библейскому мифу о сотворении мира⁴. Согласно М. И. Стеблину-Каменскому, эгоцентричность восприятия мира, ощущение себя в «середине мира» «характерно для мифического мышления, а именно внутренней точки зрения на пространство»⁵. Феномен «центральности» собственного положения в мире проявился и в нашем исследовании сельского населения Подмосквы, выразившись в повсеместном занижении, в сравнении с фактической, численности жителей соседних данному поселений, по оценкам респондентов данного населенного пункта⁶.

Образ мира в обыденном сознании жителей Обломовки иронически передает И. А. Гончаров: «они знали, что в восьмидесяти верстах от них была «губерния», то есть губернский город... потом знали, что подальше, там, Саратов или Нижний; слышали, что есть Москва и Питер, что за Питером живут французы или немцы, а далее уже начинался для них... темный мир, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми о двух головах, великанами; там следовал мрак — и наконец все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю»⁷. Однако и «из Парижа любое место, лежащее дальше Вены, кажется книжной абстракцией»⁸.

Вообще изучение образов мира, стран, городов по русской литературе — задача увлекательнейшая и захватывающе интересная. «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина, записки А. С. Хомякова об Англии, очерки А. И. Герцена, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского о Европе, заметки А. И. Бунина и А. Д. Салтыкова об Индии. А образы Орла и Мценска, Грузии и Крыма, Москвы и Петербурга, Соловков и Сибири! Тем более, что в этом направлении мы имеем хорошую традицию — работы Н. Н. Ан-

¹ Драчук В. С. Рассказывает геральдика. М., «Наука», 1977, с. 26–27.

² См.: Лотман Ю. М. О метаязыке типологических описаний культуры. — «Труды по знаковым системам», № 4. Тарту, 1969.

³ Култашев Н. Б. Особенности современного этапа географического познания. Экономическая и социальная география. — «Вопр. геогр.», № 115. М., 1980, с. 32; Мересте У. И. Ныммик С. Я. Современная география: вопросы теории. М., «Мысль», 1984, с. 13.

⁴ Гукова С. Н. Космография в системе византийской науки и образования в XI–XII вв. Городская культура. Средневековье и начало Нового времени. Л., 1986, с. 29–37.

⁵ Стеблин-Каменский М. И. Миф. Л., 1976, с. 42.

⁶ Федюлов С. В. Географическое изучение образа жизни (Методологические и методические аспекты). Дисс.: канд. геогр. наук, М., МГУ, 1988.

⁷ Гончаров И. А. Обломов. М.-Л., 1951, с. 107.

⁸ Хулио Кортасар. Игра в классики. Пер. с исп. М., «Худ. лит.-ра», 1986, с. 172.

циферова 20-х гг., выдвинувшего идею «гения (души) места», посвященные образу северной столицы¹.

Особый интерес для географов, занимающихся образами мира, представляют исследования Г. Д. Гачева, позволяющие расширить проблематику девятой главы данной книги. Автор, «вживаясь» несколько лет в мировоззрение того или иного народа («в различные возможности мыслительного ареала»), пытается сформулировать представление о национальном «космосе» в его древнем смысле как специфическом понимании не только внешнего мира, но и основополагающих ценностей, используя при этом «сравнительно-сопоставительный метод», «причем каждый новый изученный национальный тип культуры (в данном случае — синоним «космоса»). — С. Ф.) становится прожектором — объяснителем всех предыдущих... каждый одновременно — и объект, и инструмент анализа»².

Национальный космос, по Г. Д. Гачеву, есть «природина Народу», «способ представления мира в сознании», и постигается он через анализ древних, классических и современных произведений литературы и искусства. Десятками страниц почти художественного текста автор создает представление о различных «космосах». Вот он сравнивает «космос» болгарский и русский: «болгарский космос более тверд, сух, жгуч, предметы — более определенные, в сравнении с русским, который более... туманен, а вещи расплывчаты». Модель болгарского движения, в любом «космосе» задающего «структуру мирового пространства» — «вырастающий стебель», а модель русского движения — «дорога». Именно дорога и свет, воздух, являются, согласно Г. Д. Гачеву, основными чертами русского космоса, космоса «однонаправленной бесконечности». «И притом русская дорога: не на чем остановить взора... предметно-вещный мир распался... значит, исчезло субъективно-объективное деление мира: ни я ничему не противостою, ни себя не помню... все слилось в марево, полусон, где не разберешь: то, что я вижу, мир вещный мне подставляет? или это внутреннее видение-воспоминание, предвиденье?»³ Описываются космосы: киргизский, грузинский, армянский, американский. Специфическое видение мира, задаваемое принадлежностью к «деревенской», «городской» или «полугородской» культуре, на основании эмпирических исследований разбирается в работе И. З. Заринской⁴.

Закончив обзор, посвященный изучению различных пространственных образов, Джон Голд переходит к заключительной и, может быть, наиболее практически полезной части работы — рассмотрению пространственного поведения, в основном в городе. В нашей стране, где, согласно данным массовых опросов, $\frac{2}{3}$ жителей новых районов предпочли бы не жить в них⁵, все вопросы, связанные с обитанием в городах, имеют буквально жизненное значение. Из всего многообразия городских проблем, изучаемых в поведенческой географии, автор книги выбирает для рассмотрения следующие три: «обладает ли городская среда такими характерными особенностями, которые неизбежно обуславливают тот или иной рисунок поведения; какова роль местного сообщества, или «соседства», в обыденной жизни горожан, а также какова взаимосвязь характера предпочтений и особенностей перемещений в городе». Из множества тем данной книги изучение именно этой, пожалуй, наиболее развито в советской географии. Но, как убедятся

¹ См. его работы: Душа Петербурга. Пг., 1922, с. 20; Петербург Достоевского. Пг., 1923; Использована работа: Каринский С. С. География и искусство: традиции и современное состояние (рукопись).

² Гачев Г. Д. Национальные образы мира. М., «Сов. писатель». 1988, с. 57, 58 и далее.

³ Там же, с. 49, 52, 127, 162, 244, 264–265.

⁴ Заринская И. З. Указ. соч., с. 89, 93.

⁵ Круусвалл Ю., Хейдметс М. О путях повышения социальной эффективности жилой среды. Воспроизводственные процессы города. Таллинн: «Валгу», 1986, с. 132–150.

заинтересованные читатели, спектр теорий и методик, применяемых в этой области исследований в мировой науке, гораздо шире того, что знаком нам.

Книгу отличает хорошая систематичность, позволяющая яснее увидеть проблему, вроде бы достаточно исследованную. Очень ценно, например, *систематическое описание плюсов и минусов города*, обзор «стрессоров» и «возбудителей» (как и «антистрессоров»), действующих в нем, в тесной увязке и с теоретическими на сей счет построениями, и с примерами из литературы и криминальной хроники.

Чрезвычайно полезно расширение представлений о городских соседствах, или городских *территориальных общностях* (что в контексте данной книги одно и то же), — в этой части вводятся пока еще мало применяемые у нас методы анализа из социологии и социальной психологии, однако несколько односторонне трактуются вопросы внутренней структуры соседств, а также механизмы их функционирования: соседская общность видится буквально автономной от общества. Наблюдается и явная переоценка психосоциальных связей общности при некотором игнорировании связей социально-функциональных, вызываемых процессами общей жизнедеятельности¹. Однако, поскольку в нашей науке положение обратное и связи первого типа нередко учитываются недостаточно², то, возможно, такой «перекос» будет иметь и позитивное значение.

Очень краткий обзор исследований, посвященный *оценке городской среды*, выявлению *пространственных предпочтений и анализу внутригородских перемещений*, сделанный Дж. Голдом, пожалуй, даже слишком бегло затрагивает те сюжеты, разработке которых в отечественной географии уделяется много сил. Исследования именно этой тематики, были, по существу, первым серьезным направлением если не строго гуманистической, то современной географии человека в нашей стране. Основатель этого направления Ю. В. Медведков на основании различных «объективных» показателей (уровень озелененности, завершенность застройки, концентрация сферы услуг и др.), а также оценок предпочтительности проживания, выявленных при анализе бюллетеней по обмену жилплощади в Москве, данных опросов и т.д., производит с учетом выделенных «участков деятельности» параметризацию городской среды, на основании которой строится «интеграционная модель геосистемы», «основанная на представлениях об экологии человека и антропоэкосистемах»³. Развитием этого направления занимались Н. В. Барбаш⁴ и Т. А. Бакланова⁵. Этот подход, который как бы направлен

¹ См.: Овсянников В. А., *Качества искусственной среды города и человеческие ресурсы. Человек. Предприятие. Город*. Таллинн, 1986, с. 119.

² Ведущие специалисты «средового подхода» трактуют территориальные общности «популятивно — как социальный организм, состоящий из нескольких поколений, между которыми развиты как генетические, так и функциональные связи («использования» друг друга в качестве элементов среды» — Михайлов Д., Паадам К., Мюлла Э. *Средовое взаимодействие поколений в процессе социализации (к исследованию децентрализма городских семей)*. Воспроизводственные процессы города. Таллинн, 1986, с. 57. Рассмотрению различных теоретических точек зрения на характер и функционирование территориальной общности людей, а также результатов эмпирического исследования 33 сельских территориальных общностей посвящены специальные разделы в моей диссертационной работе. Изложение ее концепта см. в указанном выше автореферате, с. 14–15, 17–21.

³ Медведков Ю. В. *Модели экологии человека в географии. Теория и методика географических исследований экологии человека*. М., 1974. См. также: Его же. *Анализ скрытой структуры при оценке условий жизни населения в городе. Ресурсы, среда, расселение*. М., «Наука», 1974; Его же. *Расселение в свете представлений об антропоэкосистемах. Развитие и регулирование систем расселения в СССР*. М., «Статистика», 1974 и др.

⁴ Барбаш Н. Б. *Выявление отношения населения к элементам городской среды*. — *Изв. АН СССР, геогр.*, 1975, № 6. Барбаш Н. Б. *Методика изучения территориальной дифференциации городской среды*. М., ИГАН СССР, 1986, 206 с. и др.

⁵ Бакланова Т. А. *Территориальная подвижность населения как основа оценок среды в условиях крупного города. Городская среда и пути ее оптимизации*. М., 1977, с. 55–60.

на доказательство применимости математики в географии, по мнению самих же авторов, информационно ограничен, в любом случае давая представление лишь о «локальном оптимуме» качеств среды¹.

Исследование предпочтений населения, предпринятое Г. Л. Васильевым, Д. А. Сидоровым и С. Е. Ханиным и выполненное в русле факторной экологии, показывает, что при установлении межгородских предпочтений важнейшими являются три фактора: 1. Статус города в системе расселения; 2. Развитость городской среды; 3. Комфортность климата². Т. В. Райтвийр обобщает результаты исследований по факторной экологии Москвы, Таллинна, Тбилиси, Казани, посвященных выяснению важнейших факторов территориальной дифференциации этих городов, видимых через призму средового подхода как системы «человек» — «среда». Предполагалось, что среда, дифференцированная объективными факторами, и оцениваться будет по-разному, а отсюда можно будет понять и поведение человека в городе. Она делает вывод: «самыми дифференцирующими факторами... являются социально-профессиональный состав, возраст, национальность, продолжительность проживания (коренное/пришлое население), квартирные условия, положение в сфере обслуживания и транспорт». Вес факторов различен по городам. Она подчеркивает, что исследования показателей среды недостаточно для понимания указанной системы. «Одна подсистема не может заменить системы «человек» — «среда»³. Можно добавить, что непосредственной оценки среды конкретным человеком не заменит и корректный анализ этой оценки «извне», при помощи параметризации «объективных данных». Работа Дж. Голда показывает на примере рассмотрения оценки ландшафтов, что «объективная усредненная» оценка чаще вводит в заблуждение, чем проясняет ситуацию.

Надо сказать, что одним из упущений автора является недостаточное представительство в анализе работ школы «време-географии» Т. Хегерстранда — одной из немногих фундаментальных географических концепций, ставящей пространственное поведение в центр своего внимания, дающей особую интерпретацию его детерминаторов и вообще по-особому высвечивающей всю поведенческую проблематику в географии. Конечно, на Западе школа Т. Хегерстранда считается самостоятельным направлением науки, может быть, сопоставимым с поведенческой географией в целом, однако и в этом случае в таком тщательном обзоре ей можно было, на мой взгляд, уделить большее внимание.

Эта концепция основывается на «пространственно-временной хореографии» существования индивида в масштабе одного дня, недели или целой жизни. На основе анализа «танца» человека по «станциям» — узловым пунктам в его деятельности — исследователь строит перспективную модель «бюджет-пространства» индивида, с учетом «связок деятельности», прост-

¹ Медведков Ю. В. *Интеграционное моделирование городской среды. Городская среда и пути ее оптимизации*. М., 1977, с. 32–33.

² Васильев Г. Л., Сидоров Д. А., Ханин С. Е. *Выявление потребительских предпочтений в сфере расселения*. — *Вестн. Моск. ун-та*, 1988, № 2, с. 41–47. См. также: Ханин С. Е., Миско К. М. *Моделирование миграционного поведения на основе оценки городской среды. Современные проблемы и методы географических исследований*. М., 1978; Васильев Г. Л., Привалова О. Л. *Социально-географическая оценка внутригородских различий*. — *Вестн. Моск. ун-та. Геогр.*, 1982, № 4, с. 9–15.

³ Райтвийр Т. В. *Микрогеография большого города: факторно-экологический анализ. Город: вопросы социального развития*. Вильнюс, 1987, с. 71–78. В статье проанализированы работы: Барбаш Н. Б., Гимпельсон В. Е., Давидович А. Я. *Опыт социального картографирования г. Москвы*. — *Соч. исследования*, 1985, № 4, с. 75–84; Барбаш Н. Б., Гутнов А. Э. *Градостроительные аспекты территориальной организации Москвы*. — *Изв. АН СССР, Геогр.*, 1979, № 2, с. 53–67; Гегешидзе А. М. *Территориальная организация качества среды в социально-экономических территориальных комплексах. Вопросы изучения состояний окружающей среды*. Тбилиси, 1982, с. 91–105; Рукавишников В. О. *Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды)*. М., «Статистика», 1980.

ранственно-временных «фиксаторов» ("spacemaker") и других ограничителей¹. Практическое применение идей Т. Хегерстранда вводит в географию «время» и совершенно иначе, более глубоко позволяет увидеть такие классические понятия, как «плотность» или «место». Разработкой этой концепции на теоретическом и эмпирическом уровне на примере Москвы и ряда других городов занимается в нашей стране Н. В. Петров².

Результаты эмпирических «функционально-градостроительных» исследований в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Минске, Тбилиси, Ереване, Вильнюсе позволяют ученым сформулировать понятие «центральности» сознания горожан, а также особой роли центра в детерминации пространственного поведения жителей крупнейших городов, корректируемой, по мнению авторов исследований, развитостью сферы обслуживания и характером доступности центра. Показано, что и сам характер предпочтений у жителей разных частей города различен: если развитость сферы обслуживания, транспорта, транспортная обеспеченность высоко ценятся и в центре, и на периферии, то значение, придаваемое культурным факторам жителями центра, значительно выше, чем на периферии³.

М. И. Каган на базе исследований в Свердловске и Куйбышеве приходит к выводу о том, что происходит «повышение подвижности по всем целям и для всех жителей от периферии к центру города», пики которой совпадают, как правило, с местами расположения «крупных центров обслуживания населения»⁴.

Дж. Голд ограничивает рассмотрение связей предпочтений и пространственного поведения людей рамками лишь городского пространства. Исследования пространственного поведения производились и в сельской местности. Т. В. Регент, изучавшая «внешнюю среду» и подвижность внутри сельской местности жителей двух хозяйств Гагаринского р-на Смоленской области, приходит к выводу о детерминированности этого показателя экономико-географическими факторами и подчеркивает: «уровень совокупной подвижности (среднее число поездок в год на одного жителя) обратно пропорционален административно-производственному статусу поселений и их плотности»⁵. В нашем исследовании пространственного поведения сельских жителей (в том числе внутри поселения и по его окрестностям) общей закономерностью было снижение количества всех пространственных перемещений вместе с возрастанием удаленности от Москвы и от других городов. При этом возрастало число перемещений внутри сельской местности, а также при определенных природных и демографических условиях внутри данного поселения и по его окрестностям. Выделены различные типы пространственного поведения и его факторы⁶.

Рассмотрение *реального покупательского поведения*, с одной стороны,

¹ Подробнее см.: Петров Н. В. Пространственно-временной анализ в социальной географии. Основные достижения и направления исследований школы Т. Хегерстранда. Препринт. М., ИГАН СССР, 1986, 56 с.

² Петров Н. В. Пространственно-динамический анализ городских агломераций. Дисс. уч. степ. канд. геогр. наук. М., МГУ, 1982, 158 с.; См. также: Пространственно-временной анализ системы расселения Московского столичного региона (Редактор-составитель Н. В. Петров). Препринт. М., АН СССР — ПАН, 1988, 204 с. В работе этого же автора содержится обзор иных, чем у Голда, теорий пространственных перемещений в городе. — Его же. Морфологический анализ в георбанистике (исследования пространственной структуры урбанических форм). Препринт. М., ИГАН СССР, 1987, 55 с.

³ Социально-культурные функции города..., с. 5, 29–30, 66–67.

⁴ Каган М. И. Пространственная дифференциация подвижности населения в городе. Городская среда и пути ее оптимизации. М., 1977, с. 121–124.

⁵ Регент Т. М. Социальные аспекты географического изучения сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР. Вопросы социально-экономической географии Верхневолжья. Калинин, Изд. Калинин, ун-та, 1983, с. 43.

⁶ Федулов С. В. Указ. Соч., с. 21–22.

показывает необходимость развития подобного вида исследований, в том числе и в нашей стране, видимо, в рамках географии сферы обслуживания¹, с другой — обнажает недостатки всех формализованных подходов в географии: использование даже самых совершенных, «кислотных и трудоемких», по выражению Д. Голда, математических средств без достаточной разработки географических и в данном случае социально-психологических концепций часто приводит к «тривиальному по существу результату».

Если в первых частях книги автор исследует проблему того, как происходит восприятие окружающей человека среды, или «непосредственной среды окружения» (в том и в другом случае этот термин не всегда совпадает с принятым в нашей науке словосочетанием «окружающая среда» как природное окружение или как одна из сфер Земли; в поведенческой географии этот термин означает социально-предметное наполнение ситуации, в которой в данный момент оказывается индивид), то при анализе *поведения человека* в условиях естественных ландшафтов поднимается не менее сложный вопрос: как вообще производить оценку среды? Ведь понимание этого дает ключ к нахождению способов подлинного совершенствования и оптимизации среды. Дав обзор нескольких методик оценки ландшафта (каждая из которых имеет свои минусы и плюсы и будет, я думаю, активно использоваться нашими учеными), автор ясно выступает против оценки «сверху», с «объективных» (а по сути, позитивистских) позиций. Данные многочисленных исследований убедительно свидетельствуют, с одной стороны, о том, что лучше самих «потребителей» пространства никто никогда не может оценить территорию или ландшафт², актуальный именно для них, а с другой — что ссылка на «объективность» просто явно или неявно прикрывает официально принятые, столь же субъективные, как и у рядовых потребителей, вкусы. Печальные примеры, приводимые автором с микрорайонами, строившимися в Великобритании в 1930–1940 гг. по гипотетическим схемам, призванным, по мнению их создателей, максимально удовлетворить будущих жителей этих микрорайонов, четко показывают ущербность «объективистского» — в данном случае нормативного — подхода. Нам это тем более важно, что, если за рубежом от этого подхода давно отказались (на месте бывших высотных микрорайонов стоят ныне кварталы домов на одну семью), в нашей практике именно он является доминирующим. Еще печальнее то, что статус «объективных», то есть попросту игнорирующих психологические особенности человека, оценок просто-таки довлеет и над преобладающим у нас научным сознанием. Даже в пионерной у нас интересной работе, посвященной эмпирическому исследованию восприятия и оценки ландшафтов, главной целью выдвигается «объективация восприятия среды»³. Возможно, «страсть» к «объективации» — более широкая проблема, отражающая дегуманизацию современного мира. Ведь, как отмечает В. Л. Каганский, «универсалистской цивилизации трудно примириться с тем, что каждое место пронизано смыслом (индивидуальным для каждого человека и нередко ныне утраченным: «семантика территории распалась». — В. К.) и возможно лишь сравнение, а не жесткое ранжирова-

¹ Алексеев А. И., Ковалев С. А., Ткаченко А. А. География сферы обслуживания. Калинин, 1988, 83 с. В этой работе приводится схема развития потребностей сельских жителей (с. 36).

² Разница оценок ландшафта различными группами — зло только с позиции абстрактного теоретизирования. В практической жизни именно разница оценок (например, сельскими жителями и горожанами) служит источником крупных доходов — когда «бросовые» для сельского хозяйства земли оказываются высокоценными рекреационно. См.: Clout H. D. Rural Geography. An Introductory survey. 3-d ed. London, 1976.

³ Маслобойщикова Н. А. Ландшафтно-географический подход к изучению перцепции ПТК на примере юго-восточной части Чечено-Ингушетии. — «Изв. ВГО», 1988, т. 120, вып. 3, с. 240–245.

ние»¹. Именно на этих путях, как показано Дж. Голдом, вообще возможна истинная оценка ландшафта! Это не исключает, конечно, истинности сколь угодно большого числа целевых и специальных его оценок, однако при проведении каждой из них важно помнить о высокой степени их условности².

Интересен анализ поведения (прежде всего рекреационного) в неосвоенных, «девственных» районах («wild area»)³, а обзор всего многообразия работ, посвященных исследованию поведения людей во время стихийных бедствий всех возможных видов, представленный в виде обобщенной систематической сводки, а также анализ адапционных моделей поведения в таких ситуациях имеет огромное практическое значение в условиях нашей страны, подверженной разрушительным ударам стихии. Поможет он и ученым, занимающимся этой проблематикой, прежде всего специалистам по инженерной географии.

Совершенно по-особому рассматривается соотношение поведения человеческих общностей и природных ландшафтов в концепции этногенеза Л. Н. Гумилева. Формирование этноса, характеризуемого, согласно этому автору, в частности, особым стереотипом поведения, происходит лишь в особых ландшафтных условиях. Сам стереотип формируется при обживании этносом соответствующего ландшафта — в ходе «приспособления себя к ландшафту и ландшафта к себе». Отношение к ландшафту является, согласно Л. Н. Гумилеву, показателем фазы развития этноса. Разбирая многочисленные факторы этногенеза, автор, по его мнению, приходит к пониманию системных, а не функциональных связей «человека» и «природы» (которые безуспешно для теории искали «географические детерминисты»), поскольку вопрос состоит не только в том, как влияет «природа» на человеческое общество, но и «в какой степени сами люди являются частью... биосферы». Предположение, что этнос является формой существования человека как биологического вида (этнос, согласно Л. Н. Гумилеву, явление, природное по сути, выступающее на поверхности в социальной форме; этническое — «материал монеты», а его социальное оформление — она сама), открывает, по мнению автора, путь к правильному пониманию взаимосвязей природы (в том числе ландшафта) и человека (в том числе его поведения)⁴.

К. П. Иванов, ученик Л. Н. Гумилева, провел исследование крестьянских хозяйств в одном из районов Архангельской области, практически применяя его идеи. Он показывает связь русского этноса с определенными ландшафтами и способами их «эксплуатации», утрата которых вместе с разрушением условий воспроизводства стереотипов поведения (в частности, трудового) на селе, является, по мнению автора, одной из главных причин кризисного состояния сельского хозяйства России⁵.

Стереотипы, как известно, существуют и на уровне общества в целом, которое, «действуя в пространстве, имеет определенную систему представлений о нем. Эта система представлений является, во-первых, неявной,

во-вторых, ненаучной и, в-третьих, негеографической»¹. «Все чаще и чаще, — пишут В. С. Преображенский и Ю. А. Веденин, — мы сталкиваемся с тем, что... тенденция территориального развития предопределена решением, в основе которого лежит некоторая (к сожалению, не всегда четко и ясно сформулированная!) концепция, мысль, идея»², что требует изучения в географии этих «идей», как и реальных факторов принятия тех или иных решений, влияющих на географические процессы.

Именно анализ сотен конкретных случаев размещения производственных объектов за несколько десятков лет и в Англии, и в Новой Зеландии, производимый Д. Голдом, показывает: даже в условиях рыночной (то есть объективно детерминированной, например, через цену земли) экономики при выборе конкретных мест размещения тех или иных производственных объектов чисто личностные факторы (вроде случайного знакомства именно с этой территорией или наличия хорошей работы в данном поселении для жены менеджера и т. п.) играют важную, иногда определяющую роль. Что же тогда говорить об «объективно действующих факторах размещения» и «объективных закономерностях» в условиях экономики нерыночной! Изучение реальных механизмов принятия тех или иных решений о размещении в условиях нашей страны само по себе может составить отдельное, причем высоко конструктивное направление науки. Исследуя проблемы реконструкции подмосковных деревень, мы столкнулись с тем, что обстоятельства именно личного, субъективного порядка (например, «знакомства наверху») определяли в большинстве случаев выбор той или иной деревни для реконструкции, как и проведение тех или иных мероприятий в ходе ее осуществления. Так, в одной из деревень несколько новых домов буквально «втиснули» между кладбищем, животноводческими фермами и дорогой в нарушение всех существовавших проектов, в ущерб и жителям, и кладбищу, именно для того, чтобы они были хорошо видны с дороги проезжающему начальству.

«Организация пространства» таким путем, конечно, не преминула сказаться на «поведении» — из этих домов люди уезжают³. Взаимосвязи организации и «оформления» пространства (именно эти два смысла содержит в себе английское слово «design»; при переводе используется его общепринятый эквивалент, слово более емкое, многомерное) и поведения людей посвящена заключительная глава работы. В связи с этим нельзя не вспомнить, что взаимосвязь среды и поведения виделась само собой разумеющейся не только многочисленным теоретикам географического детерминизма, но и авторам проектов оптимального переустройства общества — все утописты видят идеальный социальный строй в рамках тех или иных конкретных форм пространственной организации, предусматривающих соответствующее им поведение. «В утопии Кампанеллы, — пишет исследователь проблемы в указанном аспекте Д. В. Панченко, — симметрия, систематизация, стандартизация становятся буквально тотальностью...» «В Городе Солнца, — цитирует указанный автор утописта, — женщины и мужчины всегда ходят отрядами и никогда поодиночке и всегда подчиняются начальнику без какого-либо недовольства». Глубоко изучив пространственные аспекты утопий от Платона до Фурье, Д. В. Панченко приходит к выводу, что территориальная организация утопических государств ориентирована не на ее потребителей, простых жителей, а отражает личные

¹ Каганский В. Л. Указ. соч., с. 13, 15.

² См. А. Д. Арманд, Указ. соч.; Веденин Ю. А., Филлипович Л. С. Опыт выявления пейзажного разнообразия природных комплексов. Географические проблемы организации туризма и отдыха, вып. 2, 1975, с. 39–47.

³ Зорин И. В., Федоровцева Т. А. Восприятие среды как интегральная доминанта рекреационного поведения. Рекреационная география СССР (аспекты развития и размещения). М., 1983.

⁴ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. Депонент. № 3734–79, ЛГУ, 1979, вып. 1–3, вып. 1, с. 69, вып. 2, с. 85. В 1989 г. вышла в свет отдельной книгой.

⁵ Изложение некоторых результатов этого исследования см. в: Чистобаев А. И., Иванов К. П., Макалова Н. Л. Демографические процессы в сельской местности Нечерноземной зоны РСФСР: закономерности и механизмы. Сельская местность: территориальные аспекты социально-экономического развития. Уфа, 1985, с. 38–49.

¹ Каганский В. Л. — Цит. по: «Изв. АН СССР, геогр.», № 6, 1988, с. 104.

² Преображенский В. С., Веденин Ю. А. Уроки развития теории рекреационной географии. — «Изв. АН СССР, Геогр.», 1988, № 2, с. 27–28.

³ Федуров С. В. Социально-географический анализ реконструкции «неперспективных» сельских поселений Московской области. Предплановые и проектные исследования расселения (экономико-географический аспект). М., МФГО, с. 56–66.

проблемы авторов утопий, которые занимают позиции творца и властителя, обеспечивающие им «переживание контроля над жизнью» обитателей утопии, наилучшим средством пространственного обеспечения которого является «идеальная урбанизация», позволяющая утопистам «упорядочивать желательным образом *все* пространство воображаемого мира»¹, который к тому же полностью регламентирован формами ее пространственной организации, сводящими к минимуму индивидуальную свободу поведения. Наоборот, подлинный гуманист Альберти, по словам В. П. Зубова, «нигде не рисует идеального города, а ограничивается советами для разных случаев»².

Увы, мы, переживающие, если воспользоваться словами Н. А. Бердяева, «кошмар осуществленных утопий», воочию ощущаем связь организации пространства наших городов и вынужденной несвободы поведения. А. Г. Раппопорт, анализируя характеристики тоталитарных сред, выделяет восемь культов, обуславливающих особенности их организации: единства и центра («однообразие застройки»); количества, науки, будущего («стройка как характерная черта ландшафта»); секретности («избирательность видения среды», «перегораживание пространства», «загрязнение среды»); анонимности, лицемерия и отчуждения³. Поскольку сейчас в нашей стране делаются серьезные попытки преодоления устаревших схем общественного устройства, совершаются шаги к расширению свободы мы должны активно принять тезис, подчеркиваемый Дж. Голдом, об угрозе использования дизайна среды для манипулирования поведением человека, ограничения его свободы.

Конечно, в любой общественной системе пространственная среда (всегда «слитая» со средой социальной) оказывает влияние на поведение. «Деревня, — пишет Франсуа Мориак, — навязывает нам свойственный ей самой сосредоточенный образ жизни... Даже в крупном провинциальном городе в полночь замирает вся жизнь. Тот, кому вздумается не спать, не найдет себе применения»⁴. О влиянии среды на поведение говорят и результаты эмпирических исследований: так, «чем меньшая площадь тротуара приходится на одного пешехода, тем выше доля быстро идущих людей, тем, стало быть, труднее идти медленно»⁵, «степень замкнутости пространства определяет характер его психологической оценки»⁶, многоэтажные панельные дома на селе, вызвав не обеспеченное возможностями изменение системы ценностей сельских жителей, способствовали увеличению оттока населения из деревень⁷.

Специалисты по организации пространства должны помнить, что человеку правится именно та среда, которая предоставляет наибольшее число вариантов поведения. Эмпирические исследования показывают, что «выше всего горожане ценят концентрацию разнообразных поведенческих возмож-

ностей в ограниченном, легко обозримом пространстве»¹. Именно нарушение основного принципа, защищаемого Дж. Голдом и всей гуманистической наукой, — необходимости ориентации на *конкретного* потребителя и обеспечение его *контроля* во всех ситуациях, его, потребителя, касающихся, в том числе организации среды обитания, приводит, по мнению М. Э. Хейдметса и Ю. А. Круусвалла, к возникновению основной проблемы, следствием которой являются многочисленные коллизии современной городской жизни в нашей стране, которую они формулируют как «*оторванность сферы средообразования от сферы средопользования*». Жители не участвуют в формировании среды. Ключ к решению проблем, считают эти социологи, в восстановлении связей этих сфер. На основании анализа массовых социологических исследований они разрабатывают и важнейшие конкретные направления решения существующих средовых проблем: переход к малоэтажной застройке, уменьшение числа квартир в домах, отграничение придомовых пространств (переключки с идеями «защищаемых территорий», описанных в этой книге), отказ от «свободной планировки», создание мест общения и учреждений обслуживания, предназначенных для данного соседства, обеспечение ориентации планирования развития города не на районы, кварталы или дома, а на *реальные социальные единицы* (семья, соседство и т.д.), которые должны иметь возможность изменять среду окружения в соответствии со своими представлениями².

Необходимо такое «углубление смысла проектирования, в котором оно приводится в связь со стихийной ценностных помыслов и замыслов, с пространствами образов жизни и протеканием ее по разным жизненным путям, с разной исторической сюжетикой жизнетворчества»³, организуя пространство, как учил Н. Ладовский, лидер школы «рационалистов» двадцатых годов, с точки зрения восприятия его человеком, бережно относясь к «пространственной структуре города»⁴.

Поиски нового проектирования среды, понятой в «человеческом» измерении, как единой с «субъектом» самоорганизующейся системы, описывает В. С. Глазычев, вместе с коллегами пытающийся создать «проект особого рода — не матрицу для воспроизведения, а образец понимания и переживания целостности городской среды, погружаемый в самоощущение города... для нас город — не объект преобразований, привносимых извне, а субъект, способный к преобразованию изнутри, если запустить процесс самоорганизации»⁵.

Концепции самоорганизации популярны сейчас и в географии, которая издревне занималась — на своем уровне и в рамках своей традиции — изучением взаимоотношений организации пространства и поведения людей, изучая, например, территориальные особенности миграций. Однако психология человека присутствовала в географии неявно, быть может, даже неосознанно, как, например, в известных теориях В. Кристаллера и А. Леша, критику и современную модификацию которых читатель найдет в книге Д. Голда. Концепция «поляризованной биосферы» Б. Б. Родомана уже прямо учитывает и ориентируется на определенный рисунок и характер

¹ Панченко Д. В. Ямбур и Кампанелла (о некоторых механизмах утопического творчества). — Античное наследие в культуре Возрождения. М., Наука, 1982, с. 98–110; Его же. Утопический город на исходе Ренессанса (Дони и Кампанелла). — Городская культура. Средневековые и начало нового времени. Л., Наука, Лен. отд., 1986, с. 75–97.

² См.: Альберти Л. Б. Десять книг о зодчестве. М., 1937, т. 2, с. 445.

³ Раппопорт А. Г. К эстетике тоталитарных сред. — Городская среда. Докл. уч.-конф. М., ВНИИТАГ и СА СССР, ч. 1, с. 78–86. Влияние архитектурной среды на человека рассматривается в: Забелшанский А. Г., Минервин А. Г., Раппопорт А. Г., Сомов Г. Ю. Архитектура и эмоциональный мир человека. М., Стройиздат, 1985, 208 с.

⁴ Франсуа Мориак. Не покоряться ночи... Пер. с фр. М., «Прогресс», 1986, с. 109–110.

⁵ Пиир Р. М. Исследование пешеходного движения на улицах центральных районов крупнейших городов. Дисс. уч. степ. канд. техн. наук. М., 1971, рис. 33.

⁶ Митягин С. Д. Человек идет по кварталу... — «Строительство и архитектура Ленинграда», № 9, 1979, с. 23.

⁷ Иконников А. В. Сельский образ жизни, типы поселений и структура предметно-пространственной среды. — Труды ВНИИТЭ. Техн. эстетика, вып. 18. М., 1983, с. 20–26.

¹ Каганов Г. З. Пространственные образы городской среды. — Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет., вып. 40. М., 1983, с. 20.

² Хейдметс М. Э., Круусвалл Ю. А. Два пути оптимизации среды жизнедеятельности в городе. Антропоэкологическая оценка и формирование оптимальной городской среды. Л., 1988, с. 73–77.

³ Генисаретский О. И. Воображение и ценностные взаимосвязи образа жизни и предметной среды. — Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет., М., 1987, с. 29.

⁴ См.: Хан-Магомедов С. О. Две концепции архитектурного пространства на этапе становления советского дизайна. — Труды ВНИИТЭ. Техн. эстет., вып. 29, 1981, с. 104.

⁵ Глазычев В. С. Елабуга в проекте отражении. — «Знание — сила», 1986, № 7, с. 10–117.

пространственных перемещений¹, а исходные параметры построений Г. А. Гольца, базирующихся на нескольких выявленных константах, по его словам, «сняты с человека»². С такой же ориентацией построена одна из последних концепций территориальной организации системы расселения, где делается попытка понять последнюю, в частности, «через выделение четырех уровней территориальной иерархии системы расселения и проследивание их взаимосвязи с иерархией деятельности человека»³.

Существуют и более широкие направления, в рамках которых «процесс регионального развития планируется с позиций всестороннего изучения потребностей и ценностных ориентаций населения»⁴.

А. И. Трейвиш подчеркивает необходимость изучения культуры поведения, «в том числе пространственного», для понимания характера территориальной дифференциации «результатов деятельности» человека⁵. А по мнению Т. В. Райтвиль, именно характер образа жизни, то есть феномена, имеющего ряд важнейших психологических составляющих (влияющих и на стереотип поведения, и на систему ценностей, и на особенности жизнедеятельности в пространстве), сложившийся в том или ином месте, во все большей степени начинает определять и размещение производства⁶. Понимание того, что «человек и его поведение становятся движущей силой, которая влечет за собой изменения во всех общественных сферах», в значительной степени определяя и особенности пространственного развития⁷, что «пространственные закономерности жизнедеятельности также объективны и имеют такое же значение, как и природная дифференциация»⁸, постепенно утверждается и в советской географии.

Познакомившись с этой книгой, читатель увидит не только систематизацию психологической проблематики в географии, но и продвигается вместе с автором через конгломерат исследований к пониманию того, как человек научается воспринимать пространство, каковы особенности представлений, которые определяют поведение людей в реальном мире, в чем заключается специфика пространственного и средового поведения, и, вернувшись в итоге к рассмотрению старых географических сюжетов, сможет взглянуть на них с непривычной точки зрения, позволяющей получить подлинно новые знания.

Появление работы Джона Голда на русском языке, надо надеяться, будет способствовать развитию и кристаллизации многочисленных, как мы увидели, попыток применения достижений психологии и близких ее дисциплин в отечественной науке, конечно, с учетом специфики СССР.

Федулов С. В. канд. геогр. наук

¹ Родман Б. Б. Организованная антропосфера. — «Природа», 1967, № 3; Его же. Поляризованная биосфера (принципы размещения человеческих поселений с минимальным ущербом для окружающей природы). Городская среда и пути ее оптимизации. М., 1977, с. 193–208.

² Гольц Г. А. Аналитическое выражение деятельности территориальных взаимодействий. Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР. Таллинн, 1987, с. 18. См. также: Его же. Транспорт и расселение. М., «Наука», 1981, с. 248.

³ Мячин В. А. Формирование и территориальная организация системы расселения в масштабе страны (на примере СССР). — «Изв. АН СССР. Геогр.», 1988, № 4, с. 63–74.

⁴ Столбов А. Г. О формировании территориальных социально-экономических систем. — «Изв. ВГО», 1988, т. 120, вып. 4, с. 373; Липец Ю. Г. Цикл работ по исследованию региональных систем (по материалам сборников трудов ВНИИСи). — «Достижения и перспективы». М., 1983, вып. 37, «Региональные системы», № 3, с. 98–103.

⁵ «Изв. АН СССР. Геогр.», 1988, № 6, с. 103.

⁶ Райтвиль Т. В. Производство — расселение — образ жизни: преобразование подходов. Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР. Таллинн, 1987, с. 159.

⁷ Кюммель Т. Закономерности территориальной эволюции населения городских агломераций: возможности управления и саморегуляции. Город: вопросы социального развития. Вильнюс, 1987, с. 52.

⁸ Зайончковская Ж. А. Взаимодействие социально-экономической и физической географии: дифференциация пространства. — «Изв. АН СССР. Геогр.», № 6, 1988, с. 86.

Предисловие

Задача этой книги — дать обзор недавно появившейся научной дисциплины — поведенческой географии. Работая над ее выполнением, я постарался рассмотреть все наиболее важные и типичные работы этого направления, увидевшие свет к началу 1978 г., а также нарисовать максимально точную картину его основных тенденций, обозначившихся к этому времени.

Сначала книга замышлялась как учебник. Я постоянно чувствовал потребность в нем, сталкиваясь с многочисленными трудностями в ходе преподавания поведенческой географии группе студентов Оксфордской Политехнической Школы, когда необходимо было направлять их в потоке сложной научной литературы, не имея никакого учебного пособия по этому курсу. Поэтому я рассматривал этот текст в качестве конспекта книги, которая могла бы быть использована для проведения специализированных семинаров по поведенческой географии или в более широких курсах, посвященных исследованию взаимосвязей человека и среды окружения, — в географии или в родственных ей дисциплинах. Естественно, я хотел бы надеяться, что эта книга будет интересна и специалистам, однако с самого начала необходимо подчеркнуть, что она не содержит исчерпывающего обзора литературы по затрагиваемым в ней проблемам или подробного анализа методов исследований, что обычно является естественным требованием таких читателей. Я также не стремился написать справочное руководство для тех, кто занимается проектированием среды обитания. Поведенческая география, безусловно, содержит значительный конструктивный потенциал. Однако отличительной чертой географов слишком рано стала ошибка претендовать на многое. Нельзя порицать проектировщика за то, что он не использует достижений географии, когда в самих географических работах мало содержится практических рекомендаций. Говоря это, я ни в коем случае не полагаю, что специалисты по поведенческой географии должны отказаться от использования своих разработок для перспективного проектирования. Этим я только хочу подчеркнуть, что если они действительно возьмут на себя ответственность и пожелают вносить реальный вклад в решение проблем перспективного развития, то им придется основательнее овладеть теорией и методами планирования. Несмотря на искренний интерес и желание географов именно так и поступать, знаний в указанной сфере им все еще не хватает. Итак, несмотря на то что дальше я очерчу те области, где специалист по поведенческой географии мог бы внести свою лепту в формирование политики социального развития, я не собираюсь выражать ложных восторгов по поводу того реального вклада, который сделан пока поведенческой географией в эту сферу деятельности.

Ответственность за все ошибки и оплошности полностью лежит на мне, что, однако, не может помешать мне поблагодарить тех людей, которые добровольно делились со мной своим временем и знаниями, когда я писал

эту книгу. Я имею в виду Майка Барка, Дерека Элсома, Гюнтера Гэда, Брайана Гуди, Боба Холла, Хезера Джонса, Петера Кийна, Сью-Анн Ли, Дэвида Пеппера, Брайана Селби, Ивэна Шеферда, Жаннет Спенсер и Кена Вестгейта. Джон Коин и Джон Маусон предоставили в мое распоряжение бесценные неопубликованные материалы. Особенно благодарен я за постоянную помощь и поддержку Алану Дженкинсу, Яану Куку, чья сердечная щедрость помогала поддерживать интерес к исследованию в трудные периоды, Дэвиду Спенсеру, который помог оформить первоначальные идеи, Эндрю Скаллеру из «Оксфорд юниверсити пресс», чье тепение испытано мною до предела, а также Денису Кастроу, написавшему восьмую и составившему черновой вариант, из которого была сделана одиннадцатая глава. Всячески благодарю Маргарет за то, что она вытерпела общение со мной в этот период. Еще до того, как я нашел способ попросить ее перепечатать все это, она критически и конструктивно комментировала текст, сообщала о недостатках моего литературного стиля, а также привлекала внимание ко многим работам, о которых я ранее не знал. Наконец, эта книга посвящается моим родителям, в знак благодарности, которую я искренно испытываю, но слишком редко выражаю.

Джон Р. Голд,
«Гималайский пейзаж»,
октябрь 1978

Часть первая

Основные идеи

Глава 1.

Введение

Итак, одна из аномалий нашего времени состоит в том, что способы рассуждений, при помощи которых мы принимаем самые ответственные наши решения и при помощи которых мы стремимся определять политическое и социальное, остаются неопределенными, а следовательно, неподвластными интеллектуальному контролю и самокритике.

Карл Мангейм. Идеология и утопия

В конце шестидесятых годов стало модным утверждать, что географические знания находятся на пороге «поведенческой революции», которая должна коренным образом изменить традиционную субъект-объектную точку зрения на взаимоотношения человека и среды его непосредственного окружения. Идея о революционном изменении была, по существу, взята из работ философа Т. Куна (Kuhn, 1962), и именно на нее опирались многие авторы при описании воздействия количественных методов и работ по методологии науки на географию. Коротко говоря, Кун предположил, что изменения в науке происходят не эволюционным путем, а через революцию. Научное исследование всегда проводится в рамках широко признанных базовых принципов, именуемых парадигмой. И вот наступает время, когда признанная парадигма начинает противоречить принципиально новым идеям, которые встроить в нее оказывается невозможно. Эта «крамола», при условии ее широкого одобрения, приводит к уничтожению старой парадигмы и утверждению вместо нее новой, которая в свою очередь становится системой базовых принципов научного исследования, пока в конце концов также не отвергается.

Здесь не место для споров о том, является ли внедрение количественных методов действительно революцией в географических знаниях, однако ясно, что все предположения о наступлении «поведенческой революции» были в лучшем случае преждевременными. На самом же деле стали появляться и укрепляться некоторые новые подходы, имевшие целью углубить географическое объяснение путем более полного понимания процессов, определяющих поведение человека в реальном мире. Внедрение этих подходов, безусловно, является значительной вехой в развитии географических знаний, но вряд ли представляет собой научную революцию.

Данная работа посвящена одному из наиболее многообещающих среди этих подходов, а именно **поведенческой географии**. Поведенческая география — это проявление в географии бихевиоризма, основного научного направления, выделившегося в социальных науках в последнее время из дисциплин, занимающихся изучением поведения (Berelson, 1968). Сам по себе «бихевиоризм» — это термин, достаточно просто определяемый, он характеризует скорее подход или особую точку зрения, чем специфический предмет исследования (Hurst, 1974). Цель бихевиоризма — заменить упро-

ценные и механистические концепции, характерные для многих прежде существовавших теорий о взаимоотношениях человека и среды, новыми представлениями, открыто признающими сложность человеческого поведения. Сторонник бихевиоризма рассматривает исследуемых людей мыслящими существами, чьи действия опосредованы когнитивными процессами (где когнитивность определяется как совокупность мыслительных процессов, при помощи которых люди усваивают, организуют и используют знания и информацию). Следовательно, бихевиориста интересуют способы адаптации людей к физической и социальной среде, а также факторы, влияющие на взаимосвязи их мыслей и поступков. Однако, исходя из названных посылок, бихевиорист исключает допущение, согласно которому любые решения человека основываются на строгой последовательности рациональных представлений и систематической оценке всех доступных сведений. Бывает, что мы почти рабски реагируем на проявление среды, а в других случаях принимаем излишне осторожные и сверхпредусмотрительные решения. Бихевиориста интересует полный спектр наших реакций — от подсознательных импульсов до действий, продиктованных осознанной необходимостью.

В свете сказанного термин «поведенческая (бихевиористская) география» можно рассматривать как крайне обобщенное обозначение [1] той ветви географии, в которой при изучении взаимоотношений человека и окружающей его среды применяется бихевиористский подход, а объяснение пространственных аспектов поведения рассматривается в первую очередь через анализ когнитивных процессов, лежащих в основе поведения. Подход, обычно используемый специалистами по поведенческой географии, имеет четыре характерные особенности.

Первая. Утверждается, что сами представления человека о внешних факторах его поведения, с учетом которых он совершает те или иные поступки, могут значительно отличаться от реальных внешних обстоятельств той самой среды, в которой разворачивается деятельность человека. Можно даже сказать, что пространство имеет двойственный характер: «объективной среды», или мира действительности, которую можно непосредственно измерить при помощи тех или иных средств, и «поведенческой среды», или мира сознания, поддающейся изучению лишь косвенным путем. Сколь бы неполной или выборочной ни была поведенческая среда, именно она, как и следует из ее названия, является основой принятия решений и совершения тех или иных поступков.

Вторая особенность. Специалисты по поведенческой географии утверждают, что при исследованиях необходимо отчетливо осознавать тот факт, что каждый индивид формирует свою особую социальную и физическую среду и именно на нее реагирует. На протяжении многих лет при географическом анализе рассматривались главным образом пути, посредством которых физическая среда влияет на человека. Очевидно, однако, что это лишь часть проблемы. Понятие «среда» нуждается в расширении, поскольку в него должна быть включена и социальная среда, в которой обитает индивид. Возможно, еще более значимой является необходимость осознания, что действия любого человека сами могут влиять на среду, сколь бы незначительным или нечаянным ни было это влияние. В свою очередь возникающие при этом изменения среды могут создавать обстоятельства, требующие нового набора ответных поступков либо непосредственно от субъекта воздействия, либо от других людей. Таким образом, тот или иной поступок часто не является конечным результатом цепи событий, но служит причиной новых.

Третья особенность. Поведенческая география в основном фокусирует свое внимание на индивиде, не стремясь к изучению проблем на уровне

социальной группы. При неоспоримых выгодах подобной стратегии для географического объяснения необходимо помнить о существующей в таком случае опасности «психологизма», то есть заблуждения, суть которого состоит в том, что социальные явления объясняются только при помощи фактов и теорий, относящихся к характеристикам сознания индивидов (Mills, 1970). Угроза чрезмерной психологизации поведенческой географии, безусловно, существует (Ley, 1977). Опасность этого, однако, снимается точной оценкой влияния, оказываемого на представления и поведение человека социокультурными факторами. Любой анализ, игнорирующий эти факторы, будет столь же неполон, как и тот, при котором рассматриваются лишь межгрупповые взаимодействия и динамика групп, а изучением индивидуальных представлений и индивидуального поведения пренебрегают. Поведенческая география, как мы уже отмечали, не является единственным из существующих в географии подходов, ориентированных на изучение процессов (мышления) при рассмотрении отношений человека и среды. Она должна скорее дополнять подходы, принятые, скажем, в социальной, политической или культурной географии. Признание того факта, что поведенческая география наряду с достижениями имеет и недостатки, а также того, что наступят времена, когда ее специфические концепции и методы, ее точка зрения будут более применимы, чем теперь, не является признаком ее слабости.

Четвертой ясно различимой особенностью поведенческой географии является ее междисциплинарный характер. Являясь сравнительно новым ответвлением бихевиоризма, поведенческая география обращается к другим дисциплинам главным образом для получения первоначального понимания процессов поведения (даже сейчас, когда налицо признаки взаимных междисциплинарных обменов). Согласно своему названию, она много внимания уделяет усвоению уроков, находимых в литературе по психологии и дисциплинам, изучающих поведение, однако важные идеи черпаются ею и из таких наук, как социология, антропология, планирование, архитектура и этология¹, каждая из которых пережила время сильного влияния бихевиоризма (Gold, 1978). Таким образом, развивая контакты, необходимо соблюдать определенные предосторожности. Нельзя просто открыть учебник по другой дисциплине, выбрать из него то, что лучше всего подходит для решения рассматриваемой в данный момент проблемы, и затем немедленно использовать это в контексте географических исследований. Чтобы воспользоваться идеями таким незамысловатым способом и избежать при этом чрезмерной платы за их получение и за те оговорки, которыми сопровождается их применение, необходимо преодолеть соблазн выполнения ложных исследований, тормозящих прирост знаний, а не способствующих ему. Эта проблема не нова для географии — дисциплины, которая всегда включала в свой методологический багаж много заимствований из других наук [2]. Но сейчас, по-видимому, она стала острее, чем когда бы то ни было, поскольку спектр привлекаемых знаний сегодня намного шире.

Именно поэтому цель первой части книги заключается в обзоре основных материалов, которые составят фундамент последующего анализа. Во второй главе рассматриваются основные способы, традиционно использовавшиеся психологами при анализе поведения, а затем в общих чертах характеризуется возникновение «экологической психологии» — отрасли психологии, с которой поведенческая география имеет тесные связи. В этой же главе определяются пять компонентов психологии человека, имеющих большое значение в дальнейшем изложении: восприятие, когнитивность, мотивация, эмоции и установки. В главе третьей обсуждаются модели

¹ Этология — наука, изучающая поведение животных — Прим. пер.

человеческого поведения, явно или неявно использовавшиеся географами и ранее. В ней содержится обзор концепций среды, основных этапов поведенческой географии, а также обзор необходимых компонентов парадигмы, объясняющей пространственные представления индивида и его поведение в пространстве. Эта парадигма положена в основу последующих частей работы.

Во второй части рассматривается развитие пространственных представлений у человека. В четвертой главе анализируется понятие «пространственная информация» и обсуждаются способы и каналы, при помощи которых индивид получает такую информацию из среды своего окружения. В пятой главе комментируется широкий набор влияний, формирующих пространственные представления. Она содержит также разделы, касающиеся роли инстинктов в процессе научения (через прогрессирующие стадии которого ребенок усваивает пространственные знания) и значения социокультурных факторов в этом процессе.

В третьей части рассматриваются результаты работ, направленных на установление природы и характеристик пространственных представлений. Эти работы разделены по четырем основным областям исследовательской деятельности. В главе шестой комментируется понятие территориальности и анализируется его значение как аналога при изучении представлений человека о микропространстве. В главе седьмой содержится перечень литературы, посвященной пространственным представлениям о городе, расчлененный по основным разделам. В восьмой главе исследуется опыт изучения восприятия ландшафта. Это исследование дополняется анализом представлений о микропространстве (на региональном и глобальном уровнях) в главе девятой.

Часть четвертая завершает картину поведенческой географии изучением связей между пространственным знанием и пространственным поведением. Глава десятая посвящена городу как среде жизнедеятельности. В двух последующих главах рассматриваются проблемы, связанные с природной средой, поведением человека в естественных природных условиях: в одиннадцатой – поведение в различных видах ландшафтов и их оценка, а в двенадцатой – реакции человека на стихийные бедствия. Глава тринадцатая посвящена деятельности по принятию решений о размещении, что особенно интересно географам. Главное внимание уделяется исследованию связей между пространственными предпочтениями и выбором мест размещения промышленных объектов. Глава четырнадцатая затрагивает тему, представленную во многих излагаемых дискуссиях, а именно до какой степени возможно контролировать пространственное поведение человека через формирование непосредственной среды окружения с учетом специфических представлений (образов) человека. Глава пятнадцатая завершает книгу. В ней подводятся итоги развития поведенческой географии к настоящему времени, при этом отмечаются как ее достижения, так и нерешенные проблемы, до сих пор существующие в этой области.

Глава 2

Некоторые понятия и основные направления психологии

Можно сказать, что психолог – это человек, который ходит в театр Фоли-Берджер только для того, чтобы посмотреть на публику.

Неизвестный автор

Принимая во внимание тот факт, что на ранних стадиях своего развития поведенческая география многое заимствовала из теории и методики психологии, естественным началом нашего исследования будет краткий обзор соответствующих компонентов психологической науки. В начале главы производится анализ подходов различных школ экспериментальной психологии в исторической ретроспективе и обозначаются некоторые важные дискуссионные проблемы. В следующем разделе обсуждается появление экологической психологии – отрасли психологической науки, в которой значительное внимание уделяется исследованию непосредственной среды окружения, являющейся объектом традиционного интереса географов. В заключительном разделе в рассмотрении вводятся пять параметров умственной деятельности, имеющих большое значение для понимания взаимоотношений индивида и среды его окружения, а именно: восприятие, когнитивные процессы, мотивации, эмоции и установки¹.

Традиция лабораторных исследований в психологии

Какой бы единой ни выглядела психология для постороннего наблюдателя, очень нелегко кратко резюмировать разнообразные теоретические, методологические и эмпирические подходы и разработки, составляющие ее содержание. Чаплин и Кравек (Chaplin, Krawiec, 1974) установили три широкие области разногласий относительно природы психологического исследования. Во-первых, ведется спор о том, является ли психология чисто общественной или чисто естественной наукой, сопровождающийся приведением философских и методологических доказательств, зависящих от позиции спорящего. Во-вторых, имеются различия между теми, кто рассматривает психологию как номотетическую науку, нацеленную на установление общих законов и принципов, руководящих мыслительными процессами и поведением, и теми, кто отстаивает идеографический взгляд на психологию, согласно которому главное внимание следует уделять достижению максимального понимания конкретных специфических явлений или индивидов. В-третьих, до сих пор остается дискуссионным вопрос, должна ли психология концентрировать основное внимание на исследовании поведения или же главным ее интересом необходимо признать изучение внутренних процессов, определяющих деятельность человеческого интеллекта.

Приведенные различные точки зрения не разделены непроходимой пропастью, однако они действительно указывают на некоторые устойчивые темы научных споров в психологии. Они также высвечивают проблему установления адекватного определения психологии как науки. В том изложении, которое приводится далее, психология в широком смысле понима-

¹ Также – «позиции», «отношение к», «предпочтения» («attitudes»).

Таблица 2-1

Ученые, внесшие наибольший вклад в становление и развитие пяти главных «школ» психологии

1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950
Структурализм								
Вундт								
Титчинер								
Функционализм								
Джемс			Дьюи	Эйнсворт	Карр	Матнох	Милтон	Андервуд
Вулворт								
Бихейвиоризм								
Уотсон								
Хантер								
Скиннер								
Мейер Вейс								
Толман								
Халл								
Миллер								
Спенс								
Гештальттеория								
Уртхеймер								
Келер								
Коффка								
Психоанализ								
Бройер								
Фрейд								
Адлер								
Ранк								
Джонс								
Хорни								
Сюлливан								
Фромм								
Юнг								
Ференчи								

Источник: Marx, Hillix (1973, 86).

ется как дисциплина, в рамках которой исследуются «взаимоотношения между предшествовавшими условиями [среды. — *Ред.*] и событиями и поведением организмов» (Marx, Hillix, 1973, 44), где в «предшествовавшие условия и события» включаются все аспекты умственной деятельности. Таким образом, в психологии рассматриваются и поведение и сознание. Однако в этом случае остается неясным, каким путем особенности сознания связаны с тем или иным характером поведения.

Рассмотрение истории психологии ярко иллюстрирует существующие в ней дискуссионные вопросы. Согласно табл. 2-1, в первые годы существования этой дисциплины в ней имелись различные последовательные школы научных представлений [1]¹, которые стоит рассмотреть более подробно.

Структурализм. Структурализм², первая из этих школ, появился в 70-е гг. прошлого столетия. Основанный немецким психологом Вундтом, структурализм явился мостом между донучными исследованиями природы умственной деятельности человека и современной психологией. Основное внимание структуралисты уделяли изучению сознания и осознанных процессов — цельности мыслей и чувств. Они пользовались давним философским методом интроспекции (самонаблюдения). Главным методологическим новшеством было то, что интроспекция осуществлялась квалифицированными аналитиками в специально созданных лабораториях, посредством чего надеялись достичь контролируемости условий проведения эксперимента. Опираясь на эту основу, исследователь был нацелен на исследование разума при помощи классических процедур анализа и синтеза, через установление «основных неизменяемых компонентов» и последующее нахождение связей между ними.

В конечном итоге структурализм просуществовал недолго. Его объективность отвергалась другими учеными, ставившими под сомнение пригодность самонаблюдения как методологической основы и утверждавшими, что психологи должны уделять больше внимания исследованию поведения. Несмотря на это, он оказал глубокое влияние на развитие психологии путем создания традиции эксперимента и, что, возможно, не менее важно, разработкой ортодоксальной теории, вызвавшей поток критических откликов других ученых, что содействовало развитию науки.

Функционализм. Функционализм явился одним из таких откликов. Вдохновляясь эволюционной теорией Чарльза Дарвина и прагматической философией Уильяма Джемса [2], сторонники этой американской школы психологии стремились рассмотреть разум с точки зрения выполняемых им функций в процессе адаптации к окружающей среде. Функционалисты утверждали, что при помощи структурного анализа невозможно определить в высшей степени личностные особенности сознания данного индивида. Они предложили рассматривать умственную деятельность в виде «потока сознания», опираясь на который индивид непрерывно стремится достичь наилучшего приспособления к данным обстоятельствам. По словам ведущего функционалиста, разум ориентирован на «приобретение, закрепление, сохранение, организацию, а также оценку всего происходящего с человеком и его последовательное использование сообразно с внешним поведением» (Carr, 1925, 1.) Подобным же образом поведение виделось мотивированным, прежде всего через стремление улучшить приспособление к среде непосредственного окружения, и рассматривалось как поток стимулов и реакций. Но это не простая цепочка «стимул — реакция», вызывающая ассоциации с бихевиоризмом (см. ниже), а непрерывный процесс, при

¹ Цифры в квадратных скобках указывают порядковый номер авторских примечаний, помещенных в конце книги.

² Не путать со структурализмом — научным подходом, получившим известность в XX веке. — *Прим. ред.*

описании которого термины «стимул» и «реакция» используются как абстракции, отражающие функцию того или иного события в потоке поведения. Конечное состояние (реакция) одной цепи актов поведения может служить началом (стимулом) другой цепи поведения (Neel, 1971).

Бихевиоризм. Несмотря на то, что характерными чертами бихевиоризма являются редукционизм структуралистской психологии и некоторые философские идеи, близкие функционализму, бихевиоризм целесообразнее рассматривать как негативную реакцию на обе ранее существовавшие школы, поскольку, согласно этому учению, сознание вообще не должно интересовать психологов. Для бихевиористов психология является научным исследованием поведения, законно ограниченным только тем, что можно почувствовать и измерить либо сейчас, либо в ближайшем будущем. Поведение складывается из цепочек «стимул—реакция» (С—Р), при рассмотрении которых образование специфических реакций связывалось с непосредственно предшествовавшими им условиями. Утверждалось, что связь реакции со стимулом происходит при помощи рефлексов или, другими словами, посредством действий, происходящих независимо от воли индивида. Эти реакции могут быть инстинктивными, но гораздо чаще они формируются через научение, в ходе которого происходит закрепление такого положения, когда верная реакция, появившись однажды, затем появляется всегда, когда действует соответствующий стимул [3]. Доходили до утверждения, что даже случаи наисложнейшего поведения или примеры поразительного проявления творческой мощи человека также могут быть объяснены по изложенной схеме. Задача бихевиориста состоит в том, чтобы разгадать цепь С—Р отношений и объяснить таким образом поведение.

Бихевиоризм представлял собой радикальный отход от учений, призывавших психологов исследовать разум человека. Его сторонники считали, что изучение умственной деятельности ненаучно, и отстаивали взгляд на человека как на существо, безропотно реагирующее на стимулы окружающей среды. Крайности бихевиоризма, однако, весьма соответствовали духу своего времени. В конце XIX—начале XX в. во многих естественных и общественных науках явно или неявно преобладали крайне упрощенные модели поведения. Бихевиоризм был современником «географического детерминизма» и концепций, опирающихся на понятие «массовое общество» в социологии, а также теорий «экономического человека» в классической политэкономии. В всех этих теориях поведение рассматривается с точки зрения применимости к нему закономерностей причинно-следственного характера, согласно которым индивид пассивно воспринимает воздействия внешней среды и столь же пассивно реагирует на диктат внешних обстоятельств. Рассмотрению случаев проявления свободы воли, а также действия социальных и культурных факторов уделялось весьма незначительное внимание.

Таким образом, бихевиоризм вполне отвечал преобладавшим тогда представлениям о подлинно научной дисциплине. Однако это не единственная причина его былого успеха. Бихевиоризм подсознательно привлекал психологов тем, что он устранил из психологии многие сложные проблемы, избавляя от необходимости исследовать таинственные процессы умственной деятельности и заменяя действительно существующие явления их призрачными проявлениями (Miller, 1962). Кроме того, бихевиоризм давал четкие основания для программы соответствующих эмпирических исследований. Впрочем, парадокс состоял в том, что школа, столь подчеркнуто концентрировавшая свое внимание на изучении поведения, для выявления эмпирических закономерностей черпала лишь весьма немногое из наблюдения реального поведения людей. Основатель бихевиоризма Дж. Б. Уотсон, как и наиболее известный современный специалист в этой области Скиннер

[4], осуществлял массовые наблюдения за поведением животных. Основным методическим приемом бихевиористов было использование полученных в результате лабораторных экспериментов над животными данных для непосредственного объяснения поведения людей. Кестлер (Koestler, 1975, 17) указал на порочность такой методологии, применяя которую бихевиористы «заменяют антропоморфизм, то есть приписывание животным свойств и чувств человека, обратным заблуждением—отрицанием тех способностей человека, которых нет у животных; вместо былого антропоморфного взгляда на крыс они предлагают крысоморфный взгляд на человека». В конце концов, сторонники бихевиоризма стали являть собой отличный пример людей, готовых пересмотреть все основания собственной жизни для подтверждения справедливости задуманной ими элегантно теории. Если говорить о том, почему современная психология весьма чужда духу бихевиоризма, то следует сказать, что, во-первых, бихевиоризм крайне упрощенно воспринимает поведение человека и что, во-вторых, даже если признать целесообразной методикой по распутыванию отношений типа С—Р, из нее никак не следует необходимость признания теории, объясняющей все через указанные отношения. Кроме того, социально озабоченные психологи весьма подозрительно относятся к открыто провозглашаемой бихевиористами задаче—научиться предсказывать поведенческие реакции на те или иные внешние стимулы,—с тревогой говоря об угрозе умышленного манипулирования поведением (Lee, 1976).

Гештальтпсихология. Развитие гештальтпсихологии, также возникнувшей как негативная реакция на структурализм, пошло существенно иным путем. Гештальтпсихология явила собой протест против редукционистского анализа и примитивизма бихевиористов. Сторонники гештальтпсихологии настаивали на необходимости рассматривать психологию человека во всей ее сложности, а также вновь включить анализ умственной деятельности в сферу психологической науки. Центральным понятием гештальттеории было восприятие, рассматривавшееся в качестве переменной, опосредующей формирование реакции на данный конкретный стимул. Считалось, что восприятие происходит в соответствии с врожденными способностями, благодаря которым импульсы внешней среды слагаются в особым образом организованные формы, или устойчивые цельности («гештальты») [5]. Поведение опосредовано процессами восприятия, причем внешними детерминантами поведения выступают не сами воздействия физической среды, но те пути, посредством которых происходит восприятие этих воздействий.

Стиль исследований, принятый сторонниками гештальтпсихологии, был заимствован у философов немецкой школы феноменологии, последователи которой выступали против редукционистского сциентизма западной науки, подчеркивая, что воздействие, производимое тем или иным явлением, может быть постигнуто лишь путем сочувственного понимания, основанного на холистическом описании [6]. Сторонники гештальтпсихологии считали, что целое—больше суммы его частей. Поэтому бессмысленно пытаться разложить гештальт на составляющие его компоненты, поскольку таким путем невозможно получить объяснение процесса восприятия в целом. Вместо этого они выдвинули программу исследований, в рамках которой процессы мыслительной деятельности изучались путем составления описания на холистическом, или молярном, уровне.

Идея о том, что человек в своем поведении опирается скорее на воспринимаемый, чем на действительно существующий мир, была важной составляющей гештальттеории. Коффка (Koffka, 1935, 36) хорошо показал разграничение двух названных миров, а также последствия этого для поведения человека, используя шведскую средневековую легенду о путнике,

заблудившемся в снегах: «Вьюжным зимним вечером, после многих часов блужданий по продуваемой ветром равнине, все тропки и ветки которой оказались покрыты плотным слоем снега, всадник увидел освещенные окна фермы и, радуясь обрести наконец кров над головой, направился к ней. Хозяин, встретивший его на пороге, с удивлением спросил незнакомца, откуда он прибыл. Путник указал вдаль, по направлению прямо от фермы, после чего фермер с ужасом и изумлением в голосе произнес: «Да знаете ли вы, что пересекли сейчас озеро Констанция?» Услышав это, путник замертво упал к его ногам» (цит. по: Craik, 1970).

Легко заметить различие между «объективно существующей» средой скрытого под толщей снега озера Констанция и «поведенческой» средой завьюженной равнины, реально существующей для путешественника. Пересекая озеро, путник вел себя так, как если бы оно было просто частью суши, но трудно представить, что бы стал он делать, если бы вдруг узнал истинное положение вещей! Предполагая существование субъективного «мира в сознании», сторонники гештальтпсихологии дают нам идею, являющуюся фундаментальной для понимания поведения людей в реальном мире. И хотя далее будет специально подчеркнуто, что образование поведенческой среды в большей мере является продуктом процесса научения, чем результатом действия врожденных способностей человека, обеспечивающих восприятие, отсюда следует более общий вывод. Гештальтпсихология имеет непреходящее значение не потому, что она является строгим набором принципов, объясняющих умственную деятельность и поведение, а благодаря той роли, которую она сыграла, генерируя гуманистический подход к рассмотрению различных психических процессов, нейтрализуя этим крайности бихевиоризма. Хотя гештальтпсихология, имея довольно ограниченную сферу влияния, все еще существует как в форме ортодоксального учения, так и в виде теории поля [7], методологические слабости ведут к непрерывному снижению ее значения как систематической школы психологической науки.

Психоанализ. Строго говоря, психоанализ является самостоятельной научной дисциплиной, однако его воздействие на психологию было таково, что большинство ученых рассматривает психоанализ в рамках обсуждения развития теории этой науки. Действительно, фрейдистская психоаналитическая теория имела, вероятно, столь же сильное влияние на развитие психологии, как и учение Дарвина в годы его формирования. Фрейд высказал предположение, что поведение определяется главным образом влечениями, которые человек испытывает в раннем детстве. Развивая эту идею, он привлек внимание к необходимости серьезно исследовать бессознательную мотивацию, практически игнорировавшуюся ранее. Личность взрослого человека формируют обстоятельства первых лет жизни, когда ребенок ищет путей удовлетворения своих чувственных, сексуальных потребностей. По Фрейду, личность основывается на динамическом взаимодействии трех психических элементов: Оно — средоточие бессознательных сексуальных (чувственных)¹ или агрессивных импульсов, Суперэго — совесть, и Эго — сознание, которое стремится удовлетворить требованиям и Суперэго и Оно. Поведение человека в случае, когда верх берет Оно, будет существенно отличаться от его поведения при доминирующем Суперэго. Модель «психоаналитического человека», основанная на изложенных идеях, дает нам образ индивида, внерационально принимающего решения, чье поведение зеркально отражает результаты борьбы внутренних сил. Внутренняя динамика личности в любой ситуации имеет, как правило, большее значение

¹ В отличие от распространенного представления этот термин, по Фрейду, включает в себя обозначение не только полового влечения, но и вообще чувственных импульсов. — *Прим. перев.*

ние для формирования поведения, чем какие-либо внешние обстоятельства.

После Фрейда психоанализ развивался различными путями, и если некоторые разрабатывали и уточняли основополагающую теорию, то другие оспаривали многие ее положения. Для того чтобы правильно оценивать психоанализ, необходимо прояснить распространенное заблуждение относительно того, что понимается под «сексуальными импульсами (влечениями)». По теории Фрейда, в их число входят не только влечения, связанные с удовлетворением половых потребностей, но и те, что направлены на обеспечение потребностей в пище, крыше над головой, а также избегании болевых ощущений (Skirnik, George, 1967). Следовательно, эта теория не является столь ограниченной, как полагают многие; однако, даже принимая сказанное в расчет, остается несомненным, что в психоанализе реальная структура личности рассматривается крайне упрощенно, что значение разума и способности научения недооцениваются и что вся теория опирается на материалы, эмпирически полученные при исследовании людей, переживших сильные душевные потрясения или умственно ненормальных. Отсюда следует, что психоанализ, подобно всем другим школам психологии, говорит только часть правды. Психоанализ показал важную роль бессознательного и сексуальных влечений в формировании поведения, но в то же время полностью проигнорировал или недооценил значение других принципиальных характеристик психической жизни человека.

Современное наследие традиционных школ. В заключение необходимо дать итоговый обзор дальнейших судеб рассмотренных школ. Эти школы просуществовали вплоть до 50-х гг. (см. табл. 2-1), но пика своего развития все они достигли в начале тридцатых. Позднее их различия существенно сгладились по двум основным причинам.

Во-первых, было осознано, что представители разных школ не являются полными антагонистами во всех аспектах. Орм (Orme, 1969), например, установил, что бихевиоризм и психоанализ можно рассматривать как две стороны одной медали, и что сторонники одной из школ легко могли бы объяснить взлелеенные понятия другой в терминах своей теории. Аксиома, согласно которой ребенок в конечном итоге становится отцом взрослого человека, исповедуется обеими этими школами. Поступки индивидов, согласно их постулатам, определяются давлением конкретных обстоятельств и багажом прошлого опыта, причем обе школы отрицают значимость существующих при этом намерений, роль свободной воли человека или даже сознания вообще.

Во-вторых, в связи с тем, что современная психология в целом отличается проблемной ориентацией. Сегодня психологии специализированы в основном по узким темам и, как правило, работают в рамках строго определенных областей теоретических и эмпирических исследований, а не занимаются созданием новых универсальных концепций психологии.

Отдельные школы, впрочем, сохраняли свое влияние довольно продолжительное время. В современной психологической науке психология человека рассматривается с тех же философских позиций, с каких она виделась бихевиористам, а именно с позицией позитивизма. Зародыши позитивизма прослеживаются уже у великих ученых XVII в., таких, как Декарт и Ньютон, а также в работах Сен-Симона, Конта и Лапласа, живших в XIX столетии, но своего наивысшего развития позитивизм достиг в нашем веке. Позитивисты постулируют различие между субъективными свойствами разума, в основном непознаваемыми, и внешним миром, который признается объективно существующим фактом. Позитивизм характеризуется рядом основных принципов, а именно признанием в качестве факта объективно существующих предметов и явлений, необходимости для ученых концентрировать внимание на изучении тех явлений, которые поддаются наблюдению

нию, возможности изучения взаимосвязей между объективно существующими предметами и явлениями и утверждением, что подлинно научным способом исследования является метод анализа и синтеза. Конечно, как видно на примере гештальтпсихологии, ничто не мешает занять и совершенно иную позицию. Феноменологический подход при исследовании восприятия индивидом внешних явлений преследует цель достичь этого средствами холистического, то есть целостного, описания (при котором целое полагается большим суммы его частей) без учета различий между непознаваемыми субъективными и фактическими, объективно существующими феноменами. Тем не менее в современной психологии феноменология имеет, по-видимому, весьма немногих последователей.

Значимость этого философского подхода в исследованиях психологии человека видна из табл. 2-2. Если представить, что все применяемые в психологии концепции образуют некий спектр, в котором позитивистские (бихевиористские) подходы располагаются в «начале» спектра, а феноменологические — в «конце», то работы большинства психологов оказались бы лежащими ближе к его «началу», чем к «концу». Главный акцент в этих работах, как показывает табл. 2-2, делается на изучении поведения, номотетическом поиске причинно-следственных закономерностей, использовании экспериментального анализа и редукционистском изучении явления на молекулярном уровне.

Таблица 2-2

Бихевиористский и феноменологический подходы

	Бихевиорист (позитивист)	Ученый, пользующийся методом феноменологии
Предмет изучения	Поведение	Умственная деятельность и ее результаты, сознание и самосознание
Цель изучения	Номотетическая	Идеографическая
Способ изучения	Экспериментальный анализ	Описание в терминах феноменологии
Уровень изучения	Молекулярный (часть)	Молярный (целое)

Рассмотрим теперь суть лабораторного эксперимента в психологии, поскольку классический научный эксперимент содержит неявное представление о модели поведения. Исследуемый помещается в тщательно контролируемую среду, о которой он почти ничего не знает или же вовсе не имеет представления и на которую практически он не может влиять. Во многих смыслах подобная среда более пригодна для изучения животных, чем людей. Исследуемый играет в ней роль биологического организма, реагируя на внешние стимулы так и тогда, как это задумано экспериментаторами, приспособляясь к существующим условиям по мере своих возможностей. Это заметно снижает число степеней свободы в выборе путей поведения индивида, оборачивается серьезной недооценкой уникальных качеств его творческой мысли и исключает свободу воли — то есть все, что делает человека непохожим на животных. К тому же, участвуя в эксперименте, человек изымается из социальной и культурной среды своей обыденной жизни. Поэтому, несмотря на огромный вклад в развитие психологической науки, внесенный при помощи лабораторных экспериментов, исследование, в ходе которого человека помещают в искусственно созданную

среду, весьма заметно теряет свою ценность. Более того, исследуемые явления, возможно, вообще не могут наблюдаться вне этой сконструированной среды окружения. Прошанский (Proshansky, 1976, 63) блистательно резюмирует рассматриваемую ситуацию: «Поскольку осознание индивидом того, где он находится, является как минимум необходимым требованием для выбора той или иной линии поведения и соответствующей реакции на существующие условия, никакое лабораторное или иное искусственно созданное внешнее материальное окружение индивида, сколь бы изолировано оно ни было сформировано, не может служить заменителем интересующих нас реальных обстоятельств. Не имеет значения, насколько тщательно воспроизводится подлинное материальное окружение индивида, ведь само понимание того, что перед ним искусственно созданные конструкции, сразу же дает искаженную в сравнении с действиями человека в реальном мире картину взаимоотношений индивида и среды окружения, сводя на нет ценность эксперимента...» Осознание этого положения способствовало развитию экологической психологии¹.

Появление экологической психологии

На ранних стадиях развитие экологической психологии шло параллельно развитию поведенческой географии (см. гл. 3). Обе дисциплины были продуктом интеллектуальных течений 60-х гг. и отличались четырьмя общими особенностями: они имели дело со средой непосредственного окружения, ограниченной и управляемой действиями человека; сами люди в обоих случаях рассматривались неотъемлемой частью исследуемой ситуации; развитие обеих дисциплин стимулировалось обострением социальных проблем; обе они характеризовались широким междисциплинарным подходом (Proshansky et al., 1976). Отличительная особенность экологической психологии, возможно, состоит в ее взаимосвязях с материнской дисциплиной. Сторонники экологической психологии стремятся расширить границы психологической науки через непосредственное изучение особенностей поведения в реальном мире. Однако неверным было бы представлять, что это лишь расширение сферы деятельности традиционной психологии. Экологическая психология более эклектична, она характеризуется большей, чем экспериментальная психология, ориентированностью на нетрадиционные области исследований главным образом вследствие того, что сталкивается с такими проблемами, которых в лабораторных условиях просто не существует. Их изучение требует свежих подходов. В рамках экологической психологии был выработан целый арсенал специфических понятий и методов. Тем не менее экологическая психология гораздо легче, чем поведенческая география, ассимилировалась материнской дисциплиной. В то время как экологическая психология является сознательной попыткой использовать психологический подход в новом эмпирическом контексте, поведенческая география в некоторой степени оспаривает сами подходы, принятые в психологии, стремясь заменить упрощенные модели более реалистическими представлениями. Ниже мы еще вернемся к этой теме.

Не существует общепринятого определения экологической психологии. Ли (Lee, 1976) полагает, что она представляет собой научное исследование отношений человека со средой своего окружения; Лефф (Leff, в печати) утверждает, что в экологической психологии исследуются взаимосвязи между переменными среды и различными характеристиками психики чело-

¹ Или «психологии поведения в реальном мире», или «средовой психологии». — Прим. перев.

века, а Хеймстра и Макфарлинг (Heimstra, McFarling, 1974) считают, что в этой дисциплине главное внимание уделяется исследованию связей между поведением человека и материальной средой его окружения. Однако все эти определения – рабочие, они, вероятно, представляют собой краткие дефиниции предполагаемых тем или иным исследователем областей деятельности этой науки, но тем не менее показывают главные сферы научных интересов в экологической психологии.

Разногласия существуют и относительно интеллектуальных корней экологической психологии. Многие исследователи придают большое значение второстепенным тенденциям проведения естественных или натуральных психологических исследований, которые всегда присутствовали в психологии (Williams, Rausch, 1969). В связи с этим можно привести следующие примеры: Галтон в конце XIX в. работал над исследованием влияния генетических особенностей и условий внешней среды на способности людей (Ross, 1974), Трьюбридж (Trowbridge, 1913) изучал индивидуальные мыслительные представления о специфических макропространствах, и целая серия социально-психологических экспериментов была проведена на фабрике Западной электрической компании в Хоторне для оценки воздействия материальных условий рабочего места на поведение работающих и производительность их труда (Roethlisberger, Dickson, 1939). Однако, привлекая внимание к этим примерам, обычно переоценивают воздействия на науку таких единичных опытов, имевших во времена их проведения относительно слабое влияние на развитие психологии. Вплоть до недавнего времени роль «среды» в психологии почти неизменно органичивали социальными или межличностными воздействиями, уделяя незначительное внимание особенностям и характеристикам всей окружающей материальной среды, в которой разворачивается поведение (Wohlwill, 1970). По этой причине рассмотрение развития экологической психологии корректнее начать с 60-х гг., то есть с того времени, когда «стала формироваться характерная для самостоятельной науки цельная организационная структура, которая включала в себя проведение симпозиумов и конференций, выпуск информационных бюллетеней и реферативных журналов» (Lee, 1976).

Как и во многих других случаях формирования новых областей науки, первоначальная волна исследований сопровождалась энергичными усилиями упорядочить новые знания. Это происходило в разных формах: создании сборников статей под единой редакцией (Proshansky et al., 1970, 1976; Friedmann Juhasz, 1974; Canter, 1975в; Moore Golledge, 1976в), выпуске тезисов и материалов симпозиумов и конференций (Canter, 1971; Honikman, 1971, 1975; Preiser, 1973; Canter Lee, 1974; Michelson, 1975; Suedfeld Russell, 1976), написании экспертных обзоров (Craik, 1970; Ittelson et al., 1974; Altman, 1975; Lee, 1976; Stokols, 1978; Leff, в печати), не говоря уже о появлении бесчисленного множества статей, монографий и библиографических обзоров, посвященных более узким темам. Для сведения воедино получаемых результатов были выдвинуты разнообразные теоретические концепции, опиравшиеся либо на отдельные единичные, либо на многократно проведенные эмпирические исследования.

Рассмотрим два примера построений последнего типа. Автором одного из них был Крайк (Craik, 1968, 1970), изучавший способы, посредством которых люди постигают цельную физическую среду их окружения. Для полного описания всех сторон окружающей человека обстановки в реальном мире, которая и обуславливает его поведение, Крайк предложил использовать термин «образ среды» – понятие, одинаково применимое при рассмотрении особенностей города, видов застройки или просек в лесу. Если специалист по экологической психологии намеревается понять воздействие того или иного образа среды, ему придется иметь дело с четырьмя

Таблица 2-3

Пример изучения понятийного восприятия особенностей среды

Наблюдатели	Способ ознакомления	Виды реакции (ответов)	Размеры среды окружения
Профессиональные группы архитекторов, географы, планировщики и дизайнеры, оценщики недвижимости, менеджеры зданий и «пространства» специалисты по внутреннему убранству помещений, художники-пейзажисты и живописцы, менеджеры природных ресурсов	Непосредственное ознакомление путем пешей прогулки, путем объезда аэровизуальным путем в процессе проживания в данной среде	Описательные свободные от канонизированных стандартизированных классифицирующие внесистемные перечисления характеристик систематизированный перечень характеристик попытки качественных оценок	Таксономия повседневного языка
Специализированные группы клиентов-потребителей среды, молодежь, рабочие-мигранты, учащиеся колледжей, посетители туристических кемпингов в природной глубинке, жители местностей, подвергающихся периодическим наводнениям	Ознакомление через: эскизы, рисунки, карты, модели, репродукции, фотографии, кинофильмы, телевизионные программы	Обобщающие попытки тематического анализа интерпретации с выделением отдельных черт, знаковая и мультисенсорная эквивалентность графических изображений	Объектные физические и географические критерии
Группы, сформированные из людей, подобранных по определенным критериям	Ознакомление через активизацию воображения путем передачи мысленных образов	Реакции в виде заключения (вывода)	Упорядоченные знаковые системы
Группы из случайных людей, публика в целом		Реакции отношения	Модальные поведенческие атрибуты, описательные оценки, ценностные оценки, прогнозные оценки
(1)	(2)	(3)	(4)

Источник: Craik (1970, 67)

основными проблемами. Представление о характере этих проблем, а также об их взаимосвязях, как показано в табл. 2-3, является фундаментом для основной парадигмы экологической психологии. Вот каковы четыре упомянутые проблемы:

Чье восприятие необходимо изучать («наблюдатели»)? Каким предстает перед наблюдателем образ среды («среда представления»)? Какие элементы поведения наблюдателя необходимо выявить и зафиксировать («виды реакций»)? И наконец, какие характеристики окружения важны для поведения («размерности среды»)? В число потенциальных *наблюдателей* входят как специалисты, так и обычные люди. *Среда представления* включает в себя непосредственное представление; используются некоторые виды представления (такие, как наброски или макеты), а также воображаемое представление (когда, за исключением условного наименования, образ среды не представлен вообще). *Виды реакций* охватывают весь спектр различных действий, предпринимаемых в тех или иных обстоятельствах, так что набор реакций, показанный в табл. 2-3, далек от полного. Рассматривая проблему *размерностей среды*, Крайк признает, что до сих пор не существует последовательной системы их измерения и классификации, однако указывает на некоторые зародыши такой системы: применение таксономии обыденной речи, различных способов фиксации, а также сокращенной записи и учета основных характеристик поведения. Затем Крайк исследует теоретические и методологические следствия выдвинутой концепции.

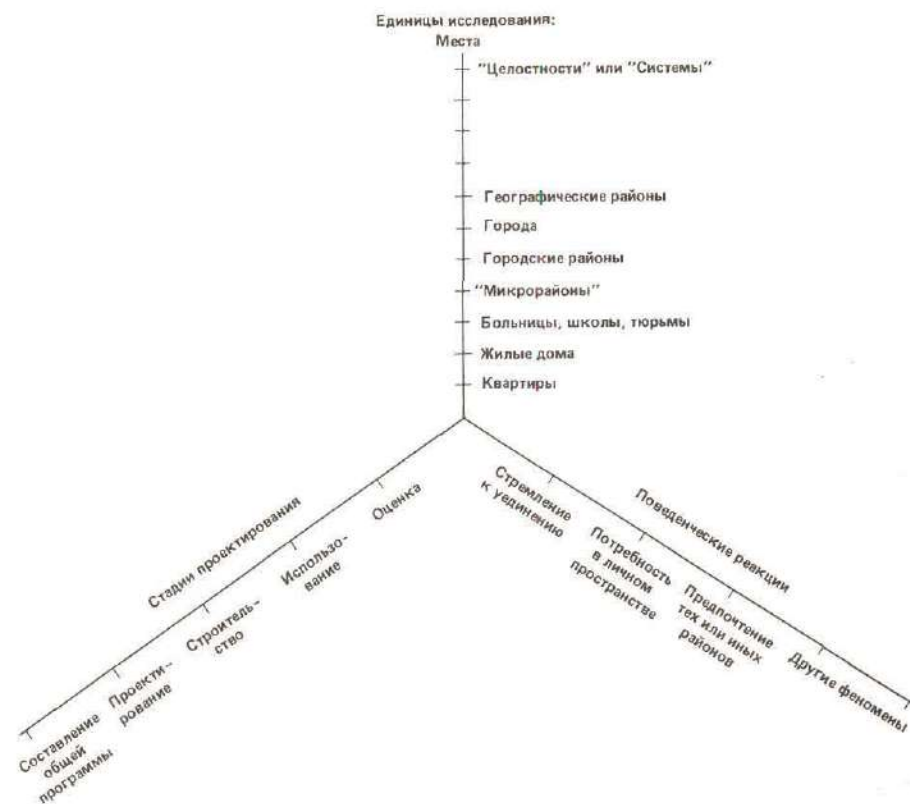

Рис. 2-1. Основные направления изучения пространственных феноменов среды представителями наук о поведении и специалистами по проектированию пространства. Altman (1975, 198).

Вторая концепция создана Альтманом (Altman, 1976), который классифицировал исследования по трем основным направлениям: пространственным единицам анализа, изучаемым феноменам среды и стадиям проектирования, для которого выполняется исследование (см. рис. 2-1). *Пространственные единицы* легко ранжируются по размеру в рамках контекста исследования, скажем соседской общины или учреждений инфраструктуры (например, тюрем или больниц). В перечисляемые Альтманом *феномены среды* входит некоторый ограниченный набор процессов, связанных с удовлетворением пространственных потребностей человека, но это скорее иллюстрация, не претендующая на исчерпывающий обзор [8]. *Стадии проектирования* составляют полный спектр, начиная от первоначального определения критериев для проектирования (стадия программирования) и кончая стадией, на которой проектировщик оценивает успех или неудачу предлагаемого решения (стадия оценки).

Конечно, эти концепции являются скорее набросками, чем законченными картинами, но вместе с тем они показывают некоторые наиболее важные направления экологической психологии. Концепция Альтмана полезна тем, что содержит ряд определенных, легко применимых критериев, пользуясь которыми удобно классифицировать получаемые результаты. Далее, хотя работы специалистов по экологической психологии не ограничиваются исследованием городской среды, как и далеко не всегда посвящены анализу процесса проектирования, эта концепция придает большое значение изучению этих тем в экологической психологии. С другой стороны, концепция Крайка позволяет понять методологию этой науки, игнорируемую Альтманом. Несмотря на насущную необходимость модернизации этой концепции, ввиду бурного развития экологической психологии с конца 60-х гг. она недвусмысленно демонстрирует общие параметры в методах и процедурах.

Обе концепции показывают, что в экологической психологии существуют широкие области взаимного согласия относительно предмета науки, а также принципов и методов его исследования. Конечно, было бы преждевременно и неверно утверждать, что на базе этих концепций будет создана парадигма, описывающая взаимосвязи человека и среды его непосредственного окружения. Можно, однако, указать определенные компоненты такой парадигмы, прослеживаемые в современных исследованиях.

Специалист по экологической психологии видит человека и среду окружения в состоянии динамического взаимодействия. Среда окружения понимается как полный, исчерпывающий набор условий и обстоятельств, в которых живет человек, как физических, так и социокультурных. Бывают ситуации, оставляющие индивиду ограниченный выбор действий и вынуждающие его максимально адаптироваться к ним; гораздо интересней, однако, исследовать такие случаи, когда признается полная свобода воли и поведения, а человек видится целеполагающим существом, воздействующим на свою среду окружения и в свою очередь находящимся под ее влиянием (Ittelson et al., 1974). Главными переменными взаимодействия человека и среды окружения являются восприятие и когнитивность — процессы мыслительной деятельности, посредством которых люди получают возможность чувствовать, воспринимать, интерпретировать импульсы внешней среды, а также принимать осознанные решения относительно нее. Все эти процессы вместе с тремя другими, близкими как процессам восприятия и когнитивности, так и процессам поведения (а именно: мотивации, эмоции и установки), заслуживают краткого обзора.

«Восприятие» и «когнитивность» — это термины, которыми широко пользуются и пользовались как в различных направлениях современной психологии, так и в исторической ретроспективе. Первоначально ими обозначали отдельные области исследований в экспериментальной психологии, но со временем их различие стерлось. Как указывали Прошанский и др. (Proshansky et al., 1976, 102), «некоторые авторы пользуются одним из этих терминов, некоторые — другим, многие же — обоими, однако специфический характер выполняемого исследования сравнительно мало увязывается с тем термином, который выбирается для его описания». В оправдание этого авторы пытаются доказать, что подобная ситуация объясняется отсутствием четкой методологии. Утверждается, что само различение когнитивности и восприятия было унаследовано из редукционистской традиции старой экспериментальной психологии, мало пригодной для исследования в экологической психологии. В следующей выдержке, посвященной более широкому, чем изучение восприятия и когнитивности, проблемам, Прошанский и др. (Proshansky et al., 1976, 103) продолжают настаивать на том, что: «Вопрос состоит в том, являются ли традиционные различия разных отраслей психологии полезными и принципиальными для случаев, когда начинается рассмотрение крупномасштабных феноменов среды. Ведь подобные аналитические категории так или иначе появились и развивались в рамках концепций, как правило игнорировавших существование и уместность исследования окружающей среды. По контрасту, изучение феноменов в конкретных средовых условиях почти против воли исследователя заставляет его покинуть старые аналитические привязанности и встать на позиции рассмотрения опыта пребывания в той или иной среде во всей его цельности и полноте».

Итак, любое различие восприятия и когнитивности следует рассматривать скорее как умозрительный прием, а не как фундаментальную дихотомию мыслительных процессов. Понятие когнитивности является более широким, включающим в себя, *помимо всего*, и понятие восприятия. Когнитивность принадлежит к числу тех психических процессов, посредством которых люди получают, сохраняют, интерпретируют и используют информацию. Когнитивность включает в себя различные виды процессов ощущений, различения, запоминания, воображения, рассуждения, принятия решений и буквально все иные виды мыслительных процессов и имеет тесные связи с накопленным человеком жизненным опытом и его поведением. Восприятие — это сравнительно узкое понятие. Оно обозначает психический механизм, работа которого обеспечивает индивиду возможность переводить внешние сенсорные раздражения в упорядоченные, определенным образом организованные впечатления. Восприятие само по себе является когнитивным процессом.

В подходах экспериментальной и экологической психологии к пониманию восприятия и когнитивности имеются еще два различия. Во-первых, в экспериментальной психологии основной акцент делается на исследовании восприятия отдельных объектов, а не всей среды — обнаружение первых обеспечивало основу для понимания последней (Ittelson, 1976). Во-вторых, сколь бы специфичны ни были темы исследований, в экспериментальной психологии главное внимание всегда концентрировалось на изучении универсальных принципов, лежащих в основе восприятия и когнитивных процессов. В экологической психологии, напротив, исследование сосредоточено на анализе психологических проблем в пределах специфических территорий, например восприятия города или пустынных территорий. При этом принципам, лежащим в основе рассматриваемых явлений, уделяется

назначительное внимание. Является ли это отражением стадии развития, достигнутой экологической психологией, или показывает ее характерную особенность, окончательно станет ясно в будущем.

Как уже говорилось, понятия восприятия и когнитивности используются психологами в самых разных контекстах. В основном дискуссии посвящаются таким проблемам, как типы информации о среде окружения, на которых основываются процессы восприятия и когнитивность, значение в этих процессах врожденных факторов и научения, совершенствование когнитивных механизмов с течением времени, а также способа осознания людьми конкретных феноменов окружающей среды, особенно в рамках обширного пространства. Все эти вопросы, однако, будут более полно рассмотрены во второй части книги, а пока их обсуждение лучше отложить.

Мотивации и эмоции

С точки зрения здравого смысла кажется ясным, что мотивации и эмоции играют центральную роль во взаимоотношениях человека и среды окружения, поскольку цели, которые мы преследуем в обыденной жизни, и чувства, которые мы питаем к различным местам и территориям, неизбежно оказывают влияние как на когнитивные процессы, так и на поведение. *Мотивацию* можно определить как некую силу, которая толкает человека добиваться определенных целей в связи с существующими у него потребностями. «Потребности» могут включать в себя все, что индивид считает существенным для достижения счастья или благополучия, от физиологических потребностей в пище и крове до желания иметь авторитет у своих коллег и потребности самоуважения. Степень, в какой личность будет мотивирована на ту или иную линию поведения, зависит от характера и важности потребностей, существующих в данной конкретной ситуации.

Теории, посвященные рассмотрению нужд, можно разделить на две категории. С одной стороны, есть теории, согласно которым мотивация человека определяется желанием преодолеть выдвигаемые обстоятельства препятствия и снизить существующую напряженность. Эти теории однозначно подтверждаются эмпирическими исследованиями, проведенными во время военных действий или когда человек испытывает острую боль, переживает тяжелый стресс от чрезмерной работы или в какой-либо форме терпит лишения (Evans, 1976). С другой стороны, существуют теории, согласно которым человек все время ищет свежих ощущений, напряженных эмоций и возбужденности, стремясь таким образом поднять уровень напряжения в отношениях со средой своего окружения (Berlyne, 1950; Wohlwill, 1968). Различные виды рекреационной деятельности дают множество примеров мотиваций подобного типа.

Эти теории легко согласовать, если будет признано, что поведение мотивируется различными видами потребностей. Некоторые из них, например потребности в еде и жилище, являются «жизненно необходимыми», их удовлетворение обязательно для поддержания жизни человека. Они имеют физиологическое происхождение, и вызываемые их неудовлетворенностью стрессы приводят к физическим страданиям. Другие потребности имеют «социальный» или «личностный» характер. К «социальным» обычно относят потребности, связанные с особенностями социальных групп, в состав которых входит индивид, такие, как потребность в признании и уважении своими товарищами. «Личностными» потребностями считают те, при удовлетворении которых индивид достигает самоуважения, соответствия имеющемуся у него представлению о самом себе. Социальные и личностные потребности формируются в детстве, они дифференцированы

по социальным группам и культурам. Неудовлетворение этих потребностей не обязательно вызывает немедленное страдание, но может приводить к душевному дискомфорту, имеющему, как правило, и физиологические последствия.

Некоторые авторы придают нуждам и потребностям определенную иерархичность, где жизненно необходимые потребности должны быть удовлетворены прежде «высших» (по Маслоу, 1954; см. Leff, в печати). Действительно, к поиску более высоких стимулов, продуцируемых средой, люди обращаются лишь по удовлетворении жизненно важных потребностей; однако было бы ошибочным думать, что такой порядок выступает в виде жесткой иерархии. Многие, в частности, могут вспомнить случаи, когда они, несмотря на пустой желудок, находились в каком-нибудь месте гораздо дольше, чем предполагалось, поскольку там им нравилась компания или окружающие ландшафты. Другими словами, случаи, когда «высокие» потребности удовлетворяются ранее физиологических, довольно распространены, если не являются типичными.

Это заключение свидетельствует о том, что мотивация — очень сложное явление. Человек одновременно и ищет, и избегает сильные впечатления (Wohlwill, 1970). Сталкиваясь с одними и теми же обстоятельствами, но в разное время, индивид, вне всякой связи с межличностными различиями в преследуемых при этом целях, может иметь разную мотивацию (Argyle, 1973). Более того, сам характер мотивации меняется в зависимости от того, находится ли человек в одиночестве или в составе некоей компании или группы. Так, при исследовании людей, занимающихся связанными с риском для жизни видами спорта, например альпинистов и спелеологов, было установлено, что групповая оценка предполагаемой опасности отличается от средней индивидуальной оценки опасности членами этой группы (Ross, 1974).

Большое значение для нас имеет еще одна проблема, связанная с мотивацией. Среди исследователей мотивации давно ведутся споры о сравнительном значении инстинкта и внешних обстоятельств. Вопрос о том, определяются ли потребности человека генетически или приобретаются через научение под влиянием условий среды, обсуждается, к примеру, в гл. 6, где при рассмотрении потребности в территории анализируется, располагает ли человек врожденным стремлением обладать каким-либо пространством и защищать его или это социальная потребность, формируемая посредством научения. Выдвигаемая там идея состоит в том, что мотивация, подобно другим компонентам психологии человека, формируется главным образом благодаря процессу научения. Никакое другое объяснение не кажется приемлемым для адекватного обоснования огромного разнообразия мотивов человеческого поведения.

Эмоция — это понятие, рассматриваемое в той отрасли психологии, которая традиционно связана с исследованием мотиваций. Феномен эмоции, определяемой как состояние взволнованности или смятения, характеризуемое проявлением сильных чувств, а также, как правило, возникновением импульсов к принятию определенных форм поведения, включает в свой состав широкий спектр физиологических и душевных явлений. Некоторые эмоции способствуют закреплению той или иной мотивации: например, когда мы очень хотим чего-то, соответствующие эмоции увеличивают силу нашего желания достичь поставленной цели. Другие эмоции являются результатом мотивированных действий, как, скажем, чувства, которые испытывает человек, выдержавший свою линию поведения, несмотря на все трудности.

Пока существует лишь немного работ, направленных на определение эффективных (эмоциональных) характеристик материальной среды и уста-

новление их связей с поведением, некоторые исследования в этой области уже проведены. Рапопорт и Кантор (Rapoport, Kantor, 1967), например, анализировали эмоциональные реакции людей на ту или иную архитектурную среду, используя полученные результаты как основу для выработки предложений по пространственному дизайну. Мехрабиан и Рассел (Mehrabian, Russell, 1974) предложили более широкий подход, в рамках которого отношения человека и среды его окружения рассматриваются по схеме, показанной на рис. 2-2. Их теория опирается на представление о том, что информация, получаемая индивидом в различных обстоятельствах, в сочетании с «типичными эмоциями, характерными для личности», вызывает начальные эмоциональные реакции, принимающие форму раздражения, удовольствия или доминирования — подчинения. Эти три вида реакций служат промежуточным звеном при образовании позитивной (притягательность) либо негативной (отталкивание) поведенческой реакции на внешнюю среду. Это означает, к примеру, что если человек воспринимает какое-либо внешнее окружение как раздражающее, неприятное и вызывающее чувство подавленности, то такая среда будет для него дискомфортной и избегаемой; в то же время среда, дающая ощущение спокойного удовольствия, незначительного раздражения и вызывающая состояние доминирования, контроля над ней, воспринимается как комфортная и привлекательная. Подобному анализу подверглись пространственные среды различного масштаба; он был углублен Мехрабианом (Mehrabian, 1976) с целью использования его специалистами по дизайну пространства.

Изложенный подход весьма полезен для подкрепления этого обычно избегаемого аспекта экологической психологии, но он страдает общими недостатками всех теорий, в которых рассматривается лишь ограниченный набор переменных. Такие теории подходят для анализа лишь строго определенных типов взаимоотношений среды и поведения, оставляя множество поведенческих реакций вне рассмотрения (Moore, 1977). Как и в случае изучения мотиваций для целей поведенческой географии, при исследовании эмоций предстоит проделать еще немало работы, прежде чем это понятие начнет серьезно использоваться в концепциях пространственного поведения в реальном мире.

Рис. 2-2. Взаимосвязь эмоций и поведения. Mehrabian, Russell (1974, 8).

Трудно переоценить значение понятия «установка», занимаясь какими бы то ни было психологическими исследованиями, поскольку посредством этого феномена в рамки единой концепции сводятся как внутренние психические процессы (включая когнитивность, мотивации и эмоции), так и внешние поведенческие реакции. Хотя до сих пор ведутся споры об определении этого понятия, большинство ученых согласны в том, что установку можно определить как формируемую научением устойчивую склонность реагировать позитивно или негативно на данный объект, персону или внешние обстоятельства (по Фишбеину и Айзену, Fishbein, Ajzen, 1975). В этом определении выделяются три принципиальных момента: утверждение, что установке научаются, что она предшествует действию и что она сравнительно устойчива во времени.

Возможно, главной чертой, отличающей установку от других понятий психологии, является то, что она включает компонент эмоциональности. Установки можно рассматривать как устойчивые психические состояния, которые являются мотивированными в том смысле, что, будучи прочно усвоенными, они predisполагают индивида реагировать на события лишь определенным образом — это, в частности, наглядно иллюстрируется религиозными и расовыми предрассудками (Chaplin, Krawiec, 1974). Сказанное подкрепляется схемой Триандиса (Triandis, 1971), в которой он расчленяет установку на три ее основные составляющие (рис. 2-3). Таковы когнитив-

Рис. 2-3. Систематизированное представление об установках Triandis (1971, 3).

ный компонент (наличие у человека некоторого знания или представления относительно объекта, события или внешней среды), эмоциональный (его чувствования в связи с раздражителями) и поведенческий компонент (действия, к которым человек предрасположен). Установку можно понимать как базовый термин, объемлющий множество взаимно перекрывающихся понятий, таких, как предвзятость, убеждение, доктринерство, вера, идеология, мнение, позиция, стереотип и ценность. Два понятия из перечисленных

будут использованы в тексте, а именно ценность и стереотип. Чтобы не вносить терминологическую путаницу, и без того характерную для этой области исследований, необходимо сразу дать их операциональные определения. «Ценность» определяют как «устойчивое личностное или групповое убеждение в том, что какой-либо специфический образ действий или особая цель существования имеют большее предпочтение, чем противоположные или обратные данным образ действия или цель существования» (Rokeach, 1973, цит. по: Reich, Adcock, 1976, 18). «Стереотип» можно определить как некий набор убеждений и мнений относительно каких-либо специфических групп людей, предметов или мест, содержащих в себе не более грана истины, но которые составляют, однако, основу суждения о данных людях, предметах или местах и служат для оправдания (то есть рационализации) нашего поведения по отношению к ним» (Belcher, 1973). Для ценностей и стереотипов, как и для всех других видов установок, характерно выполнение общих функций: обеспечивать средства быстрого, хотя часто и ошибочного, понимания комплекса внешних условий. Они представляют собой способы распределения информации по типам таким образом, что каждый отдельный предмет или субъект воспринимается носителем тех же характеристик, что и группа предметов или субъектов в целом. Как только человек определяет категорию, к которой принадлежит вещь, он сразу же получает основание для быстрого усвоения новой информации о ней и быстрого принятия решения о последующем образе действий.

Наличие в установках как мыслительных, так и поведенческих элементов явилось причиной их хорошей изученности в психологии. Далеко не всегда усилия в этой области предпринимались из-за чисто академического интереса. Изучению установок было уделено много времени и иных ресурсов со стороны правительственных органов, военных кругов, специалистов по рекламе и средствам массовой информации. Основное внимание при этом сосредоточивалось на проблеме изменения установки: может ли она меняться и если может, то ведет ли это к трансформации характера поведения.

Весьма сомнительно, оправдались ли вложенные деньги. Установки усваиваются через научение в раннем детстве и, будучи однажды сформированы, остаются, почти не меняясь, на всю жизнь. Результаты многочисленных исследований в области военной пропаганды и средств массовой коммуникации [9] в большей степени доказывают, чем опровергают, эту мысль. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что установка — это лишь предрасположенность к действию. Даже если установка каким-либо образом меняется, это ни в коем случае не гарантирует, что изменятся и последующие действия из-за весьма обычного разрыва между рефлексированной установкой и реальным поведением (Lapierre, 1934; O'Riordan, 1973).

Заключение

Совершенно очевидно, что невозможно рассмотреть все богатство и разнообразие психологии в одной короткой главе, однако представленных в ней материалов вполне достаточно для дальнейших более глубоких исследований. Рассмотрение исторического развития психологии указывает на то, что именуют «цайтгайстом» (Zeitgeist — нем.), или «духом времени». «Цайтгаст» психологии состоит в том, что она считается наукой о поведении, имеющей устойчивые исследовательские традиции и методологию, близкие бихевиоризму (даже если это и не выражено в понятийном аппарате). Экспериментальная психология давала лишь весьма ограниченное объяснение поведения в реальном мире в силу досадного пренебрежения исследованием поведения в реальных условиях. Экологическая психология

¹ См. прим. к с. 12.

стремилась заполнить этот пробел; ее появление знаменовало собой расширение междисциплинарности в исследовании этих проблем и усиление ориентации науки на решение социально значимых задач. Экологическая психология была новой научной дисциплиной, которая не имела единой концепции, описывающей взаимоотношения человека и среды окружения, но в рамках которой существовал целый ряд методологических подходов и направлений эмпирических исследований. Рассмотрение концепций, разработанных Альманом и Крайком, двумя ведущими специалистами экологической психологии, дает некоторое представление о них. В заключительной части главы произведен анализ пяти компонентов психической деятельности, чрезвычайно важных для понимания взаимоотношений человека и среды окружения. Это восприятие и когнитивность — процессы, играющие главную роль при формировании пространственного поведения в непосредственной среде окружения, — и три элемента, которые оказывают, вероятно, сильнейшее влияние на когнитивные процессы, а именно мотивации, эмоции и установки. Анализ всех этих пяти компонентов человеческой психики понадобится нам для понимания пространственного поведения в реальном мире, чему и посвящается дальнейшее изложение.

Глава 3

География и поведение в окружающей среде

Паддингтон любил географию. По крайней мере, он любил свое представление о ней...

Мишель Бонд. Медведь по прозвищу Паддингтон

Летопись усилий, предпринимавшихся географами для изучения взаимоотношений человека и окружающей его среды, ограничена и фрагментарна. География, бывшая в начале XX в. лидером научных исследований в этой области, в наши дни, к сожалению, утратила свои позиции в разработке соответствующих представлений. В самом деле, географы, по-видимому наученные горьким опытом, сегодня стараются воздерживаться от определенных заявлений по поводу влияния среды на человека и обратно.

Эта глава открывает дискуссию об энвайронментализме, являющемся не только характерной чертой прошлого науки, но и актуальной темой современной географии. На этом фоне будет рассмотрено возникновение поведенческой географии. Далее мы проанализируем причины появления поведенческой географии и проследим развитие предшествующих ей учений. Затем будет дан обзор содержания и внутренней структуры поведенческой географии как особого направления научных исследований и показана ее операциональная парадигма, положенная в основу этой книги.

Энвайронментализм

Интерес к взаимоотношениям человека и его географического окружения (под которым обычно понимали совокупность природных условий) проявлялся уже в античности (Thomas, 1925). Еще в V в. до н. э. в трактате Гиппократе «О воздухе, водах и местностях» утверждалось, что существует сильная зависимость между заболеваниями и климатическими характеристиками разных мест. Основная идея работы Гиппократе, а именно влияние среды на человека, — это идея, которая пережила многие эпохи. Мысли ученых Древней Греции относительно воздействий климата на культуру имели большое хождение в Европе позднего средневековья, а связи климата и истории исследовались многими французскими философами XVI–XVIII вв., такими, как Боден, де Бо и Монтескье (Glacken, 1967). В XIX в. эта тема привлекала еще большее внимание, причем традиционные для нее идеи были сформулированы в рамках более строгой доктрины, известной сейчас под названием «энвайронментализм».

Энвайронментализм^[1] можно определить как совокупность взглядов, согласно которым первостепенное значение придается влиянию на человека природной среды, а также подчеркивается, что природное окружение жестко регламентирует условия жизни людей. Человеческое поведение виделось строго ориентированным на приспособление к обстоятельствам, формируемым природной средой. Поведение представлялось совокупностью реакций на раздражители, источником которых выступали климат, почвы,

рельеф, растительность и тому подобное. В любой ситуации характеристики природной среды должны были рассматриваться силами, неподвластными контролю, их считали независимой переменной в отличие от зависимой величины — поведения человека.

В научном мышлении на рубеже XX в. такие взгляды были преобладающими. То, что дела обстояли именно так во времена, когда Западная Европа переживала беспрецедентные изменения, вызванные промышленной революцией, является еще одним доказательством влияния дарвинизма и ориентированных на него естественных наук на интеллектуальный климат тех лет. Социальным наукам пришлось стать строго эволюционистскими, причем различные проявления культуры исследовались с точки зрения их происхождения, развития, а также выживания или исчезновения (Gould, 1967). Однако в эпоху, когда идея борьбы за существование в капризной природной среде оказывала мощное влияние на теорию многих научных дисциплин, когда слово «эволюция» стало появляться в названиях работ антропологов, психологов, социологов и историков, лишь немногие науки могли соперничать с географией по глубине восприятия подобных идей. Начиная с последней трети XIX в. и до конца 20-х гг. нынешнего столетия в центре географической мысли находился *географический детерминизм*. Согласно этому направлению энвайронментализма, глубинные корни любого компонента человеческой деятельности по цепочке причинно-следственных связей могут быть выведены из условий природного окружения; при этом всегда подчеркивалось значение тезиса о том, что человек всегда подвергается воздействию стихийных сил природы, находящихся вне его контроля (Moos, 1976).

По всеобщему мнению, детерминизм был привнесен в географию Фридрихом Ратцелем. В отличие от большинства немецких географов конца прошлого века Ратцель интересовался прежде всего географией человека, а не геоморфологией. В двухтомном труде «Антропогеография, или Введение в применение географии для истории» (1882, 1891; см.: Wanklyn, 1961) Ратцель высказывает неодарвинистскую мысль о том, что человеческие сообщества борются за выживание в окружающей природной среде точно так же, как животные или растения. В ходе борьбы за существование приспособление сообществ принимает различные формы в соответствии с преобладающими условиями этой среды.

Пространственные вариации поведения, социальной организации и культуры образуются в тесной связи с различиями природных условий, особенно в связи с различиями в климате, который Ратцель считал важнейшим фактором формирования национальных особенностей. Нахождение этих детерминистических связей давало ключ к пониманию поведения людей: как только становились известны природные условия, определявшие форму проявления социальных и культурных особенностей, сразу делалась понятной историческая и географическая специфика развития различных народов.

Ратцель, как многие новаторы, отлично сознавал, что в его обобщениях есть уязвимые места, поэтому как в «Антропогеографии», так и в более поздних работах он старался тщательно указывать на исключения. Например, в книге, посвященной региональной географии Германии (Ratzel, 1898), он отмечает ряд случаев, когда культурные различия играют более важную роль, чем вариации природных условий в различных местностях (James, 1973). Эта самокритичность, однако, постепенно утрачивалась в работах последователей, комментировавших и развивавших его идеи. Сделанное замечание особенно справедливо для трудов ряда американских географов, возглавлявшихся ученицей Ратцеля Элен Черчилл Семпл, вдохновенно разрабатывавшей концепцию географического детерминизма.

Идея, на которой основаны работы Семпл, раскрывается в параграфе, открывающем ее книгу «Влияния географической среды в Ратцелевой концепции антропогеографии»:

«Человек — продукт земной поверхности. Это означает не только то, что он — дитя Земли, прах ее праха, но и то, что Земля приходится ему матерью, вскормившей его и обременившей его заботами, руководящей его мыслями, сталкивающей его с трудностями, которые укрепляют его тело и оттачивают его ум и способности, ставящей его перед необходимостью развивать судоходство и орошать поля, одновременно подсказывая ему, как это сделать...» (Semple, 1911, 1). Метод, который она применяла, состоял в сравнении уровней культурного развития и жизнедеятельности людей, живущих в сходных географических условиях. Если представители разных этнических групп проявляли схожие или родственные черты в социальном, экономическом или историческом развитии, Семпл утверждала, что было бы вполне обоснованным считать появление этих черт результатом влияния природной среды, а не этнических особенностей. Она приводила многочисленные, хотя и весьма фрагментарные доказательства, чтобы показать правильность своих детерминистических взглядов, группируя эмпирический материал таким образом, чтобы фундировать примерами действие четырех главных предполагаемых «воздействий» природной среды, а именно: прямых физических воздействий на психику, экономических и социальных воздействий и тех, что влияют на перемещения людей.

Согласно утверждениям Семпл, она являлась сторонницей весьма умеренного детерминизма, однако на практике взволнованность, характерная для ее литературного стиля, вместе с широким использованием глаголов, обозначающих причинно-следственные связи, придавали книге гораздо более ярко выраженную детерминистическую окраску. Сегодня очевидно, что, каковы бы ни были ее намерения, многие выводы Семпл являются грубыми механистическими интерпретациями сложного феномена пространственного поведения. Ее выводы страдали как недостатком убедительных доказательств, так и односторонностью представления о географии как о науке, изучающей лишь воздействие внешней среды на человека. Сходство географического детерминизма и бихевиористской психологии в этом отношении вполне очевидно. И тот и другая исповедуют одинаковый стиль научного исследования, считая его целью поиск механистических закономерностей, устанавливающих причинно-следственные связи. Огромное влияние на формирование этих направлений оказала эволюционная теория Дарвина, и оба они наиболее прочно укоренились в Соединенных Штатах. Сходство их особенно проявилось в моделях человеческого поведения, принятых детерминистами и бихевиористами. Географический детерминизм основывался на модели, буквально идентичной той, которая выводилась из бихевиористского принципа «стимул — реакция» и даже могла быть описана в бихевиористских терминах. Например, «...любое утверждение может считаться географическим по своему смыслу, если оно содержит показ существенных отношений между каким-либо неорганическим элементом природы в качестве ограничителя и элементами органического мира данной территории в качестве реакции на первый» (Davis, 1906^[2], цит. по: James, 1973). Таким образом, природная среда предстает совокупностью стимулов, на которые человек вынужден реагировать, подразумевая при этом полное или частичное игнорирование его умственных способностей.

Развитие географического детерминизма продолжалось вплоть до середины нашего века в работах таких авторов, как Хантингтон (Huntington, 1915, 1945) и Тейлор (Taylor, 1937, 1940). Детерминизм оставался настолько жизнеспособным, что в 1950-е гг. появился ряд статей, посвященных этой

тематике^[3]; вообще, как только географы начинают устанавливать «влияние» внешней среды на поведение, он неизменно проявляется, хотя и в ослабленном и менее явном виде (Simons, 1966). Пика своего развития детерминизм достиг в 1925 г. С этого времени географический детерминизм стал подвергаться все усиливающейся критике, начало которой было положено учеными французской школы *поссибилизма*, альтернативной детерминизму доктрины, обычно ассоциирующейся с именами Видаля де ла Блаша (Vidal de la Blache, 1926), Брюна (Brunhes, 1920) и Февра (Febvre, 1925). Поссибилисты сфокусировали внимание на некоторых принципиальных недостатках детерминистических построений: использовании примитивных корреляций в качестве решающих доказательств существования причинных связей; тщательном отборе весьма немногочисленных эмпирических наблюдений, а также переоценке ими значения непосредственного влияния внешней среды на повседневную жизнь людей. Согласно точке зрения, выдвинутой поссибилистами, человек является активным элементом, а окружающая среда — инертной или же ареной, предоставляющей различные варианты для его деятельности. Поссибилисты считали, что «нигде не существует необходимости, повсюду есть только возможности, и человек, как хозяин возможностей, является распорядителем их использования» (Febvre, 1925, 236). Это не означает, что человек является полновластным хозяином природы. Безусловные ограничения, выдвигаемые ею, в любом случае весьма многочисленны. Это не означает также и того, что не существует экономических и социальных факторов, лимитирующих использование возможностей, предоставляемых природной средой. Время и ресурсы, находящиеся в распоряжении человека, ограничены; не все технически возможные проекты осуществимы; кроме того, существует цена возможности^[4], зависящая от характера осуществляемого мероприятия (Moos, 1976).

Вплоть до первых послевоенных лет поссибилизм и детерминизм являлись как бы двумя крайними позициями в спорах географов, посвященных взаимоотношениям человека и окружающей среды. Предпринимались попытки создания промежуточных теоретических построений. Среди них наиболее заметной стала теория географического *пробабилизма* (Spate, 1953), согласно которой постулировалось, что некоторые природные условия создают более благоприятные возможности развития, а другие — менее благоприятные (см. ниже). Однако детерминизм и поссибилизм не были, как считают многие, полными антагонистами. Харвей (Harvey, 1969, 402) полагает, что доктрины обеих школ основываются на использовании аргументации, присущей причинно-следственным моделям:

«По Видалю де ла Блашу, при объяснении нужно показать, каким образом некоторое данное событие попадает в точку пересечения сложных казуальных цепей... а приверженцы географического детерминизма, например Семпл и Хантингтон, стремились доказать обусловленность человеческой деятельности таким привычным детерминантом, как внешняя среда. С другой стороны, географы-поссибилисты возражали не столько против казуального принципа, сколько расходились с детерминистами в вопросе идентификации правильной причины и правильного следствия»¹.

Кроме того, и детерминисты, и поссибилисты в любой ситуации рассматривали среду как заранее данный фактор, по существу игнорируя деятельность человека по изменению этой среды. Уже это само по себе

может быть достаточно серьезным основанием для отказа от обеих концепций, поскольку экспоненциальный рост всех областей технологии способствует постепенному уменьшению значения потенциального влияния природных условий, то есть развитию феномена, названного Крайком (Craik, 1970) «отступлением природной среды». И действительно, сегодня вполне правомерен вопрос: «А что, собственно, подразумевается под «природной средой?»^[5]. В современном мире, серьезно преобразованном новейшими техническими средствами, рассмотрение «ограничений», накладываемых природной средой, или даже ее «влияний» не обеспечивает правильного подхода, необходимого для объяснения человеческого поведения. Обстоятельства, содействующие проявлению другой причины угасания рассматриваемых направлений, аналогичны опыту становления психологии. Речь идет о том, что по мере развития научной дисциплины ученые больше не чувствуют себя связанными определенным устоявшимся взглядом на природную среду, а свободно используют, исходя из прагматических соображений, наиболее приемлемый для решения данной конкретной проблемы подход.

Этот прагматизм, однако, отчасти ассоциировался с не столь позитивными обстоятельствами. Как только было показано, что географический детерминизм теоретически порочен, само это словосочетание превратилось в уничижительный ярлык — «пугало», которым стращали слабонервных (Eyre, Jones, 1966). В течение некоторого времени казалось более спокойным вообще избегать исследований каких бы то ни было связей между природными факторами и социальными явлениями (то есть того, что является основным полем деятельности географа, занимающегося изучением поведения), чем подвергаться риску быть названным «детерминистом». Сегодня преобладающими стали более взвешенные оценки, однако это не компенсирует понесенного наукой ущерба.

Тем не менее энвайронментализм, находясь в стороне от исследования специфических сюжетов географического детерминизма^[6], сохранился в географии, занимая наиболее сильные позиции в экологическом и пространственном направлениях этой науки. Экология до сих пор находится под впечатлением дарвинистских идей о борьбе организма со средой за свое существование, хотя экологи и сформулировали более широкое понятие среды, в которое наряду с природными включает и антропогенные компоненты. В экологическую теорию входит холистическое видение различных органических форм жизни, стремящихся приспособиться к природной среде и друг к другу. По сути, это все тот же энвайронментализм, но уже сделавший шаг в сторону от классического географического детерминизма. Возможно, главной проблемой экологии является то, что «географы настолько сжились с понятиями гомеостазиса со всеми вытекающими отсюда следствиями, понятиями, столь характерными для экосистемного подхода, что они оказались совершенно сбитыми с толку широкими возможностями, открываемыми неодолимыми тенденциями, которые заставляют общественного человека использовать имеющиеся у него ресурсы, в том числе территорию, таким образом, который нельзя постигнуть, принимая во внимание лишь представления о кратковременном равновесии» (Chorley, 1973, 161).

Другими словами, убедительная концепция, слишком жестко и прямолинейно примененная к объяснению поведения человека, в свою очередь может превратиться в теоретическую «смирительную рубашку». Концепция должна быть «снята» по ситуации, а не наоборот.

Неоэнвайронментализм *пространственного научного подхода*, широко распространившегося в географии человека в 60-е гг. и несшего с собой применение моделирования и количественных методов, был совершенно

¹ Цитируется по русскому изданию: Д. Харвей. Научное объяснение в географии. М. «Прогресс», 1974, с. 391. — Прим. ред.

иним. Пространственный подход зародился в работах ряда экономистов: Кристаллера (Christaller, 1933), Леша (Lösch, 1940) и Изарда (Isard, 1956, 1960), стремившихся расширить границы экономического анализа через рассмотрение пространственных отношений. Неудивительно поэтому, что в их трудах в качестве отправных точек задействованы представления, обычные для микроэкономического анализа, которые подразумевают наличие условий, с необходимостью обеспечивающих свободную конкуренцию производителей и потребителей товаров и услуг, существование однородной природной среды, унифицированных вкусов, а также того, что все решения, принимаемые бизнесменами и покупателями, рациональны с точки зрения жестких экономических критериев. Последний тезис является стержнем понятия «экономический человек», важнейшей предпосылки экономического анализа со времен Адама Смита. Экономический человек — это всеведущий индивид, который принимает абсолютно верные решения, будучи полностью подчиненным обстоятельствам своей экономической среды. Постулировалось, что, когда бы ни проявились стимулы этой среды в форме изменяющихся рыночных обстоятельств, экономический человек способен сразу же так изменить свое поведение, чтобы достичь наиболее оптимального решения (Knight, 1956).

Позднее ученые, широко опираясь на эти упрощенные представления, набросали весьма вычурный абрис теории размещения. Безусловно, нет ничего плохого в использовании упрощенных представлений для первоначального приблизительного объяснения непонятного явления, однако при этом всегда остаются устойчивые сомнения двух видов. Во-первых, нередко утверждают, что предположения сделаны лишь примерно, для начала, и что затем, по мере накопления знаний, они будут отброшены или модифицированы. Однако из опыта экономических исследований следует обратное: коль скоро детерминистическая концепция экономического человека сделана опорным понятием сложных, имеющих высокий уровень абстракции теоретических построений, их внутренняя логика, по-видимому, стала бы весьма уязвимой, если бы предположения, на которых они выстроены, были отброшены. На самом деле для ученых характерно сильное искушение повышать адекватность своих теорий скорее путем использования обратного способа — через «конкретизацию»^[7], ссылаясь на которую исследователь утверждает, что реальность в действительности похожа на созданную им модель, — чем стремясь сделать модель в большей степени соответствующей реальному положению вещей. Хорошим подтверждением этой мысли являются работы представителей «социальной физики»^[8], заявлявших, что, поскольку стремление к оптимизации является естественной целью развития разного рода биологических систем, почему в обществах со свободной рыночной экономикой должно быть по-другому?

Во-вторых, сами экономисты во все большей степени ставят под сомнение правомерность понятия экономического человека. Даже не стремясь глубоко вникать в страстную дискуссию по этому вопросу^[9], можно без труда обнаружить работы целого ряда ученых-экономистов, в которых утверждается, что представление о существовании лица, в одиночку принимающего решения и независимо действующего в мире высокоразвитой конкуренции, не адекватно миру современного бизнеса, в котором доминируют огромные организации, имеющие сложные задачи, разветвленные структуры управления и обладающие колоссальной монопольной властью (Cyert, March, 1965). И даже в случае, когда индивидуальный предприниматель оказывается самым распространенным действующим лицом ситуации, весьма сомнительно, чтобы результаты его решений представляли собой наиболее оптимальное поведение. По мнению Симона (Simon, 1952, 1957), как правило, маловероятно, чтобы предпри-

ниматель достигал более чем просто удовлетворительного выхода из сложившихся условий, если он вообще способен был найти даже его. Лица, принимающие решения, имеют скорее ограниченную, чем исчерпывающую информацию и вынуждены действовать в условиях неопределенности, поэтому уровень оптимальности принимаемых ими решений неизбежно будет столь же ограничен.

Эти изменяющиеся в экономике настроения имеют свои аналоги и в географии. Примечательно, что одна из первых работ, бросивших вызов теориям пространственного анализа, статья Уолперта (Walpert, 1964), базировалась на «удовлетворяющей» модели Симона. Признавая, что эта модель нелегко поддается проверке, Уолперт использовал ее в применении к шведским фермерам, хозяйства которых имели средние характеристики, для проверки того, происходит ли принятие решений в реальном мире согласно принципу удовлетворения или оптимизации. Действительное поведение фермеров сравнили с тем, каким бы оно было, если бы фермеры оптимально использовали имеющиеся у них ресурсы (рассчитанные по данным научного анализа продуктивности земель). Выяснилось, что урожайность в растениеводстве оказалась значительно ниже теоретического оптимума, в некоторых случаях достигая лишь 40% возможной. Опираясь на эти результаты, Уолперт пришел к выводу, что понятие удовлетворенности является более точной характеристикой особенностей поведения исследованной группы населения, чем понятие, выведенное из представления об экономическом человеке. Было установлено, что фермеры не обладают исчерпывающей информацией из-за наличия непредсказуемых изменений, а также определенного информационного лага, связанного с передачей и особенностями восприятия информации. Было также обнаружено, что деятельность по принятию решений опирается не только на объективно существующие доступные альтернативы, но отражает также

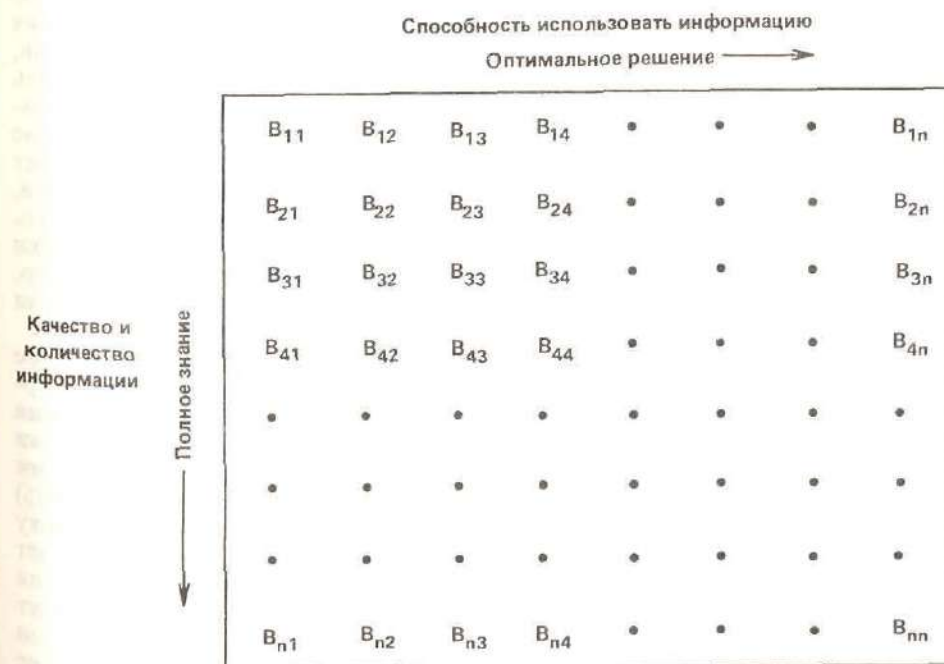

Рис. 3-1. Матрица поведения. Pred (1967, 25).

степень осознанности наличия этих альтернатив и последствий их применения, готовность фермера подвергнуться риску и действовать наугад, как и его систему ценностей.

Эти же параметры доступности информации и различных уровней мастерства в ее использовании были задействованы Предом (Pred, 1967, 1969)^[10] для формирования его «поведенческой матрицы» процесса принятия решений о размещении. Как показано на рис. 3-1, в любой конкретной ситуации данный предприниматель будет занимать в матрице позицию в соответствии с объемом его знаний и мастерством их использования. Расположение ближе к правому нижнему углу указывает на то, что данный предприниматель обладает большими шансами принять удачное решение о размещении, чем некто, располагающийся ближе к верхнему левому углу матрицы. При этом важно подчеркнуть, что речь идет лишь о вероятности. Для предпринимателя, обладающего меньшей информацией и более низким уровнем мастерства в ее использовании, всегда остается возможность принять лучшее решение о конкретном размещении объектов, чем у того, кто обладает большими умениями и информацией, просто такой вариант сравнительно маловероятен.

Эти попытки привнести вероятностный подход в пространственный анализ, удачным примером которых служит работа Преда, явились важным этапом в ослаблении позиций неознанийонментализма, а также сторонников применения в географии пространственно-экономических моделей. Исследования в этой области, основанные на применении вероятностного подхода, приняли различные формы. Например, некоторые авторы начали использовать теорию игр в качестве средства для воспроизведения вероятных стратегий поведения различных участников («игроков») в условиях неопределенности их пространственного окружения (Gould, 1963, Chapman, 1974) или в условиях конкуренции с другими игроками при заданных внешних обстоятельствах (Pred, Kibel, 1970; Wolpert, 1970; R. Cohen et al., 1973). Другие в качестве концептуальной основы использовали теорию информации, в рамках которой анализировались информационные условия принятия решений (Marchand, 1972; Walsh и Webber, 1977). Модели, построенные на базе теории игр или теории информации, — это всего лишь два отдельных примера более общей тенденции к расширению и модификации психологических основ теоретических построений о пространстве через введение вероятностных формулировок. Вероятностный подход дает возможность установить баланс устойчивых и динамических особенностей, характерных для процесса принятия решений, а также легко вмонтировать их учет в количественную парадигму географии. Однако, с нашей точки зрения, существуют три довода, позволяющие усомниться в том, что, следуя подобной стратегии, можно получить удовлетворительные модели анализа поведения людей в реальном мире.

Во-первых, нет никаких убедительных оснований считать, что простое включение стохастических (случайных) элементов трансформирует нормативные модели пространственного поведения в истинные представления о поведении в реальном мире, будь то поведение отдельных индивидов или групп людей. Во-вторых, эти модели являются по существу моделями «массового поведения»: они опираются на то, что Липси (Lipsey, 1975) назвал «законом больших чисел». Его суть состоит в том, что, поскольку поступки отдельных людей непредсказуемы, лишь поведение групп будет поддаваться точному прогнозу, так как в случае рассмотрения поведения больших масс людей нестандартные действия одного индивида будут в значительной степени компенсироваться нестандартными поступками других людей. Хотя это положение на интуитивном уровне кажется вполне разумным, достаточно трудно отделить указанный аспект от других

следствий, вытекающих из теории «массового поведения», например от того, что группы видятся состоящими из «атомизированных» индивидов, различным образом зависящих друг от друга, но не имеющих при этом общих целей или единого направления действий (Elliott, 1972; Giner, 1976), то есть утверждений бихевиористского типа, адаптированных в эту теорию. В-третьих, это ничего не вносит в изменение ситуации, в которой среда воспринимается чем-то окончательно заданным. Она не предусматривает никаких средств ни для показа того, как человек изменяет окружающую его среду, ни для исследования истинной динамики пространственного поведения в непосредственной среде окружения.

Начальные этапы развития поведенческой географии

Даже не разбирая подробно всех проявлений рассматриваемой ниже тенденции, можно смело сказать, что разочарование энвиронменталистскими моделями человека и стремление найти иные принципы понимания взаимосвязей человека и среды окружения способствовали развитию поведенческой географии. В то же время необходимо упомянуть о существовании двух факторов.

Первый — это критика теории и методов географии в ходе так называемой «дискуссии соответствия». «Дискуссия соответствия» — это название, данное широкой дискуссии, состоявшейся в начале 70-х гг.^[11] и посвященной рассмотрению ряда наболевших проблем, в той или иной мере заявивших о себе в предшествующее десятилетие. В ходе этой дискуссии основное внимание сконцентрировалось на трех главных направлениях: на необходимости более пристального рассмотрения наличных социальных проблем, таких, как загрязнение окружающей среды, проблем бедности и материального благосостояния; на существовании потребностей прямого выхода географических исследований на разработку конструктивных рекомендаций для проведения эффективной социальной политики и социального планирования и на важности осознания географами того факта, что их работы всегда имеют ценностную ориентацию. Причем имеющиеся ценности влияют на все стадии исследования, начиная с выбора той или иной проблемы и кончая формами представления и характером интерпретации результатов ее изучения. Постановка всех этих вопросов стимулировала развитие поведенческой географии. Поведенческая география представляет собой отрасль исследований, близко затрагивающих социальные проблемы и вопросы охраны окружающей среды, она обладает значительной конструктивной ориентированностью, в ней также признается, что географы, как и исследуемые ими люди, являются индивидами с характерным видением мира, а не отстраненными наблюдателями, не имеющими никаких ценностей.

Вторым фактором, заслуживающим внимания, является рост числа связей между географией и другими научными дисциплинами. В течение многих лет географы стремились выделить свой, существующий только в географии предмет исследований, буквально поворачиваясь спиной к достижениям других наук (Granö, 1977). Результат сближения интересов, касающихся междисциплинарных проблем, для поведенческой географии был точно таким же, как и для психологии средового подхода, расширившей узкие рамки методологии материнской науки и допустившей перекрестное взаимообогащение научными идеями. Как уже отмечалось, существует ряд проблем, связанных с внедисциплинарными тенденциями развития концептуального аппарата и увеличением потоков информации, однако остается справедливым то, что многие работы, оказавшие серьезное

влияние на развитие поведенческой географии, были взяты из научной литературы других отраслей знания.

Это не означает, конечно, что пельзя обнаружить никаких корней поведенческой географии в самой географической науке, и многие современные ученые усиленно ищут их там. Вполне вероятно, однако, что это несколько надуманные попытки, так как работам ученых прошлого, рассматриваемым в ретроспективе, может быть придано значение, никак не соответствующее их действительному месту в науке своего времени. Так, Ричардс (Richards, 1974) поставил задачу показать, что понятие «ментальной (мысленной) карты» неявно присутствует в работах философа восемнадцатого века Иммануила Канта, однако это скорее натянутая интерпретация, чем открытие источника, в действительности повлиявшего на развитие теории поведенческой географии. С гораздо большим основанием корнями поведенческой географии, существовавшими до 60-х гг., могут считаться работы трех американских географов — Зауэра, Райта и Уайта, а также английского географа Кирка.

Карл Зауэр. Зауэр был одним из первых географов, высказавших мысль о том, что ключом к пониманию различий в землепользовании в прошлом может стать анализ социальных и культурных особенностей. В его публикациях (см.: Leighley, 1969) и в работах представителей школы исторической географии, основанной им в Беркли (Калифорния), основное внимание уделялось исследованию взаимоотношений человек — земля и их отражению в ландшафте. Ландшафт исследовался в двух отношениях: как *природный ландшафт*, когда рассматриваются его природные характеристики, имеющие значение для человека (рельеф, растительность, почвы, полезные ископаемые и другие природные компоненты), и как *культурный ландшафт*, формируемый человеком (см. табл. 3-1). Культура выступает активным агентом, природная среда — средством, а культурный ландшафт — результатом. Под влиянием данной культуры ландшафт становится хранилищем свидетельств борьбы этой культуры за свое существование с природным окружением. Ландшафт выступает в роли скрупулезного свидетеля приспособления человека к окружающей среде. Все эти представления вполне вписывались в экологическую традицию, однако вклад Зауэра состоит в том, что он первым до конца осознал тот факт, что посредством культуры человек сам формирует окружающую его среду.

Дж. К. Райт. Райт также занимался изучением взаимоотношений культуры и ландшафта, хотя около 500 опубликованных им между 1908

и 1961 гг. работ показывают, что его интересы хв. тывали широкий спектр проблем географии человека. Впрочем, суть его идей в этой области можно понять по Президентскому адресу Ассоциации американских географов, написанному им в 1946 г. (Wright, 1947), который до сих пор остается наиболее влиятельной работой ученого. В ней Райт отметил, что, даже если на Земле не останется ни одной совершенно неисследованной территории, географы все-таки смогут изучать некие *terrae incognitae*, или «неизвестные земли». Эти «неизвестные земли» существуют в умах людей, составляя их собственные миры, хотя обычно они имеют ряд общих черт у представителей одной и той же социальной, культурной или профессиональной группы. Изучение их также требует значительных усилий, поскольку «неизвестное побуждает воображение вызывать мысленные образы того, что следует искать в неизвестном, и чем больше найдено, тем больше требуется воображения для дальнейшего поиска» (Wright, 1947, 4). Райт считал, что генеральным направлением развития географии должно стать изучение географических знаний во всех формах, содержатся ли они в научных по формальным критериям работах или представлены в широком спектре формально внеучных источников, таких как путеводители, популярные журналы, газеты, книги прозаиков и поэтов или картины художников. Его идея состояла в создании особой отрасли науки под названием «геософия», в которой исследовались бы географические знания «с любой или со всех точек зрения». Оглядываясь назад, нужно отметить, что идея о формировании геософии не получила поддержки, однако лежавшие в ее основе представления о существовании мысленных «неизвестных земель», а также о роли воображения оказали весьма плодотворными (Lowenthal, 1961; Lowenthal и Bowden, 1976).

Уильям Кирк. Кирк (Kirk, 1952, 1963) предложил одну из первых моделей поведения, действительно альтернативных энвайронменталистским представлениям о взаимосвязях человека и природной среды. Как историка-географа Кирка интересовало, каким образом общества, существовавшие в различных природных условиях в разные времена, интерпретировали свое окружение и реагировали на него. Он полагал, что поступки людей зависят от особенностей восприятия ими своего окружения. Взгляд на мир при этом может серьезно искажать реальность, в значительной степени завися от ценностей, преобладающих в рамках той или иной культуры.

Используя эту модель, Кирк попытался ввести в контекст географических исследований положения гештальтпсихологии. В соответствии с гештальттеорией проводится четкое различие между объективно существующей (феноменальной) и поведенческой средами. Первая — это природная среда вместе с произведенными в ней человеком изменениями. Последняя представляет собой «психофизическое поле, в котором феноменальные факты организуются в особые образы, или структуры (гештальты), и получают ту или иную ценность в зависимости от культурного контекста» (Kirk, 1963, 366). Кирк не обсуждает, каким путем формируется поведенческая среда, однако полагает, что это можно объяснить, исходя из общих положений гештальттеории. Существенное различие между его пониманием поведенческой среды и тем, что принято в гештальтпсихологии, заключается в том, что Кирк считает однажды сформированную поведенческую среду основой *рационального* поведения людей. Другими словами, он комбинирует две традиции — веру в рациональность принимаемых человеком решений, характерную для географов тех лет, и перцептуальные¹ принципы гештальтпсихологии.

¹ То есть принципы, в соответствии с которыми происходит восприятие тех или иных объектов. — Прим. перев.

Таблица 3-1.

Схема морфологии культурного ландшафта

Фактор	Среда	Формы проявления	
Культура → Время → Природный → ландшафт		Население: плотность подвижность	Культур- ный ланд- шафт
		Жилая застройка: планировка структура	
		Производственные процессы	
		Коммуникации и др.	

Источник: Sauer (1925, 343).

Один из способов, которым Кирк давал представление о понятии поведенческой среды, отображен на рис. 3-2. «Факты» социальной и природной сред становятся частью поведенческой среды только тогда, когда они проникают сквозь высокочувствительные фильтры культурных ценностей. Эти ценности изменяются во времени и пространстве, поэтому вполне можно ожидать, что одна и та же информация будет иметь разное значение для представителей различных культур или даже одного и того же общества в разные периоды времени.

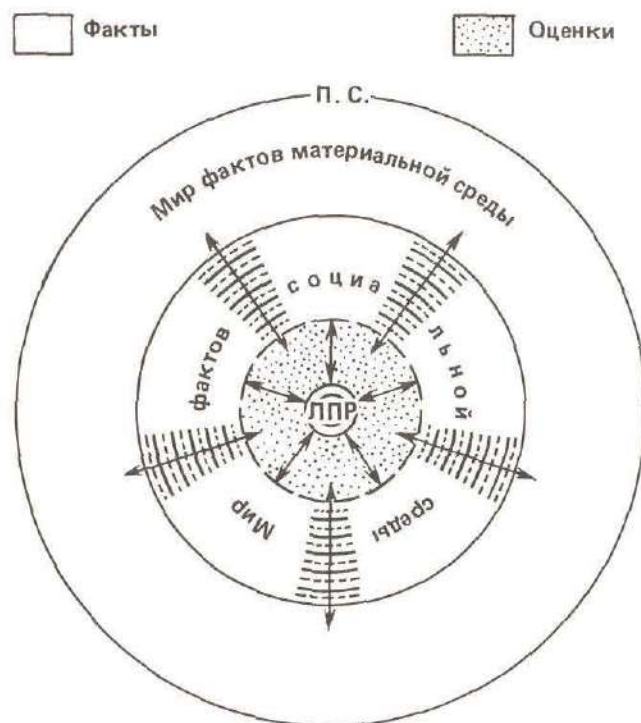

Рис. 3-2. Поведенческая среда лица, принимающего решение. Gold (1977a, 41).

Значение этой модели состояло в том, что она внесла в географические исследования понятие «поведенческая среда», однако она содержала и изъяны, прямо проистекавшие из тех двух традиций, которые были в ней сведены воедино. Во-первых, в ней присутствует вера в то, что принятие решений основывается на рациональной оценке ситуации в целом. Как отмечает Хурст (Hurst, 1974), это звучало бы так же подозрительно, как «экономический человек», если забыть, что, согласно данной модели, решения принимаются исходя скорее из поведенческой, чем из объективно существующей среды. Во-вторых, для нее характерны недостатки, присущие гештальттеории в целом и рассмотренные в предыдущей главе. Идея существования поведенческой среды, если бы из нее устранить гештальт-психологический подтекст, определенно принесла бы большую пользу научным исследованиям (см. напр.: Lloyd и Dicken, 1972).

Гилбер Уайт. Работы Уайта подробно анализируются в 12-й главе, поэтому здесь будет достаточно краткого комментария. Уайт занимает

выдающееся место как в прошлом, так и в настоящем поведенческой географии из-за его лидирующей роли и активного участия в исследовании стихийных бедствий. Наблюдение за стихийными бедствиями носит систематический характер, что обеспечивает высокий уровень сопоставимости, являясь образцом для всей поведенческой географии. Кроме того, Уайт в своих работах твердо следует высоким этическим принципам. Как заметил Чорли (Chorley, 1976), во всем, что касается проблем окружающей среды, Уайт глубоко социально ангажирован и все его работы содержат мысль о том, что география — наука всегда приверженная ценностному подходу. Географов не может удовлетворить безличное описание и анализ прошлого, они несут моральную ответственность за интерпретацию результатов из исследований с точки зрения улучшения жизни людей. Вполне очевидны взаимосвязи этих мыслей с проблемами, затронутыми в дискуссии соответствия.

Ситуация в современной поведенческой географии^[12]

С начала 60-х гг. поведенческая география быстро развивалась, хотя предсказание, что она «в скором времени по значимости пропо-ведываемых ею идей сравнится с количественной революцией» (Burton, 1963, 159), возможно, показывает, что развитие должно было бы происходить быстрее, чем, как теперь уже ясно, оно шло на самом деле. Это объясняется двумя причинами. Во-первых, в отличие от ситуации вторжения количественных методов поведенческая география не соответствовала самому духу географии человека, преобладавшему в ней в то время, когда все возрастающее внимание уделялось развитию пространственного анализа. Во-вторых, поведенческая география не имела того преимущества, которое обретает научное направление, сформировав цельную теорию, как это было в начале широкого применения количественных методов. Наоборот, она полностью зависела от работ исследователей, соединявших воедино различные направления развития мысли, существовавшие в многочисленных академических науках. Принимая во внимание разнообразие этих наук, едва ли удивительно, что поведенческая география сохранила «унаследованную разбросанность» понятийного аппарата, методики и самого характера эмпирического материала. Это привело к обилию различных исследовательских направлений, иногда многообещающих, иногда весьма бесплодных и обреченных поэтому на забвение.

Тем не менее общие темы все-таки появились. Гоулд и др. (Golledge et al., 1972) проанализировали главные тенденции поведенческой географии, существовавшие в различные периоды ее развития, Сааринен (Saarinen, 1969, 1976) предпринял попытку классифицировать исследуемые в ней проблемы в соответствии с пространственным размером среды окружения, в которой происходит восприятие и реализуется поведение, а Гуди (Goodey, 1971) работал над выделением областей исследования, представляющих интерес для всех специалистов этой науки. Совершенно иной подход использовал Голд (Gold, 1977a), рассмотревший современное состояние поведенческой географии с точки зрения ее содержания и организации как учебного университетского курса. Анализ преподавания поведенческой географии в высших учебных заведениях Великобритании показал, что она обнаруживает свое существование в двух основных формах: почти повсеместно как компонент более широких курсов географии человека и в меньшем, но все возрастающем числе факультетов как особый учебный предмет. Поскольку выяснилось, что рассмотрение последнего варианта весьма способствует пониманию характера поведенческой географии в наши дни, целесообразно проанализировать его подробнее.

Основные разделы программ спецкурсов по поведенческой географии, 1975–1976 гг.

Разделы	Состав отдельных спецкурсов												
1. Вводный раздел													
а. По географии	X	X	X	E	X	X	X	X	X	X	X	X	X
б. По смежным дисциплинам	X	X	X		X	X	X	X	X	X	X	X	X
2. Методология				T									
а. Теоретические основы	X	X	X		X	X		X	X	X			
б. Конкретная методика		X	X	I		X		X	X	X			
3. Основы психологии				H									
а. Ощущения и познавательная способность	X	X	X	F	X	X	X	X	X	X			
б. Особенности развития	X	X	X	O									
в. Структура образов	X	X	X	P	X	X		X	X	X			
4. Природа образов окружающей среды				A									
а. Образы микропространств	X	X	X	I		X	X	X	X	X			
б. Образы города	X	X	X	I	X	X	X	X	X	X			
в. Образы ландшафтов		X			X								
г. Образы регионов	X	X	X		X	X		X	X	X			
д. Образы мира	X	X	X		X	X	X	X					
5. Образы и поведение													
а. Территориальность	X	X	X		X		X	X	X	X			
б. Поведение в городской среде	X	X	X				X	X	X	X			
в. Оценки ландшафта и предпочтение					X								
г. Восприятие стихийных бедствий	X	X	X		X		X	X	X	X			
д. Предпочтения и перемещения	X	X	X		X		X	X	X	X			
6. Прикладные исследования для планирования и пространственного дизайна.	X	X	X		X		X	X	X	X			
7. Проектные работы		X	X			X		X	X	X			
Число часов	10	24	26	30	23	30	6	30	21	34			
Статус курса	*	Ø	*	*	*	*	Ø	*	*	*			

Для уточнения содержания разделов см. текст.

Условные знаки:

X – раздел, представленный в курсе

* – факультативный курс

Ø – обязательный курс

Источник: Голд (Gold, 1977a, 41).

Некоторое представление о содержании этих специализированных курсов дает табл. 3-2. Оказалось, что, несмотря на очевидные различия в количестве лекционных часов, существует заметное сходство как в структуре, так и в тематике преподаваемых курсов. Если говорить о структуре, то основной организующей идеей обычно выступает парадигма взаимосвязей человека и окружающей среды по типу, показанному на рис. 3-3. Человек видится сознательным существом, чье взаимодействие со средой опосредовано мыслительными процессами и когнитивными представлениями о внешнем окружении. Для замены термина «когнитивные

Рис. 3-3. Самая распространенная парадигма взаимосвязей человека и внешней среды.

представления» использовалось множество понятий, самым популярным из которых было понятие образа. В географическую литературу оно проникло из статьи Боулдинга (Boulding, 1956), предположившего, что с течением времени при ежедневных контактах со средой окружения у индивидов формируются мыслительные впечатления о мире (образы) и что эти образы являются основой их поведения. Поэтому «образ» считался исчерпывающим познавательным понятием – особенностью, которая, как будет показано в следующем разделе, имеет и преимущества, и недостатки.

Вопросы, рассматриваемые в этих курсах, связаны с указанной парадигмой, причем три основных раздела (под номерами 3–5 в табл. 3-2) посвящаются соответственно процессам формирования и развития образов, их структуре и характеру, а также связям между образами и поведением. Раздел о развитии образов, как правило, включает в себя рассмотрение соответствующих аспектов психологии – взаимодействие органов чувств в процессе восприятия, а также становление пространственных представлений у детей. В центре раздела, посвященного природе образов, обычно находится понятие размерности, при помощи которого, как считается, можно легко выстроить образы в иерархию, отражающую четко ограниченные пространства, начиная со сред малюго размера, таких, как комната или дом, через среды мезоуровня, такие, как община, район, город, и до макросред регионов и наций^[13]. Затем исследуются пространственные образы различных уровней, хотя основное внимание уделяется рассмотрению образов городской среды на мезоуровне. Обсуждение связей образов и поведения обычно происходит при рассмотрении конкретных областей исследовательской деятельности, причем на первый план выступают такие вопросы, как анализ реакций на стихийные бедствия, пространственное поведение в городе, а также роль предпочтений в межгородских миграциях.

Из вышеизложенного ясно, что преподавание поведенческой географии следует за проводимыми исследованиями. Другими словами, это географическая дисциплина, устоявшаяся структура преподавания и направлений обучения в которой постоянно подпитывается результатами исследований ведущих ученых^[14]. Было установлено, что обучение поведенческой географии, как и исследования в этой области, ориентируясь на решение конкретных исследовательских проблем, характеризуется сильной конструктивной направленностью и основывается на общей концепции процесса взаимодействия человека и среды. Далее, в учебных программах прослеживаются те же три основных источника ошибок, которые характерны и для многих исследований в этой области. Во-первых, они исходят, как правило, из неопозитивистской методологии, согласно которой, в частности, в неявной форме отстаивается представление, будто элементы мыслительных процессов могут быть отделены друг от друга и объективно «замерены». Нельзя сказать, что все возрастающий поток литературы^[15], обосновывающей необходимость применения феноменологического и связанных с ним неопозитивистских подходов, не был замечен, однако к настоящему времени большинство этих работ написано на уровне высокого, едва ли не философского обобщения. Даже несмотря на существование искреннего интереса к новым плоскостям исследований, открываемым использованием иных подходов, в отсутствие практических методических разработок^[16] неизбежно сохранение значительного влияния укоренившейся в этом направлении географии неопозитивистской традиции. Во-вторых, курсы поведенческой географии основное внимание уделяют изучению городской среды – вполне объяснимое приращение, если иметь в виду доминирование в современном мире городского образа жизни, отчасти отражающее, однако, недостаток убедительных аналитических построений для решения проблем, связанных с исследованием природной

среды. В-третьих, оказалось, что эти курсы ограничивают рассмотрение только исследованиями, выполненными в культурном контексте Европы или Северной Америки. Это, с одной стороны, показывает преимущественно используемые источники, однако до некоторой степени отражает игнорирование западными учеными усилий по развитию этого направления географии в культурах незападного типа.

Связи учебных дисциплин и научных исследований проявились и в другой, менее позитивной форме. Несмотря на усилия по максимальному упорядочению курсов, их программы отражают факт трудной сопоставимости различных научных работ, характеризующихся запутанной терминологией, противоречащими друг другу целями и направлениями исследований, а также весьма низким уровнем теоретических обобщений и материалов эмпирических разработок. Впрочем, что и подтверждает организация этих курсов, интеграция возможна на основе открытого признания и детального анализа тех общих процессов, которые образуют фундамент восприятия среды и соответствующего поведения. Именно эти вопросы мы сейчас и рассмотрим.

Операциональная парадигма

Парадигма взаимоотношений человека и среды показана на рис. 3-4. Он является связующим звеном между упрощенным вариантом, зафиксированным на рис. 3-3, и основными теоретическими представлениями, обсужденными в предыдущей главе. Цель этого сильно схематизированного рисунка состоит в том, чтобы прояснить характер представляемых элементов и их взаимосвязи. «Прямоугольники» обозначают

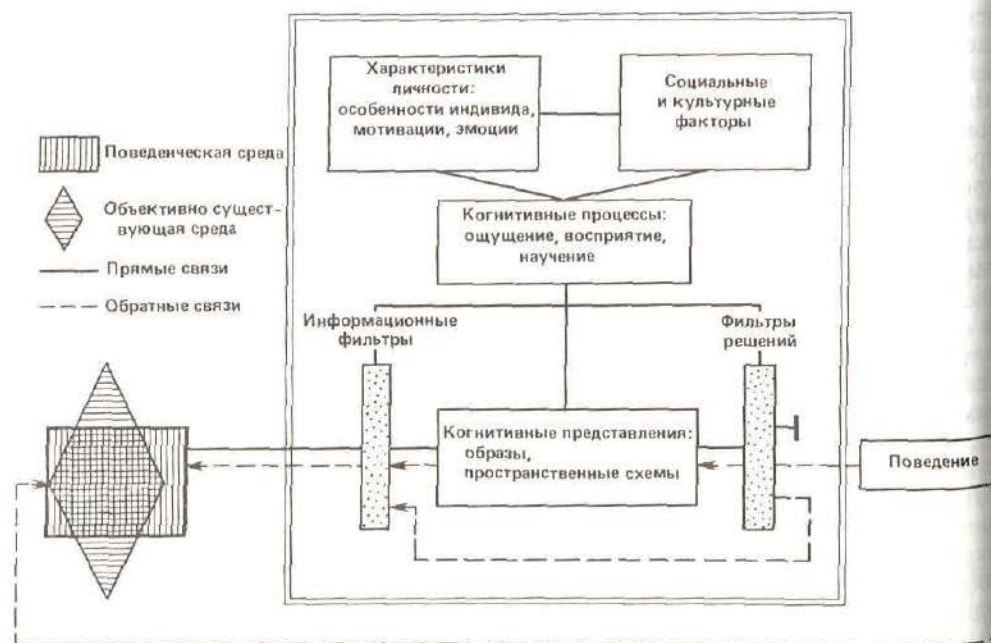

Рис. 3-4. Парадигма пространственных представлений и пространственного поведения индивида.

скорее взаимозависимые, чем взаимно изолированные элементы, стрелки фиксируют скорее направления влияний, а не причинные связи, а схема парадигмы в целом отражает динамические процессы, происходящие в разные промежутки времени. Указанная парадигма представляет собой интеграционную основу всей книги, создавая фон для ответов на главные вопросы, исследуемые в следующих трех частях, а именно: как формируются пространственные знания, каковы природа и структура мысленных представлений о среде, возникающих таким путем, и как эти представления соотносятся с поведением?

Термин «мысленные (ментальные) представления» является, конечно, довольно неопределенным, поэтому далее мы будем использовать два более четко очерченных понятия — «образы» и «представления». Слово *образ* используется здесь в значении, отличном от того, которое в географической литературе обычно воспринимается как синоним индивидуально-организмических субъективных знаний человека об окружающей среде. В этой книге образ определяется как мысленная картинка, которая может быть вызвана в сознании, когда индивид, предмет, место или территория находятся вне доступности наших органов чувств. Слово «образ» имеет устойчивые ассоциации со зрительными образами отчасти вследствие широкого употребления этого термина специалистами-искусствоведами, отчасти благодаря тому факту, что в обыденной жизни это слово связано с миром оптики, являясь обозначением простой видимой копии вещей в зеркале (Langer, 1953). Однако это справедливо не всегда: в состав образов часто входят компоненты, обязанные своим происхождением не только зрению, но и другим органам чувств (Gordon, 1972). То есть образ — это воспринимаемое в отсутствие внешних раздражителей, вне зависимости от того, какие при этом задействованы органы чувств.

С другой стороны, «представления» (schemata) рассматриваются как основное понятие, обозначающее организацию в сознании прошлого и настоящего опыта восприятия окружающей среды. Это понятие, впервые примененное Ли (Lee, 1954) в контексте исследований среды, взято из работ по когнитивной психологии, посвященных восприятию различных объектов (Head, 1920; Bartlett, 1932). «Представление» можно определить как когнитивную структуру или закодированную систему, позволяющую индивиду должным образом реагировать на изменяющийся характер проявления сигналов внешней среды. Представления сами по себе весьма динамичны, открыты к адаптации нового материала, однако избирательны к тому, что адаптировать (Lee, 1976).

Представления, разновидность схем, с которой мы будем иметь дело, можно рассматривать как особые структуры, в рамках которых люди организуют свои знания о среде в целом, отражающие как накопленный ими прошлый опыт, так и получаемые в результате переработки органами чувств поступающей извне текущей информации. Будучи однажды сформированными, такие представления могут трансформироваться за счет расширения их содержания, однако они очень редко пересматриваются полностью. Их для удобства делят на две группы: те, которые передают *территориальное* знание, то есть *знание о размещении по территории*, что обеспечивает общее представление о структуре географического пространства, а также об ориентации и взаимосвязи элементов внутри него; и те, которые несут *атрибутивное* знание — оценку характеристик мест и регионов вместе с информацией, позволяющей сравнивать различные места между собой.

Образы и представления тесно взаимосвязаны, различаясь, однако, в двух отношениях. Во-первых, слово «образ» как по звучанию, так и по содержанию подразумевает связь с воображением. Поэтому оно пред-

ставляет особую ценность при описании тех мест, которые не посещались никогда или посещались очень редко, а также территорий, являющихся слишком большими для полноценного восприятия и о которых можно составить лишь весьма общее мнение. Представления же, напротив, тесно связаны со средой обывденной жизни, с накоплением и структуризацией знаний, на которых основывается поведение в этой среде. Во-вторых, существует проблема концентрации внимания и воображения. Как отмечает Туан (Tuan, 1975a), для того чтобы вызвать перед мысленным взором виды мест, в которых мы никогда не бывали, требуется такое напряжение воображения, что это усилие полностью сковывает нас, или, другими словами, заставляет нас на время забывать о наличных внешних раздражителях. Представления же, наоборот, возникают в уме почти автоматически, как, например, в случае путешествия по хорошо известному маршруту, когда благодаря действию по привычке разум человека остается настолько незагруженным, что путешественник может думать совсем о других вещах. Таким образом, если проблема ориентации в новом среднем окружении, несомненно, является весьма сложной, то, «как только среда становится знакомой и устанавливается привычный маршрут, становится возможным перемещаться по нему с минимальной концентрацией внимания в узловых точках и не напрягая воображение» (Tuan, 1975a, 212). И все же различия между образами и представлениями носят скорее количественный, чем типологический характер. Любая попытка жестко разграничить те или иные виды мыслительной деятельности и отнести их к тем или иным категориям будет в конечном итоге малопродуктивна.

Возвратимся к схеме парадигмы на рис. 3-4. Ее применимость к обывденной жизни показывает, что образы и представления являются основными когнитивными элементами, опосредующими поведение. Индивид, получая территориальную и атрибутивную информацию из поведенческой среды, но влияя своими поступками и на нее, и на объективно существующую среду, является одновременно компонентом и той и другой. Процессы и явления умственной деятельности, рассмотренные выше, для удобства подразделены на три группы: когнитивные процессы, влияющие на формирование представлений о среде; феномены, связанные с личностными особенностями, а также социокультурные факторы. Две последние группы оказывают влияние на указанные процессы. Все три группы, взятые вместе, образуют фильтры, пренарирующие информационные потоки на двух основных уровнях. Во-первых, они влияют на способ извлечения информации из окружающей среды. В любой промежуток времени индивид способен впитать только малую толику потенциальной информации, содержащейся в его окружении, а из той, что все-таки поглощается, большую часть составляют давно известные факты, просто освежающие существующие представления или проясняющие некоторую неопределенность, почти не требуя от человека каких-либо реакций. При более значимой информации может возникнуть необходимость того или иного решения; в этом случае в действие вступает второй информационный фильтр. В результате реализуется один из следующих четырех вариантов: индивид может вообще отказаться от принятия решения; он может решить, что имеющаяся информация недостаточна, и, прежде чем принять окончательное решение, начать поиск дополнительных сведений; он может отказаться от каких-либо действий или же принять то или иное решение и начать действовать.

Но на этом процесс не кончается. В любой ситуации человек для оценки проделанного и корректировки дальнейших поступков стремится определить эффективность своих действий. Это может привести к модификации его пространственных представлений и послужить толчком к совершению новых поступков либо данным индивидом, либо другими людьми.

Формирование пространственного знания

Глава 4

Пространственная информация

Созерцание (то есть осмысленное видение) — это не просто зеркальное отображение, которое всегда одно и то же, но животворная способность воссоздания, имеющая свою собственную духовную историю и прошедшая в своем развитии много стадий.

Г. Вельфлин. Законы истории искусств

В наши дни понимание взаимосвязей человек — окружающая среда затруднено существованием ряда нерешенных вопросов. Каким образом контактируют люди с окружающим миром? Как удается им создавать мысленные представления о внешней среде и какие формы они принимают? Как восприятие соотносится с ощущениями? До какой степени восприятие предопределяется инстинктами и в какой мере оно является продуктом научения, определяемого самой окружающей средой? Какова роль влияния социальных и культурных групп в направленности познавательных процессов? Ни на один из этих вопросов нет ясного ответа, более того, во многих случаях нет даже попыток хотя бы сформулировать его.

Цели второй части являются по необходимости весьма скромными, поскольку рассматриваемые в ней вопросы вызвали и продолжают вызывать много споров, а также порождают различного рода умозрительные заключения. В ней дается анализ различных источников информации и рассматривается развитие пространственных представлений, а также предпринимается попытка уточнить основные влияющие на них переменные и процессы. В этой главе исследуются возможные источники пространственной информации, получаемой как при помощи органов чувств, так и посредством общения с другими людьми. В пятой главе дается обзор некоторых факторов, определяющих способ, которым эта информация организуется в значимые образы и пространственные представления.

Пространственная информация и восприятие

Изучение информации всегда было многообещающей сферой исследований в социальных науках, специалисты в которых придавали ей потенциально унифицирующее значение в постижении взаимоотношений человека и среды окружения. С этой точки зрения каждый последующий поведенческий акт связан с определенной порцией информации, всегда содержащей в себе действующий в данный момент раздражитель и опыт прошлого. Например, Ньюэлл и Саймон (Newell, Simon, 1972) разработали методы количественной оценки роли информационных процессов при решении человеком различных проблем. Теоретики в области изучения

коммуникаций (Sereno, Mortenson, 1970) определили и измерили потоки информации, встречающиеся как в биотических, так и в механических системах, считая информацией любые процессы внешней среды, доставляющие знания о людях, предметах или внешнем мире. При таком определении, однако, все дело сводится к количеству информации. Характер или качество информации оказываются несопоставимыми, подобно тому как вес, определяемый в единицах, ничего не говорит об особенностях материала, из которого состоят предметы (Brown, 1966).

Ясно, что для наших целей подобные определения не подходят, поскольку в них игнорируются четыре важнейшие характеристики восприятия информации человеком. Во-первых, необходимо проводить различие между стимулами — внешними раздражителями физической природы, поставляющими информацию нашим органам чувств и пробуждающими реакции подсознательного восприятия объектов в нашем мозгу, — и когнитивными изображениями этих стимулов, являющихся сущностными элементами мышления (Hesselgren, 1975). Вопреки мнению некоторых классических философов мысленные картинки, существующие в головах людей, не являются просто миниатюрными следами внешнего мира («идентичные образы»), наоборот, они являются образами и представлениями, с большей или меньшей полнотой и точностью сформированными в процессе познавательной деятельности.

Как указывал Грегори (Gregory, 1966, 69; цит. по: Moore, Gollidge, 1976a, 9): «У нас в сознании действительно существуют «мысленные» картинки, однако из этого отнюдь не следует, что они похожи на электрические рекламные стенды. Они, возможно, отражают внешний мир в виде символов, которые, однако, обычно заметно отличаются от самих отражаемых объектов и явлений. Понятие мыслительных картинок теоретически уязвимо. Оно как бы предполагает, что эти картинки разглядываются чем-то вроде внутреннего глаза, подразумевая существование иной картинки и иного глаза...»

Смысл этих доводов состоит в том, что восприятие нельзя считать просто неким механизмом расшифровки сенсорной информации, обеспечивающим пространственно-временное измерение внешних раздражителей. Результатом восприятия является нечто совершенно новое, созданное работой мозга отчасти из сырого материала реакций органов чувств, отчасти сформированное разнонаправленными процессами центральной нервной системы, протекающими в данное время, а также полученными в результате научения уроками прошлого опыта (Wyburn et al., 1964).

Во-вторых, необходимо иметь в виду ограниченность возможностей мозга в переработке информации, поскольку в любой промежуток времени человек способен воспринять лишь крошечную часть потенциальных сигналов внешней среды. Подсчитано, что только зрительной сенсорной информации в одну секунду поступает 10 000 000 единиц («битов») — отрезок времени, за который мозг способен переработать всего лишь около 25 битов (Held, Richards, 1972). Это приводит, по необходимости, к крайней избирательности в получении информации из внешней среды.

Принципы такого отбора по большей части связаны с существованием третьей характеристики протекания информационных процессов, заключающейся в том, что восприятие информации сильно зависит от имеющейся у человека установки, от мотивов действий индивида, от того, осознанно или бессознательно мозг исследует непосредственную среду окружения, извлекая из нее те «кадры», которые необходимы индивиду для выполнения его специфических намерений. Конечно, в зависимости от особенностей анализируемой ситуации влияние этих специфических потребностей будет различно. В случае, когда самыми насущными выступают жизненно важные

физиологические потребности, информационный поиск будет иным, чем в тех ситуациях, когда человек сосредоточивается на более «высоких» целях. Средовая информация, получаемая человеком, регулярно посещающим данную местность, будет существенно отличаться от той, которую воспримет путешественник, впервые с ней познакомившийся. У первого принятие решения о том или ином пути следования редуцировано до простой привычки, поэтому он способен одновременно удовлетворять и другие потребности, а второму придется уделить гораздо большее внимание поиску ориентиров и другой информации, необходимой для передвижения в нужном направлении. Получаемая информация должна быть полезной, в ней должны содержаться знания, необходимые для достижения индивидом цели или целей в настоящем или будущем. В обыденной жизни эти цели обусловлены главным образом адаптивными устремлениями, когда человек ищет информацию, используя которую он мог бы эффективно действовать в пределах данного окружения (Kaplan, 1976). Отсюда отнюдь не следует, что полезна лишь информация, обеспечивающая приспособление к среде. Информация, искомая для реализации таких целей, как личностное развитие или формулирование внутреннего представления о себе, несомненно, полезна для индивида, хотя она никак не ориентирована на достижение кратковременного или долгосрочного приспособления к среде.

В-четвертых, полная доступность информации не обязательно ведет к ограничению роли когнитивных процессов. Восприятие рассудочно в том смысле, что, как сказал Брунер (Bruner, 1957), оно может происходить и без притока информации. Девлин (Devlin, 1976) показал, например, что, когда человек впервые попадет в город, у него уже имеется некоторое представление о размещении в нем различных объектов, основанное на опыте посещения других городов. И действительно, Саттер (Sutter, 1973) вспоминает известную детскую игру, когда ребята перед прибытием в маленький городок на Среднем Западе стараются, насколько возможно, описать его внутреннюю планировку. Эпплгард (Appleyard, 1973, 110) описывает эту особенность восприятия такими словами: «По мере взросления у нас формируется обобщенная система средовых представлений, понятий и ориентаций, образующих систему интерпретации городского пространства — личную модель города. Когда мы приезжаем в неизвестный нам город, мы соотносим все, что с нами происходит, со сформировавшимися у нас представлениями: события «локализуются», никогда прежде не виденные здания относятся к одному из известных нам стилей, функциональным и социальным особенностям даются подразумеваемые нами характеристики».

Значение сказанного заключается не просто в объяснении восприятия города, оно гораздо шире: эти выводы раскрывают фундаментальные принципы восприятия любой среды.

В понятии «информация», используемом здесь, учтены четыре указанные особенности. По принятому определению, в состав информации входит все, что играет какую-либо роль в формировании, закреплении, расширении, трансформации или изменении представления, вокруг которого организуются наши впечатления от внешнего мира. «Пространственная информация» рассматривается как подвид средовой информации: это совокупность любых раздражителей, посредством которых индивид научается чему-либо, что относится к структуре и организации пространства, или содержащих сырой материал, из которого такие знания могут быть получены. Она содержит как территориальные, так и атрибутивные компоненты. К территориальным обычно относят такие сигналы, которые позволяют индивиду получить информацию о размещении и пространственной протяженности явлений, а также представить их взаимосвязи в пространстве,

которые характеризуются расстояниями относительно различных направлений. В состав же атрибутивной информации входит все то, из чего индивид черпает знания о характеристиках конкретных территорий и мест, позволяющих сравнивать их друг с другом.

Таблица 4-1.

Источники информации в городской среде и источники чувств притягательности или отвращения к ней.

Непосредственные ощущения	Зрительные	Позитивные:	Повышение тонуса (красивые виды, яркие впечатления)
		Негативные:	Отвращение (уродливые пейзажи, беспорядок)
	Слуховые	Позитивные:	Повышение тонуса (шум листьев, шелестящих на ветру)
		Негативные:	Чувство замешательства (шум отбойных молотков, сигналы автомобилей)
	Кинетические	Позитивные:	Повышение тонуса (яркое солнце, хорошее телосложение)
		Негативные:	Усталость
	Ароматические	Позитивные:	Повышение тонуса (приятные запахи)
		Негативные:	Отвращение (неприятные запахи)
	При межличностном общении	Позитивные:	Наращение контактов
		Негативные:	Конфронтация
Переданные при коммуникациях	При помощи средств массовой информации	Позитивные:	Повышение тонуса
		Негативные:	Раздражение

Источник: Vah, 1975, 165.

Как показано в табл. 4-1, пространственная информация поступает из двух источников. Большую часть поставляют органы чувств, которые можно назвать «первичными источниками» пространственной информации, однако значительную ее часть человек получает от других людей или через средства массовой коммуникации, причем такой информации, качество которой в познании пространственных характеристик значительно выше. Так происходит потому, что переданная информация, являя собой «вторичный источник», складывается из сенсорного опыта *иных* людей, к которому неизбежно примешиваются их собственные оценки различных территорий.

Сенсорная информация

В обыденном сознании бытует прочное представление всего о пяти существующих органах чувств, хотя на самом деле в восприятии действительности участвует не менее десяти сенсорных датчиков. Кроме вкуса, обоняния, слуха и зрения известны четыре тактильных, или кожных, чувства — давления, боли, холода и тепла, а также два чувства человеческого тела в целом: чувство устойчивости (за него ответственен вестибулярный аппарат) и кинетическое чувство (ощущение движений внутри различных частей тела). Все эти чувства имеют свои органы, реагирующие на воздействия определенных видов энергии. Например, ухо воспринимает звуковые волны, а глаз реагирует на ту часть спектра электромагнитного излучения, которая известна как видимый свет [1]. Энергетические раздражители воспринимаются рецепторами органов чувств и преобразуются в нервные

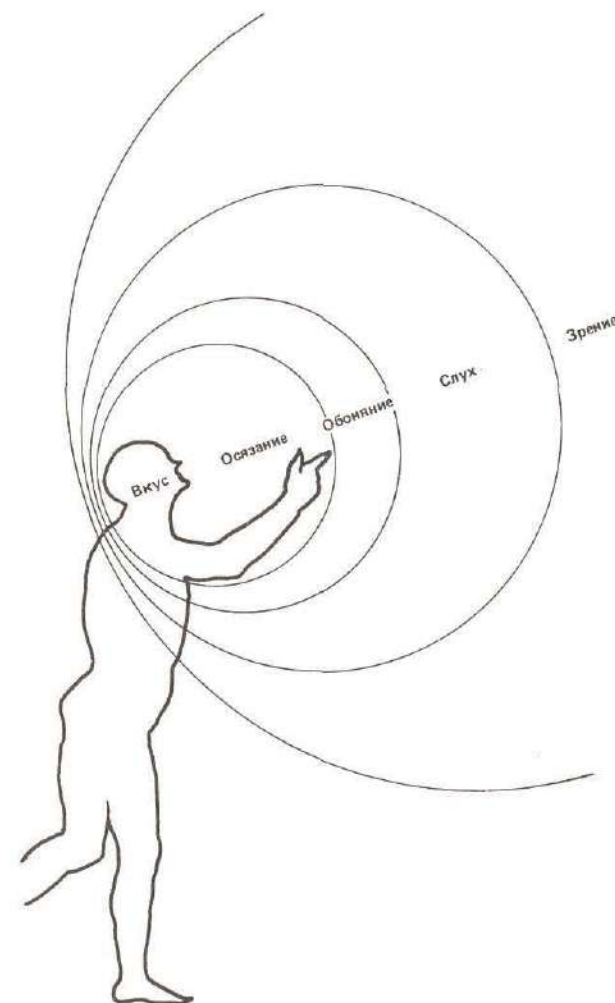

Рис. 4-1. Пространственные границы восприятия различных органов чувств. Skurnik, George (1967, 14).

импульсы, передаваемые в мозг через центральную нервную систему — именно на этой стадии начинают протекать процессы восприятия.

При пространственном восприятии используется информация, полученная всеми органами чувств, причем информация, поступающая от одного из них, дополняется и корректируется информацией других органов чувств. Это не означает, конечно, что все чувства играют одинаковую роль в пространственном восприятии. Как следует из рис. 4-1, диапазон действия органов чувств значительно колеблется, причем лишь зрение, слух и обоняние («дистанционные чувства») могут обеспечить восприятие сигналов пространственной среды из-за пределов зоны осязания. Среди них обоняние имеет наиболее ограниченную область действия: запахи редко чувствуются на расстояниях, превышающих несколько сотен метров, в то время как глаз способен воспринимать весьма удаленные объекты. Так, Галантер (Galanter, 1962) сообщает о результатах экспериментов, согласно которым в ясную темную ночь пламя свечи различимо невооруженным глазом с расстояния в 50 км. Для правильной оценки предельных значений действия органов чувств необходимо помнить о том, что во многих случаях обоняние, слух или даже осязание способны расширить пространственные границы сферы деятельности органов чувств далеко за пределы непосредственной видимости. Это особенно справедливо для городской среды, где звуки дорожного движения, запахи производственных выбросов, тряска от выбоин на дорогах способны дать дополнительную информацию, которая может стать гораздо более существенным компонентом впечатлений о городе. Это, однако, не умаляет того факта, что зрение является все же самым важным источником пространственной информации: свыше 90% знаний о внешнем мире человек получает при помощи глаз (Dodwell, 1966). Кроме того, известно, что зрительная информация является более точной и подробной, чем полученная от других органов чувств. Существуют и доказательства того, что люди, принимая решение о поведении в пространстве, больше всего доверяют именно ей. Восприятие по преимуществу также является визуальным: «увидеть» близко по смыслу к «удостовериться».

Зрение. Зрение человека близко к оптимальному компромиссу организма, возникшему в результате удовлетворения эволюционных потребностей обеспечить одновременно панорамное и стереоскопическое видение мира. Заяц или мелкие грызуны, за которыми охотятся многие хищники, почти полностью полагаются на свое зрение, следя, не приближается ли враг. У зайцев, например, сформировался аппарат бокового зрения, который обеспечивает такое взаиморасположение оптических осей глаз, что в их поле зрения входят обширные участки местности, в том числе находящиеся сбоку и позади животного. Поля зрения правого и левого глаз, взятые вместе, обеспечивают обзор, угол которого составляет почти 360 градусов. Преимущество этого очевидно: чем большая часть внешнего мира постоянно фиксируется сетчаткой, тем лучше система оповещения. С другой стороны, отсутствие зоны перекрытия двух полей означает, что заяц не может пользоваться преимуществами стереоскопического зрения, благодаря которым обеспечивается восприятие тонких различий по глубине видимого пространства (Held, Richards, 1972). Полагают, что стереоскопическое видение развилось у человека в ходе постижения им широкого спектра различных видов деятельности. Считают, что высшим приматам приходилось делать сложные прикидки, чтобы получить точное знание объема, размеров и сравнительного расположения находящихся поблизости предметов, особенно тех, которые так или иначе использовались или намечались для какого-нибудь применения. Стереоскопичность обеспечивается тем, что зрачки глаз нормального взрослого человека располагаются на расстоянии

примерно шести сантиметров друг от друга, значит, каждый глаз смотрит на предмет под несколько иным углом зрения, так — то показано на рис. 4-2. Мозг интегрирует эти сильно перекрывающиеся картинки, обеспечивая видение трехмерного пространства. И хотя преимущества стереоскопического зрения в случае далеко расположенных объектов невелики (из-за сравнительно малого расстояния между глазами), оно играет очень важную роль в повседневной деятельности, протекающей в довольно замкнутых пространствах. Однако угол обзора у человека сравнительно невелик. Он составляет примерно 150° , что тем не менее позволяет человеку держать в поле зрения широкие пространства, лежащие перед ним.

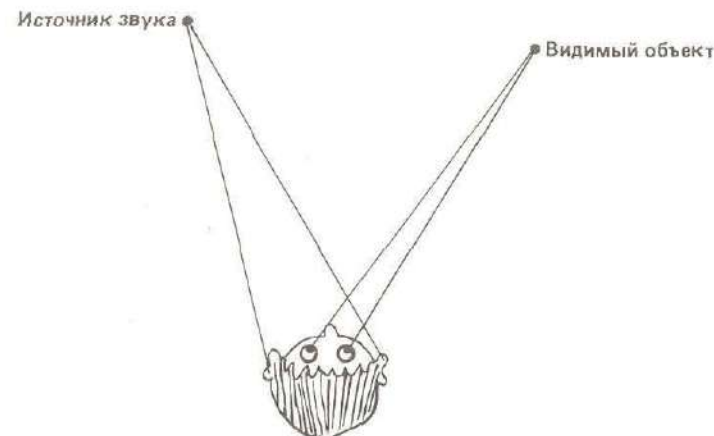

Рис. 4-2. Определение направления в пространстве.

Зрение человека является фантастически богатым источником сенсорной информации об окружающем пространстве, включая обеспечение характеристик формы и состава объектов среды, их размеров и расстояний от наблюдателя, их яркости и цвета, а также их перемещений (Schiffman, 1976). В контексте этой книги пять особенностей зрения заслуживают специального обсуждения.

Во-первых, люди обладают способностью по некоторым видимым признакам устанавливать вертикальность и горизонтальность расположения предметов. Поскольку внешний мир довольно устойчив, люди могут легко определять местоположение предмета относительно линии горизонта. Так выявляется горизонтальность; перпендикулярные же линии будут вертикальными. Восприятие вертикальности обеспечивается соотношением отвесных линий тела с его горизонталями, что обеспечивает другую систему координат, использование которой позволяет понять размещение предмета в пространстве.

Во-вторых, существует жизненно важная способность воспринимать расстояния и глубину пространства. Это достигается через восприятие черт, видимых как одним глазом (монокулярное зрение), так и двумя (стереоскопическое зрение, принцип которого рассмотрен выше). Во многих смыслах, как показывают случаи с людьми, сохранившими хорошее зрение после потери одного глаза, монокулярное зрение более важно, хотя оно и не обеспечивает полной эффективности зрительного восприятия вследствие утраты отдельных деталей, различимых лишь при стереовидении. Монокулярное зрение опирается, между прочим, на ряд принципов: принцип интерпозиции, согласно которому, когда один предмет заслоняет другой,

последний считается лежащим за первым; принцип зрительной перспективы, когда ближе расположенные предметы кажутся более различимыми, чем отдаленные; принцип линейной перспективы, суть которого в том, что с увеличением расстояния параллельные линии кажутся сходящимися; принцип распределения света и тени и правило угла зрения, или определение удаленности объектов земной поверхности по углу, под которым человек должен смотреть, чтобы увидеть их.

В-третьих, человек обладает способностью точно различать пропорции частей предмета независимо от его расположения в пространстве. Если бы восприятие определялось только тем, что фиксирует сетчатка, все предметы имели бы совершенно иные размеры и форму, однако мы видим вещи более или менее такими, какими бы они были при их ощупывании. Например, когда мы смотрим на удаляющийся автомобиль, нам не кажется, что вместе с увеличением расстояния его пропорции изменяются в соответствии с правилом перспективы, — мы видим его таким же автомобилем, каким он и был. Это явление, известное как «устойчивость» восприятия (Gregory, 1970), служит хорошим примером различий между тем, что Гибсон (Gibson, 1950) называл «видимым оптическим полем» и «видимым миром». Другими словами, человек непрерывно (и подсознательно) проводит различие между зрительными впечатлениями, воспринимаемыми сетчаткой, и тем, что воспринимает он сам, заключающееся в корректировке видимых впечатлений информацией, получаемой из других источников.

В-четвертых, глаза способны различать относительное движение, то есть движение объекта относительно других предметов. Для всех существ восприятие движения имеет огромное жизненное значение, являясь в некоторых случаях наиболее важным для выживания видом восприятия (Schiffman, 1976). Перед наблюдателем всегда стоит проблема определения того, какой из двух предметов находится в движении, движутся ли они оба или, может быть, движется сам наблюдатель. Обычно мозг легко устанавливает это, однако, как показывает Росс (Ross, 1974), возможны и ошибки, особенно когда человек попадает в неизвестное окружение или едет в общественном транспорте. Например, когда человек смотрит из окна неподвижного железнодорожного вагона, у него нередко возникает впечатление, что тронулся его поезд, хотя на самом деле двигаться начал состав, стоявший на соседних путях.

Наконец, зрение человека обеспечивает ему восприятие различных цветов. В отличие от всех представителей фауны, кроме птиц и высших приматов, человек обладает способностью воспринимать и дифференцировать свет по трем измерениям: по яркости — от белого до черного, по насыщенности, или яркости восприятия, как антиподу расплывчатости, а также по оттенкам, зависящим от длин составляющих свет волн (McBurney, Collings, 1977). Через цветовые рецепторы сетчатки (в деятельности которых существует много неясного) в мозг поступает информация о цветовых характеристиках внешнего мира. Острота цветоощущения человека вместе со способностью различать даже слабые цветовые оттенки дает воспринимаемому человеком миру своеобразие и окраску.

Слух. Слуховая система предоставляет в распоряжение человека средства, при помощи которых он также может определять направление и удаленность различных феноменов среды. Во-первых, по интенсивности (громкости) звуков, достигающих уха, путем сравнения с той громкостью, которую, как он установил в результате прошлого опыта, должны иметь шумы на определенном удалении, человек может судить о расстоянии, с которого они посланы. Во-вторых, по разной интенсивности звукового сигнала, источник которого располагается не строго по центру перед человеком и достигает поэтому одного уха несколько раньше, чем другого.

из-за некоторой разницы в преодоляемых расстояниях (см. рис. 4-2), мозг способен установить направление, откуда исходит звук. Большинство людей различают направление источника звука с точностью от 1 до 10 градусов, причем эффективность такого различения зависит как от собственно направления распространения звука, так и от его частоты и от атмосферных условий (включая наличие других шумов). Однако локализация пространственных феноменов по слуху не слишком точна, поэтому для установления конкретного источника звука мы, как правило, полагаемся все же на зрение. Следовательно, главное информационное значение слуха, по-видимому, заключается в снабжении мозга такими впечатлениями, которые зрение не способно обеспечить.

Во-первых, благодаря слуху возможен обмен информацией через устную речь, что, насколько известно, является особенностью, характерной лишь для человека. Во-вторых, именно при помощи слуха пространственная информация приобретает эмоциональную окраску. Как следует из табл. 4-1, звуки могут повышать жизненный тонус — таково, например, воздействие шелестящей на ветру листвы деревьев — или раздражать и мешать, подобно всевозможным «шумам». Эмоциональность, возбуждаемая звуками, способна влиять на поведение, поскольку одни звуки мы связываем с чем-то приятным для нас, а другие — с отталкивающим. Кроме того, звуки играют важную роль в механизмах памяти, так что услышанное после долгого перерыва сочетание звуковых сигналов часто способно вызвать целый ряд воспоминаний, как-либо связанных с ним. Поэтому совсем не удивительно, что, когда исчезает эта звуковая среда, например если человек неожиданно теряет слух, его жизнь лишается одной из важнейших красок (Knapp, 1948).

Несмотря на все это, звуковые аспекты восприятия среды исследуются сравнительно редко. Например, Соутворт (Southworth, 1969) показал, как характерные звуки могут являться важными чертами сенсорного восприятия крупного города. Однако его выводы построены на изучении людей с завязанными глазами, то есть в отсутствие у них зрительных впечатлений, обычно все же преобладающих. Точно так же, хотя Бэнц (Balz, 1970) и предположил, что транспортные шумы могут порождать ощущение беспомощности (см. табл. 4-1), благодаря привычке они часто едва ощущаются.

Обоняние. Изложенные мысли справедливы и относительно обоняния — чувства, оказывающего большое влияние на эмоциональный тонус человека и его поведение. Запахи обладают властью вызывать из памяти предметы и события прошлого. Они могут служить также мощными катализаторами притягательности или отвращения. Несмотря на это, обоняние очень мало изучено. По мысли Холла (Hall, 1966), это отражает особенности эволюции человека. Межвидовое соперничество и изменения окружающей среды заставили предков человека, которые сначала жили на земле, перебраться на деревья. Жизнь на деревьях требовала острого зрения и в меньшей степени, чем жизнь на земле, зависела от развитого обоняния. Таким образом, совершенствование органов обоняния прекратилось, в то время как сила зрения все время возрастала. Но как бы то ни было, запахи игнорируются современным человеком. Общество затратило много времени и сил, стремясь уничтожить все, слишком пахнущее, так что само слово «запах» стало подразумевать проявление чего-то не слишком приятного. Однако хороший садовод или тонкий ценитель вин скажут вам, что можно научиться воспринимать запахи, получая этим доступ к источнику информации, обладающей крайне сильным воздействием на органы чувств. При постоянной практике можно научиться различать едва заметные оттенки запахов и даже попытаться выстроить подробную классификацию явлений или сред окружения по этому признаку.

Большую часть знаний о мире, выходящем за рамки нашей обыденной жизни и условий существования, связанных с работой, мы получаем через контакты с другими людьми. В наших знаниях о местах, где мы никогда не бывали или были очень давно, мы почти полностью зависим от информации, переданной другими людьми или полученной из разрозненных сообщений средств массовой информации. Такая информация содержит элементы как территориальных, так и атрибутивных знаний, сообщая потребителю сведения о наполнении пространства вперемешку со взглядами информатора о характеристиках географического положения и самих территорий.

Прежде чем перейти к рассмотрению природы передаваемой информации (называемой обычно ее «содержанием»), полезно узнать о некоторых особенностях самого процесса ее передачи. Распространение информации осуществляется двумя путями: устной передачей ее от одной группы людей к другой, называемой «межличностной коммуникацией», и сообщением информации путем использования технических средств массового оповещения (пресса, радио, кино и др.), известным как «массовые коммуникации» (Janowitz, 1968). Принципиальное различие между этими типами коммуникаций состоит в характере взаимоотношений информатора (торов) и информируемых. Технические достижения сделали возможной передачу сообщений через средства массовой информации далеко за пределы видимости или слышимости, позволяя устанавливать контакты между группами и индивидами, разделенными огромными пространствами, а часто и временем. Кроме того, массовые коммуникации означают движение информации лишь в одном направлении. Ответные реакции, с такой легкостью рож-

дающиеся в случае межличностных коммуникаций в форме реплик, жестов или просто того или иного выражения лица, при массовых коммуникациях набирают силу очень медленно и с большим трудом.

Тем не менее эти пути передачи информации не изолированы друг от друга. Этот тезис проиллюстрирован рис. 4-3, отражающим изменение с годами представлений о характере функционирования массовых коммуникаций. Хотя специалисты когда-то полагали, что средства массовой информации способны оказывать прямое влияние на формирование установок и поведения больших групп людей (см. рис. 4-3а), со временем эта точка зрения последовательно изменялась. Первое серьезное изменение заключалось в признании роли межличностных коммуникаций в этом процессе, заключающейся в том, что люди, имеющие влияние на других и известные как «лидеры мнений», усваивают содержание сообщений средств массовой информации и передают широкой аудитории свои впечатления о них (Lazersfeld et al., 1944). В свою очередь и эти представления (рис. 4-3б), не успев утвердиться, были признаны чересчур прямолинейными. Сегодня большинство ученых склоняются к пользованию теми или иными разновидностями модели многоступенчатого потока информации (рис. 4-3в); их привлекает меньшая жесткость этих моделей по сравнению с предшествовавшими и меньшее число допущений о путях поступления информации к своим конечным адресатам. Кроме того, в них учитывается тот факт, что средства массовой информации и межличностные контакты имеют функции взаимодополнения в распространении сведений пространственного характера. Так, имеющиеся примеры позволяют предположить, что средства массовой информации часто играют существенную роль в распространении представлений о важности того или иного сообщения, в то время как посредством межличностных коммуникаций человек убеждается в том, что содержание переданного сообщения необходимо принять в расчет. Эту информационную концепцию массовых и межличностных коммуникаций можно изложить, пользуясь хорошо известной формулировкой Лассвела (Lasswell, 1966):

«Кто говорит что каким способом кому с каким результатом».

«Кто» — это те, кто информирует (информаторы), «что» — это само сообщение, или содержание, информации, «способ» — это средства коммуникации, «кому» — это информируемые (аудитория), а «результат» состоит во влиянии (если таковое наблюдается) на установки и поведение аудитории. Исходя из этой концепции, можно считать пространственную информацию информацией специфического содержания, собираемой и передаваемой в приемлемой форме информатором или группой информаторов. В ходе накопления сведений информатор, как правило, будет выбирать те сообщения, которые, по его мнению, лучше всего подойдут для его аудитории, после чего придаст им удобную для употребления форму. Делая все это, информатор автоматически, вольно или невольно, вносит особенности своего восприятия мира в передаваемую информацию. Останутся ли эти особенности и в восприятии аудитории, зависит от многих факторов. Среди них — статус и надежность информатора в представлении аудитории, обстоятельства, в которых происходит передача информации, а также ее характер. Если говорить о последнем, то хорошо известно, что наибольший эффект имеет информация, посвященная уже известному аудитории предме-

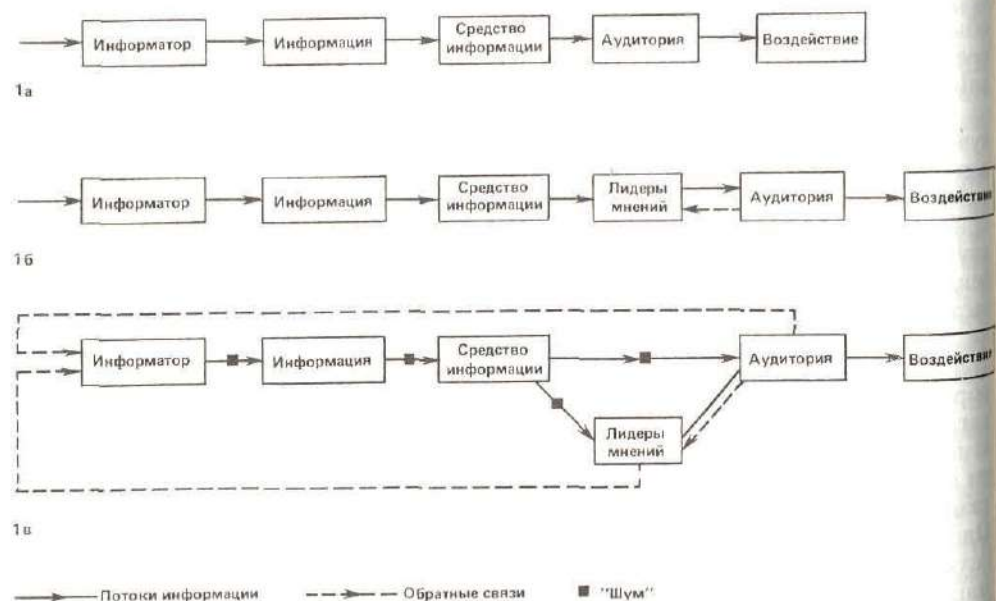

Рис. 4-3. Модели, используемые при изучении массовых коммуникаций. Gold (1974, 10).

1а — модель «одноэтажного влияния»; 1б — модель двухэтапного потока информации; 1в — многоступенчатая модель потока информации.

При межличностных коммуникациях все особенности устной речи с осознанным использованием тех или иных языковых средств, как и сопровождающие ее спонтанные восклицания, мимика и жесты, становятся компонентами содержания передаваемой информации. Движение большим пальцем руки, означающее «вон там», нередко содержит больше информации, чем рассказ в несколько минут. При межличностном общении можно сразу получить пространственную информацию, например спрашивая о направлении, однако столь же часты случаи, когда эта информация передается случайно или по отдельным признакам пространственного характера — например, когда человек в рассказе акцентирует внимание аудитории на заметных ориентирах, облегчающих нахождение пути.

Переходя к массовым коммуникациям, следует отметить, что технические средства, несомненно, играют сейчас гораздо большую роль в распространении пространственной информации, чем когда-либо прежде. Стремительный рост технической оснащенности в этой области за последние пятьдесят лет привел к невиданному увеличению количества и качества пространственной информации. Как бы мы ни относились к идеям Маклюэна об образовании в наши дни «мировой деревни» [2], средства массовой информации, безусловно, привели к возможности мгновенного распространения любого сообщения в планетарном масштабе.

Поскольку роль массовых коммуникаций в распространении пространственной информации повсеместно обсуждалась многими современными авторами (Gold, 1974, 1976a), неплохо представить здесь небольшой реферат этого обсуждения. Кроме традиционных формальных источников географической информации — атласов и настенных карт, пространственные знания содержатся в таких разных субстанциях, как газетные сообщения, фильмы, почтовые марки, дорожные знаки, картины и романтические повести — коротко говоря, во всем спектре источников, названных Райтом (Wright, 1947) «неформальными источниками» географических знаний. В последнее время предпринимались многочисленные, хотя и слабо скоординированные, исследования структуры, характера и содержания таких источников. Например, можно найти работы, посвященные исследованию содержания географической информации, передаваемой в таких различных формах, как дорожные знаки (Ashley и др., 1971; Venturi и др., 1977), пейзажи (Rees, 1975, 1976a, 1976b), страноведческие работы (Gilbert, 1960; Cook, 1974; Shin, 1976), карты (Board, 1967; Gombrich, 1975), специальные рекламные книги по

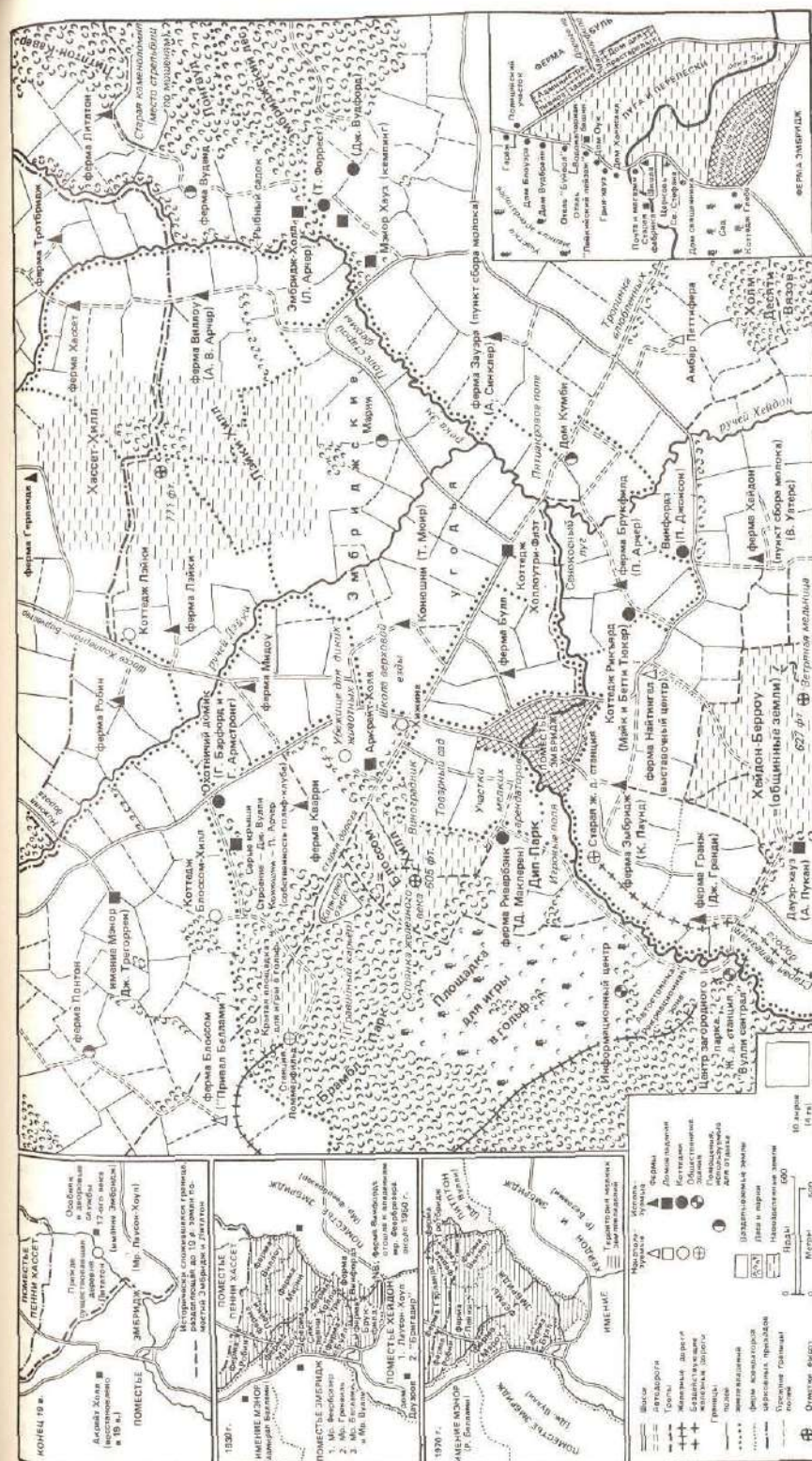

Рис. 4.4. Карты Эмбриджа. Выполнены Турноком для Би-Би-Си. *Титюск* (1975, 6-7).

развитию малых городов (Gold, 1977b; Goodey, 1974a), городская поэзия (Paterson, 1976) и даже описания фантастических ландшафтов (Porteous, 1975). И действительно, многосерийная английская радиопостановка «Стрелки из лука», воссоздавшая колоритные образы сельской жизни, содержала такое количество (хотя и придуманной) пространственной информации в динамике за многие годы, что ее хватило для составления карты Эмбриджа и его окрестностей (рис. 4-4).

Избирательность, всегда присутствующая в распространяемых средствами массовой информации пространственных знаниях, отражает мотивации информаторов и их оценки потребностей аудитории. Избирательность бывает трех видов. Во-первых, это намеренное манипулирование содержанием для того, чтобы добиться нужного характера сообщения. Хорошим примером этого является рекламная литература, используемая для привлечения мигрантов на новые земли, авторы которой стремятся либо создать привлекательный образ тех или иных городов и районов, либо развеять стереотипные представления о них, существующие в массовом сознании (см. гл. 9). Во-вторых, существует случайная избирательность, пространственный уклон которой является просто побочным продуктом реализации других целей. Эта тенденция хорошо просматривается на специальных схемах [3], используемых на железнодорожном транспорте и в гражданской авиации во всем мире. Для того чтобы помочь пассажирам, транспортные сети на них изображаются генерализованно, с указанием мест пересадок. Однако, помогая пассажирам, эти схемы (по ошибке) могут считаться источником информации о реальных направлениях и расстояниях. В-третьих, существуют беспричинные пространственные предпочтения, проникающие в передаваемую информацию из-за ограниченности представлений о мире самого информатора. Любой информатор, от специалиста крупного рекламного агентства до скромнейшего репортера местной газеты, имеет свой собственный образ географического пространства и опирается на него при передаче информации.

Избирательность, внесенная в сообщение информатором, усиливается благодаря специфическим механизмам восприятия и интерпретации получаемой информации аудиторией. Как указывалось выше, люди обычно наиболее восприимчивы к информации, которая расширяет или уточняет уже существующие у них взгляды и представления. Это относится, по-видимому, не только к географической информации, но и ко всем другим видам информации. Клаппер (Clapper, 1960) описывает три «самозащитных» способа, при помощи которых люди обороняются от «неприятных известий». Это прежде всего «избирательная открытость», благодаря которой человек вольно или невольно выбирает для восприятия лишь те сообщения, в которых основное внимание уделяется интересующим его местам и районам. Второй способ — «избирательное восприятие» — состоит в том, что человек просто не будет воспринимать информацию, не соответствующую его пространственным представлениям. И третий способ — «избирательное запоминание» — заключается в более быстром забывании человеком всего, что не подтверждает его предположений об организации пространства.

Главное следствие этих выводов состоит в том, что средства массовой информации достигнут наибольшего эффекта в распространении пространственных знаний, если они будут стремиться прежде всего развивать, а не опровергать существующие представления. Единственными территориями, пространственные представления о которых будут в сильной степени зависеть от средств массовой информации, являются так называемые, согласно Гуди (Goodey, 1971), «удаленные места», то есть земли, где человек никогда не бывал и не располагает о них сколько-нибудь надежными

знаниями. В таких условиях средства массовой информации могут сыграть важную роль в обеспечении человека сведениями для формирования основы сильно клишированного образа этих территорий. Эти «удаленные места» обычно действительно расположены неблизко, однако не всегда дело именно в дальности расстояния. Так, обитатели латиноамериканских трущоб часто живут в нескольких милях от богатых и привилегированных пригородов, однако их представления об этих местах нередко в большей степени основаны на «оскалистских» телевизионных программах о горестях и несчастьях городских богачей, чем на личном опыте (Wolf, Hansen, 1972). Иными словами, «социальная удаленность» часто имеет тот же эффект, что и географическая.

Однако для того, чтобы дальше обсуждать эти проблемы, надо иметь представление о том, как пространство обретает тот или иной смысл, подразумеваемый в нем потребителями пространственной информации. К этому вопросу мы сейчас и переходим.

Воссоздание облика реальности: некоторые факторы, влияющие на формирование образов и пространственных представлений

И уже никак не сами вещи вторгаются в наше сознание, — воображение способно воскресить лишь образы виденного. Чьи образы? Как они возникают? Кто ответит нам...?

Св. Августин. Исповедь

Цель этой главы — рассмотреть факторы, влияющие на процесс, посредством которого географическое пространство получает то или иное осмысление. Конечно, «осмысление» — это такое слово, которое с трудом поддается определению. Огден и Ричардс в своей книге «Смысл осмысливания» (Ogden, Richards, 1949) приводят по крайней мере 16 вариантов использования этого термина в философской литературе, хотя и этот перечень весьма далек от исчерпывающего (Jencks, 1969). Здесь это слово будет обозначать качество, постижение которого «наполняет воспринимаемый мир смыслом» (Beck, 1970, 136). Далее будет показано, что это постижение осуществляется прежде всего в процессе научения, происходящего и при активном освоении ребенком ближайших окрестностей, и при передаче социокультурных установок о функциях и использовании пространства. Осмысление пространства видится тесно связанным с мотивацией, благодаря которой индивид наделяет пространственное окружение значением, соответствующим имеющимся у него потребностям.

В первой части этой главы объясняется, почему в дальнейшем изложении особое внимание уделяется рассмотрению значимости процесса научения, а не теориям проявления инстинктов. Затем анализируются достижения на пути к созданию цельной теории развития пространственных представлений. Мы покажем, что, хотя убедительной теории в этой области еще не существует, все необходимое для ее создания можно получить, расширяя микропространственные исследования по психологии развития. В третьей части обсуждаются социальные и культурные факторы формирования индивидуальных представлений о пространстве.

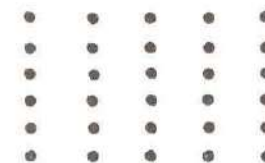
Врожденное или воспитанное?

Спор о том, могут ли наследственность или пространственно-средовое научение быть названы самым сильным фактором, определяющим познавательные способности человека, является одним из самых старых и самых бесплодных в психологии (Boring, 1942). Проблема «врожденное или воспитанное» относится к классическим, однако в ее нынешнем виде она возникла в начале XX в. На ранних стадиях развития психологии в ней преобладала точка зрения, согласно которой поведение людей и животных объясняется главным образом действием инстинктов, то есть врожденных поведенческих механизмов, считавшихся одинаковыми у всех

видов организмов (Baron et al., 1977). Возможно, этот тезис наиболее последовательно развит в работах Макдугала (McDougall, 1908), который считал, что почти все виды человеческого поведения, включая сложные социальные взаимоотношения, объясняются действием специфических инстинктов. Однако вскоре эта мысль была оспорена бихевиористами, утверждавшими, что все дети рождаются одинаковыми, но под влиянием среды становятся разными. Основатель бихевиоризма Ватсон (Watson, 1924) считал, что разум новорожденного является чем-то вроде «tabula rasa» — чистого листа, на который записываются результаты научения, происходящего по схеме «стимул — реакция».

Подробный анализ этого спора не входит в наши намерения, но можно, однако, отметить, что имеющиеся факты весомо подтверждают эмпирическое положение, согласно которому различия умственных и поведенческих характеристик людей обусловлены влияниями среды и накопленного в ней прошлого опыта. Суть спора можно понять, рассмотрев в качестве примера «законы» восприятия, находившиеся в центре исследований восприятия, проводившихся с позиций гештальтпсихологии. Сторонники гештальтпсихологии полагали, что структуризация внешних воздействий является врожденной способностью мозга, и с этих позиций старались объяснить восприятие и другие когнитивные процессы. Они считали, что на первой стадии восприятия происходит вычленение «фигуры» (структуры, «гештальта») из «полигона» (фона). Опираясь на результаты проделанных экспериментов, гештальтпсихологи сформулировали ряд принципов, согласно которым происходит такое вычленение. Три таких принципа проиллюстрированы рис. 5-1. Согласно принципу *приближения*, показанному на рис. 5-1а, рядом расположенные элементы воспринимаются не по отдельности, а в виде группы, и поэтому мы видим пять точечных колонок, а не пять рядов. Принцип *подобия* проиллюстрирован рис. 5-1б, глядя на который мы видим ряды различных по форме элементов — точек и крестиков, — а не колонки, составленные из этих элементов. Рисунок 5-1в показывает действие принципа *целесообразности*, вследствие которого данная фигура будет видиться состоящей из двух пересекающихся точечных линий, а не из двух V-образных элементов, имеющих общее основание.

(а) Принцип близости

(б) Принцип подобия

(в) Принцип целесообразности

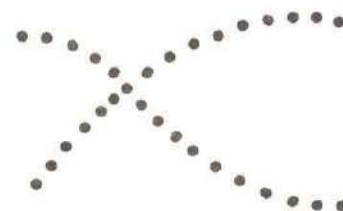

Рис. 5-1. Примеры группировки объектов при восприятии. Barber, Legge (1976, 27).

Долгое время психологи считали, что эти и другие принципы восприятия, выведенные сторонниками гештальттеории, относятся к внутренне присущим качествам людей, то есть отражают физиологические особенности процессов восприятия. Однако это мнение основывалось скорее на интуитивном ощущении правильности этих принципов, чем на результатах их экспериментального подтверждения. Но при более глубоком исследовании результат оказался отрицательным. Если бы умение структурировать воспринимаемое было врожденным, то можно было бы ожидать, что при прочих равных условиях должна существовать высокая степень подобия между индивидуальными способностями к восприятию и что при любых вызванных обучением изменениях последние не повлекут за собой возрастного различия индивидов по этим способностям по мере их взросления. Доказано, что это не так. Исследование представителей разных культур обнаружило существование значительных межличностных различий у взрослых людей одинакового уровня образования (Schwitzgebel, 1962). Вернон (Vernon, 1971) показал, что различия рассматриваемых способностей представителей одной и той же культуры связаны с уровнями образования и интеллекта, а, согласно Элкинду и Скотту (Elkind, Scott, 1962), дети хуже взрослых отличают предметы от их фона. А. Боуэр (Bower, 1965) утверждал, что считавшийся врожденным принцип приближения неприменим к восприятию детей возрастной группы до одного года; этот вывод подтверждается обширными эмпирическими исследованиями Брунсвика (Brunswik, 1956).

Таким образом, оказалось, что необходимо иное объяснение восприятия. Исследованные гештальтпсихологами способности, как правило, не являлись врожденными, почти все они были результатом научения первых лет жизни ребенка, особенно довербальной стадии его развития. Восприятие предметов или их форм отдельными фигурами на сплошном фоне является следствием способности человека, формируемой в ходе длительного процесса научения, соотносить любые видимые предметы с уже известными ему объектами или их конфигурациями (Vernon, 1971). Главной ошибкой гештальтпсихологии была переоценка единообразия принципов восприятия, выведенная при наблюдении ограниченного круга взрослых людей зрелого возраста, и объяснение его генетическими факторами. Поступая таким образом, сторонники гештальтпсихологии попадают в замкнутый с точки зрения логики круг, следующим образом описанный Бароном и др. (Baron et al., 1977, 587–588): «Сначала широкое распространение тех или иных особенностей поведения объясняется наглядным доказательством существования соответствующих инстинктов, а затем эти гипотетические инстинкты путем умственного трюкачества используют для объяснения этих самых особенностей».

Впрочем, прежде чем утверждать, что восприятие формируется главным образом через научение, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, было бы в корне неверным вообще отрицать роль инстинктов в процессе восприятия. Результаты экспериментальных работ (см., напр.: Bower et al., 1971; Gibson, Walk, 1960) показывают, что даже самые маленькие дети способны воспринимать расстояния и объемы. Таким образом, эти виды восприятия, безусловно имеющие эволюционное значение, являются, скорее всего, врожденными. Во-вторых, хотя значение природных факторов в восприятии периодически ставится под сомнение, нельзя сбрасывать со счетов их влияние на этот процесс. Так, в следующей главе проблема «врожденное или приобретенное» будет рассмотрена применительно к феномену территориальности, исследование которого у людей ученые начали с анализа особенностей психики человека, считавшихся врожденными и первоначально обнаруженных у животных. Хотя интерпретации

этого феномена далеко не однозначны, нет сомнения, что обсуждение означенной проблемы было весьма конструктивно и что, как бы там ни было, принципиальные идеи этих ученых заслуживают серьезного рассмотрения. Последнее хотелось бы подчеркнуть особо, так как в наши дни дурная репутация идей о значении врожденных способностей очень часто основывается на далеких от науки соображениях [1]. Это ни в коем случае не означает, что мы ставим под сомнение тезис о преимущественном развитии пространственных представлений через долгий процесс научения или что мы не осознаем настоятельной необходимости добиться оптимального соотношения двух подходов в интерпретации психики человека, а не отбрасывать «инстинктивистские» взгляды в угоду априорным теоретическим или идеологическим соображениям.

Развитие представлений о пространстве у детей

Если в исходном положении принять тезис, что способности пространственного познания формируются в процессе научения, тогда первым делом необходимо объяснить, как происходит такое научение. Но из опубликованных к настоящему времени работ мало что можно почерпнуть на этот счет. Лабораторный анализ пространственного научения в микросредах, характеризующийся «подробностью, точностью и обстоятельностью» (Murdoch, 1973), относится к самым популярным в психологии. Гораздо меньше известно о пространственном научении, происходящем в территориально более крупных средах; правда, в последнее время здесь появились два многообещающих научных направления.

Первое ознаменовалось привлечением широкого внимания публикацией работы Тоулмана (Tolman, 1948) под названием «Когнитивные карты мышей и человека» (где речь шла в основном о мышах). Идея, излагавшаяся в ней, состояла в том, что у мышей под влиянием сложных психических факторов с течением времени формируются «когнитивные карты», позволяющие им устанавливать маршруты передвижения в окружающем пространстве. Тоулман объяснил формирование «когнитивной карты» при помощи теории поля (см. гл. 2), согласно которой для построения карты своего окружения мыши избирательно извлекают информацию из окружающей среды. Он провел аналогию между функциями мозга мыши и центрального органа, координирующего деятельность картографического издательства: «Поступающие сигналы не связаны напрямую с образующимися реакциями посредством простого переклочателя. Они, по-видимому, подвергаются глубокой переработке в центральном органе управления, а затем кладутся в основу формируемых обзорного типа примерных карт окрестных пространств. Именно эта карта, на которой отражены пути, дороги и пространственные взаимоотношения, определяет в конечном итоге возникающие реакции животных на внешние раздражители» (Tolman, 1973, 31).

Понятие «когнитивной карты» (известной еще под названием «мысленной») получило широкое хождение в поведенческой географии и других дисциплинах, несмотря на присутствие ему два уязвимых места. Во-первых, многие, исходя из использованной Тоулманом аналогии с картой, полагают, что у людей в головах действительно формируется картографическое представление об окружающей среде. Даунс (Downs, 1976) предложил бороться с этим заблуждением путем акцентирования внимания на процессе картографирования, а не на его результате (собственно карте), хотя вполне очевидно, что путающая двусмысленность терминологии сохраняется и в этом случае. Во-вторых, широко признано, что эти «карты в голове» можно увидеть, попросив соответствующих людей нарисовать их или воссоздать

на бланковках. Однако, как будет показано далее, графические способности и ориентация в картографических материалах сильно зависят от уровня образования респондентов, поэтому исследованное указанным путем когнитивное картографирование дает, по-видимому, далекое от истинного представление о процессах пространственного познания.

Несмотря на эти недостатки, изучение когнитивного картографирования при исследовании особенностей накопления пространственных знаний у детей на определенных стадиях их развития может дать много ценного для понимания процесса пространственного научения. Хорошими примерами могут служить работы Лэдда (Ladd, 1970), Маурера и Бакстера (Maurer, Baxter, 1972), изучавших влияние этнической принадлежности на представления детей об окружающем мире; Гоулда (Gould, 1973), рассматривавшего различия соответствующих представлений у детей разного возраста; Сааринена (Saarinen, 1973a), исследовавшего образы макропространственных сред у студентов, а также Спенсера и Ллойда (Spencer, Lloyd, 1974), которые стремились установить особенности восприятия одной и той же среды детьми разных возрастов. В последней работе были применены особенно ценные методы изучения различий в объемах пространственных знаний и способностях формировать представления о пространстве в зависимости от возраста. Эти методы получили затем широкое применение.

Другое перспективное направление заключалось в эмпирической проверке теоретических положений общих концепций развития познавательных способностей. Психология развития — отрасль психологии, непосредственно занятая исследованием умственного развития детей, — предложила целый ряд теорий, объясняющих, как происходит познание пространства детьми, среди которых выделялись концепции, связанные с именами Пиаже, Вернера (и их сотрудников) [2]. Теории этих авторов отличаются три особенности. Во-первых, они основаны на результатах обширных эмпирических исследований и систематических наблюдений за поведением и умственным развитием детей. Во-вторых, обе теории содержат идею, согласно которой взгляды ребенка на пространство с возрастом радикально изменяются. Иными словами, пространственное научение состоит не просто в накоплении все больших количеств пространственной информации, но и предполагает также периодический пересмотр выводимых из этой информации пространственных представлений. В-третьих, эти теории объясняли пространственное научение прежде всего в микросредах, не ставя целью проанализировать его в более крупных пространствах. Тем не менее ряд авторов считает возможным сделать это путем расширения исходных концепций.

Возможно, наиболее полно этот подход выражен в работе Моора. В одной из своих ранних статей Харт и Моор (Hart, Moore, 1973) выдвинули концепцию, объединившую теории Пиаже и Вернера, включая их понятийный аппарат и исходные установки, и предположили, что эта концепция применима для объяснения научения, происходящего в рамках пространств крупных размеров. Затем в ряде статей Моор развил эту концепцию (Мооре, 1976); его выводы заслуживают более подробного рассмотрения.

Исходя из обзора литературы по психологии развития, Моор выдвинул шесть основных принципов теории среды. Согласно первому, пространственное знание не является ни врожденным, ни полученным в результате простого копирования внешнего мира, но вырабатывается путем активного конструирования индивидом своих представлений о пространстве через контакты с внешним окружением. Во-вторых, утверждается, что развитие способностей пространственного познания осуществляется через динамическое взаимодействие проявляющегося в данной ситуации внутреннего интеллектуального потенциала и требований, предъявляемых индивиду. В-третьих, и это особо подчеркивается Моором, активное освоение ребен-

ком среды окружения и его взаимодействие с ней играют центральную роль в процессе научения, причем источником развития познания выступают и упомянутые взаимодействия. В-четвертых, указывается, что пространственные знания наслаиваются на существующие когнитивные структуры в силу выраженной зависимости процесса познания от накопленного прошлого опыта. В-пятых, было установлено, что со временем в представлениях ребенка о пространстве происходят качественные и количественные изменения, когда на смену простым приходят все более сложные структуры. И наконец, утверждается, что, лишь глубоко поняв сам процесс становления пространственных знаний, можно понять конечные формы, в которые они выливаются.

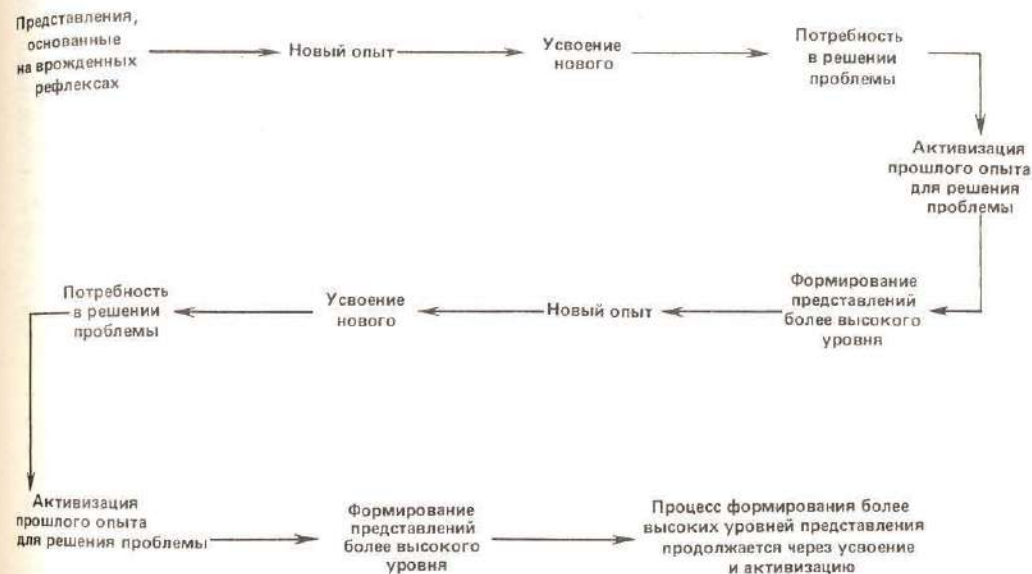

Рис. 5-2. Теория Пиаже, раскрывающая развитие представлений о внешнем мире. Kaluger, Kaluger (1974, 75).

Теория Моора опиралась на эти принципы. Ключом к пониманию процесса научения было выдвинутое Пиаже понятие адаптации, заключающейся в переходе от низших форм поведения, опирающихся на механизмы рефлекторной и физиологической природы, через освоение процесса восприятия и ориентированного на активную деятельность поведения к его высшим формам, опирающимся на механизмы передачи символов и абстрактных понятий. Хотя адаптация является в высшей степени присущим человеку процессом, ненаследуемые структуры мозга отвечают за обеспечение ее интеллектуальных основ, состоящих из двух функциональных инвариантов: ассимиляции (процесса, при помощи которого у человека формируются представления о внешнем мире) и трансформации (перестройки представлений с учетом новой ассимиляции). Этот процесс зафиксирован на рис. 5-2, где показано, что ассимиляция и трансформация являются двумя важнейшими компонентами успешной адаптации. Их последовательное действие приводит к изменению пространственных представлений ребенка или его реакций на раздражители внешнего мира. Состояние сбалансированности ассимиляции и трансформации называется равновесием, функциями которого являются не только защита ребенка от перегрузки новыми

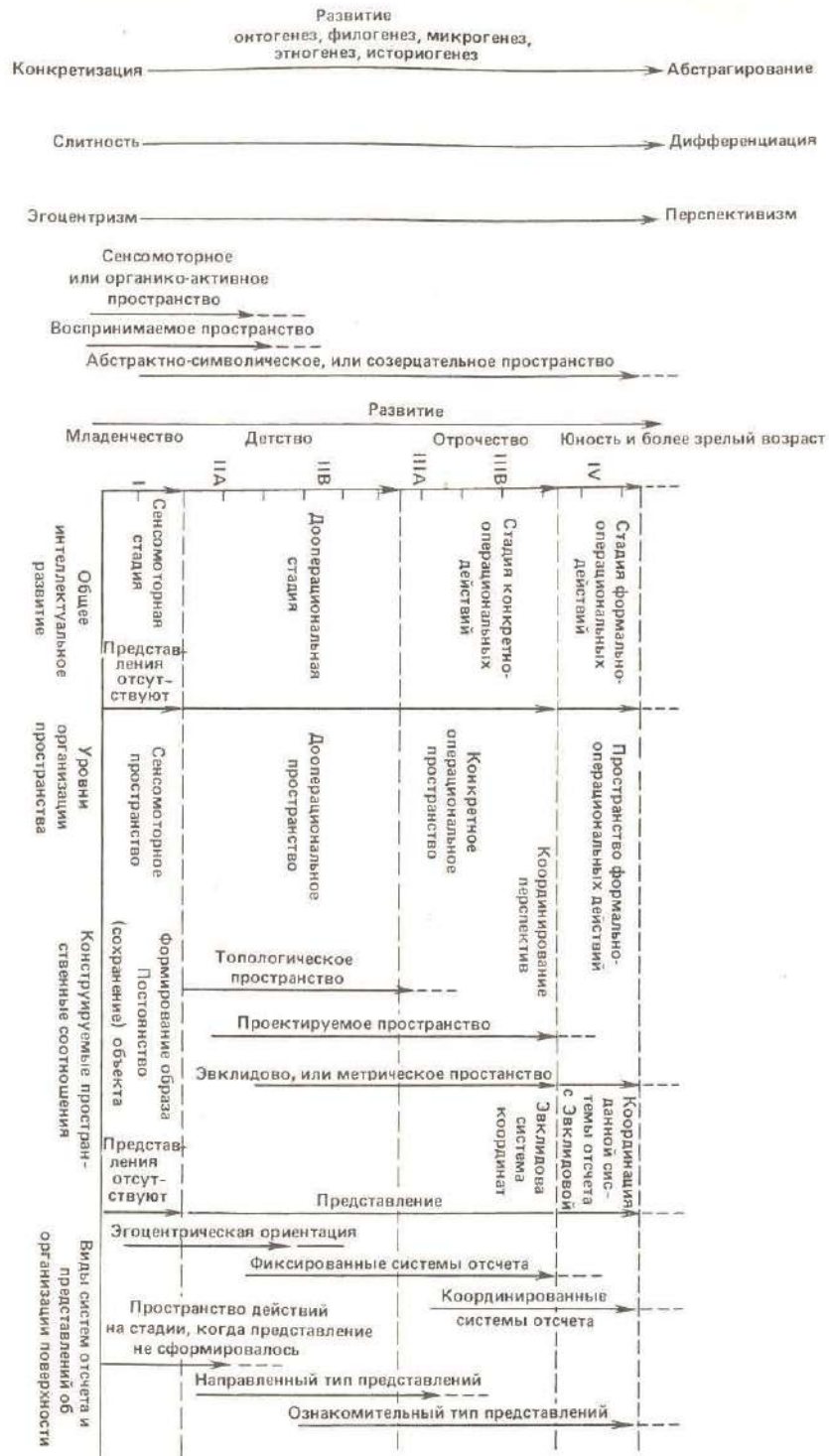
впечатлениями, но и предохранение его от избыточного напряжения в попытке освоиться в чересчур быстро меняющемся внешнем окружении (Pulaski, 1971; цит. по: Papalia, Olds, 1975).

Первоначальная концепция, созданная Хартом и Моором (Hart, Moore, 1973), представлена на рис. 5-3. Она в значительной степени опирается на работу Пиаже, считавшего, что развитие познавательных способностей проходит с жесткой последовательностью через ряд стадий, достигаемых нормальными детьми примерно в одном и том же возрасте. Было выделено три такие стадии, каждая из которых включала две или более подстадий. Как правило, от рождения до двух лет ребенок находится в *сенсомоторной* стадии, в течение которой он может рассматривать предметы лишь как объекты тех или иных манипуляций. К концу сенсомоторной стадии у ребенка формируются основы представления о небольших, не связанных между собой пространствах, в которых он обитает. Он видит себя в центре пространства, приобретая рудиментарные понятия расстояний и направлений, но еще не обладает способностью к абстрагированию пространственных представлений. Эта способность появляется на стадии *конкретно-операциональных действий*, имеющей две подстадии: дооперациональную (длящуюся с двух лет до семи) и стадию конкретных действий (от семи до одиннадцати) [3]. В этот период ребенок способен представлять пространство и вне связи с какими-либо действиями, осуществляемыми в нем, однако его мышление остается привязанным к реальным или находящимся перед глазами предметам. Пространственные представления сначала состоят из интуитивных, не связанных между собой образов окружающего мира, основанных на воспоминаниях о предметах, с которыми ребенок имел дело или которые он просто видел, однако постепенно у него развивается способность создавать представления как на основе реально существующих, так и чисто символических предметов. В течение третьей, *формально-операциональной* стадии у ребенка появляется способность абстрактного постижения пространства вне зависимости от реально существующих действий, предметов или территорий.

Существует определенная последовательность в ходе научения детей устанавливать пространственные взаимосвязи. Как следует из рис. 5-3, ребенок постепенно учится воссоздавать пространство в соответствии с топологическими принципами, принципами организации эвклидового пространства и правилами перспективы. Начиная с двухлетнего возраста ребенок последовательно овладевает топологическими принципами, описывающими такие отношения качественного характера, как близость и раздельность, порядок расположения, а также завершенность или незавершенность объектов. Эти принципы дополняются затем принципами организации эвклидового пространства и правилами перспективы. Освоение последних позволяет ребенку сопоставлять пространственные взаимоотношения предметов, видимых с различных точек наблюдения. Эта способность начинает развиваться с трехлетнего возраста. Процесс осознания указанных принципов идет одновременно с проникновением в типологические законы пространства, хотя вплоть до одиннадцати-двенадцати лет ребенок не может полностью усвоить правила перспективы. Осознание принципов организации эвклидова пространства начинается с четырех лет и занимает почти десять лет жизни. Постепенно ребенок научается различать метрические характеристики пространства, включая систему прямоугольных координат, определение расстояний, а также измерение меняющихся с удалением пропорций предметов. К концу периода формально-операциональных действий ребенок полностью овладевает системой пространственной ориентации.

Эта схема была положена в основу понимания того, как происходит

Рис. 5-3. Графически выраженное содержание разработок и гипотез Харта и Моора, описывающих развитие основных представлений о пространстве, а также процесса познания микропространства. Слева показаны 3 главных параметра, по которым можно анализировать развитие пространственных представлений в связи с процессом освоения ребенком общих познавательных способностей. В колонках, размещенных справа, отражены некоторые из гипотез, касающихся особенностей познания сред крупного масштаба. Мооре (1976, 149).

освоение ребенком крупно- и мелкомасштабных пространств. Впоследствии, опираясь на результаты ряда эмпирических исследований, ее удалось развить в концепцию возможного объяснения процесса постижения взрослыми людьми нового для них пространственного окружения (представление об этом дает табл. 5-1). Этот процесс имеет три уровня, или стадии. Считалось, что компоненты мыслительных представлений, возникавшие на первой стадии, имеют для данного ребенка или взрослого наибольшее личное значение. Индивидуальные пространственные представления на этой стадии эгоцентричны и не дифференцированы в том смысле, что вся поступающая информация воспринимается таким образом, что ее особенности и разнообразие не принимаются во внимание. Информация видится лишь с точки зрения ее практической (для какой-либо деятельности)

Таблица 5-1

Общая схема последовательного развития познавательных представлений

I. Недифференцированные конкретные эгоцентрические представления.

Для этого уровня характерны примитивные символические представления, которым присущи:

а. Отсутствие дифференциации, когда вся поступающая информация воспринимается таким образом, что ее особенностям и разнообразию не придается никакого значения.

б. Полный эгоцентризм, когда вся без исключения информация рассматривается с позиций, центрирующихся на самом индивиду.

в. Преобладание конкретных ориентиров, то есть отсутствие систематизированных связей между элементами представляемой картины.

г. Отсутствие общей организации, то есть систематизированных связей между элементами представляемой картины.

II. Дифференцированные и частично организованные в фиксированные подгруппы представления.

Этот уровень включает промежуточные символические представления, для которых характерно:

а. Дифференциация интеграции, когда при осознании различий и изменчивости не происходит их интеграции в обобщенные структуры.

б. Частичная децентрализация при сохраняющемся эгоцентризме восприятия, когда наряду с отходом от эгоцентрической точки зрения на некоторые аспекты воспринимаемого наблюдается концентрирование внимания на других точках зрения.

в. Наличие как конкретных, так и абстрактных ориентиров, когда некоторые характеристики пространства привязываются к существующим ориентирам, в то время как другие воспринимаются при помощи чисто абстрактных понятий.

2. Частичная координация в фиксированные подгруппы, когда поступающая информация частично, и необязательно полностью, группируется в локальные подгруппы таким образом, что в них координация воспринимаемых впечатлений выше, чем координация самих подгрупп.

III. Операционально скоординированные и иерархически интегрированные представления.

На этом уровне появляются высокоорганизованные представления, для которых характерны:

а. Дифференциация и иерархическая интеграция, когда различные аспекты и точки зрения явно отделяются друг от друга и свободно интегрируются в обобщенную структуру.

б. Полная децентрализация и координация, то есть отход от эгоцентрической точки зрения на большинство аспектов и координация множества разнообразных точек зрения.

в. Преобладание абстрактной ориентации, когда содержание и особенности информации воспринимаются на высоком уровне абстракции.

г. Высокая степень общей организованности, когда большая часть информации организуется в подгруппы, иерархически объединенные в абстрактно представляемые структуры, в которых подгруппы организованы таким образом, что обеспечивается высокий уровень целостности представлений.

значимости и с позиций главным образом эгоцентричности, последовательности и топологических взаимосвязей.

На второй стадии воспринимаемая среда организуется в группы или сочетания элементов, хотя они еще никак не соотносятся между собой. Группообразование нередко основывается на функциональном подобии или топологической близости группируемых предметов, на использовании соотношения предметов на плоскости (например, расположение справа или слева, впереди или позади), а иногда и относительных расстояний между ними. Никакой связывающей эти группы воедино системы координат еще не существует.

На третьей стадии для увязки восприятия среды с различными точками зрения и установления взаимосвязей относительных расстояний между собой формируется общая система пространственной ориентации. Эта система больше не привязана к совершаемым человеком действиям — на данной стадии он уже способен представлять перемещения, опираясь прежде всего на хорошо организованную систему ориентации высокого уровня абстракции, а не на впечатления, полученные при совершении индивидом практических действий.

Все эти три стадии были установлены исходя из результатов эмпирического изучения пространственных представлений у взрослых и детей о городе, по считалось, что они существуют и при развитии пространственного восприятия других сред. Впрочем, обсуждение этой проблемы не входит в наши задачи. Если же говорить о первоначальной и последующей концепциях Моора, то необходимо расценить их как серьезную попытку интегрировать работы по изучению особенностей пространственного познания в единую парадигму, относительно которой, правда, возможен ряд критических замечаний.

С одной стороны, многие замечания адресованы теориям развития, на которые опирается эта концепция. Например, теорию Пиаже критикуют, между прочим, за чрезмерное внимание к процессу адаптации, за «механистичность» последовательных стадий развития, за выдвинутые в ней предположения о взаимосвязи между действительностью и ее познанием, ставящие под вопрос необходимость усвоения принципов организации евклидова пространства в процессе научения, и за тот факт, что проведено слишком мало независимых от Пиаже и его коллег эмпирических исследований, подтверждающих эту теорию [4].

С другой стороны, критике подвергались те представления Моора, согласно которым освоение индивидами пространственных сред больших размеров происходит тем же путем, что и микропространств, а также его утверждения о возможности выведения характеристик процесса пространственного научения взрослых из знания особенностей этого процесса у детей. Обе мысли вызывают сомнение. Рассматривая восприятие различных по размерам пространств, необходимо помнить о существовании двух важных факторов, влияющих на познавательные процессы. Во-первых, информационная основа схемы крупноразмерного пространства, формируемая главным образом из переданной информации, существенно отличается от аналогичной основы схемы микропространства, в формировании которой главную роль играют сигналы, поступающие непосредственно от органов чувств. Во-вторых, различен и характер контактов человека с пространствами разных масштабов. Если признавать высокую зависимость процессов познания от установок, то кажется почти неизбежным, что среды разных масштабов будут иметь для индивида совершенно разное значение. Точно так же остается под вопросом и корректность уподобления процесса научения взрослых процессу научения у детей. Познавательный аппарат взрослого человека характеризуется гораздо большими аналитическими

способностями, чем детский, что вполне может приводить к существенным различиям в характере процесса познания.

Быть может, стоило бы принять общий подход Моора, не обязательно ориентируясь при этом на выдвинутую им конкретную схему развития познания (Pick, 1976). Уже многими авторами использовались теории психологии развития для анализа представлений о крупномасштабных средах (Acaredolo, 1976; Beck, Wood, 1976; Kates, Katz, 1977), а в ряде работ сообщается о подобном подходе (Banerjee, Lynch, 1977). В целом их следует оценить как весьма перспективные в изучении проблем пространственного научения. И в самом деле, даже если будет установлено, что существуют фундаментальные различия в восприятии микро- и макропространств, а также в процессах научения детей и взрослых, этот вывод не потеряет своего значения, так как чрезвычайно полезно будет узнать, в чем состоят эти различия.

Влияние социокультурных факторов

До сих пор обсуждение пространственно-познавательных способностей ребенка происходило вне социокультурного контекста их развития, и это упущение необходимо устранить. Во всех обществах существуют свои собственные правила и традиции использования и интерпретации пространства. Их становление заняло много времени в ходе долгой борьбы членов этих обществ за существование в пределах данной пространственной среды, сильно определяясь специфическими особенностями восприятия внешнего мира представителями той или иной группы. Эти правила охватывали, по существу, все явления, имеющие какие-либо пространственные параметры. Они, например, устанавливали нормативы поведения в местах скопления большого количества людей, регулировали пространственное обеспечение частной жизни человека, определяли различные характеристики феномена территориальности (см. следующую главу), обосновывали ценностные утверждения широкого спектра и критерии эстетичности, а также характеризовали объекты и территории по степени их притягательности.

От эффективности процесса научения новых поколений и степени принятия ими этих правил и традиций зависит стабильность общества, жизнеспособность его культуры и устойчивость его внутренней структуры. Усвоение подобных правил происходит в основном в раннем возрасте и, как правило, в рамках семьи, хотя не исключаются контакты со взрослыми членами местной общины и сверстниками, в том числе и через посредство таких общественных институтов, как церковь, школа и детские дошкольные учреждения, средства массовой информации. Процесс передачи социальных нормативов, называемый социализацией, состоит в том, что социальные и культурные воздействия заставляют ребенка организовывать свои мысли и поступки таким образом, чтобы они стали приемлемыми для той социальной группы, с которой он желает себя идентифицировать. В результате социализация имеет двойственную функцию, одновременно готовя индивида к выполнению роли, которую он будет играть в данном обществе, и осуществляя передачу культуры от одного поколения к другому, что обеспечивает ее сохранение и развитие (Chinoy, 1967). Вполне понятно, что социализация является существенно консервативным процессом, в ходе которого все чрезмерные отклонения или инновации тщательно отфильтровываются.

Роль социализации как транслятора групповых ценностей в процессе развития пространственных представлений индивида демонстрируют иссле-

дования по сравнению культур, выполненные под эгидой ЮНЕСКО (Lynch, 1977). Этот проект позволил произвести сравнительный анализ особенностей оценки пространств и их использования подростками, живущими в Аргентине (Сальта), Австралии (Мельбурн), Польше (Краков и Варшава) и Мексике (Экатепек и Толука). Все подростки — выходцы из небогатых кварталов, проживали в небольших домах, часто лишенных элементарных удобств. Несмотря на различия в культуре и функционально-пространственных характеристиках районов их проживания, были получены сходные результаты. Выяснилось, что характер местной общины играет важную роль в жизни подростка и что как родители, так и дворовые приятели оказывают влияние на формирование и развитие его пространственных представлений. Дети быстро усваивают социальные значения пространства, хотя обнаруживаемая ими степень принятия социальных пространственных предпочтений сама по себе является отражением стадии процесса социализации, достигнутой данным подростком. Все исследованные подростки находились на конечных стадиях социализации, не являясь формально членами общества взрослых. Вростание в это общество — труднейший процесс, сопровождаемый серьезными разочарованиями. Считается, что по его завершении оценка и использование пространственной среды происходят отличным от подросткового способом, поскольку: «Подросток живет в другом, гораздо более деформированном мире, чем взрослый... Невозможность участия во взрослой социальной жизни, в формировании и управлении ближайшей материальной средой приводит к появлению апатичности и чувства отчужденности от окрестных территорий и местной общины. Там, где возможность такого, даже самого минимального участия существует, и сообщество и среда приобретают гораздо большее личностное значение для подростка» (Banerjee, Lynch, 1977, 122).

Главной формой трансляции социальной интерпретации пространства подростку или человеку, незнакомому с данной местностью, является знак, или символ. Происходящий от греческого слова *symbolon* (знак), символ можно использовать для обозначения любого понятия и сколь угодно широкого спектра явлений. Символу присущи две важные особенности (Douglas, 1970). Во-первых, по определению, он имеет как латентное (скрытое), так и очевидное (наглядное) значение. Так, например, угол квартала имеет вполне очевидное значение материальной границы, но с таким же успехом может иметь скрытое значение места встреч разных компаний молодежи, или удобного и важного с какой-нибудь специфической точки зрения ориентира, или неформальной границы каких-нибудь сообществ. Во-вторых, латентное значение символа обычно различимо лишь членами какой-либо группы или представителями той или иной культуры. Хорошей иллюстрацией этой мысли служит использование метафор в разговорной речи, тем более что язык, будучи средством коммуникации, сам в значительной степени строится на символической основе. Так, архитектор Дженкс (Jencks, 1969) рассказывает случай, когда француз-спутник его знакомого, путешествовавшего по Франции, как-то, увидев искусный пилль древней часовни, воскликнул: «Jetez un coup d'oeil sur cette flèche!» Эта фраза, буквально переводимая как «Брось глаз на эту стрелу», была привычной метафорой в устах этого человека, совершенно иначе воспринимаемая слушателем другой языковой среды, недоумевавшим по поводу подобного использования его глаза!

В терминах пространственной психологии следует рассмотреть двоякую роль символов. Во-первых, содержание пространственных знаний зависит от символов, используемых в языке, впрочем и выражаясь с их помощью. Эту мысль легко понять, опираясь на семиотический треугольник [5], показанный на рис. 5-4, который отражает взаимоотношения мысли, дейст-

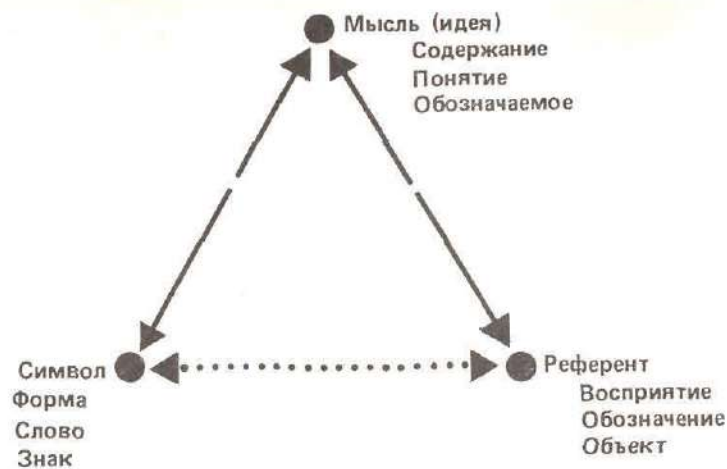

Рис. 5-4. Семиотический треугольник. *Jencks* (1969, 15).

вительности и языковых символов. Этот рисунок вовсе не призван показать причинные взаимосвязи элементов [6]; он лишь указывает направленность влияния групповых ценностных суждений об окружающем мире на языковые символы, и наоборот. Их тесная взаимозависимость была неоднократно показана в ходе исследований лингвистической относительности специалистами по когнитивной антропологии (Tyler, 1969). Суть этого феномена, по мнению его исследователей, состоит в том, что люди, живя в различных условиях внешнего окружения, создают словарный состав языка в соответствии с их жизненным опытом, накопленным в этих условиях, а также в связи со сформировавшимися у них потребностями (Cole, Scribner, 1974). Например, в языке индейцев племени хопи существует лишь одно слово для обозначения всего, что летает, за исключением птиц (самолеты, летчики, насекомые), в то время как в английском каждый вид перемещающихся в воздухе предметов называется своим словом. И наоборот, в языках эскимосов имеется целый ряд слов для обозначения того, что англичане называют одним словом «снег», хотя весьма примечателен тот факт, что жители англоязычных стран начали использовать французские слова, имеющие широкое распространение в Альпах, такие, как «piste» (лыжня) или «pénvé» (фирновый снег), в связи с необходимостью быть понятыми при занятии зимними видами спорта. В этих примерах хорошо различимы связи словарного состава языка с особенностями обитания в той или иной среде, а также между человеком и территорией. Символы, воплощаемые средствами языка, в любом случае являются надежным ключом к пониманию того, что разные люди думают о своем пространственном окружении.

Во-вторых, в восприятии представителей определенных культур те или иные места и территории сами по себе являются символами. Эта тема постоянно присутствует в тексте данной книги. Дом, местная община, ландшафт, город или этническая территория могут получить символические значения, доносящие особенности этих объектов лучше, чем тома их подробных описаний. Если приводить примеры городов-символов, то сразу вспоминается множество городов, являющихся, как известно из истории религии, по мнению верующих, «святыми местами» (Мекка, Иерусалим, Бетлехем), или городов, названия которых тождественны понятию «центр искусства и культуры» (Париж, Вена, Зальцбург), или рукотворных столиц, бывших некогда самой что ни на есть периферией, а ныне олицетворяющих

всю страну (Канберра, Бразилиа), или центров-символов национальной стойкости (реконструированная Варшава). В каждом из этих случаев название того или иного города выступает заместителем сложного конгломерата представлений, относящихся к воспоминаниям о прошлом, современным суждениям ценностного характера и чаяниям людей, связанным с будущим, которые всплывают перед мысленным взором при простом упоминании об этом месте. К тому же сама среда того или иного места или города является тончайшим выразителем глубоких переживаний, часто весьма нелегких для формализованного изложения. Принимая все это во внимание, можно сказать, что пространственные символы способны преобразовывать «смутные эмоции, неясные импульсы и впечатления в стройный ряд чувств, спокойную осознанность мысли и четкие коллективные действия» (Barbu, 1971, 98). Они очень важны для сохранения культуры, представляя собой ценности, объединяющие ее членов и ничего не говорящие посторонним.

Заключение

Во второй части мы произвели обзор возможных источников пространственной информации и факторов, влияющих на способ преобразования ее в значимые пространственные знания. Мы увидели, что восприятие основывается на информации, поступающей от органов чувств или при коммуникациях, хотя и не определяется ею. Затем этот информационный полуфабрикат перерабатывается и входит в состав структурированных мыслительных представлений о географическом пространстве при помощи специфических познавательных механизмов, предварительно формируемых в процессе научения. Другими словами, не отрицая возможности существования некоторых врожденных способностей восприятия, необходимо подчеркнуть, что ключом к пониманию развития пространственных познавательных способностей является процесс пространственного научения. Этот процесс особенно активно протекает в первые пятнадцать лет жизни, в течение которых ребенок усваивает, минуя несколько последовательно сменяющихся стадий, умение воспринимать подробную и хорошо скоординированную картину пространства. Со временем в пространственных знаниях происходят как количественные, так и качественные изменения, причем ребенок постепенно овладевает способностью ориентироваться в пределах своего пространственного окружения. Его пространственные знания отчасти формируются в результате активного освоения им окружающей среды, но несут и печать влияния социальных и культурных групп, к которым он принадлежит.

В третьей части мы постараемся выяснить природу и характер сформировавшихся описанным путем мыслительных представлений о географическом пространстве.

Постижение пространства

Глава 6

Микропространство: познавательное значение территории

Свободные места занимают в соответствии с особым этикетом, нарушение которого считается неприличным и несправедливым. Так, плац, книга, газета или любой другой предмет, оставленные на месте для сидения, обозначают, что место занято. Это правило обязательно, поэтому, какое бы место вы ни захотели занять, вам необходимо положить на него любой предмет, подвернувшийся под руку. Этот негласный порядок занятия мест, однако, обычно соблюдается лишь в вагонах первого класса. Для большинства пассажиров, обычно едущих вторым или третьим классом, многие деликатные его особенности кажутся малопонятными, а если и понимаются, то не принимаются в расчет.

Карманная книжка путешественного
по железной дороге, 1862

Известно, что представления о микропространствах трудны для изучения. Во-первых, как заметил Вернер Гейзенберг (Werner Heisenberg, 1930), говоря, правда, о квантовой физике, сам акт исследования меняет исследуемое явление. Во-вторых, такие представления имеют глубоко личностный характер, так как касаются тех пространств, которые человек лучше всего знает и к которым в наивысшей степени привязан. Спросить кого-нибудь, какое значение для него имеет его дом, или комната, или любимое кресло, — значит начать долгий разговор. В этом случае вызываемые к жизни представления отличаются предельной сложностью, богаты подробностями и наполнены символами, весьма трудными для расшифровки. Так, поэт Лори Ли (Laurie Lee, 1976) показал, как восьмилетний ребенок легко может вообразить и ясно увидеть своим внутренним взором вместо зарослей кустарника в пригородном парке африканские джунгли, загадочную землю, одновременно соседствующую с Индией и с Антарктидой. Чем не представление и о микропространстве, и о всем мире сразу!

При исследовании таких представлений одним из наиболее обещающих является подход, в основе которого лежит изучение территориальности. Заимствованное из работ по этологии [1], понятие территориальности обозначает совокупность процессов и разного рода механизмов, посредством которых живые существа провозглашают, демаркируют и защищают территорию своего обитания для того, чтобы не допустить на нее посторонних. Основные принципы функционирования этого феномена установлены при изучении животных, однако считается, что они применимы к аналогичному феномену человека. Как бы там ни было, исследования показывают, что люди, живущие в самых разных частях света, обнаруживают по отношению к пространству собственнические чувства в том смысле, что у

них у всех существуют «пространственные потребности», а также и территории, объявленные их собственностью, которые без специального приглашения не могут посещать посторонние. Действительно ли человек воспринимает свое непосредственное окружение так же, как и животные, или же существуют принципиальные различия, которые позволяют считать территориальность в понимании человека несколько большим, чем простой аналогией территориальности в мире животных?

В этой главе рассматриваются различные свидетельства, относящиеся к указанной проблеме. В ней дается обзор характерных видов территорий у животных, устанавливаются происхождение и значение феномена территориальности в человеческом обществе и предлагается развернутая классификация территорий, находящихся отражение в пространственном опыте человеческой жизни [2]. Но для начала необходимо уточнить два момента. Во-первых, хотя ряд авторов (Soja, 1971; Gottmann, 1973) применяют понятие территориальности к пространственным единицам размером с район или даже страну, в нашем изложении использование этого термина ограничено лишь уровнем микропространства. Дело в том, что обширные территории настолько отличаются по своему характеру от микропространств, что употребление применительно к ним терминов этологии становится бессмысленным. Например, защита национальной территории нередко принимает форму различных действий далеко за пределами государства и часто состоит в чисто символическом ответе на «угрозу». Подобные действия даже по аналогии никак нельзя считать адекватными психическим реакциям или поведению представителей животного мира.

Во-вторых, необходимо устранить некоторую путаницу, возникающую при рассмотрении взаимоотношений между территориальностью и различными другими понятиями, отражающих использование человеком микропространств, таких, как приватность, личностное пространство, самоощущение в толпе, восприятие плотности населения и социальное доминирование. В настоящее время выдвинуто много гипотез о соотношении между этими понятиями. Так, Дэвис (Davis, 1958) предложил рассматривать территориальность и социальную иерархичность двумя полюсами континуума форм поведения, зависящих от плотности населения; Альтман (Altman, 1975) полагает, что территориальность и личностное пространство есть механизмы обеспечения частной жизни человека, а Делонг (Delong, 1973) считает, что между территориальностью и социальным доминированием существуют взаимосвязи, определяемые конкретной ситуацией. Предпринимались попытки создания концепций, связывающих воедино все эти явления. Например, Холл (Hall, 1966) выдвинул идею формирования единой науки о пространственных отношениях близости [3], но все эти усилия при отсутствии взаимно непротиворечивых определений оказываются недостаточно эффективными.

Для прояснения ситуации следует сказать, что понятие *территориальности*, в данном выше определении, используется здесь как широкий по содержанию термин, обозначающий мотивированные познавательные и поведенческие структуры, которые человек демонстрирует по отношению к окружающей его физической среде обитания, на которую он предъявляет право собственности и которой он один или вместе с другими людьми пользуется по преимуществу частным образом (см.: Edney, 1976). Для достижения терминологической ясности подчеркнем, что в состав понятия *территориальности* мы включаем и смысл, обычно вкладываемый в термин «личностное пространство», определяемое как невидимая территория вокруг тела человека, нарушение границ которой другими людьми не допускается (Sommer, 1969). Некоторые авторы (напр., Altman, 1975) считают, что личностное пространство — это понятие, далекое от понятия террито-

риальности, поскольку личностное пространство «передвигается» вместе с человеком, в то время как, говоря о территориальности, обычно подразумевают и соответствующую жестко фиксированную и неподвижную территорию. Все это верно, однако обратите внимание на слово «обычно». Территории также могут представлять собой частичное или временное занятие пространства. Например, сядя на скамейку в парке, человек занимает определенную территорию, сохраняя при этом и свое личностное пространство (от характера которого будет зависеть число умищающихся на скамейке людей). Поэтому представляется более корректным считать личностное пространство и территориальность компонентами принципиально единого механизма, работающего на достижение специфических целей в непосредственной среде окружения.

Одной из таких целей является обеспечение *приватности*, определяемой как избирательный контроль доступности к индивиду или группе людей (Altman, 1975). Другая цель — это достижение *социального доминирования*, когда пространственные размеры территории символизируют уровень или статус личности в социальной иерархии. Наоборот, *скопления людей* и их *плотность* являются двумя сторонами качества жизни, регуляция которых происходит при помощи феномена территориальности. Эти два понятия широко используются, причем иногда как синонимы, однако целесообразнее считать их обозначающими разные, хотя и родственные явления. Плотность — чисто материальное понятие, отражающее количество человек, приходящихся на ту или иную единицу территории. С другой стороны, скопление людей обозначает как чисто физическое, так и социально-психологическое состояние — «давка», вызванная скоплением людей, существует лишь, если она *ощущается*. Конечно, ощущение скученности частично зависит и от имеющейся физической плотности, и в этом смысле феномен территориальности может содействовать ее снижению через регуляцию доступа людей на данную территорию, однако очень важную роль играют здесь установки. Ощущение стеснительной «многолюдности» может возникнуть даже в присутствии всего нескольких человек, скажем, когда человек хочет остаться в одиночестве; в то же время можно прекрасно себя чувствовать в самой гуще толпы, как это часто случается во время массовых спортивных мероприятий. Очень многое зависит и от намерений индивида в каждой конкретной ситуации.

Территориальность животных

Понятие территориальности является центральным в теории этологии. В книгах ученых-натуралистов прошлого описание различных проявлений этого феномена занимает многие страницы. В качестве хорошей иллюстрации этого может послужить выдержка из работы преподобного Гилберта Уайта, старейшины британских естествоиспытателей: «... во время весеннего тока чувство ревности у самцов птиц достигает такой силы, что они едва переносят присутствие друг друга в одной клетке или на одной лужайке. По-моему, в это время большинство песнопений и повышенный тонус птиц являются следствием соперничества и соревнования; именно этот дух ревности и объясняет, по-видимому, равномерность распределения птиц по территории страны в весенний период» (White, 1789; см.: Mabey, 1977, 137).

Однако систематические исследования феномена территориальности начались лишь с наступлением нашего века — сначала у птиц (Howard, 1920; Huxley, 1934), а затем и у многих других животных (Burt, 1943; Lorenz, 1952; Wynne-Edwards, 1962). Затем эти работы были выпущены в единой серии

под общей редакцией (см., напр.: Esser, 1971a; Lorenz, Leyhausen, 1973; Alcock, 1975). Уже накоплено достаточно данных для показа того, что территориальность, хотя она характерна для поведения не всех видов животных, широко распространена среди многих из них — летающих, живущих на суше и в воде, у позвоночных и беспозвоночных, экзотических и самых обычных.

Подробное изучение этой особенности поведения показывает наличие многочисленных общих характеристик, относящихся как к конфигурации территорий, так и к процессам, лежащим в основе их выделения. Начиная с рассмотрения морфологии территорий, отметим, что выявились два основных вида последних: твердо закрепленные и пространственно ограниченные, постоянные и временные, принадлежащие одному животному или их группе; существуют и эгоцентричные «пузыри» личного пространства, перемещающиеся вместе с животным.

Установление *закрепленных территорий* является для животных высокоэффективным средством приспособления к окружающей природной среде. Хотя дух дарвинизма, пронизывающий этологию, ведет к сильному преувеличению значения «борьбы за существование», не приходится сомневаться в том, что поведение животных определяется главным образом их фундаментальными потребностями. Как отмечалось ранее, эти потребности имеют физиологическую основу, и самыми важными среди них являются потребности в пище, убежище (для защиты как от хищников, так и от природной стихии) и воспроизводстве. Наличие у животного закрепленной за ним территории создает хорошие предпосылки удовлетворения каждой из этих потребностей. Обеспечение пищей гарантируется, если ее спокойно можно искать на определенном пространстве, существование которого обусловлено феноменом территориальности. Защита от хищников обеспечивается убежищем, а также возможностью убежать и спрятаться. Уатсон и Мосс (Watson, Moss, 1971) в работе, посвященной исследованию территориального поведения шотландской куропатки, показали, что обладание территорией является необходимым условием успешного разведения потомства для многих видов.

У *несоциальных животных* (то есть не организованных в группы) территории обычно определяются отдельными самцами таким образом, чтобы их размеры и конфигурация позволяли удовлетворять потребности самого животного, а также его самки и потомства. Маркировка границ таких территорий позволяет различать их и другим животным этого вида (Ardrey, 1966); она создается при помощи запахов (семейство псовых), отметками на самых обычных предметах (у медведей) или звуками (у птиц, у обезьян-ревунов). Размеры территории должны обеспечивать ее полный обзор, хотя необходимо понимать серьезное отличие характера территориальных границ, например, певчих птиц, способных обозреть всю свою территорию с самой высокой точки окружи, и наземных млекопитающих, для которых отсутствие достаточных возможностей наблюдения за территорией означает, что она будет перекрываться чьей-то другой (Leyhausen, 1971). Вход на территорию без приглашения автоматически считается незаконным вторжением, вызывающим сопротивление оккупанту, обычно принимающее форму ритуальной демонстрации своей агрессивности — действия, понятного обоим сторонам и делающего ненужным настоящее сражение. Силу этого ритуала показывают исследования английской малиновки, нетерпимой к нарушениям своей территории. Находясь в клетке внутри своих владений, малиновка пыталась прогнать нарушителей своим пением и угрожающими позами, хотя была лишена возможности что-либо сделать. Когда же ее вместе с клеткой перенесли на территорию соперника, она порывалась возвратиться назад и улетела бы, если бы была такая возмож-

ность (Fitter, 1969). Однако, несмотря на то что настоящего сражения часто и не происходит, даже символическое поражение в таком противостоянии может многого стоить для проигравшего, иногда оставляя его без потомства или даже приводя к гибели.

Большая часть сказанного справедлива и для животных, имеющих групповые или социальные территории, но в этом случае установление, маркирование и защита территории становятся задачей прежде всего группы, а не отдельной особи. Впрочем, по мнению Хедигера (Hediger, 1961), социальные территории призваны выполнять еще три дополнительные функции: обеспечивать возможность коммуникации, так чтобы при нахождении пищи и приближении опасности об этом легко можно было сообщить другим членам группы; координировать деятельность животных, входящих в группу, и сохранять ее единство; и наконец, обеспечивать основу существования как такового.

Личностное пространство является существенным компонентом в структуре внутренней динамики групповых территорий. Многие звери живут группами, однако избегают при этом физических контактов друг с другом. Поступая так, они соблюдают важнейшие правила личностного пространства, состоящие в обязательном обеспечении цельности и сохранности невидимых «пузырей» вокруг каждого животного. Их предельными размерами являются расстояния, которые животное поддерживает между собой и своими соседями для обеспечения личного самосохранения. Они серьезно различаются по отдельным видам и в пределах данной группы в соответствии с занимаемым местом в иерархии силы. Само личностное пространство, его размер, является показателем статуса: более могущественные особи, обладающие большим весом и авторитетом, имеют и личностное пространство большего размера, чем их менее влиятельные соседи. Несмотря на то что этот тип пространства отличается динамичностью, перемещаясь вместе с животным (Hall, 1972), границы его предельных размеров обнаруживаются всякий раз, когда данное животное вступает в контакт с другими. Это служит существенным фактором сохранения внутренней гармонии в пределах данной социальной территории.

Последнюю мысль хотелось бы подчеркнуть. Может показаться, что личностное пространство является чем-то антисоциальным по самой своей сути и что в крайнем случае его роль в социуме сводится к устранению потенциальных конфликтов. Однако, если как следует осмыслить это явление, окажется, что феномен территориальности выступает одним из основных гарантов сохранения социальной организации данного вида животных, обеспечивая нормальное функционирование группы. Дело в том, что, будучи однажды установлены, территории затем очень редко ставятся под сомнение сколько-нибудь серьезным образом. Следует еще раз повторить, что они представляют собой пространство, в котором протекает большая часть жизни тех или иных животных.

Необходимо отметить еще два момента. Во-первых, пространственное поведение не является неизменным; наоборот, оно изменяется, следуя в общем сезонным и суточным ритмам, как изменяется и характер поведения, лежащего в основе феномена территориальности. Так, многие птицы заботятся о сохранении своих территорий лишь в определенное время года, и даже для птиц тех немногих видов, которые берегут такие пространства круглый год, всегда остается проблема удовлетворения при этом и других потребностей. Голодная малиновка, занятая поиском корма, в холодный сезон вполне может проигнорировать нарушение границ ее территории другой малиновкой. Во-вторых, большинство специалистов рассматривают феномен территориальности неотъемлемым компонентом инстинктивного поведения, обусловленного необходимостью удовлетворения физиологиче-

ских потребностей. Характер современного поведения определен многими веками эволюционно-исторического процесса и отражает результаты успешного приспособления к природному окружению. Конечно, объяснение поведения животных остается сложной проблемой, вызывающей многие споры, но на практике не существует ни одного убедительного доказательства того, что целенаправленное играет сколько-нибудь реальную роль в функционировании феномена территориальности и как-либо влияет на конфигурацию или структуру определяемых им территорий.

Пределы аналогии

Мы рассмотрели суть явления территориальности у животных. Какие же уроки можно извлечь из этого для понимания принципов восприятия микропространств человеком? Внешне все очень похоже. Можно легко убедиться, что и у людей есть закрепленные за ними территории, а также личностное пространство, что и они устанавливают границы и борются за обладание правом решать, кого можно допустить к себе, а кого нет. Эти особенности поведения напоминают те, что встречаются у животных, хотя бы часть своей жизни проводящих в организованных группах; и все же они не более чем внешние совпадения. Если взглянуть на процессы, определяющие территориальность у людей, то обнаружатся глубокие различия с соответствующим феноменом у животных. Возможно, эта мысль будет более понятной после краткого обзора происхождения и анализа значения территориальности у человека.

Спор о происхождении территориальности является продолжением упомянутой дискуссии о том, что определяет развитие человека: «инстинкт или научение». В пользу первого подхода высказывались авторы, работы которых захватили воображение широких кругов общественности. Его придерживались Ардри (Ardrey, 1966), Моррис (Morris, 1967), Тайгер (Tiger, 1969) и особенно Лоренц (Lorenz, 1966, 1970). Лоренц выводит явление территориальности из теории инстинктов, утверждая, что люди, как и большинство животных, обладают врожденным инстинктом «агрессивности». Территориальность является выражением агрессивной природы человека, будучи как результатом потребности в обладании какой-либо частью пространства и контроле над ней, так и средством достижения «прочного положения» в иерархии человеческого общества. Ардри развивает эту идею, отстаивая абсолютность территориального принципа. Следующая цитата отчасти передает суть его аргументации: «...непрерывность процесса эволюции от мира животных до мира человека убеждает в том, что поведение групп людей должно соответствовать универсальным правилам, вытекающим из территориального принципа. Чувство, называемое патриотизмом, иными словами, надежная сила, предсказуемо проявляемая в определенных ситуациях, порождает человеческие поступки, по характеру ничем не отличающиеся от действий других видов территориальных животных» (Ardrey, 1966, 213).

Для описания способа передачи этого инстинкта от одного поколения к другому предлагались различные объяснения. Например, Эссер (Esser, 1970, 1972) и Гринби (Greenbie, 1975) предположили, что территориальность передается через сформировавшиеся в процессе эволюции отделы коры головного мозга, ответственные за трансляцию унаследованных впечатлений, полученных в далеком прошлом [4]. А Майер (Maier, 1975) попытался дать объяснение территориальности, используя вариант психоанализа Юнга. Юнг считал (см., напр.: Jung, 1964), что инстинкты могут передаваться от одного поколения к другому через центральное ядро психики. По его

мнению, оно существует у всех живых организмов и эволюционировало точно так же, как центральная нервная система. Как видно из рис. 6-1, эта идея позволяла установить связи индивида и социальной группы, к которой он принадлежит, с их предками среди людей и даже животных. Именно таким путем территориальность как врожденное свойство должна была передаваться от животных людям.

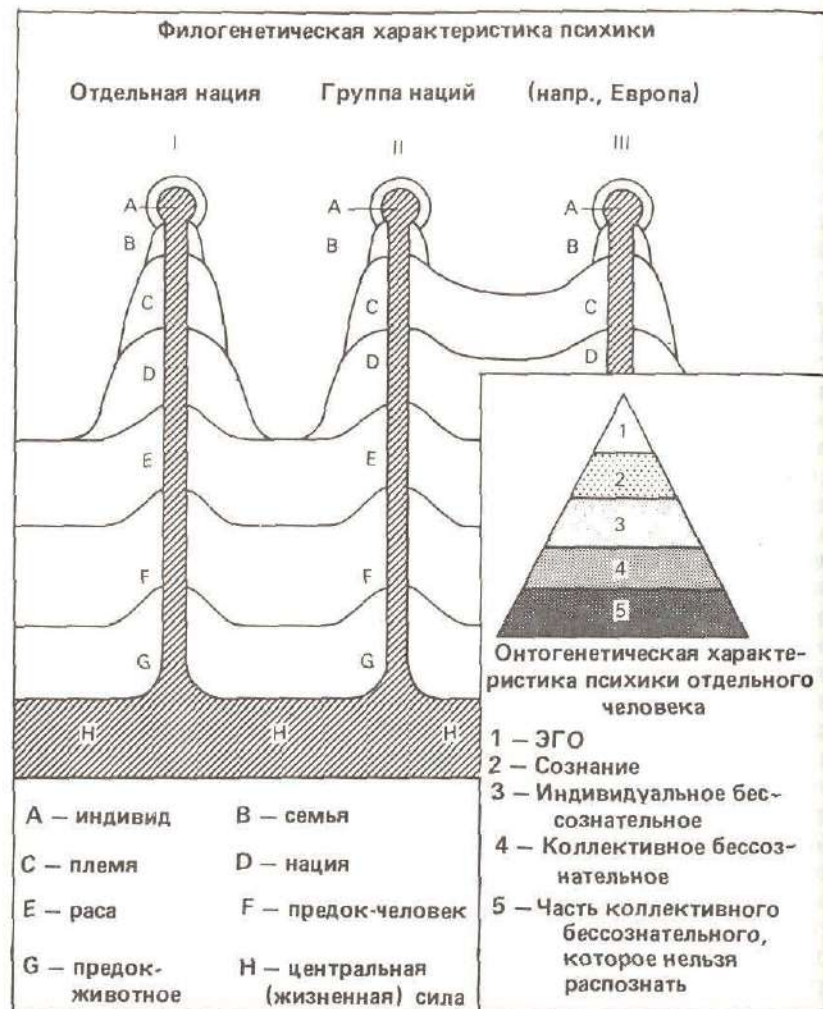

Рис. 6-1. Природные корни феномена территориальности. Maier (1975, 19).

Сторонники второго подхода подчеркивают роль культуры и пространственного научения в овладении феноменом территориальности. Важнейшим манифестом этого направления явилась книга Холла «Скрытое измерение» (Hall, 1966), имевшая большой резонанс. Холл изучал поведение людей при ежедневных контактах и пришел к выводу, что существует множество общих черт в характере и манерах взаимодействующих индивидов. Особенно любопытным было то, что исследуемые, общаясь друг с другом, строго соблюдали определенную дистанцию, которая всегда су-

существует между людьми, выполняющими совместные действия. Величина этой дистанции различалась в зависимости от вида взаимодействия, места взаимодействующих в социальной или структурной иерархии и культурной принадлежности индивидов. Полагают, что культура является особенно важным фактором. Например, оказалось, что арабы во время разговора находятся друг от друга на более близких расстояниях, чем европейцы, — особенность, которая легко может привести к недоразумениям в ходе контактов представителей разных культур. Холл приходит к выводу, что эти различия пространственных характеристик поведения мало связаны с наследственными механизмами; по его мнению, причиной их образования выступают различия культур, а от поколения к поколению эти особенности передаются в процессе социализации.

Выводы Холла опираются на результаты эмпирических исследований, касающихся в основном изучения личностного пространства, однако их можно применить и к феномену территориальности. Считать, что у людей, как и у животных, в основе феномена территориальности лежат инстинкты, отмечается в работе Иттельсона (Ittelson et al., 1974), — значит совершенно игнорировать те самые особенности человека, благодаря которым он и отличается от более низших организмов. Не вызывает никаких сомнений, что существование территориальности у людей действительно обусловлено необходимостью удовлетворения весьма насущных и фундаментальных потребностей, однако она, вероятнее всего, не передается по наследству, а формируется под влиянием той или иной культуры. Наглядным подтверждением этой мысли является поведение людей в ситуациях, «возраст» которых в масштабах эволюции пренебрежимо мал. Такой вид поведения можно, в частности, наблюдать в городах на общественном транспорте в часы пик. Массированное вторжение в личностное пространство в этом случае отнюдь не делает людей более агрессивными из-за включения защитных механизмов, направленных на создание ощущения непричастности (например, при помощи «отсутствующего взгляда» или путем глубокого погружения в чтение газеты). Подобные культурогенные механизмы приспособления позволяют человеку чувствовать себя как дома в самом центре людского круговорота, тогда как у животных такие механизмы отсутствуют. Кроме того, необходимо отметить, что результаты большей части исследований, на которые опираются биологические теории, вызывают серьезные сомнения. Так, методика экспериментирования на животных, использованная Лоренцом, а также применимость получаемых результатов для объяснения поведения человека подверглись серьезной критике (Eisenberg, 1972; Nelson, 1974). К тому же сторонники многих таких теорий необоснованно полагаются на представления чисто умозрительного характера. Например, отношение к идеям Майера зависит от оценки психоанализа Юнга. Конечно, здесь не место для критического анализа работ Юнга, но все же нельзя не отметить очень малое число сколько-нибудь убедительных доказательств в пользу существования «центрального ядра психики» (Neel, 1971) или того, что символические взаимодействия, связанные с феноменом территориальности, являются врожденными (Alland, 1972).

Подводя итоги, можно сказать, что проделанный анализ причин возникновения территориальности убеждает в существовании заметных различий в характере этого феномена у животных и у человека. Они особенно ощутимы, если принять во внимание *значение* территориальности для человека и для животных. Если территориальность животных служит для удовлетворения их физиологических потребностей, а именно потребностей в еде, убежище и воспроизводстве, то установление тех или иных видов территорий человеком направлено и на обеспечение социальных личностных запросов. Это замечание особенно справедливо по отношению к

индивидуальным и социальным фиксированным территориям, которые широко используются с целью обеспечения определенного статуса и уважения, а также для демонстрации внешнему миру собственного представления владельца (или владельцев) о себе.

Наиболее ярким примером сказанного служит «дом» — территория, имеющая повсеместно признаваемое высокое значение и являющаяся центром пространственного мира индивида. Само богатство содержания, передаваемого словом «дом», которому в Оксфордском словаре английского языка посвящено две с половиной страницы, создает значительные трудности при его определении. Кроме обозначения некоего физического пространства, это понятие очень часто применяется при описании мест, порождающих в человеке состояние глубокой взволнованности, мест, которые кажутся ему замкнутым крошечным миром, известным до мельчайших деталей (Lenz-Romeiss, 1973). С этим словом всегда ассоциируются чувства эмоциональной безопасности, защищенности и уюта. Дом часто является местом рождения человека, а также местом получения первых жизненных впечатлений; другими словами, он является пространством, в пределах которого человек впервые осознал среду своего окружения, где, прежде всего под влиянием семьи, протекала его социализация и где происходило усвоение специфических норм данной культуры по отношению к пространству. Связи между человеком и его «домом» обычно настолько сильны, что не прерываются даже в случае их физического удаления друг от друга. Мучающая переселенцев ностальгия с ее крайними проявлениями в виде чувства глубокой тоски по родине, разъедающей душу, свидетельствует о всеохватности и серьезности этой привязанности к родному очагу (Lowenthal, 1975).

Рассматривая различные аспекты истинного значения дома через анализ потребностей, удовлетворению которых он предназначен, можно глубже постичь смысл этого понятия как территориального ядра личного пространственного мира. Портеус (Porteous, 1976; 1977) выделяет три главные функции, в основном социального и личностного характера, которые должен выполнять дом и обеспечение которых происходит вследствие обладания территориальными образованиями подобного вида.

Первая функция состоит в обеспечении *безопасности*. Выполняя эту функцию, дом прежде всего должен обеспечивать физическую неприкосновенность, которая обычно гарантируется установлением четко обозначенных границ и правил, регулирующих способы проникновения в дом. Обеспечение физической неприкосновенности, личной или групповой, всегда влияет на традиции и характер поведения людей, однако в настоящее время дом очень редко служит только для этой цели [5]. Почти столь же важным, как чувство личной безопасности, является ощущение материальной обеспеченности и всего, что с ним связано, вызываемое обладанием территорией подобного вида. Недостаток безопасности в сочетании со стрессом, вызываемым неполным удовлетворением жизненно важных потребностей, отчасти объясняет озлобленность и агрессивность бездомных.

Вторая функция дома заключается в *повышении тонуса*. В изложенной выше дискуссии о природе мотиваций (гл. вторая) было показано, что временами люди стремятся придать своим отношениям со средой более острый характер и ищут повышенного возбуждения точно так же, как в другое время жаждут прямо противоположного. Все дело в проблеме контроля. Представляется вполне естественным, что человек в самом деле стремится максимально снизить яркость впечатлений от среды каждодневного окружения, чтобы таким образом облегчить выполнение каких-либо специфических видов деятельности, скажем маятниковых миграций, однако достаточно вероятно, что в пределах контролируемой среды своего жилища

он будет стремиться к получению каких-нибудь острых ощущений. Дом обеспечивает пространство, где может происходить удовлетворение таких потребностей. Повышение тонуса достигается посредством свободного формирования и трансформации внутренней среды, а также ощущением безопасности, которое дает дом. Оно может достигаться решением разнообразных задач, больших и малых, встающих перед человеком в ходе формирования внутренней среды своего жилища и поддержания ее в должном порядке.

В-третьих, дом удовлетворяет потребность в обеспечении *индивидуальности*. Индивидуальность создается в процессе оформления дома, при заполнении его знакомыми и близкими человеку вещами. Индивидуальность, неповторимость среды особенно важна для детей младшего возраста, обеспечивая ребенку характерный колорит повседневно обитаемого пространства. Кроме того, что характер дома в значительной мере влияет на личностные особенности его обитателей, жилище и его оформление служат еще и средством передачи этих неповторимых особенностей внешнему миру (Duncan, Duncan, 1976; Becker, 1977). Любой дом имеет две стороны: внутреннюю, видимую лишь людьми, имеющими в него доступ, и внешнюю, видимую всеми остальными (Cooper Marcus, 1974). Хотя в литературе прослеживается заметная тенденция к переоценке роли жилища в обеспечении индивидуальности, представление о том, что его внутренняя среда является сокровенным пространством, символизирующим представление человека о себе, в то время как внешнее оформление есть публичная часть дома, та его особенность, которая выставляется на всеобщее обозрение, по-видимому, можно считать истинным. Интерпретация символов, связанных с домом, определяется культурой, в контексте которой они проявляются (Rapoport, 1969). Например, в англоязычном мире позитивно оценивается оригинальность, когда один дом не похож на другой и несет на себе глубокий отпечаток индивидуальности, особенно сейчас, когда массовое возведение типовых зданий сделалось нормой. С другой стороны, по мнению Купера Маркуса (Cooper Marcus, 1974, 132), сложившемуся у него при исследовании американского общества, «отдельный дом не должен слишком выделяться, поскольку это обычно означает что-либо непривычное или неконформистское... то есть то, чего следует избегать».

Если принять во внимание тот факт, что жилище человека не просто место, обозначенное общепризнанными социальными символами, но также и территория, находящаяся под защитой специальных законов, то разница значений территорий для животных и для человека станет еще более очевидной. Кустарники, посаженные вокруг дома, или табличка «Вход воспрещен», поставленная у садовых ворот, означают границу действия законных прав собственности. Владельцы этих территорий могут потребовать, чтобы посторонние покинули их, или даже подать в суд иск с обвинением в совершении таких преступлений, как умышленное нанесение убытков или нарушение личных прав; эти поступки являются уголовно наказуемыми, даже если владелец территории отсутствовал в момент их совершения (как, например, собственник земельных угодий, проживающий в городе). Нет никаких доказательств того, что животные так же чтут права собственности, особенно в том смысле, чтобы выдвигать претензии к их нарушителям или к кому бы то ни было по выбору хозяина территории.

Глубина различий территориальности у человека и животных станет еще более явной, если рассмотреть значение социальных территорий для тех и для других. Социальные территории существуют и в отсталых и в высоко-развитых странах. Например, у народов Новой Гвинеи, находящихся на родоплеменной стадии развития, есть обычай выполнять время от времени воинственные ритуалы на границах своих земель просто для того, чтобы

проверить силу соседних племен. И если те оказываются малочисленными, слабы или просто в «плохой форме», считается, что настал момент для вторжения на их территорию и грабежа ближайших деревень (Attenborough, 1975).

Групповые территории также являются заметным компонентом пространственной структуры западноевропейских и североамериканских городов. Первыми этот факт установили представители чикагской школы экологии человека (Park et al., 1925; Hawley, 1950), указавшие на существование ясно различимых социальных территорий: «... так же как в экологии растений, где в процессе борьбы за существование схожие физико-географические районы постепенно населяются похожими друг на друга «сообществами» растений, приспособившихся друг к другу и к условиям данного ареала, в экологии человека в ходе межгородской конкуренции и в результате действия определенных устойчивых процессов население города постепенно дифференцируется по его природным микрорайонам в органические подгруппы» (Zorbaugh, 1926, 192).

Однако исследования этой школы давали лишь самое общее и отчасти социал-дарвинистское представление о социальных территориях. Более ценные, хотя и весьма специфические свидетельства существования социальных территорий были получены при выполнении серии включенных наблюдений в районах города, разделенных на сферы влияния различных уличных компаний (Whyte, 1943; Suttles, 1968; Patrick, 1973), и при исследовании «позолоченных гетто» верхнего класса (Firey, 1947). Эмпирические результаты этих работ будут подробно рассмотрены в десятой главе, здесь же лишь отметим, что эти исследования показали существование устойчивых организованных групп, провозглашающих те или иные права на различные территории и объединяющих свои силы для отражения внешней угрозы их нарушения.

Хотя исследования показывают, что социальные территории служат для удовлетворения фундаментальных потребностей, их выделение тем не менее не обязательно полностью или главным образом обусловливается обеспечением выживания. Даже в примитивных обществах, вроде тех, что существуют у упомянутых выше народностей с общинно-племенной структурой в Новой Гвинее, защита территории имеет своей целью прежде всего поддержание престижа племени. Очень часто конкретные причины, в свое время определившие границы территорий, постепенно просто забываются. Хорошим примером этого могут послужить ежегодные скачки «Палио» по улицам Сиены в Италии. Начало им было положено в XVII в., когда они служили выпускным кланом территориальной враждебности пятидесяти двух районов (контрад) города. В современных скачках участвуют представители семнадцати существующих ныне контрад Сиены, и, хотя они до сих пор протекают в страстной эмоциональной борьбе, главной целью сегодня является защита престижа и статуса своей контрады.

Подводя итоги этому разделу, можно сказать, что применительно к поведению человека феномен территориальности является в лучшем случае лишь внешней аналогией такого же феномена у животных. Как и всякая аналогия, она при корректном ее использовании может помочь выяснению многих вопросов. Личностное пространство, дом, местное сообщество — все эти явления можно изучать через призму феномена территориальности, признавая существование у всех них таких общих черт, как наличие границ, их маркеров, а также защитных механизмов. Знание территориальности позволяет понять причины крайней притягательности некоторых мест. Проблемы начинаются при переносе на взаимоотношения людей характеристик чисто этологических процессов, что при отсутствии понимания принципиальных различий между ними нередко приводит к такому истол-

кованию различных по своей сути явлений, которое содержит изрядную долю того, что Райзер (Rieser, 1973) назвал «территориальной иллюзией». Вместо попыток объяснить поведение человека в рамках чисто биологических концепций нужно стремиться к пониманию таких мотиваций и познавательных элементов человеческого поведения, которые принадлежат к феномену территориальности во всей его истинной сложности. Изучение территориальности обеспечивает свежий взгляд на взаимоотношения человека и его непосредственного пространственного окружения, при этом сам феномен ни в коем случае несводим к некоей совокупности взаимосвязей, подчиняющихся какому-то механистическому закону (или законам), жестко определяющему представление человека о пространстве и само пространственное поведение.

Виды территорий, используемых людьми

Как лучше всего классифицировать различные особенности феномена территориальности, опираясь на полученные выше выводы? В литературе встречается множество типологий, однако большинство из них применимо главным образом к описанию основных видов существующих территорий и почти ничего не дает для понимания лежащих в основе их выделения процессов мыслительной деятельности и поведения. Например, Лайман и Скотт (Lymon, Scott, 1967) разработали классификацию, в основу которой положено понятие эгоцентрического пространства, а сами пространства выстраиваются в последовательный ряд от внутренних (умозрительных) пространств, пространства тела человека и свободных территорий (любые земли, на которые распространяется социальный контроль) до самых крупных по площади общественных территорий. Даже не касаясь правомерности рассмотрения в одном ряду умозрительных представлений о пространстве и реально существующих территорий, нетрудно заметить, что эта классификация полезна скорее как наглядная иллюстрация для целей обучения, а не как типология, отражающая фундаментальные принципы пространственного поведения человека.

Возможно, типология, предложенная Альтманом (Altman, 1975), который произвел классификацию территорий по таким признакам, как легкость проникновения на них, уровень личной причастности, значение в обыденной жизни человека или группы людей и устойчивости их существования во времени, лучше передает их существенные особенности. Согласно этой классификации, выделяется три вида территорий: основные, вторичные и общественные.

Единственными хозяевами и пользователями *основных* территорий являются индивиды или группы людей, причем правомерность этого безоговорочно признается другими членами общества. Над этими территориями осуществляется относительно постоянный контроль, и они имеют наибольшее значение в обыденной жизни их владельцев. Наиболее ярким примером территорий этого вида является дом, проникновение или вход в который без разрешения, во всяком случае по нормам западной культуры, считается очень серьезным нарушением правопорядка.

Уровень отождествления индивидов со *вторичными* территориями значительно ниже, а их использование носит гораздо более открытый характер. К ним относится широкий спектр пространственных единиц: от общественных зданий различного социального назначения, вроде больниц, тюрем или студенческих общежитий [6], до территорий, непосредственно окружающих всякий жилой дом. Нередко вторичные территории являются одновременно общественными или квазиобщественными, контролируются и регулярно

используясь некоторыми группами их постоянных обитателей. Так, по вечерам то или иное внутригородское пространство, которое, после того как признанные групповые обладатели его возвращаются с работы или учебы, полностью контролируется ими, в течение всего остального времени остается полноценной общественной территорией. Иногда вход на вторичные территории и пребывание на них регулируется какими-либо традициями и правилами. Это относится, например, к частным клубам. Но даже и внутри принадлежащего им пространства очень часто образуются зоны постоянного неформального контроля, когда преимущественные права на них закрепляются за теми или иными членами данного клуба. Таким образом, вторичные территории являются как бы мостиком между основными территориями, которые находятся под полным и всеобъемлющим контролем их обладателей, и общественными, которые доступны всем. Иногда благодаря своему квазиобщественному характеру пользование вторичными территориями регулируется расплывчатыми правилами, что иногда приводит к столкновению интересов посещающих их различных групп людей.

Общественные территории имеют временный характер и могут использоваться практически любым человеком, доказавшим свое лояльное отношение к существующим социальным правилам и нормативам. Эти территории не могут быть собственностью частного лица, но считаются принадлежащими ему в то время, когда он находится на них. Записки на столах в библиотеке или на скамейках в парке (эту же роль отлично играют газета или сумка) как раз и обозначают такую ситуацию — ведь всем понятно, что такое занятие территории является временным.

Рассмотренная классификация имеет ряд недостатков, среди которых отметим отделение личностного пространства от феномена территориальности, что, как указывалось выше, является нецелесообразным. К тому же в настоящее время она представляет собой скорее основание для дальнейших теоретических разработок, чем обобщение окончательного характера (Edney, 1976). Вместе с тем в ней действительно рассматривается тот спектр ситуаций, к которым применимо понятие территориальности и в которых раскрывается его значение для пространственного поведения индивидов и групп людей. В ней учитываются также более или менее эффективные способы организации пространственной среды и контроля над ее использованием со стороны человека. Благодаря этой классификации, в частности, ярко высвечиваются проблемы вторичных территорий, возникающие из-за неопределенности правил, регулирующих их функционирование и использование. Вопросы создания материальной среды таких территорий через использование средств современного пространственного дизайна, а также влияние материальных форм пространственного окружения, находящегося вне контроля проживающих в нем людей, на их существование является темой, которая будет более детально исследована в четвертой части книги.

Представление о городе

Что такое город, скажет всякий, кроме урбаниста.

Г. Майнер. Город в современной Африке

Как уже отмечалось, городская среда [1] находилась в центре многих пионерных исследований, выполненных в русле формирующейся поведенческой географии. Это явилось следствием обострения проблем городского развития, а также того простого факта, что в наше время города действительно стали ареной повседневной жизнедеятельности большинства людей. В этой главе будут проанализированы основные выводы научных исследований, посвященных изучению характера и структуры умозрительных схем города, однако перед этим мы рассмотрим некоторые более общие проблемы, имеющие отношение к нашей теме. Город и обусловленный им образ жизни всегда оценивались неоднозначно. Во все века находились люди, свято верившие в то, что проживание в городе, вне всяких сомнений, является благом или по крайней мере предоставляет максимум возможностей для всестороннего развития способностей человека, тогда как другие относились ко всему, что связано с городом, с глубочайшим подозрением. Сам факт тяготения к одной из указанных точек зрения того или иного исследователя имеет большое значение, поскольку это влияет на сам подход к изучению городских проблем и сильно сказывается на характере получаемых результатов. Следовательно, нашей первой задачей будет рассмотрение этих точек зрения, а также тех оснований, на которые они опираются.

Отношения к городу

В разное время и в разных культурных традициях городской образ жизни оценивался по-разному. Для философов Древней Греции город-государство (полис) являлся олицетворением цивилизации; эту же точку зрения, правда в несколько модифицированном виде, твердо разделяли в Древнем Риме. Напротив, иудейско-христианская традиция, если судить о ней по библейским текстам, предстает по преимуществу антиурбанизационной. Строитель первого города, Каин, оказался братоубийцей. Ирод, основатель нескольких великих городов, принадлежал к «проклятому роду» Хама. Содом и Гоморра, города срама, были сожжены огнем Господним и серой за греховность их жителей (Бытие, 4, 10, 18). Новый Завет, отражающий ценности людей, ориентированных на некоторые древнеримские идеалы, проникнут духом антиурбанизма в меньшей степени, чем Ветхий завет. Тем не менее, несмотря на то что Новый завет достигает своей кульминации в обещании устами Иоанна Богослова святого города, «нисходящего с неба от Бога моего», он все же содержит образ городской жизни, полной греха и разврата (напр., Матфей, 11).

Позитивные и негативные оценки городской жизни, когда вместе с выражением восторгов по поводу цивилизаторской миссии городов звучали проклятия царящей в них порочной жизни, сосуществовали на протяжении многих веков вплоть до конца XVIII в. С наступлением эпохи первой промышленной революции чаша весов стала явно склоняться в сторону

негативных оценок. Лондон, который еще в 30-е гг. XVII в. был назван Вольтером «соперником Афин», в 1785 г. был уподоблен печально известному древнему Вавилону английским протестантским поэтом Купером в поэме «Урок». В той же поэме находим афоризм, долгое время характеризовавший отношение к городу: «Бог создал землю, человек создал город».

Эта мысль четко обозначила предмет споров. Город и сельская местность воспринимались полными антиподами. Город вызывал подозрения, поскольку обрекал людей на *неестественное* существование, что не могло, как полагали, сулить ничего хорошего. Появление подобных опасений легко объяснимо. В то время как в XIX в. население Великобритании (без Ирландии) утроилось, численность жителей Лондона увеличилась с 1,1 млн. человек в 1801 г. до 6,6 млн. в 1901 г. По подсчетам некоторых авторов, в 1801 г. 21,3% всех англичан проживало в городах с населением более 20 тыс. человек, а в 1891 г. этот показатель достиг уровня в 61,7% (Coleman, 1973). Таким образом, XIX в. стал временем гигантских изменений в численности и характере распределения жителей Великобритании. До начала эпохи индустриализации подавляющее большинство людей жило на земле: на хуторах, в деревнях или в маленьких фермерских городках. Несмотря на ужасающие картины деревенского запустения, которыми изобиловали такие работы, как, например, книга Коббета «Сельские дороги» или доклады Комиссии по законам о бедности, считалось, что сельская жизнь является основой благополучного существования, опирающегося на добродетельные ценности семьи и общины. Считалось также, что жизнь в деревне обеспечивает близость к природе, а значит, к Богу, следовательно, способствует достижению морального и духовного здоровья. Идиллические образы деревни противостояли восприятию городов и поселков, чьи сумрачные замкнутые пространства, скученность и толчея, шум и грязь делали их местами, знакомство с которыми было нежелательным. Современники, наблюдая этот беспрецедентный «урбанистический взрыв», которого почти никто не ожидал, приходили к твердому убеждению, что нагрузки, испытываемые человеком в городе, неизбежно приведут к снижению уровня жизни.

Эта негативная оценка городской жизни стала преобладающей в работах европейских (Schorske, 1963; Colman, 1973; Clayre, 1977) и североамериканских авторов (White, White, 1962; Hadden, Barton, 1973). Вывод был одинаков, хотя в Европе он базировался на негативных последствиях индустриализации, а в Северной Америке основывался скорее на вере в высокую ценность и значимость замкнутого и самодостаточного образа жизни простой фермерской семьи со Среднего Запада. Сложилось единое мнение, что город извращает фундаментальные ценности и обрекает людей на тяжкую жизнь, полную страданий и перегрузок.

В то же самое время стали слышны немногочисленные, но громкие голоса тех, по мнению которых город обладает рядом неотъемлемых особенностей, чрезвычайно благоприятных для развития человека. Так, классик английской литературы Генри Джеймс, глубоко потрясенный условиями жизни в Нью-Йорке, все же описал исторические города Европы в стиле, насыщенном ложной патетикой. Его брат, знаменитый философ Уильям Джеймс, напротив, некоторое время жил в Нью-Йорке в 1907 году и пришел к убеждению, что крупный город предоставляет такие возможности человеческого роста, которых нет ни в какой деревне. Возможно, наиболее полное выражение проурбанистских идей содержат стихи Уолта Уитмена. Влияние этих идей особенно заметно в следующем отрывке из его стихотворения «На Бруклинском перевозе»:

В рост города! Сгоняйте товарняков составы, витрин умножьте краски,
И бурных и обильных вбирайте воды рек,

Пространства расширяйте, которых вдохновенность сравнить, пожалуй, не с чем,

И земли городские собою осеняйте, которые, уж точно, нетленнее всего.
Мы вас не понимаем, мы просто любим вас, пределы совершенства несущие для нас.

Великие и малые кварталы и зданья, для вечности вы созданы,
И именно здесь, а не где-то в тиши, находится место для нашей души.

(цит. по: Raban, 1974.)

Проурбанистские взгляды принимают в наши дни самые разнообразные формы. Ганс (Gans, 1962) и Якобс (Jacobs, 1962) среди преимуществ, которыми обладает хорошо налаженная, установившаяся городская соседская община, называют мягкий психологический климат, сплоченность ее членов, гуманистичность и богатство ее культурной жизни. Они считают такие общины уникальным продуктом развития городских сообществ, имеющим самодовлеющую ценность и ярко расцветивающим жизнь города, несмотря на то что люди, которые оценивают лишь их материальную среду, нередко называют ее «трущобами», что вызывает обычно весьма негативные ассоциации. Среди сторонников городского образа жизни находятся и ученые, утверждающие в своих работах, что повышенные нагрузки города на человека не обязательно ведут к стрессу и развитию патологии (см., напр.: Rapoport, Kantor, 1967; Rapoport, Hawkes, 1970). Отталкиваясь от теории мотиваций, согласно которой человек нередко стремится к сильным ощущениям, они заявляют, что именно городская среда предоставляет своим обитателям возможность таковых. Среда, лишенная всех мыслимых источников «стресса», вполне может показаться однообразной или просто лишенной ценности для сенсорного восприятия.

О существовании у человека априорного отношения к городу, которое оказывает сильное влияние на результаты исследований, а в более широком смысле и на выбор самих изучаемых проблем, сказано, видимо, уже вполне достаточно. Ученый, занятый, скажем, исследованием преступности в центральных районах города, скорее всего, нарисует совсем иную картину городской жизни, чем тот, интересы которого сфокусированы на изучении социальных взаимоотношений в окраинных этнических районах. Более того, каждый человек, занятый таким исследованием, из-за специфики его профессиональных пристрастий будет руководствоваться своей собственной, сложившейся у него картиной данного города. При этом, какими бы глубокими специальными знаниями ни обладал тот или иной автор, изучающий города, ни один из них не может знать всего, хотя сколько споров бушует в научной литературе, участники которых отстаивают свою правоту, исходя из *априорных* поверхностных обобщений или неосознанных частностей.

Ориентация

Большая часть первых работ по изучению механизмов познания города посвящалась исследованию ориентации в городском пространстве. И старожил, и человек, впервые попавший в город, стремится выбирать дорогу, добираясь к нужной точке внутри него, по возможности наиболее рациональным способом. Например, туриста, возможно, заинтересуют места, связанные с историческим прошлым города или имеющие высокую эстетическую ценность, в то время как маятниковый мигрант будет обеспокоен поиском пути, кратчайшего по времени или расстоянию, однако оба они будут нуждаться в средствах соотнесения данного местоположения и

интересующих их объектов. А при потере ориентации каждый из них потеряет массу времени и, видимо, далеко не всегда будет способен воспринимать такое происшествие столь же философически, как диккенсовский Мартин Чезлвит: «Тут вы целый час могли блуждать по переулкам и закоулкам, дворам и переходам и ни разу не попасть на что-нибудь такое, что можно было бы без натяжки назвать эстетич. Какое-то покорное отчаяние овладевало человеком, вступившим в этот извилистый лабиринт, и он, махнув на все рукой, пускался наугад... с мыслью, что выход на свободу... отыщется как-нибудь сам собой и в свое время и что нет никакого смысла спешить и предупреждать события»¹. Впрочем, действительно теряют ориентацию сравнительно редко; обычно людям удается довольно легко решить сложную на первый взгляд задачу не потеряться в динамичной городской среде.

Для того чтобы успешно ориентироваться, необходимо обладать двумя близкими по функциям способностями: умением определять направление и умением определять расстояние. Первыми механизм восприятия *направления* начали изучать Гулливер (Gulliver, 1908) и Трьюбридж (Trowbridge, 1913), которые показали, что ориентация чаще всего основывается на эгоцентрированной системе координат, а не на различении сторон света, причем Трьюбридж подчеркивал, что особое значение в этом процессе принадлежит месту жительства человека, играющему роль жестко фиксированной точки отсчета. Впоследствии интересные результаты относительно механизмов определения направления поступали из ограниченного числа работ разных научных направлений: трудов, посвященных изучению процесса пространственного научения в пределах школьного класса (Ridgely, 1922; Howe, 1931; Lord, 1941), или антропологических исследований, относящихся к рассмотрению способов определения направлений в примитивных обществах (напр., Hallowell, 1955; Carpenter et al., 1959). Из имеющихся работ по изучению городской среды следует, что основными факторами, влияющими на эффективность этого процесса, являются возраст, степень знакомства с данным городом и культурные особенности респондента (Rapaport, 1977), а также то, что точное знание сторон света далеко не всегда служит надежной предпосылкой правильного нахождения пути. Что касается последнего замечания, то выборочное обследование 84 студентов первого курса показало, что 67 из них после шести недель пребывания в Оксфорде все еще не могли показать стороны света, хотя свободно давали описание путей к различным объектам и без всяких затруднений перемещались по городу по предлагаемым маршрутам (Gold, неопubl.). Способность определять направление видится функцией особенности пространственного поведения человека, которая основывается на установлении сравнительного расположения мест, связанных с тем или иным видом его деятельности.

Изучению механизмов определения *расстояний* посвящено гораздо больше литературы. Исследования в этой области часто исходят из тезиса, согласно которому мысленные представления о пространстве несут информацию, ничем не отличающуюся от той, что содержат географические карты (допущение, прослеживаемое с работ Тоулмана (Tolman, 1948), которое, однако, до сих пор остается неподтвержденным). Если это так, значит, подобные представления, как и карты, имеют «масштаб», благодаря которому соответствующие территории трансформируются для хранения в памяти, чтобы при надобности всплыть в сознании (Canter, 1977). Для исследования восприятия расстояний применялись различные методы. Одни ученые просили ответить, каково, по мнению респондента, физическое

расстояние до того или иного пункта (Lee, 1970), другие узнавали его в относительном исчислении, когда опрашиваемые сравнивали расстояние до двух объектов, чтобы одно из них выразить через число уместившихся в нем расстояний до второго (Golledge et al., 1969; Briggs, 1973), третьи изучали кратчайшие пути (Lee, 1970; Briggs, 1973), в то время как четвертые исследовали восприятие расстояния по прямой, или расстояния «свободного полета» (Lowrey, 1973), измеряя его либо в милях, либо в часах.

Каждый из этих методов имеет свои преимущества и недостатки, однако необходимо отметить, что при пользовании ими исследуются различные виды мыслительных способностей. Например, расстояние «свободного полета» является чистой абстракцией, которую нельзя ощутить физически (Canter, 1977) и восприятие которой требует хорошо развитого воображения, в то время как ответ о кратчайшем пути может опираться просто на показания спидометра или на время, которое требуется на преодоление пространства между двумя точками. Восприятие расстояний меняется и в зависимости от измерения их в часах или в милях. Особенно неустойчиво восприятие расстояния во времени. Оно зависит от времени суток, способа передвижения, а также особенностей рассматриваемого пути. Но даже при максимальном ограничении искажающего воздействия упомянутых факторов оказывается, что временные восприятия пути гораздо менее точны, чем выраженные в единицах линейных измерений. Эту мысль высказал Кантер (Canter, 1975a, цит. по: Canter, 1977). Он исследовал восприятие расстояний пассажирами Лондонского метро — системы общественного транспорта, перевозящего людей по постоянным маршрутам, в которой временные интервалы между остановками поездов сравнительно одинаковы. Кантер просил людей, живущих вдоль одной из веток метрополитена, определить расстояние между парами станций во времени и в милях. Данные опроса показали, что оценочные расстояния совпадали с реальными физическими расстояниями гораздо больше, чем сообщенные респондентами затраты времени с реальными временными затратами, зафиксированными службами метрополитена. И в самом деле, в ряде случаев показатели сообщенных затрат времени были противоположны официальным данным, когда респонденты воспринимали короткий путь как самый длинный, и наоборот. В результате Кантер пришел к выводу, что расстояния люди воспринимают в большем соответствии с действительностью, чем время, и что способность восприятия расстояний более совершенна, чем те, которые обеспечивают восприятие времени. Наличие разнообразных факторов, перечисленных выше, приводит к тому, что восприятие времени вне связи со специфическими особенностями пути, по которому часто ездит респондент, практически невозможно, в то время как расстояния всегда одни и те же. Поэтому, если люди знают, что расстояние велико, они, скорее всего, будут думать, что и время, необходимое для его преодоления, будет немалым. Хотя разнообразие применяемых методов затрудняет сравнение результатов различных исследований, в последнее время появилось немало смелых гипотез, описывающих переменные, влияющие на восприятие расстояний. Во-первых, оказалось, что на восприятие расстояний сильное влияние оказывает центростремительное или центробежное размещение объекта внутри города по отношению к собственной локации респондентов. Исследования, проведенные в Северной Америке, показали, что люди воспринимают расстояния в направлении центра города большими, чем такие же расстояния до объектов на его периферии (Golledge et al., 1969; Briggs, 1973). Интересно, что исследования в Западной Европе дали обратный результат. Например, Ли (Lee, 1962) показал, что домохозяйки Кембриджа полагают, что магазины, размещенные на улицах, ведущих к центру города, «ближе», чем те, что находятся на улицах других направлений. К такому же выводу еще

¹ Чарльз Диккенс. Жизнь и приключения Мартина Чезлвита. — Собр. соч. в 30-ти т., т. 10, с. 165.

раньше пришел Бреннан (Brennan, 1948), проводивший исследования в Волверхемптоне [2]. То, что люди воспринимают расстояния в направлении центра меньшими, чем они есть на самом деле, подтверждают работы Ли (Lee, 1970), изучавшего восприятие студентов в Данди, Гейнемейера (Heinemeyer, 1967) в Амстердаме и Лами (Lamy, 1967) в Париже.

Частичное объяснение этого феномена может дать вторая из гипотез о природе восприятия расстояний, согласно которой на характер этого восприятия большое влияние оказывает *притягательность* (или предпочтительность) объектов, до которых определяется расстояние. Как отмечает Рапопорт (Rapoport, 1976), накоплено уже достаточно разнообразных доказательств в пользу этого предположения. Если вспомнить, что в США центр города считается местом, которое лучше обходить стороной, а в Европе — имеющим высокую притягательность, тогда вполне закономерным будет вывод об искажающем восприятие расстояний влиянии различных ценностей, которыми наделяется центр города. Однако, рассматривая подобную аргументацию, необходимо иметь в виду наличие многих *привходящих* факторов, усложняющих ситуацию. Например, в пригороды европейцы ездят в основном на своих автомобилях, в то время как в центр города они попадают, пользуясь общественным транспортом, или же идут туда пешком. Поскольку при пешем передвижении и при езде на общественном транспорте обычно лучше, чем в автопоездке, осознается преодоленное расстояние, можно было бы ожидать, что люди, следуя в центр, будут воспринимать расстояния *большими*, чем они есть на самом деле. Но и этот вывод можно поставить под сомнение, как потому, что указанная потенциальная переоценка длины пути компенсируется высокой притягательностью центра, так и потому, что неизвестно, насколько репрезентативен отбор исследованных людей, на восприятии которых и строится все предположение. Кроме того, в одних городах определять расстояния существенно проще, чем в других, что объясняется, возможно, *правильностью* их планировки или тем, что они имеют ярко выраженный центр высокой исторической ценности (Canter, Tagg, 1975).

Все эти замечания справедливы и для третьей гипотезы, согласно которой точность восприятия расстояний зависит от степени *знакомства* с данным городом и особенно от продолжительности проживания в нем. Как ни странно, хотя на интуитивном уровне представление, что люди лучше определяют расстояния внутри города, если лучше знакомы с ним, выглядит вполне очевидным, строгих доказательств этого тезиса нет. Например, Кадуолладер (Cadwallader, 1976) считает, что степень знакомства с городом и продолжительность проживания в нем, скорее всего, никак не влияют на уровень стандартных ошибок восприятия расстояний. По его мнению, их количество, вероятнее всего, зависит от степени совершенства инструментария, используемого при измерении факторов такого восприятия, или совсем от других переменных, вообще не попавших в анализ. Если учесть распространенность представления о том, что продолжительность проживания является важным фактором формирования мысленных представлений о городе, то эта критика методических просчетов заслуживает пристального внимания.

В-четвертых, предполагают, что восприятие расстояний зависит от *извилистости* пути, поскольку человек обычно считает извилистые дороги, включающие множество поворотов, более длинными, чем дороги такой же длины, напрямую соединяющие две данные точки. Например, Ли (Lee, 1971) приводит доходящие до курьезов случаи, когда при лабораторных исследованиях выяснялось систематическое завышение длины пути в точном соответствии с числом поворотов. Бригс (Briggs, 1976), опираясь на результаты своих исследований Колумбуса (штат Огайо), напротив, полу-

чил лишь сомнительное подтверждение этого тезиса, впрочем также отмечая методические трудности такого рода работ.

Таким образом, анализ имеющейся литературы позволяет сделать два общих вывода. Во-первых, изучение познавательных способностей, позволяющих определять направление и расстояние, остается сложной исследовательской проблемой. В то время как имеются убедительные доказательства устойчивого расхождения между реальной и умозрительной ориентацией, ясно, что, по крайней мере отчасти, это объясняется несовершенством методов эмпирических исследований. Во-вторых, сами системы ориентации являются компонентами мысленного представления о городе, которые в значительной степени определяются его характером. Не зная основных элементов пространственной структуры города и их взаимосвязей, невозможно успешно ориентироваться в нем. А эта способность зависит от особенностей процесса формирования представления, в которое встраивается информация о внешнем мире, организуясь в соответствующие структуры. Рассмотрению характера и особенностей этого представления и посвящен следующий раздел.

Образ города

Анализ особенностей процесса восприятия города впервые был проделан в работе Линча «Образ города» (Lynch, 1960), до сих пор не потерявшей своего значения. Эта книга явилась важным рубежом в исследованиях самого Линча и содержала результаты эмпирических наблюдений, имеющие самостоятельную ценность, однако нам эта книга интересна прежде всего тем конструктивным влиянием, которое она оказала на развитие дальнейших исследований в этой области. «Образ города», как никакая другая работа, задал парадигму, в рамках которой выполнялись последующие исследования. В ней были выдвинуты и охарактеризованы удобные для применения другими учеными понятия и методы, а также подняты проблемы, представляющие взаимный интерес для специалистов различных дисциплин, имеющих отношение к изучению городской среды.

Содержание этой книги настолько широко и подробно разобрано и оценено [3], что здесь будет достаточно ее краткого обзора. В целом «Образ города» представляет собой анализ результатов эмпирического исследования визуальных параметров трех американских городов по особенностям их восприятия небольшими выборками жителей этих городов. Акцент на изучение визуальных аспектов города был сделан главным образом потому, что сам Линч усиленно занимался проблемами визуально-композиционных элементов городского пространства (так называются визуально различимые формы городской среды, наиболее удобные для манипулирования в процессе формирования пространственной среды города); неудивительно, что этот акцент серьезно повлиял на содержание полученных Линчем результатов. Даже признавая определяющую роль зрения в восприятии пространства, нельзя не отметить, что Линч ограничился исследованием лишь визуальных компонентов мысленного представления о городе. Кроме того, острый анализ был направлен на установление главных элементов этого представления и его структурных взаимосвязей, тогда как задача выявить их функциональное или символическое значение не ставилась вообще. Наконец, вопросы, которые задавались респондентам, были составлены с исходной установкой на пассивность их восприятия, имея целью определить реакции людей на разнообразные контрастные компоненты среды и не ориентируясь на учет особенностей активного восприятия, когда сами люди *наделяют* теми или иными значениями элементы созерцаемой городской среды.

Основным понятием книги «Образ города» является «читаемость» городской среды, или степень легкости, с которой люди способны организовывать различные элементы материальной среды города в согласованные мысленные представления (которые Линч называет «образами»). Линч выдвинул гипотезу, согласно которой города различаются по легкости формирования их устойчивых образов — качество, названное им «образо-созидательностью». По его мнению, города, являющиеся образосозидательными, представляют собой территории, легко воспринимающиеся в виде непрерывных пространственных структур, взаимосвязь частей которых устанавливается без особого труда. Другими словами, город является образосозидательным в том случае, если он также и «читаемый». Проверка этой гипотезы проводилась в трех американских городах — Бостоне, Лос-Анджелесе и Джерси-Сити. В каждом городе у небольшой группы по преимуществу представителей среднего класса исследовалось восприятие центральной части города [4] по составленным ими картосхемам, словесным описаниям характерных городских особенностей и маршрутов перемещений внутри него с различными целями, а также по ответам на свободные вопросы об ориентации в данном городе [5]. Показатели, полученные в результате обследования отдельных респондентов, суммировались, а затем сравнивались с визуальными впечатлениями специально подготовленных экспертов. Общие оценки производились на основе пятичленной типологии элементов городской среды, которая включала [6]: *пути*, или трассы перемещений людей в городе; *края*, или границы; *районы*, *ориентир*ы и *узлы* — такие значимые пункты внутри города, как железнодорожные станции или шоссе-развязки, доступ к которым открыт и в которых для продолжения осознанного пути необходимо принимать какое-либо конкретное решение.

Эмпирические исследования высветили некоторые общие проблемы. Оказалось, что восприятие города респондентами складывается из ряда наслаивающихся друг на друга мысленных представлений о нем, каждое из которых строго индивидуально, но у всех организуется вокруг общих точек отсчета. Группы знакомых пунктов увязывались в ясно различимые линейные последовательности пути. Было установлено, что система таких последовательностей служит структурным стержнем схемы, вокруг которого организуется все остальное. Некоторые *края* выступают в роли границ, имеющих большое значение, например, при разделении суши и водных пространств, в то время как другие, не оказывающие влияния на перемещение по земной поверхности, например линии железных дорог, проходящие высоко над землей, не обнаруживают заметных барьерных функций. По мере того как житель предположительно путем накопления все более детальных знаний все больше узнает свой город, восприятие им микрорайонов становится менее острым, в то время как знание ориентиров становится все более прочным, возможно, вследствие той важной роли, которую они играют в обеспечении целенаправленных перемещений внутри города.

Эти конкретные выводы имели гораздо меньшее значение для последующего изучения механизмов восприятия города, чем теоретические положения, исходя из которых они были получены, такие, как понятия «читаемость» и «образо-созидательность», а также методики сбора и анализа информации. Быстрота, с которой были признаны заслуги книги «Образ города», а также широта применения другими учеными основных содержащихся в ней методических подходов ясно показывают, что она задала жизнеспособную исследовательскую программу. Однако «Образ города» задумывался как чисто эмпирическое исследование. И вскоре выяснилось, что те исследователи, которые применяли основные понятия и методы этой книги в работах, посвященных изучению механизмов пространственного

познания города, сильно расширили и модифицировали ее исходные положения. При этом обнаружилось, что книга имеет четыре крупных недостатка.

Первый касался методики, особенно применения картосхем, рисуемых как придется самими исследуемыми людьми. Корректность выводов, опирающихся на такую методику, зависит от того, отражают ли подобные «карты» действительные представления человека о городе. Есть основания считать, что это допущение неправильно. Например, Спенсер (Spencer, 1973), исследуя общины в рабочих районах Бирмингема, обнаружил, что эта методика не только трудна для применения, но и приводит к получению результатов, истинность которых весьма сомнительна. По мнению Спенсера, она неплохо работала в исследовании Линча, по-видимому вследствие того, что респонденты были хорошо знакомы с картографическими изображениями и имели прочные навыки и способности для их воспроизведения. Другими словами, особенности карт, нарисованных по памяти, показывают скорее уровень образзованности индивида, чем его представления о пространственной организации города.

Во-вторых, ряд авторов начали настоятельно предлагать перестать без необходимости акцентировать внимание на изучении видимых элементов и начать активнее исследовать компоненты мысленного представления, получаемые иными путями. В конце концов, зрение, как показывает изучение слепых, все же не является необходимой предпосылкой сохранения способностей получения пространственных представлений. Слепые полностью сохраняют способности формировать в сознании устойчивые согласованные пространственные представления и не имеют особых затруднений при анализе изменяющихся воздействий окружающей среды. Иные виды восприятия и прочие способы получения сенсорной информации начал исследовать и сам Линч, подчеркивая важную роль, которую играют все органы чувств в образовании тех или иных эмоций. Подобные же мысли высказывал и Саутворт (Southworth, 1969), чьи работы по изучению звуковой среды находятся в числе тех немногих исследований, которые содержат анализ слухового восприятия. Он исследовал три группы людей: первую составляли люди с нормальным слухом и зрением, вторую — слепые, а третью — лишенные слуха. После прогулки по определенному маршруту в центральной части Бостона их попросили записать спонтанно возникшие впечатления. Эти данные показали, насколько разные компоненты среды воспринимаются различными органами чувств, а также подтвердили существование тесных связей между слуховыми впечатлениями и эмоциями: например, прибрежная полоса Бостона, по мнению людей, не имеющих слуха, была однообразным скучным местом, но воспринималась как очень привлекательная слепыми людьми.

В-третьих, многие полагали, что необходимо уделять больше внимания изучению функциональных и символических значений городского пространства. Стейниц (Steinitz, 1968) исследовал функциональные особенности тех районов центральной части Бостона, которые изучал Линч. Стейниц считал, что функциональные особенности пространства уже вследствие необходимости ясно представлять, что и где происходит, имеют принципиальное значение для человека, попадающего в город или живущего в нем. Опираясь на результаты своих исследований Стейниц показывает, что уровень образосозидательности в том смысле, как ее определяет Линч, зависит от имеющихся у тех или иных объектов городской среды функциональных значений, хотя обратное утверждение справедливо далеко не всегда. Другими словами, необходимыми для осуществления различных видов деятельности знаниями можно обладать и не имея четкого представления об организации городского пространства. Поэтому он присоединяется к выво-

ду, ранее полученному Гуликом (Gulick, 1963), состоящему в том, что уровень образосозидательности определяется видимой дифференциацией пространства в сочетании со значимыми социальными или поведенческими представлениями о нем. Сущность символических обозначений подробнее рассмотрена в следующей главе, однако общий вывод можно сформулировать уже сейчас: распознавание символов, так же как и осознание функций, требует установления более активных взаимоотношений между человеком и воспринимаемой им средой, чем те, которые образуются при пассивном восприятии пространства, изучавшемся Линчем (Appleyard, 1973). Индивиды или группы людей могут привносить свое собственное знание в городское пространство. Эта идея была доказательно обоснована Джонсом (Johns, 1969), изучавшим городские частные парки, планировка и внешний вид которых, как оказалось, отражают значения, придаваемые пространственной среде для обеспечения комфортности пребывания в ней человека. И в самом деле, Джонс (Johns, 1969, 48–50) считает, что «...изучение процесса, противоположного тому, который изучал Линч, а именно процесса влияния набора словесных представлений и ассоциаций, существующих у каждого человека применительно к окружающим ландшафтам... является для географа самым логичным путем исследования «страны Линча».

В-четвертых, была поставлена под сомнение пятичленная типология элементов мысленного представления о городе. В качестве примера можно привести работу Зарре (Sarre, 1972), опиравшегося в своих исследованиях на указанные пять элементов, однако почувствовавшего необходимость ввести дополнительную категорию функций. Еще более радикальные изменения были сделаны Гуди с соавторами (Goodey et al., 1971) при реализации проекта «Пейзаж города». Эти авторы согласились с высокой притягательностью всех пяти основных элементов Линча для разработки различных теоретических положений, но посчитали их непригодными для интерпретации информации, содержащейся на рисованных картах городов, присланных респондентами в ответ на помещенную в местной газете просьбу соответствующего характера. Так, Гуди и его сотрудники установили, что, посмотрев на подобную картосхему, нельзя с определенностью утверждать, показан ли на ней вокзал как узел или всего лишь как ориентир. Не обнаружив доказательств значимости восприятия районов города, они свели типологию основных элементов, предложенную Линчем, до двух элементов: путей и краев, объединив узлы и ориентиры в одну группу. Безусловно, в подобных модификациях нет ничего плохого, тем более что сама исходная типология не имеет никакого теоретического обоснования [7]. Вполне возможно, что различные виды эмпирической информации обуславливают необходимость построения различных классификаций элементов, однако при этом нужно иметь в виду, что они будут столь же применимы, как и типология Линча.

В дальнейшем эта глава будет посвящена рассмотрению одной из таких классификаций, представляющей модифицированный вариант классификации, принятой Пококом (Rосock, 1975). Исследуя Дурхэм, Покок разделил все элементы, различимые на картосхемах респондентов, на точечные, линейные и площадные. В своей основе это сущностно-логическая типология, опираясь на которую можно построить трехчленную классификацию элементов мысленных представлений о городе, включающих в свой состав здания, пути и площади.

Сооружения: памятники и ориентиры

Являясь основными материальными единицами городской среды, сооружения, вне всякого сомнения, представляют собой фундаментальный компонент мысленных представлений о городе. Все сооружения, даже если опустить их непосредственное функциональное значение, являются носителями трех других важных характеристик, играющих серьезную роль в процессе познания пространства: они служат памятниками, ориентирами и представляют собой некие территории. В предыдущей главе мы обсудим территориальный аспект, а здесь более подробно рассмотрим два других.

Прежде всего, все сооружения являются памятниками тому времени, когда они были построены. Эта мысль сразу же вызывает в сознании образы широко известных достопримечательностей, символизирующих архитектуру какой-либо эпохи, скажем виллы «Ротонда» Палладио, расположенной недалеко от Виченцы, отразившей сущность гуманизма эпохи Возрождения, или жилой ячейки Корбюзье в Марселе, передающей новый дух модернистской архитектуры XX в., однако эти знаменитые здания во многих смыслах отражают особенности сознания лишь социальной элиты, принимавшей решение о том, какой архитектурный стиль и какие формы воплощения должны иметь подобные сооружения. Но не меньшее значение в качестве памятников имеют малоизвестные народные или местные образцы архитектуры, которые до сих пор являются характерной особенностью многих городов и городков Западной Европы. Любое здание, каким бы неприязненным на вид оно ни было, отражает ценности и предпочтения, существовавшие в обществе в момент его создания. Далее, здания играют чрезвычайно важную роль в обыденной жизни просто потому, что они выступают в качестве хранителей культурных ценностей. Примечательно, что, скажем, эмигранты из Европы в Северной Америке строят свои дома и планируют участки вокруг них в том же стиле, который преобладает на их родине. И хотя для объяснения этого факта существуют и вполне прагматические основания, остается справедливым, что использование в архитектуре строений элементов знакомых стилей помогает людям чувствовать себя в новом окружении более уютно (Wagner, 1972). С течением времени происходит постепенное изменение стиля, и он начинает заметно отличаться от преобладавшего на европейской родине эмигранта, однако очень редко изменения заходят столь далеко, чтобы в обоих этих стилях не сохранилось никаких общих особенностей.

Чувство устойчивости во времени, которое внушают сооружения, может играть серьезную роль в обеспечении внутреннего благополучия человека. Они способны давать ощущение стабильности и причастности (Relph, 1976), возможно компенсируя этим тот факт, что «мир вокруг нас, столь во многом созданный нами, непрерывно изменяется и часто вызывает у нас недоумение. Мы выходим в такой мир и стремимся сохранить или изменить его и сделать таким путем зримыми наши мечты» (Lynch, 1972b, 1). С другой стороны, поскольку мы живем в такое время, когда ностальгия по прошлому стала обычным явлением (Lowenthal, 1975), может показаться, что так было всегда. Но это неверно. В Европе XV и XVI вв. архитекторы и строители во имя прогресса разбирали по частям величественные соборы, уже тогда имевшие весьма солидный возраст. Не далее как в 1962 г. была разрушена великолепная дорическая арка Юстонского вокзала, которую многие считали самым ярким символом Лондона времен первых железных дорог. Однако переоценка значения старых сооружений была столь радикальной, что теперь даже здания викторианской эпохи находятся под охраной закона о памятниках старины, отмечаются мемориальными досками и привлекают внимание искусствоведов, а их прямое функциональное

значение в сравнении с их ролями памятника и исторической декорации все больше отходит на второй план (Crosby, 1970; Boulting, 1976).

Во-вторых, сооружения служат ориентирами при перемещениях по городу; на них зиждется определение местонахождения человека в городском пространстве. Хотя точное значение сооружений в указанном смысле зависит от особенностей пространственной организации и архитектурной среды исследуемого города (Canter, 1977), считается, что их роль как ориентиров возрастает по мере узнавания данного города. Интересное подтверждение этой мысли содержат рассказы студентов политехнического факультета Оксфорда, составленные для описания самого удобного пути к главному книжному магазину города (Gold, рукопись). Первый принадлежит студенту старшего курса: «Мне кажется, самый легкий путь — это сесть на автобус и доехать до остановки около Юридического факультета, а затем пройти по улице Королевы (что начинается сразу за Кофейным Домом), узкой улочке с высокими каменными стенами, где движение транспорта запрещено. Если вы обогнете церковь и этот старый амбар, вы попадете на Хартфорд-стрит (с ее великолепным навесным мостиком в псевдовенецианском стиле), пройдете на Кэтти-стрит и окажетесь перед стоящей на другой стороне улицы металлической оградой колледжа. Пересечете улицу по зеленому сигналу светофора и, переборов искушение заглянуть в Музей королевского оружия, минуете несколько небольших магазинчиков по правой стороне улицы, и вы у цели».

Другой студент, новичок, проживший в Оксфорде чуть больше семи недель, так описал этот путь: «Если выйти в верхнем городе на остановке сразу после моста, а затем пойти по дороге в сторону от той, что называют... вот... не могу вспомнить название... по любой улице, которая начинается на противоположной от остановки стороне шоссе, а затем пройти по ней, то, дойдя до ее дальнего конца, вы попадете на широкую улицу с оживленным движением. Магазин расположен на другой ее стороне недалеко от перекрестка».

Конечно, на основании этих рассказов нельзя делать принципиальных выводов. Тем более, что я специально выбрал именно их, поскольку оба студента описывали один и тот же путь, тогда как в описаниях других студентов встречались и многие другие маршруты. Оба респондента не пользуются автомобилем, полагаясь при посещении центральной части Оксфорда на общественный транспорт. Затем оба они следуют пешком, и оба идут узкими улочками, на которых движение транспорта запрещено. Несмотря на все это, описания поразительно отличаются друг от друга. Второе описание является просто коротким перечнем улиц, по которым должен идти человек, составленным в стиле дорожных путеводителей, в то время как первое содержит и много другой информации (впрочем, не всегда точной), посвященной характеристике ориентиров, встречающихся на пути. Интересен и сам выбор объектов, используемых в качестве ориентиров. На первый взгляд этот набор совершенно случаен: остановка автобуса, кафе, старый амбар, пешеходный мост через улицу, металлическая ограда, огни светофора, здание музея. Каждый из этих объектов в отдельности может служить ориентиром при нахождении бесчисленного множества путей внутри города, но все вместе они образуют неповторимый пространственно-мнемонический ряд — своеобразный код, позволяющий без труда совершать путешествие по данному конкретному маршруту. Кроме этого, следует отметить, что ни один из названных ориентиров, может быть за исключением пешеходного моста около Хартфорд-колледжа, не является сколько-нибудь заметной доминантой городского пейзажа. Они становятся легко визуальными различиями лишь тогда, когда человек оказывается в тех стратегических точках, где необходимо принимать то или иное решение о

направлении дальнейшего передвижения. Этот факт невольно свидетельствует в пользу широко распространенной мысли, что размер сооружения сам по себе еще не делает его ориентиром. Так, исследователи, занимавшиеся выполнением проекта «Городской пейзаж», были поражены отсутствием на картосхемах, составленных жителями Бирмингема, Почтовой башни, которая является как-никак самым высоким зданием города (Goodly et al., 1971). Точно так же Покок (Роскок, 1975) отмечает, что лишь малая часть респондентов, находясь в центральной части Дурхэма, использует в качестве ориентиров замок и собор — два самых крупных здания города.

Пути

При обсуждении проблем путей главное внимание неизбежно сосредоточивается на системе транспортных коммуникаций. Дороги и транспортные средства представляют собой важнейшие реалии современного города и имеют большое значение в процессе познания его пространственной организации. Например, можно вспомнить, что Линч (Lynch, 1960) считал пути передвижения (то есть, по существу, дороги) структурными элементами мысленных представлений о городе. И его легко понять, поскольку способность быстро и эффективно передвигаться из одного места в другое является необходимой предпосылкой существования города. Если принять эту мысль, следующей проблемой будет исследование того, чему научается человек, находясь в пути.

Работа Куллена (Cullen, 1961), который изучал особенности восприятия городского ландшафта движущимся наблюдателем, является одним из исследований, результаты которого позволяют найти путь к решению этой проблемы. Даже наблюдателю, который движется с постоянной скоростью, город предстает в виде набора сменяющих друг друга впечатлений или ряда картинок. Наблюдатель видит город как некоторую последовательность следующих друг за другом образов, которые в процессе умственной деятельности организуются так, чтобы результатом восприятия были яркие или эмоционально окрашенные картины. Это явление известно под названием «серийное зрение». Можно спорить, не переоценивается ли при таком подходе роль сознания в процессе восприятия, но использование понятия серийного зрения позволяет найти объяснение некоторым интересным явлениям. Прямая ровная дорога, уходящая вдаль, имеет слабое эмоциональное воздействие, поскольку первоначальное впечатление быстро становится известным до мелочей и вызывает ощущение монотонности открывающихся видов, в то время как картины, резко отличающиеся друг от друга, пройдя через бурный «конфликт взаимного наложения» (Cullen, 1961, 11), вызывают гораздо более яркие зрительные образы. Можно сказать, что картина зрительных впечатлений о городе складывается из двух компонентов — наблюдаемых видов и формируемых видов, причем первые содержат основные элементы, опираясь на которые можно понять и характерные особенности видов, находящихся в процессе формирования.

Таким образом, перемещение внутри города является осознанным накоплением эстетических впечатлений, причем существенное влияние на особенности этого процесса оказывает используемый в каждом конкретном случае способ передвижения. Даже следуя по одному и тому же пути, пешеход и человек, едущий в автомобиле, обычно видят окружающий мир по-разному вследствие неодинаковости углов зрения, под которыми воспринимаются объекты, а также разницы в продолжительности времени их обозрения, связанной с разницей скоростей передвижения. Кроме того, по мере развития сети автомобильных дорог в городах увеличивается и

количество пешеходных дорожек, и вообще набирает силу тенденция к полному разделению систем коммуникаций, обслуживающих транспорт пешеходов, что ведет к тому, что впечатления людей, принадлежащих к разным группам, уже совершенно не совпадают.

Книга «Взгляд с дороги» (Appleyard et al., 1964) позволяет понять содержание впечатлений о пространстве, когда человек воспринимает его из движущегося автомобиля. В этом исследовании рассматриваются особенности восприятия городской среды, а также уровень удовлетворенности эстетических запросов пассажиров и водителей автомобилей во время поездок по главным улицам четырех американских городов. Работа основывалась на том же предположении, из которого исходил Куллен, а именно на восприятии города как своего рода произведения искусства, в пределах которого перед зрителями разворачивается «волнующее представление, действующими лицами которого выступают пространство и движение, свет и объем».

Эта аналогия с театром нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, при созерцании города объекты могут восприниматься с противоположных сторон, поскольку любая дорога имеет два направления. Далее, в отличие от спектакля нет никакой необходимости смотреть город «от начала до конца», поскольку люди в любой момент могут прекратить поездку, так же как и начать ее в какой угодно точке городского пространства. Во-вторых, виды, открывающиеся каждому из сидящих в автомобиле, довольно существенно различаются между собой. Поле зрения водителя обычно ограничено относительно узким пространством по направлению движения автомобиля, в то время как пассажиры могут спокойно рассматривать пересекаемые районы города. Это, однако, не означает, что последние обязательно будут усиленно смотреть из автомобиля по сторонам; вполне возможно, что они, наоборот, все внимание сосредоточат на том, что происходит в салоне автомобиля. В-третьих, впечатления от спектакля и от того, что видит человек из окна автомобиля, будут различными еще и потому, что в последнем случае большое влияние на характер восприятия оказывает статус пребывания человека в городе. Например, турист видит город «свежим взором», однако может быть настолько поглощен поиском правильного пути в неизвестном ему месте, что будет способен воспринять совсем немного из того нового, что содержит неизвестный ему город. С другой стороны, маятниковый мигрант за рулем автомобиля может быть совершенно равнодушен к пространственному окружению своего ежедневного маршрута передвижения. Он, конечно, заметит появление какого-либо нового объекта и зафиксирует случившееся происшествие, но, как правило, он практически не обращает внимания даже на яркие особенности окружающих ландшафтов, сосредоточивая основное внимание на автомобилях, движущихся по дороге, и том, что происходит по обеим ее сторонам. И в самом деле, хорошо документированные случаи «шоссейного наркоза» показывают, что достаточно безопасные поездки по хорошо известному маршруту вполне возможны, даже если человек, сидящий за рулем автомобиля, находится в состоянии, близком ко сну (Fischer, 1976).

Эпплгард с группой авторов (Appleyard et al., 1964) считают, что при езде в автомобиле преобладающими впечатлениями являются визуальные. Изолированность ограниченного пространства автомобиля отделяет человека от запахов и звуков внешней среды и приводит к тому, что большую часть информации в этом случае человек получает при помощи зрения; вторым по значению источником информации об окружающей среде выступают здесь физические ощущения, возникающие, например, при вибрации автомобиля в связи с неровностями дорожного покрытия и передающиеся через его ходовую часть, или те, которые водитель испытывает руками или

ступнями ног при совершении различных движений, связанных с управлением автомашиной. Это заставило авторов сконцентрировать свое внимание на изучении зрения, исследовавшегося двумя путями. Сначала сами ученые несколько раз проехали в автомобиле по главным улицам четырех американских городов, расположенных на северо-востоке США, — Бостона, Хартфорда (штат Коннектикут), Нью-Йорка и Филадельфии, фиксируя свои впечатления в полевых блокнотах, а также прибегая к помощи фотоаппаратов, магнитофонов и кинокамер. Затем эти материалы исследовались с точки зрения методики сбора данных и анализа знаковой системы, концепция которой была взята из работ архитектора Тиэля (Thiel, 1961). Затем они опросили двадцать водителей, каждый из которых описывал свое восприятие семимильного участка северо-восточной магистрали Бостона. Обобщенная картина их восприятия указанного участка магистрали показана на рис. 7-1.

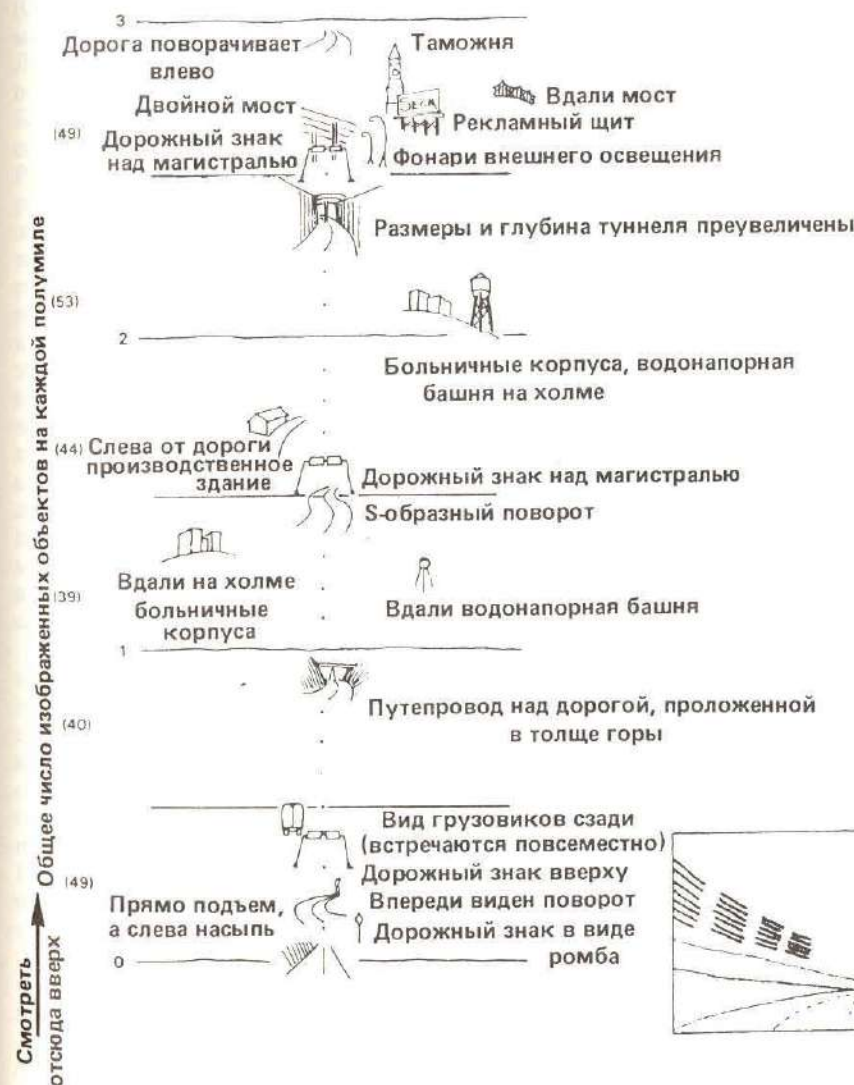

Рис. 7-1. Зрительные впечатления, остающиеся в памяти человека после проезда по Северо-Восточной скоростной магистрали, Бостон. Appleyard, Lynch, Meyer (1964, 37).

Несмотря на то что это исследование имело предварительный характер [8], его результаты хорошо показывают, каким образом использование дорог для перемещения может оказывать влияние на формирование мысленного представления о городском пространстве. Водитель обращает

внимание на объекты, являющиеся ключевыми для успешного осуществления заданного маршрута, игнорируя мешающую этому избыточную информацию. Впрочем, из рис. 7-1 явствует, что он видит и запоминает многое, выходящее далеко за пределы круга необходимых для успешного передвижения элементов дорожного оформления вроде дорожных знаков, освещенных указателей и других мелких особенностей. V-образная различимая конфигурация Бостонского небоскреба, постоянно меняющиеся впечатления от полосы, разделяющей сушу и воду, как и ряд заметных ориентиров, — все это дает существенную дополнительную информацию для формирования представления о Бостоне в целом.

Особенности восприятия пространства при *пеших перемещениях* по городу исследовались при помощи анализа впечатлений, возникающих во время прогулок по различным районам города (по тем или иным маршрутам). Подобные трассы внутри города первоначально прокладывались для обеспечения путешественникам осмотра «видов» исторических городов, играя выдающуюся роль в процессе познания городского пространства (Goody, 1974b, 1975), однако лишь недавно к их изучению стали применять методы, позволяющие исследовать получаемые в этом случае впечатления. Линч и Ривкин (Lynch, Rivkin, 1959) изучали, какие особенности среды остаются в памяти респондентов после прогулок по центральным районам Бостона. Линч (Lynch, 1960) и Саутворт (Southworth, 1969) фиксировали сенсорные реакции людей во время пешеходных прогулок по городу. Лоуэнтал и Ризль (Lowenthal, Riel, 1972) для исследования выбирали маршруты, которые, по их мнению, проходят по тем частям города, которые хорошо передают особенности этих четырех американских городов. Респондентов просили пройти по определенному маршруту и сразу после этого зафиксировать возникшие у них впечатления о среде города при помощи 25 различных шкал. Каждая из этих шкал состояла из пары прилагательных или фраз (словосочетаний), имеющих диаметрально противоположные значения, например: «уродливый — красивый», «старый — новый», «полный — пустой», «светлый — темный». Для выражения силы пережитого впечатления респонденты указывали на то или иное из семи делений, на которые была разбита каждая из указанных шкал, причем один ее конец соответствовал самому низкому уровню переживания называемого впечатления, другой — наиболее высокому, а точки, лежащие между ними, имели промежуточные значения. Полученные таким путем данные ответов примерно 300 респондентов затем были статистически обработаны для установления основных параметров, по которым оценивается пространственная среда [9].

Эта методика привлекла широкое внимание легкостью своего применения и обеспечиваемым ею хорошим пониманием особенностей восприятия пространства пешеходами (Wheeler, 1976). Удачным примером ее применения является исследование Бургесса и Холлиса (Burgess, Hollis, 1977), изучавших впечатления студентов во время прогулок по четырем резко отличающимся друг от друга районам Лондона (Толмер-виллидж, Блумсбери, Сохо, Бонд-стрит) при помощи 20 семантических шкал. Рисунок 7-2 показывает, что впечатления о районах оказались существенно разными. Если район Блумсбери, как правило, воспринимался богатым, преуспевающим, чистым, хорошо управляемым и вселяющим чувство спокойствия, территории делового района Толмер-виллидж были охарактеризованы как неприглядные, скучные и вызывающие неприязнь.

В целом исследование особенностей восприятия городского пространства перемещающимися людьми — на автомобиле или пешком — еще не достигло такой стадии, на которой можно было бы ожидать появления широких обобщений, однако уже сейчас можно предположить, что система путей

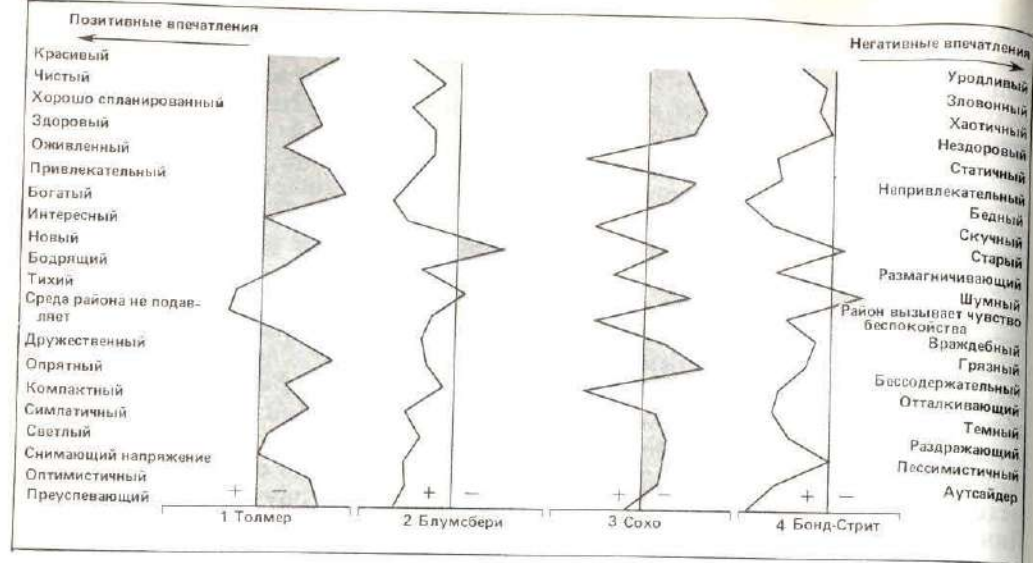

Рис. 7-2. Впечатления студентов от различных районов города. Burgess, Hollis (1977, 156).

имеет две довольно различные функции, выполняемые ею в процессе формирования городских пространственных представлений. Во-первых, пути содействуют объединению фрагментов представленного городского пространства и способствуют расширению познанной площади города. Пути, как мы показали ранее, являются каналами перемещения людей внутри города, представляя собой совокупность тех точек пространства, с которых человек видит город. Они образуют полосы пространства, с которых человек больше ничего не известно, и служат своего рода «скелетом» пространства, вокруг которого организуются другие элементы мысленных представлений. Правда, надо отметить, что при разных способах передвижения значимость путей как связующих звеньев, по-видимому, существенно различается. Так, Ли (Lee, 1971) показал, что мысленные представления о городском пространстве детей, которые ходят в школу пешком, выстроены вокруг узловых точек, имеющих ключевое значение в их повседневной жизни, а именно тяготеющих к школе и дому и включающих также все объекты, так или иначе связанные с хорошо известным участком дороги, соединяющим их. У детей, которых возят в школу автобусом, эти представления были совершенно иными, пространственные связи школы и дома в них отсутствовали. Этот факт объясняется в первую очередь тем, что при поездках на автобусе ребенок не участвует в принятии решений о выборе пути.

Во-вторых, дороги и прилегающие к ним территории, необходимые для обеспечения нормального движения транспорта, часто являются своеобразными границами, которые расчленяют умозрительную картину города на ряд фрагментов. Это происходит, в частности, вследствие того, что дороги превращаются в такие участки территорий, которые Хорват (Horvath, 1974, 168) назвал «машинным пространством», или «территорией, отведенной для машин... (где) машины имеют большее значение, чем люди». Массовая автомобилизация потребовала масштабных изменений в пространственной организации города, осуществление которых оказалось весьма трудной задачей. Поэтому легко можно прийти к заключению, что городские

системы, связанные с обеспечением функционирования автомобильного транспорта, начинают определять атмосферу и пространственную структуру всего города, что, как широко известно, уже произошло в Лос-Анджелесе. 76% территории центральной части которого занимают автомобильные коммуникации и службы, связанные с автосервисом (рис. 7-3). Конечно, это крайний случай, однако подобные тенденции ясно различимы во всех западных городах. Несмотря на то, что некоторые элементы дорожного оформления имеют развлекательный характер (Halprin, 1966; Banham, 1971), сами дороги, а также связанные с их эксплуатацией земли, используемые под гаражи и автостоянки, или просто непригодные участки, образуют машинное пространство. По мере развития этого процесса свобода передвижения как для автомобиля, так и для человека последовательно сокращалась. И те и другие для безопасного передвижения должны быть надежно изолированы друг от друга. Влияние этой особенности на характер мысленного представления о городском пространстве зависит от принятых путей ее учета при организации систем коммуникаций в городе.

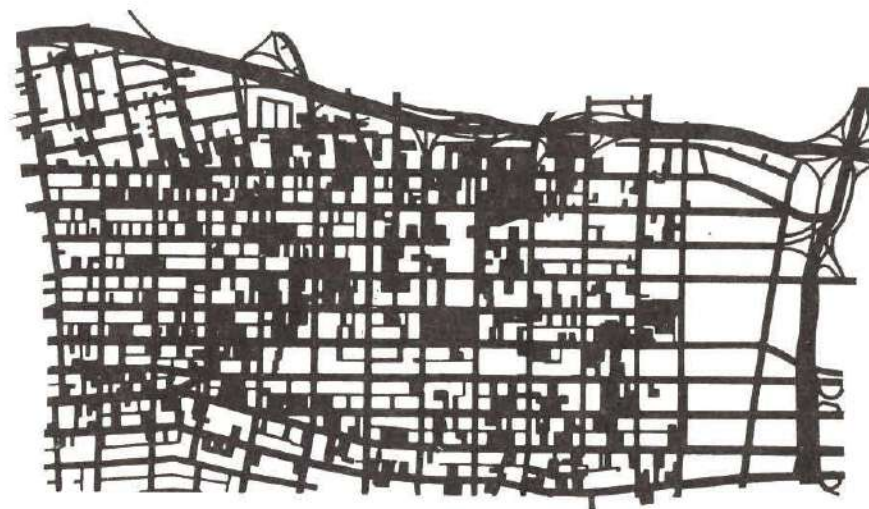

Рис. 7-3. Площади, занимаемые автодорожным транспортом и его инфраструктурой в центральной части Лос-Анджелеса. Gruen (1965, 80).

Один из способов обеспечения безопасности пешеходов и (или) эффективного функционирования системы внутригородских коммуникаций состоит в создании специальных транспортных зон, где перемещение людей запрещено и, следовательно, доступ пешеходов в которые буквально закрыт. И наоборот, переориентация маршрутов движения транспорта в обход центра города или его жилых кварталов может иметь серьезные последствия для водителей транспортных средств. Коротко говоря, это отделение двух систем коммуникаций, по-видимому, приводит к постепенной изоляции друг от друга, когда пешеходы не появляются в зоне движения транспорта, а люди, пользующиеся транспортными средствами, вынуждены избегать проезда по территориям, свободным для пешеходов. Если человек не является одновременно членом обеих групп, он будет воспринимать только часть целостного городского пространства. Размещение коммуникаций для пешеходов и для транспорта на разных уровнях также влияет на формирование особенностей мысленного представления о

городе. Гуды с соавторами (Goody et al., 1971), а также Росс (Ross, 1974) считают, что организация городского пространства «в трех измерениях» очень часто снижает уровень образосозидательности города в сознании как пешеходов, так и людей, в основном использующих для передвижения автомобили.

С другой стороны, когда такого разделения в системе коммуникаций не существует, это может приводить к возникновению «поля боя на шоссе», столь характерного для многих городков в сельских районах Великобритании (Sharp, 1968), где конфликты транспорта и пешеходов становятся постоянными. Пешеходам приходится мириться с шумом и выхлопными газами автомобилей и подвергаться риску быть сбитыми при пересечении шоссе, а владельцы автомобилей — страдать от недостатка места для автостоянок, преодолевать помехи, затрудняющие движение, вызываемые вытекающими прямо под колеса людьми, и мучиться в бесконечных дорожных пробках. В итоге подобные территории в глазах представителей обеих групп нередко приобретают малопривлекательный вид: их начинают воспринимать как место, от которого лучше держаться подальше.

В целом проблема значимости автодорожного транспорта для формирования мысленных представлений о городе содержит значительную долю иронии. Если ее рассматривать на макроуровне, то автомобиль позволил заметно увеличить мобильность каждого отдельно взятого человека, однако при более широком взгляде оказывается, что он выступает в качестве силы, действующей в обратном направлении, когда затрудняется многоцелевое использование территорий, возникают социальные противоречия и происходит отчуждение горожан друг от друга. К подробному рассмотрению всех этих тем мы вернемся в гл. 10.

Площади, то есть участки территории, легко различимые при помощи набора определенных признаков, являются одной из существенных частей представляемого пространства. Даже весьма приблизительно организова пространство в виде площадей, человек получает неплохую возможность понять сложную структуру среды своего окружения. Причем в этом процессе выдающуюся роль играют стереотипы (см. гл. 9). В этой главе мы уже рассматривали мысленные представления о центральных частях города. Исследование проблем восприятия открытых пространств и жилых микрорайонов позволит глубже понять роль, которую играют площади в формировании и развитии представлений о городском пространстве.

Открытые пространства очень часто выступают в качестве важных символов. Знание месторасположения различных площадей — ключевое для понимания внутренней структуры города. Обеспечивая хороший обзор, который позволяет наблюдателю легко устанавливать пространственные взаимоотношения различных элементов внутри города, площади выступают в качестве важного средства познания главных компонентов пространственной структуры города (Lynch, 1972a). Вид небоскребов центральной части города, различимых вдали за открытым пространством парка, за зеркалом речных вод или просто за пустырями, несет большое количество информации о городе и особенностях размещения его частей. Далее, открытые пространства нередко придают городу важные характерные черты, как, например, парки и площади Бата или Лондона. Они являются столь яркими характеристиками территории, что в сочетании с одним или двумя зданиями, располагающимися внутри или около них, нередко превращаются в национальные или даже международные символы того или иного города. Хорошими примерами в этом смысле являются площадь Этуаль в Париже (Milgram, Jodelet, 1976), вид Вестминстерского дворца на берегу Темзы в Лондоне или Красная площадь в Москве. Наконец, многие полагают, что открытые пространства выступают в городе заместителями

«сельской местности», давая возможность горожанам хоть на время выйти из-под жесткого прессинга городской среды и насладиться прелестями как бы деревенских ландшафтов (Magh, 1968).

Начиная рассматривать вопросы, относящиеся к **компактным массивам жилой застройки**, любой исследователь сразу же сталкивается с проблемой точного определения того, что подразумевается под словом «микрорайон»¹. В специальной литературе по проектированию городов и работах ученых, занимающихся социальными науками, фигурируют два основных определения микрорайона. С одной стороны, он определяется как социальная ячейка, признаками которой служат определенный уровень общих социальных связей и социальной активности его жителей, а также обнаруживаемые ими чувства соседства; с другой — оно рассматривается как некоторая территория на карте районной планировки города, в пределах которой определенное число людей обеспечивается жильем и услугами учреждений социальной инфраструктуры, — так называемая «жилая пространственная ячейка». Может показаться, что эти определения относятся к совершенно разным явлениям, однако, если принять точку зрения, согласно которой средствами дизайна пространственной среды микрорайона, затрагивающего эмоциональную сферу человека, возможно создать необходимые материальные предпосылки для формирования полноценной общности людей, проживающих в нем, они становятся практически неразделимы. Хотя присутствующие в этих понятиях дуалистические идеи на сегодняшний день сильно дискредитированы [10], они подспудно еще настолько не изжиты, что нередко порождают недоразумения.

Не следует также упускать из виду, что указанное понятие очень часто употребляется вместо слова «общность». Это понятно, поскольку оба слова подразумевают наличие у обозначаемого ими образования признаков реальной или воображаемой социальной однородности, а также наличие у их членов общих интересов и проявлений взаимопомощи друг другу. Главным параметром различий являются их пространственные размеры. Несмотря на то что до сих пор довольно широко употребляют термин «территориальная общность», последнее слово все чаще используют для обозначения явлений более широкого круга. Сегодня различают уже и «общности по интересам», которые могут включать в свой состав жителей не только целого города, но и региона, страны и даже всей планеты. Следовательно, слово «общность» перестало обозначать социальную группу лишь территориального вида. Иная ситуация с термином «нейборхуд», который и теперь применяют для обозначения лишь такой группы людей, которая размещается в пределах той или иной ограниченной территории. Впрочем, в современном крупном городе, где соседи нередко живут на расстоянии нескольких миль друг от друга, понятие о соседстве постепенно утрачивает свой смысл.

Итак, микрорайон — это ограниченный жилой массив, выделяемый по определенным признакам. Проблема в данном случае состоит в том, что для постороннего границы микрорайона могут быть трудноразличимы. Конечно, есть немало примеров, когда эти границы устанавливаются очень легко в связи с резкой антипатией граничащих сообществ (Collison, 1963; Boal, 1969, 1976), но такие случаи скорее исключение, чем правило. Для определения границ микрорайона обычно пользуются двумя способами. В одном случае все усилия сосредоточиваются на установлении критического уровня социальных взаимодействий, который таким образом и выступает в качестве основного признака разграничения. Значения этого критического

¹ Здесь, как и обычно в англоязычной литературе по урбанистике, употребляется слово «нейборхуд» (neighbourhood), примерно соответствующее понятию «микрорайон», но включающее в себя также представление о близости или соседстве. — *Прим. ред.*

уровня можно получить исходя из распространенного понятия, стоящего в одном ряду с другими терминами теории диффузий, а именно исходя из понятия «эффект близости» (рис. 7-4), однако оно с большим трудом поддается операционализации для эмпирических исследований. В другом случае поиск направляется на установление границ, выделяемых самими жителями микрорайона. Это кажется довольно простой задачей, однако ее реализация на практике сопряжена с преодолением значительных методических и теоретических трудностей. В своей работе, посвященной детальному обзору исследований, связанных с изучением особенностей восприятия жителями микрорайона, Спенсер (Spencer, 1973) указывает факторы, затрудняющие исследования подобного типа; таковы разнонаправленность целей исследования, отсутствие методики проведения формализованной репрезентативной выборки, ограниченность числа опрошенных жителей микрорайона, разнообразные проблемы недостаточно высокого качества интервьюирования, а также терминологическая путаница. Сущность всех этих затруднений можно лучше понять, обратившись к подробному рассмотрению известной работы Ли (Lee, 1954, 1968).

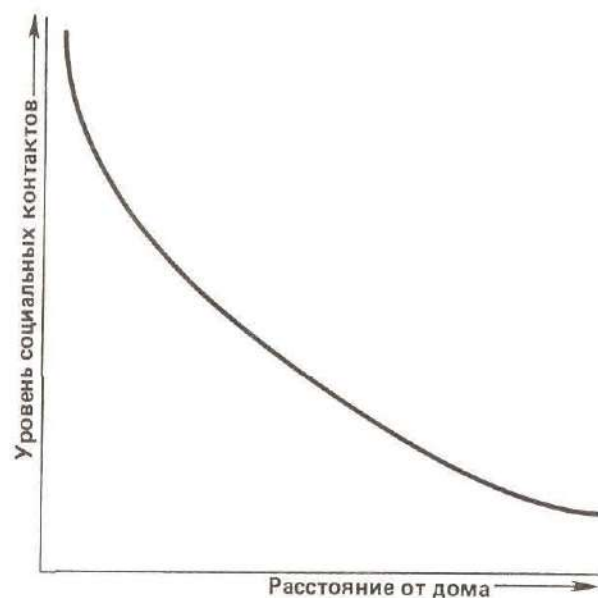

Рис. 7-4. «Эффект соседства».

Ли отмечает дуализм рассматриваемого термина, имеющего как социальное, так и материально-вещественное содержание, и приходит к выводу, что единственным способом преодоления такой двойственности служит феноменологический подход, согласно которому явления исследуются такими, какими они видятся изнутри, то есть в данном случае такими, какими они видятся жителям микрорайона. В Кембридже были опрошены 219 домохозяек, проживавших в микрорайоне с преобладанием людей среднего достатка. Каждому респонденту было предложено отметить на карте границу микрорайона, в котором, по его мнению, он проживает, а затем рассказать об осуществляемых в пределах этого микрорайона видах деятельности, связанных с посещением магазинов, общением с друзьями и

членством в том или ином клубе. В целом на вопросы ответили 75% опрошенных.

Полученные в итоге результаты сильно разнились друг от друга, причем каждый респондент по-своему очертил границы микрорайона. Представления о микрорайоне каждого из опрошенных различались между собой даже у людей, проживающих на одной и той же улице, однако при этом обнаружилась тенденция к «установлению некоторых норм, а также общих особенностей переживания впечатлений социального и пространственного характера», хорошо подтверждающаяся, в частности, тем фактом, что все представления оказалось возможным распределить в три группы. Наименьшее число респондентов, в основном принадлежащих к «низам» или «верхам» сообщества, выделяет микрорайон по признаку его «однородности», включая в него семьи «нашего круга», или «людей вроде нас». Вторая группа, более обширная, чем первая, выделяла микрорайон на основе «социального знакомства» проживающих в нем людей; как ни странно, здесь не обнаружилось прямой связи между указанным критерием и плотностью застройки. Третья, наибольшая группа, представляла микрорайон как целостность, причем его границы оказались близки к границам планировочного микрорайона, имеющего в своем составе набор различных магазинов, клубов и учреждений социальной инфраструктуры.

Чтобы сопоставить индивидуальные представления разных людей в реальных единицах, Ли соотнес их площадь с площадью гипотетического микрорайона с радиусом в полмили от дома респондента. Это было

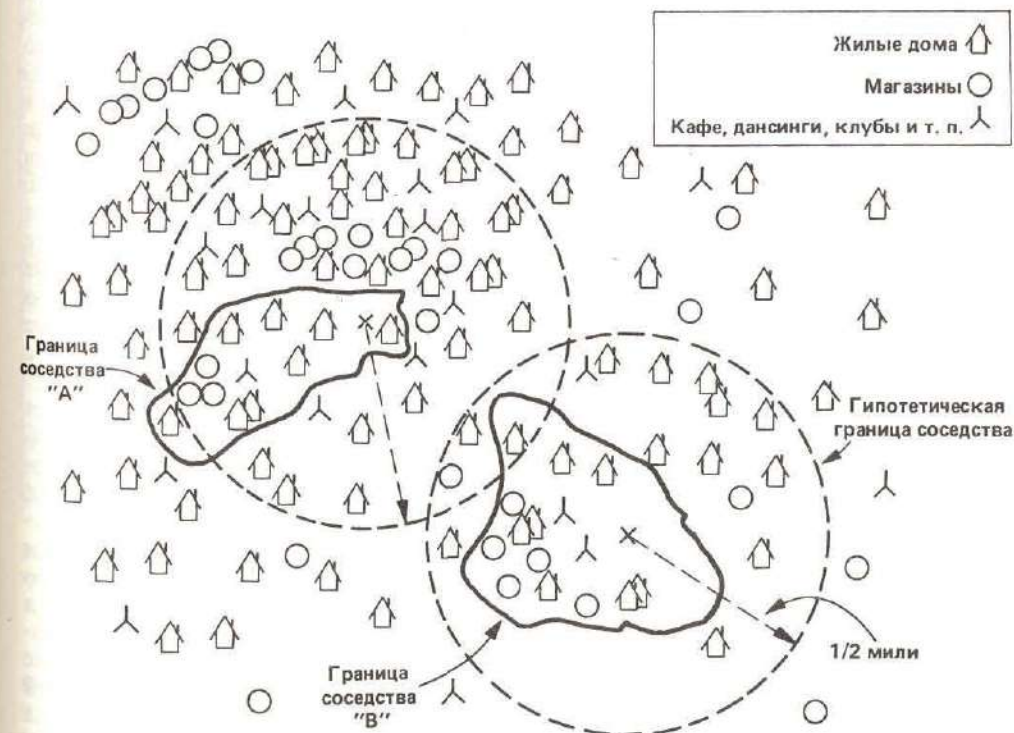

Рис. 7-5. Коэффициент соседства (КС). Lee (1968, 257).

Показатели, выраженные картографически: средние значения КС, рассчитанные для плотно застроенного микрорайона (А), и высокий КС, рассчитанный для микрорайона с низкой плотностью застройки (В).

получено при помощи показателя, известного под названием «коэффициент близости» (рис. 7-5), при расчете которого во внимание принимаются различная плотность жилой застройки территории, наличие магазинов и других учреждений социальной инфраструктуры. Указанный коэффициент отражает тесноту связей индивида со средой окружения. Затем устанавливается корреляция коэффициента с показателями социального поведения, а также с положительными значениями взаимосвязей, обнаружившихся между коэффициентом близости и социальной принадлежностью жителей микрорайона, их возрастом, продолжительностью проживания в нем, локализацией мест приложения труда, характером дружеских взаимосвязей, а также степенью участия в социальной жизни микрорайона.

Исследование Ли содержит гибкую методику изучения микрорайона, позволяющую глубоко понять его природу. Она дает возможность четко определить границы микрорайона, а также сопоставлять мысленные представления людей, живущих в различных районах города, между собой. Однако, несмотря на элегантность этого подхода, в его применении, как показал Спенсер (Spencer, 1973), существуют серьезные трудности. Спенсер исследовал особенности восприятия жителями небольшого, компактно расположенного жилого массива Селли-Оук в рабочем районе Бирмингема. В результате выяснилось, что многие не понимают, что означает само слово «микрорайон», и что даже если оно было понятно, то его границы в восприятии опрошенных очень сильно различались. Конечно, несовпадение границ было установлено и в работе Ли; суть дела, однако, состоит в том, что Спенсер показал сильную зависимость результатов разграничения территории от способа, которым оно осуществляется. Это хорошо видно при сравнении границ микрорайонов, выделенных по методу, применявшемуся в исследовании Ли, то есть при помощи карт рис. 7-6 и тех, что показаны на следующем рисунке, установленных путем словесного описания. Спенсер отмечает недостатки графического метода, заключающиеся в том, что респонденты склонны обводить показанные на карте площади целиком, мало заботясь о соответствии показанных таким образом границ микрорайона тому, что они в действительности считают его границами. Было бы неверным опираться на эти границы для исчисления коэффициента близости. Подход Ли неявно содержит допущения, согласно которым все здания и магазины внутри микрорайона имеют одинаково важное значение для всех респондентов, а также что микрорайон покрывает всю очерченную территорию. В результате возникают такие конфигурации границ, которые весьма неточно передают реальный характер взаимосвязей человека с окружающими пространствами.

Одним словом, Спенсер усомнился в том, что исследование Ли является действительно феноменологическим. Вместо того чтобы попытаться увидеть действительность глазами самих людей, Ли в своей работе ориентировал респондента лишь отвечать на поставленные перед ним вопросы, предлагавшиеся исследователем. Успех или неудача респондента в осуществлении этих требований целиком зависели от того, насколько полно он или она разделяют представления данного исследователя относительно задействованных понятий и методов. Массив опрошенных в работе Ли домохозяйек Кембриджа из семей среднего достатка состоял из респондентов, которые были знакомы с картами и умели их читать. Спенсер же обнаружил, что среди представителей опрошенных им рабочих семей многие лишены этих навыков и могут выполнять предлагаемую работу на карте лишь с большим трудом, да и то при помощи постороннего. Так что вполне можно предположить, что определение границ микрорайона графическим путем является не столько средством установления локализации этих границ в пространстве, сколько тестом на умение работать с картой.

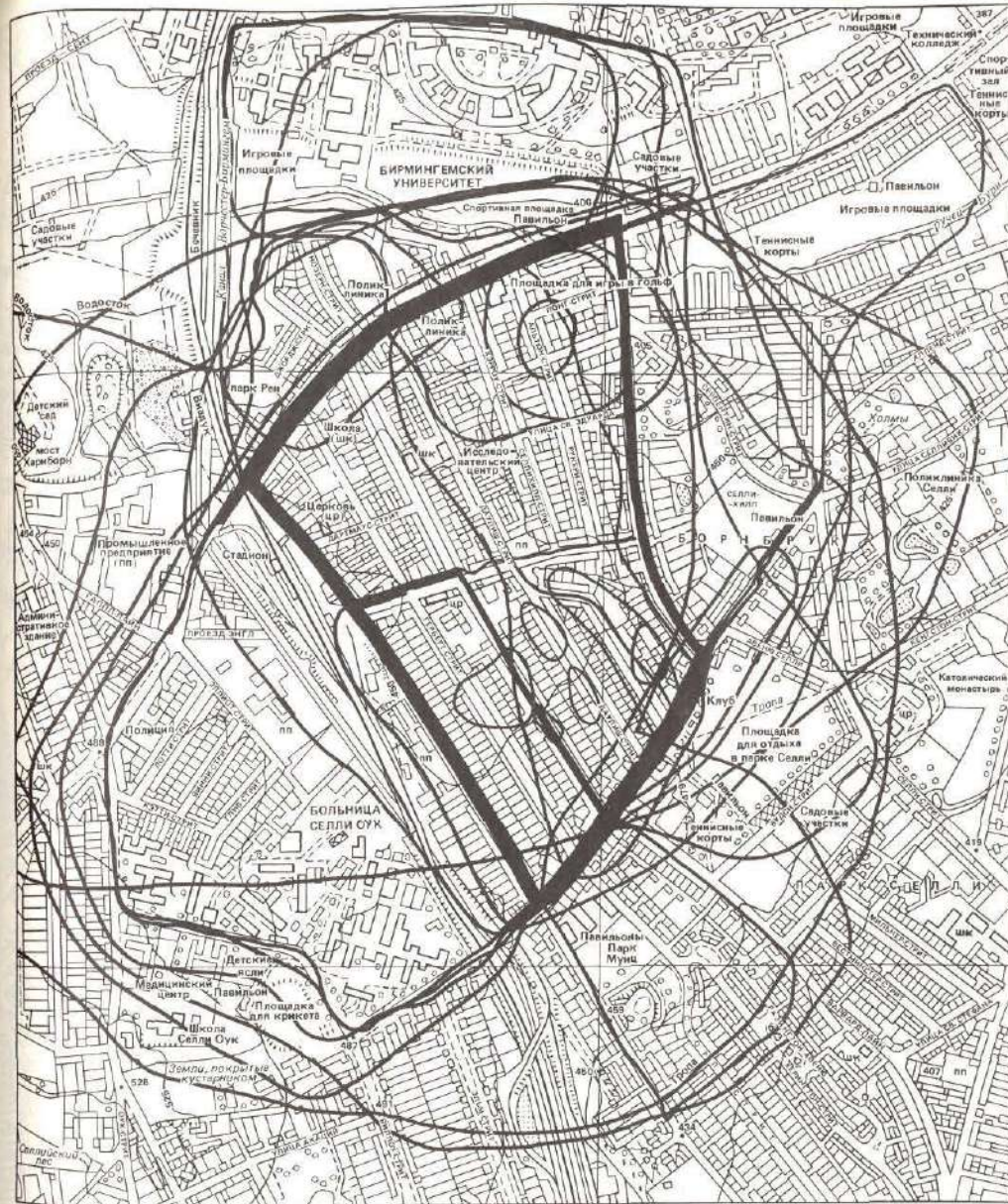

Рис. 7-6. Изображение границы соседской общины (соседства), воспроизведенной ее членами графически. Spencer (1973, 95-96).

Несмотря на тотальную критику методики, Спенсер не ставит под сомнение существование микрорайонов как общности соседства, то, что они играют важную роль в жизни людей и что они охватывают ограниченные по площади территории, представление о размерах и конфигурации которых у разных людей не совпадает. Более того, он считает, что, если задать правильно составленные вопросы, респонденты смогут показать истинные границы микрорайона, размеры и форма которого будут отражать реаль-

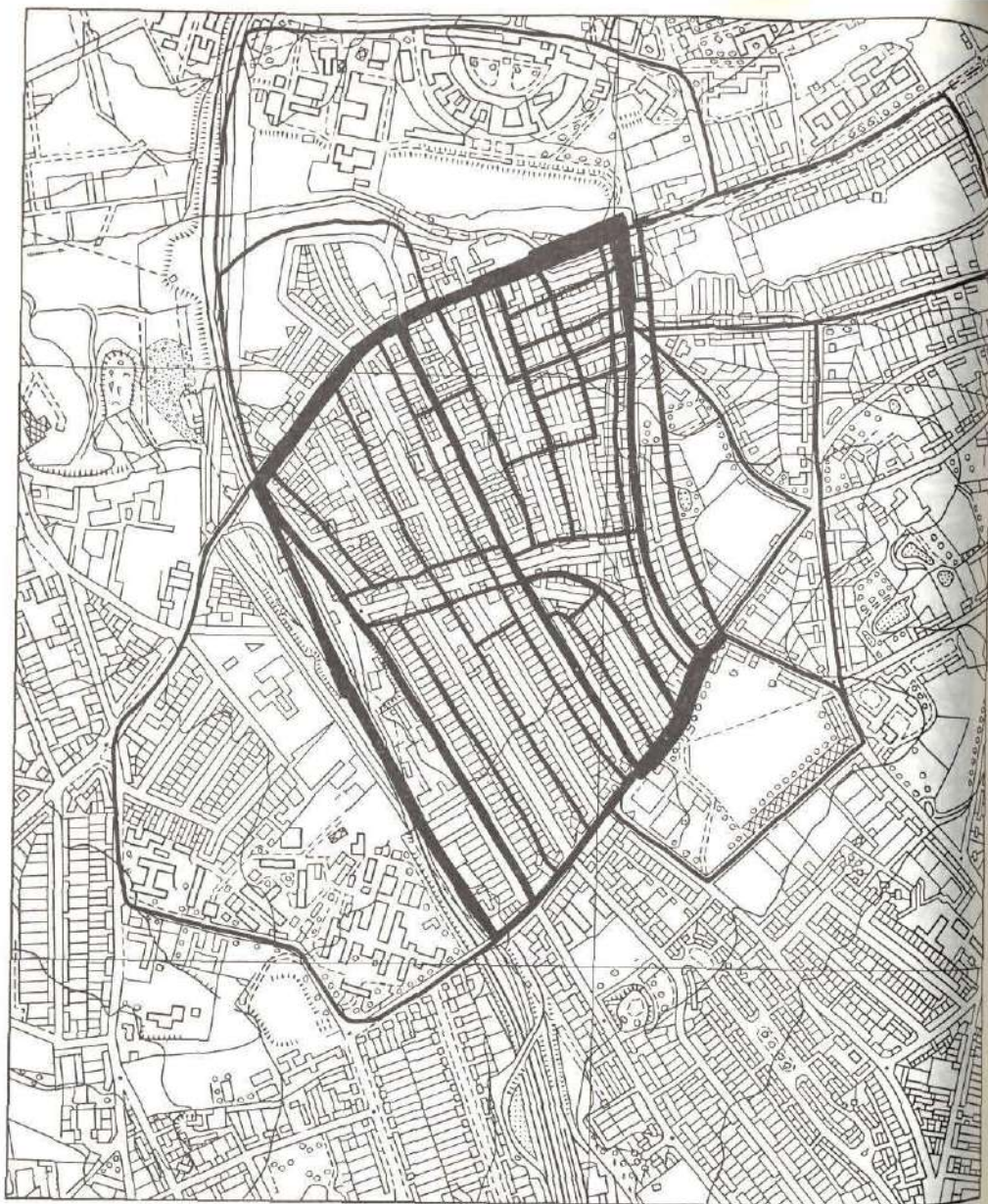

Рис. 7-7. Границы соседской общины (соседства), воспроизведенные ее членами путем словесного описания. Spencer (1973, 95–96).

ные особенности пространственного поведения его жителей. Влияние социальной принадлежности на восприятие микрорайона, на что фактически и указывает Спенсер, является лишь одним из многих факторов, задействованных в этом процессе. Кроме того, микрорайон мы рассматривали пока исключительно как некое пространственно выраженное окружение дома респондента, однако проблемы отношения к другим микрорайонам и связанные с ними предпочтения проживания остались неисследованными.

Образ ландшафта

*Италия прекрасная! Ты, мнится,
Вселенский сад, всем полней, чем томим
Природы дух и что искусству снится!
И в пустыни — что с тобой*

сравнится!

*И павел твой прекрасен! Ты пуста,
Но пред тобой обилье застыдится!¹*

Лорд Байрон. Паломничество Чайльд-Гарольда

В сознании каждого человека существуют умообразные картины ландшафтов, примечательных с той или иной точки зрения. Так же как виды Италии, восхищавшие Байрона и многих других людей его круга, эти картины могут приводить в восторг или, напротив, вызывать чувство подавленности, как, например, виды копров угольных шахт или груд мусора на свалках в промышленных районах Великобритании. Некоторые ландшафты ценятся как символы ностальгической тоски по прошлому — таковы, в частности, увитые плющом руины в парках восемнадцатого столетия. Все эти образы являются глубоко личными и вместе с тем понятными каждому, поскольку многие их характерные черты известны всем представителям того или иного класса, народа или целой эпохи. Впрочем, личные или общепризнанные, все подобные ландшафты обычно являются настолько значимыми символами, что непременно получают то или иное отражение в работах художников, поэтов или фотографов.

В этой главе рассматривается природа таких образов ландшафта, а также то, как они меняются с течением времени. Ландшафт ныне стал основным понятием у географов, занимающихся изучением земной поверхности и деятельности человека на ней, но лишь немногие ученые специально занимались рассмотрением символов, которые несет ландшафт, и исследовали отношение людей к тем или иным ландшафтам. Однако в эпоху, когда человек овладел такими возможностями изменять, создавать и разрушать ландшафты, каких, по-видимому, еще никогда в истории не существовало, понимание того, какие чувства испытывает человек к миру, в котором он живет, становится все более необходимым.

Ландшафт в географии

В течение некоторого периода времени в начале XX в. понятие «ландшафт» было главным концептуальным понятием географии (Mikesell, 1968). Немецкое слово «Landschaft» использовалось такими авторами, как Пассарг и Геттнер, для определения территории, обладающей физико-географической и культурной целостностью, во многих смыслах являясь эквивалентом того, что по-английски называют «region» (регион), но этот термин требует осторожного обращения. Некоторые немецкие географы,

¹ Перевод В. Фишера. См.: Байрон. Избранные произведения в одном томе. М., 1935, с. 68.

прежде всего Банзе (Banse, 1928), считали, что «Landschaft» обязательно имеет эстетическое и духовное содержание и значение, однако само это слово далеко не всегда подразумевает указанный смысл. Те английские и американские географы, которые переводили слово «Landschaft» как «ландшафт», обычно старались просто сохранить при переводе объективный научный смысл этого термина. Например, Дикинсон (Dickinson, 1939) утверждал, что все явления, наделяемые человеком нематериальными характеристиками (социальными, расовыми, психологическими и политическими), должны быть изъяты из географического анализа при рассмотрении ландшафта, за исключением тех из них, которые позволяют лучше понять его эволюцию. Зауэр (Sauer, 1925) и Хартшорн (Hartshorne, 1939) также исключали рассмотрение ландшафтных предпочтений и поведенческих реакций человека в различных ландшафтах из сферы географического изучения, хотя Зауэр и признавал впоследствии, что настоящее географическое исследование не может игнорировать эстетические свойства ландшафта (даже чисто субъективного характера). Как показано в гл. 3, Зауэр считал, что ландшафт представляет собой наложение двух основных компонентов: собственно природного ландшафта, то есть тех или иных форм рельефа, покрытых растительностью, и культурного ландшафта, то есть совокупности свидетельств деятельности человека в этом ландшафте. Этот подход к изучению ландшафта касается главным образом его морфологии и акцентируется прежде всего на заметных, объяснимых и измеряемых следах человеческой деятельности в нем. Применение этого подхода привело к появлению большого количества исследований самой широкой тематики: от анализа каких-либо специфических, визуально различимых элементов ландшафта (таких, как, скажем, амбары, мосты или шедевры местных архитекторов) до рассмотрения целостных сочетаний различных его компонентов в их наложении друг на друга в том или ином месте [1].

Установление существования, кроме природного, еще и культурного ландшафта было важным событием начальных этапов борьбы с физико-географическим детерминизмом, в ходе которой сторонники культурной географии, подчеркивавшие, что человек способен изменять и переформировывать природный ландшафт, стремились восстановить гуманистические основы географии. Однако оказалось, что на практике очень трудно провести четкое разграничение указанных видов ландшафтов. В большинстве районов мира человек уже настолько изменил состояние (предполагаемых) природных, или девственных, ландшафтов, что с уверенностью можно говорить лишь о *степени* их окультуренности.

С позиции целей нашего исследования главные изъяны школы культурного ландшафта заключаются в недостаточно полном рассмотрении отношений человека к тем или иным ландшафтам, а также отсутствии интереса к изучению символических значений, которыми наделяют ландшафт [2]. Эмоциональная оценка ландшафта содержится в самом значении этого слова в обиходной речи. Начиная с XVI в. художники использовали именно его для обозначения особенно красивых пейзажей повышенной эстетической ценности (Jackson, 1964; Gombrich, 1966; Tuan, 1966). Оказалось к тому же, что эта двойственность термина «ландшафт» является притягательной для некоторых англоязычных географов, использовавших его как эквивалент немецкого слова «Landschaft». Тем не менее среди географов сложилось твердое убеждение, что во всех случаях употребления этого термина необходимо делать уточняющие пояснения, а Хартшорн в своей знаменитой работе (Hartshorne, 1939) вообще отказался от его использования, заменив его термином «регион».

Но как в этом случае исследовать эстетическое и символическое содержание ландшафта? В ответ на такой вопрос обычно либо предлагают

добиваться сохранения этого содержания в научном языке географии путем более широкого использования сравнений или запинающихся метафор (Wright, 1947; Johns, 1960), либо обосновывают необходимость создания «эстетической географии», которая занималась бы в рамках научной литературы по географии реализацией художественных задач, решению которых посвящают себя пейзажисты, поэты или беллетристы-краеведы (Banse, 1928; Cornish, 1928; Gilbert, 1960). Не менее ценной, чем перечисленные, была, например, работа Корниша, появление которой сыграло важную роль в создании национальных парков в Англии и Уэльсе (Goudie, 1972). Однако их появление не подтвердило ни того, что география является настоящим искусством, ни того, что географы являются истинными художниками. Впрочем, даже если географы и не являются художниками, сама земная поверхность — предмет их исследований — вполне может считаться произведением искусства. Именно это обстоятельство и вызывает двусмысленность значения, вкладываемого в понятие ландшафта. Ландшафт состоит из трех элементов: материальных осязаемых форм данной территории, как природных, так и созданных самим человеком, в общем, тех, которые подразумеваются определением ландшафта в культурной географии; видимых процессов человеческой деятельности в ландшафте, а также значений, или символов, которыми его наделяет сознание человека (Relph, 1973). Именно третья инстанция ландшафта, его символическое значение, делает ландшафт произведением искусства, а не просто красочной декорацией. Воздействуя на природные объекты в процессе удовлетворения своих потребностей, человек воспроизводит их как «символы, выражающие его чувства» (Langer, 1953), посредством которых он передает разделяемые им убеждения, ценности, а также имеющиеся у него стремления и надежды. Именно эти особенности характеризуют природу и цели искусства. Процесс подобного воссоздания не является прерогативой лишь тех, кто проживает в пределах данного ландшафта и преобразует его в процессе своей деятельности, но и тех, кто будет жить в нем впоследствии, а также людей, которые лишь ненадолго посещают данную местность, и даже тех, кто знакомы с ним только через средства массовой информации. Все эти люди соучаствуют в указанном акте искусства, и все они вносят свой вклад в формирование тех особенностей ландшафта, которые делают его «хранилищем человеческих надежд» (Tuan, 1971).

Для проведения истинного анализа символических значений ландшафта географ должен обратиться к методам, принципиально отличным от тех, которые применяются при сциентистском анализе физических характеристик ландшафта и видов деятельности, наблюдаемых в его пределах. Далее в этой главе будет показано, что в этом случае он с успехом может опираться на соответствующие методы, используемые искусствоведами и историками. Однако, прежде чем рассмотреть эту тему, необходимо более подробно остановиться на различных априорных установках человека по отношению к ландшафту.

Установки по отношению к ландшафту

Люди обычно наделяют ландшафты, с которыми они соприкасаются, теми или иными символическими значениями. Эти символы отражают удовольствие, боль, меланхолические или ностальгические настроения. Например, у Лоренцо Медичи рай — это «не что иное, как великодушный сад, наполненный всеми возможными чудесами и творениями, деревьями, плодами, цветами, журчащими струями вод, голосами птиц, то есть всеми радостями, которых жаждет сердце человека». Лоренцо

нарисовал образ рая, включающий в себя представления о нем людей всех времен, однако в его наброске рельефно проявляется ландшафтная эстетика Ренессанса XV–XVI вв. Вырвавшимся из пут средневековой схоластической теологии, согласно которой природа рассматривалась в лучшем случае как отвлечение человека от выполнения его высшего трансцендентального долга, а в худшем – как низменный соблазнитель, ответственный за позор человеческого грехопадения (Glacken, 1967), природа открывалась во всей своей роскоши и красоте. Традиции классической античной образованности поощряли пристрастие просвещенных слоев общества к созерцанию сельских видов, воспетых Вергилием, и порождали восторги, обращенные к рукотворным гуманистическим ландшафтам, описанным в его эклогах. Тихий сельский вид, запечатленный в работах Бембо, Спенсера и Сиднея и на картинах Джорджоне, Тициана и Клода, был доминантой образа ландшафта эпохи Ренессанса. Маркс (Marx, 1964) и Левин (Levin, 1969) проанализировали влияние этого образа, взлелеянного просвещенными европейцами, на формирование оценок Америки, этой Новонайденной Земли (Нью Фаунд Ленд) Ренессанса. Неожиданно взору европейцев, всегда представлявших Золотой век времен человеческой невинности как сельскую идиллию на лоне природы, открылись картины, как бы дававшие возможность вновь попасть в этот век. Сообщения первых путешественников об Америке были полны рассказов о ней как о цветущем саде, населенном милыми добрыми людьми, живущими в невинности и одаряемыми всеми щедротами природы. Правда, контакты цивилизации с этим миром невинности порождали некоторые «затруднения», однако при этом если в мечту Миранды о существовании прекрасного мира из шекспировской «Бури» никто не верил, то представление об Америке как о благоухающем саде просуществовало вплоть до XIX в. Более того, именно такое представление об островах теплых южных морей до сих пор очень распространено среди европейцев (Smith, 1960).

Хорошее название чувству, испытываемому человеком при созерцании приятных для него мест, дал Оден, назвавший его *топофилией*. Это понятие обозначает не только глубокую привязанность к родным местам и местный патриотизм, но имеет и более широкий смысл, включая переживание теплых позитивных чувств к тем или иным ландшафтам, даже таким, которые человек никогда не видел или которые вообще не существуют и не могут существовать. Последнее роднит это чувство с представлениями людей об утопии или рае. Разные ландшафты являются для каждого конкретного человека визуальным знаком, вызывающим разную степень общей удовлетворенности, что приводит к тому, что человек начинает предпочитать места, где преобладают именно такие, приятные с его точки зрения, ландшафты, что выливается в активную гуманизацию последних. Из конкретных ландшафтов, которые имеют, по-видимому, большую топофильную силу, можно назвать ландшафты Италии (см. стихи Байрона в начале главы), ландшафты Калифорнии для американцев XX в. (Vance, 1972) или Британской Колумбии для канадцев. Если говорить о поэтических и утопических ландшафтах, то такую же роль, как картинки Вергилия для людей эпохи Возрождения, играли города-полисы античной Греции для американцев времен Американской республики XVIII в. или мифические представления о средневековом христианском мире для таких писателей и поэтов XIX в., как Раскин, Кольридж, и авторов школы прерафаэлитов.

Топофилия – чувство как личностное, так и социальное, групповое, переживаемое человеком не в одиночку, а вместе с другими людьми. Мы не любим разглашать наши личностные представления об утопических ландшафтах, и, как отмечает Туан (Tuau, 1963, 16), «задать прямой вопрос на эту тему – грубая бестактность вроде тыканья пальцем. А вопрос этот такой:

какие специфические местообитания, как виденные вами, так и просто представлявшиеся вашему воображению, вызывают у вас чувство подлинного удовлетворения?» Ответ на этот вопрос может затрагивать самые глубинные переживания, самые сокровенные воспоминания и касаться самых заветных желаний как относительно мира, в котором мы живем, так и нас самих – вот почему, возможно, вопрос этот останется без ответа, он просто повиснет в воздухе.

Ландшафты могут вызывать и менее приятные ассоциации – боли, страдания, страха или одиночества. Подобные *топофобные* образы будут, возможно, формулироваться менее ясно, а также будут иметь меньшую силу, чем образы топофильные, однако, оказывается, и они весьма устойчивы во времени. Высокогорные, лесные и пустынные ландшафты только недавно приобрели притягательность из-за того, что они, компенсируя нагрузки, которым подвергается современный человек со стороны той среды, в которой он живет, обеспечивают прекрасные возможности побыть наедине с собой и природой. В недавнем прошлом прилагательные «ужасный», «страшный» и «огромный» применялись к ландшафтам, которые были неподвластны человеку. Примечательно, что, согласно Ветхому завету, евреи в течение долгого времени бродят в Синайской пустыне и лишь затем попадают на тучные пастбища Иордании с ее благословенными водами, а также то, что, по Новому завету, искушение Христа тоже происходит в безлюдной пустыне. Леса виделись полными опасностей и неведомых сил, что замечательно передают детские сказки, а горы считались в прошлом одним из самых топофобных мест (Tuau, 1964). Старинные описания Альп как места невообразимых скопищ демонов клишировались почти вплоть до наступления романтической эпохи XIX в.

Индустриализация вызвала интересный поворот в принципах отнесения тех или иных ландшафтов к топофобным. Получив гораздо большие возможности контроля над природой, над необитаемыми и нетронутыми ландшафтами, теми самыми, которые совсем недавно воспринимались как ужасающие и устрашающие, люди стали называть их «нарушенными», а слово «дикий» изменило свой топофобный смысл на топофильный до такой степени, что поиск таких земель стал заветной мечтой многих американцев (Lowenthal, 1964). В то же время ландшафты, сформированные под влиянием деятельности людей, в особенности под влиянием промышленных производств, приобрели топофобный характер. Как показано в предыдущих главах, образ унылых, прокопченных производственных ландшафтов стал сегодня хорошо закрепившимся стереотипом восприятия города, однако именно он во многом способствовал возникновению современного движения по сохранению и защите ландшафтов (под последними неизменно подразумеваются сельские ландшафты). Весьма интересно, что в других культурах индустриальные ландшафты не обязательно оцениваются с таких же позиций. Современные китайские или советские художники очень часто вкрапляют в создаваемые ими пейзажи какие-либо промышленные объекты, а в ландшафтной живописи Китая наших дней, сохраняющей в целом традиционный стиль, весьма распространено изображение опор линий электропередач, символизирующих прогресс общества и повышение уровня жизни народа.

Главной географической работой, в которой исследуются различные установок отношения к ландшафту, является книга «Следы на Родосском побережье» (Glacken, 1967). В этой работе Глэкен выделяет три основных фактора, определивших образование различных оценочных позиций европейцев по отношению к ландшафтам. Это представление о Земле как о субстанции, созданной с определенными целями – для устройства и развития на ней человека и его цивилизации; идея о том, что физико-

географическая среда определяет природу человека и характер его поведения, а также осознание того факта, что человек изменил поверхность Земли из ее первоначального состояния в лучшую или худшую сторону. Проследивая взаимодействие этих представлений в процессе развития цивилизации со времен Древней Греции и до XVIII в., Глэкен показывает, каким образом противоречия между господствовавшими теориями и развитием теологии, естественных наук и экономики, с одной стороны, и меняющейся географической картиной мира — с другой, приводили к изменению отношения к окружающей среде и как при этом под самыми разными личинами сохранялись все три упомянутых выше представления. Например, представление о деятельности человека как об активной силе, преобразующей поверхность Земли, прошло через различные этапы — от таких, когда подобные изменения воспринимались величайшим благом (в смысле освоения необитаемых территорий, продвижения к созданию оптимальных условий пространственной организации или реализации созидательного плана Господа), до периодов, когда любая подобная деятельность рассматривалась сугубо отрицательно, то есть когда преобладала точка зрения, господствующая в наши дни.

Являясь прежде всего главным источником изучения топофилии в европейской культуре, работа Глэкена содержит и важное предупреждение, подчеркивая, что нам весьма редко удается, взглянув на измененный поколениями людей ландшафт, с уверенностью заключить, что он предпочтительнее природного. Туан (Tuân, 1968) подтвердил эту мысль в проведенном им исследовании разного отношения к дикой природе в иудейско-христианской и конфуцианской традициях. В первой преобладает тенденция обеспечения власти над природой, а во второй проводится установка на развитие не более чем пассивных взаимоотношений сотрудничества между последней и человеком. Несмотря на эти различия, в обеих культурах произведены крупномасштабные изменения природы, примерами которых служат массовые сведения лесов на продажу для достижения чисто коммерческих целей с вытекающими отсюда проблемами развития почвенной эрозии. Поведение человека и образы ландшафтов могут приходиться в противоречие друг с другом, так что «полное соответствие космологических [3] воззрений и реальной организации природопользования редко достигается. В основе космологических концепций лежат биологические и социальные потребности и жизненные впечатления людей; реальный же процесс природопользования направлен на удовлетворение их самых насущных запросов, малосоотносимых с внутренними устремлениями человека» (Tuân, 1971, 33). Оба автора, и Глэкен, и Туан, согласны в том, что формирование образов ландшафта осуществляется в основном исходя из имеющихся у людей наборов представлений и поверий, а также характера производимых ими интерпретаций сущности человека, природы и предписанных взаимоотношений между ними. Другие авторы применяют иные подходы к истолкованию происхождения и характера содержащихся в ландшафтах символов. Возможно, самым оригинальным из представленных в географической литературе подобных подходов является тот, который использовал Эпплтон в книге «Опыт познания ландшафта» (Appleton, 1975b). Эпплтон не стремился изучить различные стороны существующих образов ландшафта или исследовать их взаимосвязи с имеющимися у людей представлениями и характером их поведения; он попытался найти ответы на ключевые вопросы: «Что именно привлекает нас в ландшафте?» и «Почему нас это привлекает?». Полученные им ответы базируются на двух источниках: эстетико-философских взглядах Джона Дьюи и трудах английских философов XVIII в.

Дьюи (Dewey, 1929, 1934) считал, что ни сами по себе отдельные

предметы, ни одно лишь зрительное восприятие человека не порождают красоты. Она появляется в результате «опыта познания», то есть постижения связи между человеком и окружающей его действительностью. Одним из логических следствий этой мысли было предполагаемое наличие у человека определенных биологических механизмов, ответственных за поддержание подобной взаимосвязи, аналогичных имеющимся у других живых существ. Согласно Дьюи, вся живопись есть результат такой, основанной на биологических механизмах взаимосвязи человека и природы.

Вторым источником, который использовал Эпплтон, были работы английских авторов, посвященные эстетике ландшафтов. Начиная с трудов лорда Шэфтсбери 1674 г. и до работ Джона Раскина в середине XIX в., ландшафт занимал значительное место в философских исследованиях. Параллельно этому шло развитие школы ландшафтной живописи, достигшей своего пика в работах Тернера и выдающихся творениях искусства английской садово-парковой ландшафтной архитектуры. За это время первоначальное представление, согласно которому красота определяется теми или иными формами или линиями (например, по Хогарту, следовавшему волнистую «линию красоты»), уступило место принципу «ассоциаций», из которого следовало, что определенные картины порождают специфические эстетические реакции вследствие того, что они как-то связаны с врожденными устойчивыми реакциями людей (или «страстями», в терминологии Бурке). Например, виды «величественных бесплодных Скалистых гор ассоциируются со страхом, болью, ужасом, в то время как «красивое» ассоциируется с миром, любовью и бодростью» [4].

Синтезировав биологический подход Дьюи с ассоциативным подходом мыслителей XVIII в., Эпплтон создал «теорию условий обитания». Он исходил из предположения, согласно которому для успешного выживания в процессе эволюционного отбора человек должен был обеспечивать себе такое местоположение, чтобы, видя все вокруг, самому оставаться невидимым. Со временем стремление к обеспечению такого местоположения трансформировалось в определенные эстетические предпочтения: «...эстетическое удовлетворение, получаемое при созерцании того или иного ландшафта, появляется в результате спонтанного восприятия некоторых характерных его особенностей, своей формой, красками, пространственными пропорциями и другими видимыми чертами, выступающими в качестве знаков, показывающих наличие или отсутствие средовых параметров, благоприятствующих выживанию, на основании которого делается вывод о благоприятности или неблагоприятности данного ландшафта, его привлекательности или уродливости. Изложенные предположения мы называем «теорией условий обитания»» (Appleton, 1975b, 69).

На основе этой теории была создана концепция ландшафтного символизма, центральными понятиями которой сделались понятия «оценка местности», «убежище» и «опасность» (табл. 8-1). Поскольку обозрение и скрытность были крайне важными и взаимодополняющими компонентами поведения в ландшафте при осуществлении всех первоначальных видов деятельности, для живого существа было важно использовать свою пространственную среду таким путем, который обеспечивал бы ему возможность получения предупреждения о приближающейся опасности либо через поведение животных, либо через проявление сил стихии, а также позволял бы ему легко спрятаться от этой опасности. Оценка местности дает возможность более или менее беспрепятственно спрятаться, пользуясь обозначениями, или символами, затененности, потаенных мест, строений и облесенности. Опасностями выступают непосредственные угрозы, таящиеся в природной среде, преграждение путей отступления или отсутствие тех или

Схема ландшафтной символики

Образы и символы обозримой местности при ее оценке

А. Типы местностей

1. При непосредственной оценке

а. Открытые местности

- (i) Хорошо просматриваемые
- (ii) Не полностью просматриваемые

б. Перспективы

- (i) Обычные перспективы
- (ii) Горизонтальные перспективы
- (iii) Линейные перспективы

(Местности и перспективы могут быть либо «открытые», либо «закрытые» с различной «глубиной» вида.)

2. При косвенной оценке

а. Открытые местности

б. Перспективы заднего плана

- (i) Нарушенные перспективы
- (ii) Боковые перспективы

в. Линейные перспективы заднего плана

Б. Типы наблюдательных пунктов

1. Основные наблюдательные пункты (с которых открываются широкие дальние виды)

2. Вторичные наблюдательные пункты (обеспечивающие за счет воображения косвенную оценку местности)

а. Природные

б. Искусственные

(Сами по себе возможности обзора относятся к особому типу вторичных наблюдательных пунктов.)

могут встречаться в разнообразных сочетаниях

в. Смешанные

Образы и символы убежищ. Основа классификации

1. По выполняемой функции

- а. Потаенные места
- б. Надежные укрытия

2. По происхождению

- а. Природные
- б. Искусственные
- (i) Здания
- (ii) Корабли
- (iii) Прочие

3. По характеру материала

а. Убежища в земле

- (i) Пещеры
- (ii) Среди скал
- (iii) В «норах»

б. Убежища в растительном покрове

- (i) Среди деревьев
- (ii) Прочие (в зарослях тростника, в высоких травах и др.)

в. Убежища, обеспечиваемые туманом, дымами и др.)

4. По степени доступности (легкость преодоления рубежей и др.)

в. Смешанные

в. Смешанные

г. Смешанные
(включая большую часть строений и т. п.)

Образы и символы опасностей

1. Эпизодические опасности

а. Со стороны живых существ

- (i) Со стороны людей
- (ii) Со стороны других живых существ

б. Без участия живых существ

- (i) Метеорологические
- (ii) Нарушения устойчивости каких-либо систем
- (iii) Связанные с водной стихией
- (iv) Связанные с огнем
- (v) Связанные с движением

2. Опасности помехи

- а. Природные
- б. Антропогенные

3. Опасности нехватки

Источник: Appleton (1975b, 88, 96, 102).

иных ресурсов для выживания человека. Если бы опасностей не существовало, то оценка местности и убежища не имели бы никакого значения, поэтому именно наличие опасности является ключевым элементом всей этой теории. Эпплтон применил свою теорию для объяснения широкого спектра самых разных ситуаций взаимодействия человека и ландшафтов: от особенностей их личностного восприятия до изображения в живописи, поэзии и прозе.

Несмотря на внешнюю стройность этой концепции, она имеет ряд недостатков. Эпплтон исходит из предположения, что первобытный человек был охотником. Однако сегодня многие антропологи сомневаются в истинности этого представления, что, по-видимому, ставит под вопрос основные положения всей концепции возникновения эстетических впечатлений от ландшафта. Кроме того, данная концепция не дает объяснения, как и когда навыки, которые были необходимы для обеспечения существования человека, стали основой формирования эстетических впечатлений и пристрастий. Например, известно, что в ответ на резкий звуковой сигнал автомобиля, неожиданно возникающего перед человеком при переходе через улицу, его организм начинает испытывать множество неблагоприятных физиологических процессов. Поступление кислорода ко всем внутренним органам и другим частям тела, за исключением тех, функционирование которых имеет жизненно важное значение, прекращается, для получения дополнительной энергии увеличивается частота сердечных сокращений и частота дыхания, а для обеспечения такого химического состава крови, который позволял бы поддерживать этот повышенный уровень энергетического снабжения, резко возрастает количество адреналина, поступающего в кровь. В то же время отсутствуют какие-либо доказательства, что подобные реакции возникают при созерцании ландшафта, нарисованного кистью художника, на котором воспроизводится ситуация внезапно возникшей опасности при невозможности спастись от нее. Например, выдающийся искусствовед Лангер (Langer, 1953) считал, что идея Дьюи, согласно которой искусство есть акт сопереживания, принципиально неверна. По мнению Лангера, эта идея игнорирует те самые особенности, которые ставят искусство в один ряд с наукой или религией, но позволяют при этом говорить о нем как о самостоятельной созидательной составляющей внутреннего духовного мира человека. Более того, согласно его концепции, бихевиористские допущения, примененные к произведениям искусства, не находят подтверждения даже с точки зрения исходных научных представлений, с ориентацией на которые они выдвинуты: «...до сих пор показания гальванометров и энцефалографов ничего не дали для по-

нимания проблем искусства, даже для выяснения простейших очевиднейших различий в воздействии картин, разных по размеру» (Langer, 1953, 38–39).

Эпплтопу действительно удалось выявить «вечные» темы ландшафтной эстетики. Общий вид, игра света и тени, характер рельефа, особенности растительного покрова и другие подобные параметры присутствуют в характеристике всех ландшафтов, которые, как принято считать, имеют высокую эстетическую ценность. Но в то же время объяснения, даваемые им, исходят из теоретических представлений, которые, по-видимому, просто не поддаются проверке; но даже если бы это было возможно, их все равно нельзя было бы использовать для объяснения различий в образах ландшафтов, возникающих в сознании тех или иных людей или их групп, образов, которые тем не менее, скорее всего, создались на общей базе реальности.

Символические ландшафты: иконография и иконология

Как мы убедились, символы делают ландшафты похожими на произведения искусства. Эпплтон установил центральную роль символов в формировании образов ландшафта в сознании людей, но основывал этот вывод на существовании атаквистических механизмов. Другие полагали, что образование эстетических реакций при восприятии ландшафтов обязано внутренним врожденным структурам, тесно связанным с анатомо-физиологическими особенностями человека. Например, Туан (Tuân, 1973) подчеркивает, что человек является прямоходящим существом, обладающим лево-правосторонней симметрией, а также симметрией по направлениям вперед–назад, и, кроме того, отличается односторонней направленностью действия всех органов чувств. Некоторые авторы считают, что «мандала» (см. следующий раздел), являющаяся символом города во многих культурах, обязана своим происхождением именно этим врожденным особенностям, обуславливающим единообразие символов. Однако гораздо более вероятно, что символы – продукт человеческого разума, способствующего передаче идей и образов; поэтому для понимания смысла подобных символов необходимо рассматривать особенности культуры, к которой принадлежат люди, обладающие ими.

Панофски (Panofsky, 1970), изучавший живопись, считает, что символические значения функционируют на трех уровнях, в общем соответствующих трем основным составляющим ландшафта (характеристики материальных форм, наблюдаемые виды деятельности людей, а также осознание, или символизация), которые были рассмотрены выше. На первичном уровне Панофски выделяет фактические значения, когда, например, шляпа и обозначает просто шляпу, и выражаемые значения, когда определенные особенности внутреннего состояния являются через их показ: так, например, печальное выражение лица означает скорбь. На вторичном уровне значения являются условными, что достигается путем распознавания известных символов и аллегорий открывающейся картины. Хорошим примером символов этого уровня служит нимб, указывающий на «святость» его обладателя. Для того чтобы понимать подобные символы, нужно знать некоторые традиции изображения в религиозном искусстве, а также иметь элементарные познания в иконографии, которая занимается истолкованием различных символов. Третий уровень – это сущностное значение, общий принцип живописи, согласно которому происходит отбор сюжетов, объясняется их значимость и способы изображения. Исследование значений на этом уровне называется иконологией, которая через произведение искусства анализирует глубинные внутренние убеждения и систему

ценностей, присущих группе людей, которой обязано своим появлением сущностное значение, причем в данном случае «группой» может являться и нация, и класс, и та или иная религиозная или идеологическая общность.

Применительно к изучению земной поверхности этот анализ на первичном уровне соответствует установлению географом физических характеристик различных ландшафтов. На вторичном уровне иконографическое рассмотрение [5] подразумевает установление тех аспектов данного ландшафта, значение которых выходит за рамки простого удовлетворения лишь функциональных потребностей человека. Например, Скалли (Scully, 1962) указал на исключительную важность, придаваемую древними греками будущему местоположению храма относительно гор, долин и моря. Иконология начинает играть важную роль на третьем уровне изучения ландшафта, когда его значимость сопоставляется с «целостной концепцией человека и его связей с природой и Богом в данных конкретных обстоятельствах местоположения» (Relph, 1973, 153). Для того чтобы проникнуть в символику ландшафта, необходимо понять главные ценностные установки и предпочтения тех людей, которые его сформировали, и тех, кто располагает образами данного ландшафта. Личностные образы ландшафта опираются на наши внутренние установки, намерения, убеждения и собственные представления о себе и о внешнем мире, а групповая топофилия уходит корнями в культуру, в рамках которой она проявляется, и в тот способ, каким в этой культуре структурируются представления о человеке и о природе.

Символы города и городской ландшафт

В обзоре характерных знаков, употребляемых в различных культурах и социальных системах для обозначения города, Стюарт (Stewart, 1970) и Рикверт (Rykwert, 1976) установили, что среди них преобладают такие геометрические элементы, как круг, прямоугольник и крест. Самым древним иероглифическим обозначением города является крест внутри круга (рис. 8-1), или «мандала». Рассказывая о нем, психоаналитик Нойман

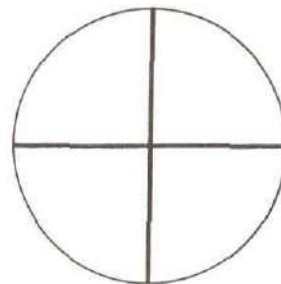

Рис. 8-1. Мандала.

(приводится по Stewart, 1970, не опубликовано) утверждает: «Мандала, как символ, постоянен. Вначале его форма соответствовала мифическому представлению о рае, затем – «святому Иерусалиму». Совершенная фигура круга, в центре которого крестообразно пересекаются четыре луча, жестко ограниченные этим кругом, на протяжении истории служила и служит символом города».

Некоторые авторы считают, что знак мандала отражает собой некие внутренние, биологически присущие человеку структурные особенности процессов мыслительной деятельности (Jung, 1964; Smith, 1975) – довод, из которого следует, что подобные символические средства представления

планировки города используются человеком в процессе формирования образов себя самого, космоса в целом, а также рая. Туан (Tuani, 1972) показывает, что в некоторых обществах, достигших высокой степени урбанизации, город очень часто символизирует конечную цель развития в противовозможность первозданному хаосу и дикости, причем сам город воспринимается как символ высшего благополучия, или «небесной благодати». Напомним в связи с этим представлением о таких городах, как Иерусалим или Пекин.

Многие географические исследования сосредотачивают внимание на связи между городским ландшафтом и устремлениями людей. Джонс в своей книге «Городские пейзажи Британии» (Johns, 1965) показывает, каким образом стремление к формированию внутренней среды города в соответствии с «духом времени» («Zeitgeist» — нем.) — в том виде, как его выражали искусство и литература, — обусловило характерные черты современного английского города. Он подчеркивает, что влияние литературы и искусства данной эпохи проявляется прежде всего в процессе формирования архитектурного стиля и особенностях оформления строящихся зданий. Так, знакомство с течением романтизма в литературе и искусстве помогает понять, почему в это время на смену классической архитектуре XVIII в. с ее пышными фасадами и канонизированными линиями [6] пришел осознанно неформальный стиль, характеризующийся эклектическим соединением форм условно средневековой архитектуры, скажем живописных парков и загородных вилл. Правда, это исследование было чисто иконографическим и в нем почти не обсуждалось, как и насколько меняющиеся литературные, художественные и архитектурные пристрастия отражают изменения восприятия природы, общества, человека.

Прайс (Price, 1964) в том же духе провел ценное иконографическое исследование города Витербо в центральной Италии. Между прочим, он утверждает, что городской ландшафт Витербо можно рассматривать как проявление внутренней жизни и истории этого города. Среди характеристик ландшафта, попавших в его анализ, — возраст и плотность городской застройки, материал зданий, а также различные изменения во внешнем облике города, происходившие с течением времени. Поднималась им и проблема предпочтений, например при сравнении представлений об оптимальности у американцев и итальянцев при рассмотрении таких вопросов, как плотность застройки, характер открытых пространств и функциональное зонирование различных видов деятельности внутри города. Однако, оставив в стороне анализ философских, религиозных и культурных оснований подобных представлений, Прайс скорее выявлял, а не объяснял символы. Прайс (Price, 1964, 274) приходит к выводу, что «Витербо является средневековым городом в том же смысле, в каком Рим, несмотря на свою уходящую в глубь веков древность, относится к городам в стиле барокко, или Венеция, которой, впрочем, в этом смысле дать определение труднее, является городом эпохи Возрождения». Если причисление Витербо к городам средневекового облика не ошибочно, тогда можно предположить, что для его внутренней среды наиболее характерными будут особенности, обеспечивающие наиболее яркое выражение такого понимания символов городской архитектуры, которое было присуще сознанию итальянца в средние века, — если, конечно, вывод Прайса означает нечто большее, чем простую констатацию того факта, что большинство зданий города построено в стиле средневековых. Фактически Прайс пишет о Витербо как иконограф, но для того, чтобы постигнуть подлинную сущность изучаемого, необходимо дополнить иконографический подход. Другими словами, настоящий анализ значений городских символов требует проникновения во внутренний мир человека, требует осознания убеждений и установок как

средневековых создателей города, так и людей, воспринимающих его сегодня.

Исследования символов города за рамками географии проводились специалистами по истории искусств и архитектуре. И обобщающие обзоры Сааринена (Saarinen, 1943) и Мамфорда (Mumford, 1963), и более специальные исследования Саммерсона (Summerson, 1969) и Уитли (Wheatley, 1969, 1971) — все эти работы содержат глубокий анализ символики города наряду с рассмотрением его функциональных особенностей. Например, Саммерсон (Summerson, 1969) считает два параметра — материальный уровень и особенность вкуса — ключевыми факторами, определявшими характеристики городского ландшафта Лондона XVIII — XIX вв. Впрочем, «вкус» в данном случае служил примерным аналогом «модного стиля», обозначающего в использовании Джонсоном шкалу соответствующих представлений, усвоенных группой лидеров и предписываемых к следованию им для остальных социальных групп. Степень, до которой вкус или стиль определяются принципиальными установками, ценностями и верованиями членов той или иной социальной группы, является, по-видимому, интересной проблемой для последующего рассмотрения.

В своих исследованиях, посвященных городскому ландшафту, архитекторы очень часто воспринимают город лишь как произведение искусства, нередко игнорируя его функциональное назначение. Основной упор при этом обычно делается на создание тех или иных ландшафтов, способствующих формированию эстетически ценной пространственной среды города, а не на учет тех образов города, которые создались в сознании наблюдателей. Так, де Вульф (de Wolfe, 1963), Нирн (Nairn, 1965) и Шарп (Sharp, 1968) единодушно признают необходимость совершенствования различных способов анализа эстетических характеристик зданий, поверхностей, элементов оформления городских улиц, пространственных объемов разного масштаба, растительности и других компонентов городского пейзажа как нерасчлняемой цельности, однако предлагаемый ими подход остается в пределах «искусства для искусства». Они скорее хотят установить, насколько приятен город для глаз гуляющего по нему человека, чем найти значения символов, которые встречаются в городе на каждом шагу. Видимо, более глубоким был подход Куллена [7], который в анализе значения символов идет гораздо дальше, утверждая, что «зрение — это не просто жизненно необходимая способность, оно также пробуждает наши воспоминания и впечатления, оно порождает те ответные внутренние реакции, проявление которых может привести ум человека в состояние возбуждения» (Cullen, 1961, 11). Это заставляет Куллена исследовать сущность основных пространственных впечатлений, получаемых человеком, когда он находится в том или ином городском ландшафте, стремясь при этом установить степень воздействия ландшафта на формирование особенностей этих впечатлений. Измерение эффективности воздействия осуществлялось с точки зрения организации пространства, которое виделось не просто автономным самостоятельным процессом, но считалось проявлением сущностных особенностей тех людей, которые создают данную среду и отдают ей свои предпочтения, а также накопленных ими представлений о себе и окружающем каждого из них индивидуально-неповторимом мире.

Символика города имеет большое значение для всех групп общества, переживающего бурную урбанизацию, а специфические особенности тех или иных значений для представителей каждой из групп могут быть поняты лишь при помощи иконологических исследований глубинных внутренних убеждений и намерений людей, входящих в эти группы. Недаром некоторые города имеют огромное символическое значение — таковы, например, Иерусалим, Рим, Нью-Йорк, Париж или Пекин.

Образы отдельных регионов и мира в целом

На пороге Европы...

Кингс-Линн — это быстрорастущий город современной высокоэффективной промышленности, в котором много дешевых земельных участков, пригодных для реализации разнообразнейших проектов. Отличное сообщение с Лондоном. Быстро развивающийся порт позволяет легко выполнять как погрузочно-разгрузочные операции, так и контейнерную транспортировку грузов в континентальную Европу. Хорошее положение на рынке труда. Для жителей Лондона, которые пожелают переехать сюда, к месту работы, готовы отличные новые дома и хорошо развитая социальная инфраструктура. Кроме того, великолепно природное окружение города, поблизости просторные песчаные пляжи.

Объявления, «Линнские новости и сообщения», 7 мая 1971 г.

Стэн: Но почему Кингс-Линн?

Ник: Потому, что он самый отдаленный из всех мест, какие я знаю.

А. Плэтер. Святочные рассказы

Известная метафора о «сокращающемся мире» имеет большую притягательную силу для современного человека. Безусловно, значительное расширение возможностей пространственного перемещения людей и быстрое распространение телекоммуникаций, произошедшее в XX в., в большой степени способствовали преодолению ограничений, налагаемых расстояниями, однако необходимо помнить, что сама по себе доступность информации не приводит к автоматическому расширению пространственных горизонтов человека. Широкое использование таких расхожих клише, как «реактивные скорости» или «беженцы», служит главным образом для поддержания у современного человека в своих собственных глазах соответствующего имиджа, представления о себе, маскируя тот факт, что обыденная жизнь большинства людей и сегодня пространственно организована в основном вокруг двух главных центров: дома и работы. Мир за пределами этих двух мест как был, так и остался неизвестным царством, информацию о котором человек получает через личные впечатления нечастых контактов с ним или вообще из вторых рук.

В этой главе рассматриваются образы макропространств и территорий, которые слишком велики или слишком удалены либо слишком велики и далеки, чтобы знать их в подробностях, и обыденные представления о которых крайне стереотипны. В первой части главы рассматривается роль, которую играют стереотипы в процессе восприятия и познания макропространств, а также показывается существование тесных взаимосвязей между формированием тех или иных стереотипов и наличными человеческими мотивациями. Во второй части анализируются образы различных регионов и обсуждается роль тех или иных стереотипов в историческом развитии различных территорий. Заключительная часть посвящена исследованию взаимосвязей космологических представлений людей различных культурных групп с имеющимися у них образами мира.

Как уже отмечалось, стереотипы играют важную роль в процессе общей ориентации человека в сложном пространственном окружении. Стереотипы образуют основу, отталкиваясь от которой различные явления относятся людьми к той или иной достаточно широкой категории, хотя подобное отнесение производится подчас по весьма поверхностным признакам. Под словом «стереотип» часто подразумевают нечто негативное, главным образом из-за того, что оно первоначально использовалось при изучении расовых предрассудков, где его причинами виделись страх и ненависть, а сами стереотипы воспринимались компонентом защитных механизмов (Hirsh, 1955). Применительно к тем или иным местностям или территориям этот негативный смысл совершенно безоснователен. Есть, конечно, места, имеющие устойчивые негативные стереотипы, например внутригородские трущобы или прибрежные болота, точно так же как и места, стереотипы которых имеют исключительно притягательный или романтический характер. Калифорния, средневековые города Италии и острова теплых южных морей являют собой подобные примеры, которые далее в этой главе будут рассмотрены более подробно.

Другой важной характеристикой стереотипов является их устойчивость к изменениям — особенность, которая привела Белчера (Belcher, 1973, 221) к следующему заключению: «Когда факты действительности не соответствуют стереотипным представлениям, становится ясно, что здесь что-то не так и что что-то необходимо изменить, и, к сожалению, изменяют обычно именно факты». Эта мысль справедлива и для территориальных стереотипов. Отдельные территории, которые в том или ином смысле не совпадают с возможными стереотипными представлениями, обычно расцениваются как ни о чем не говорящие исключения из общего правила, которое в свою очередь воспринимается железным законом, определяющим особенности формирования стереотипов. Впрочем, не стоит упрощать ситуацию. Хотя, как следует из определения, существование стереотипа означает его широкое признание, а сам он играет важную роль в процессе социализации [1], отдельные люди тоже могут принимать участие в процессах, приводящих к образованию новых стереотипов, их передаче и закреплению. Так, исследователи массовых коммуникаций давно заметили, что в различные периоды времени человек может выступать как в роли информатора аудитории, так и простого ее члена. Получив ту или иную информацию, он будет интерпретировать ее в соответствии с имеющимися у него потребностями, а затем, возможно, передаст ее аудитории второго порядка, члены которой в свою очередь истолкуют ее согласно своим потребностям. Участвуя в этом процессе, индивид способен поддерживать и развивать стереотипы и, возможно, даже создавать новые. Будут они приняты или нет, зависит главным образом от того, дают ли такие стереотипы приемлемое объяснение тем или иным явлениям для других людей, а также удовлетворяют ли они потребности в пространственной информации для членов социальных групп большего размера.

Для целей проводимого нами анализа большое значение имеет изучение связей между стереотипами и мотивацией индивидов. Стереотипы не относятся к извне привнесенным установкам, которые просто передаются аудитории пассивных потребителей информации; наоборот, они представляют собой конечный продукт сложных взаимодействий по-разному мотивированных индивидов. Можно глубже проникнуть в эту мысль, если хотя бы бегло взглянуть на рекламную литературу, давно используемую для привлечения мигрантов в отдаленные районы [2]. Вообще говоря, литература подобного вида всегда распространяется довольно активно по двум

причинам, часто тесно взаимосвязанным. Во-первых, люди, составляющие подобные книги, стараются нарисовать в них картину бесспорных выгод и безграничных возможностей, которые обязательно обеспечит переезд в рекламируемые места. Следующее объявление из газеты «Шеффилд и Ротерхэм индипендент» (17 авг. 1875 г.) под заголовком «В Америке продается 100 000 акров отличных земель» является хорошим примером такой литературы: «Угодья расположены на юго-западе Миннесоты и представляют собой открытые прерии со слабоволнистой поверхностью и непревзойденным плодородием, готовые для сельскохозяйственной обработки. Климат территории великолепен и позволяет организовать для больных превосходный курорт. В настоящее время в этой части штата существуют беспрецедентные возможности для эффективного ведения сельского хозяйства и выгодного помещения капитала. Засухи, столь часто несущие фермерам Запада колоссальные убытки, в этом районе практически неизвестны. Здесь много красивых озер, полных рыбы, и очень богатая фауна...»

Искусство написания таких объявлений состоит в том, чтобы, включив необходимые «зерна правды», на которых основываются все стереотипы, представить дело таким образом, чтобы данное место в целом ассоциировалось именно с ними, иной раз настолько, что написанное оказывается ближе к авторским пожеланиям, чем к реальности.

Во-вторых, сочинители таких проспектов очень часто озабочены не столько созданием нового образа, сколько развенчанием уже сложившихся негативных стереотипов. Как отмечает Джонс (Jones, 1946), одна из главных задач подобной рекламной литературы заключается в том, чтобы остановить «поток сплетен и злонамеренных слухов», от которых страдает большинство рассказов о вновь заселяемых землях. Именно этим руководствовался, по-видимому, тот автор [3], который в статье, озаглавленной «Фантастический приток сокровищ из Австралии», ставит своей целью переубедить тех, кто не верит в существование несметных богатств этого континента. Между прочим, автор заявляет, что «в действительности наша задача состоит не в том, чтобы найти места, богатые золотом, а в том, чтобы точно установить, где его нет».

Подобной неполнотой страдают и книги европейских путешественников и исследователей, хотя и по другим причинам. Эта литература по большей части правдиво отражает восприятие ее авторов (каким бы непродолжительным ни был их маршрут), но дело в том, что создателям таких книг, как и всем вообще людям, присущи собственные запросы и потребности, влияние которых так или иначе проявляется в их работах (Adams, 1962). Затратив много времени и сил на исследование новых земель, нередко тающих серьезные опасности, людям в своих описаниях подчас трудно признаться, что изученное ими не имеет большого значения и интереса. В большинстве случаев это обстоятельство заставляет путешественников преувеличивать весомость сделанных ими открытий или по крайней мере уделять основное внимание тем особенностям путешествий, которые привлекательны для их круга читателей. Некоторые же, к счастью, весьма немногие, создают заведомо ложные описания. Например, Джонатан Карвер [4], живший в конце XVIII в., подробно описывает привычки никогда не виданных им животных, язык североамериканских индейцев, которых он никогда не встречал, и территории, на которых он никогда не бывал. Некоторые авторы вроде Даниэля Дефо [5] развлекались тем, что создавали (под псевдонимами) яркие картины выдуманных странствий, чтобы посмотреть, поверят ли люди, что это описания настоящих путешествий.

Все это в той или иной степени служило удовлетворению различных потребностей и так или иначе отражало установки самих авторов. Но тот

факт, что вся эта литература воспринималась как истинно правдивая и являлась основой формирования стереотипов, имеет первостепенное значение, поскольку сами читатели этих работ также имели определенные потребности, которые и удовлетворялись при их чтении. Несмотря на наличие некоторой связи между уровнем доступности информации и количеством людей, переселяющихся в ту или иную колонизируемую страну (Samuelson, 1974), оснований для утверждения, что именно подобная литература была единственной причиной этого, явно недостаточно. Распространенные стереотипы процветания и широких возможностей на новых местах, богатства и преуспевания легко задевают нужные струны в сознании тех, кто мигрирует, имея возможность выбора (а не из-за того, что они прямо или косвенно оказались лишенными своей родины), поскольку они *хотят* поверить тому, что написано в книгах об этих землях. Образы прекрасного будущего всегда тешат сознание тех, кто собирается оставить свой дом и родных, пустившись в путешествие, нередко весьма опасное. Другими словами, мы снова убеждаемся, что познавательные процессы существенно определяются имеющимися у человека установками и представлениями, что они сильно мотивированы. Люди стремятся действовать в соответствии с тем хорошим, о котором они слышали, и не принимать во внимание плохое, то есть то, что в соответствии с имеющимися у них потребностями считается таковым.

Образ района

«Район» относится к числу понятий, давно разрабатываемых в географии. Район в широком смысле можно определить как некоторую часть земной поверхности, обладающую такими характеристиками или особенностями, которые отличают ее от других частей, выделенных подобным же образом. При знакомстве с таким определением может сложиться впечатление, что все разделяют единое представление о сущности района и целях его выделения. И хотя здесь нет возможности дать обзор продолжительных дискуссий в географии, посвященных понятию «район» [6], хотелось бы сформулировать некоторые общие выводы. Во-первых, не существует такого признака или набора признаков, которые делали бы выделение района в данных границах пригодным к любым обстоятельствам. Редко бывает так, что районирование, предпринимаемое с какой-либо одной целью, оказалось бы пригодным и для других нужд. Во-вторых, необходимо понять, что на самом деле районы представляют собой мысленные конструкторы, а не реально существующие данности. Выделение районов — это средство познания пространства, а не открытие независимых от сознания «вещей в себе».

Эти выводы имеют прямое отношение к нашему обсуждению. Из них следует, что попытки географов так или иначе районировать территорию являются не чем иным, как вариантом систематизации тех особенностей, при помощи которых мы ориентируемся в сложном пространственном окружении. Вполне возможно, что районирование, произведенное профессиональным географом, окажется ничуть не лучше и ничуть не информативней, чем какое-нибудь менее формализованное членение территории. И действительно, некоторые авторы считают, что, если бы при районировании территорий географы опирались на образы районов, существующие в массовом сознании, они имели бы больше оснований для проведения истинного пространственного анализа, чем когда они разрабатывают и выделяют свои собственные типологии территориальных таксонов. Так, автор знаменитой страноведческой книги о Северной Америке утверждает,

Таблица 9-1.

Районирование

Вопрос 18(а): Какой район страны Вы считаете своим — как он называется?

	Всего	Районы опроса											
		Север	Йорк-шир	Северо-запад	Запад-Мидленд	Восточ-Мидленд	Вост.-Англия	Юго-восток	Большой Лондон	Юг	Юго-запад	Уэльс	Шотландия
Исходная база: количество опрошенных	(4892) %	(230) %	(496) %	(612) %	(512) %	(224) %	(231) %	(628) %	(753) %	(213) %	(284) %	(244) %	(465) %
Город/Город и его окрестности	6	7	6	7	6	7	3	2	5	3	6	4	11
Территория организованной площади, но больше, чем маленький город	2	3	2	7	2	1	2	4	0	0	2	1	2
Графство	12	21	15	18	6	7	18	12	5	12	11	9	12
Подрайон (меньше, чем район экономического планирования)	6	52	1	0	5	0	0	2	0	0	3	27	15
Район, отличный от района экономического планирования	5	0	10	2	13	5	8	8	1	8	2	0	0
Суперрегион (больше, чем район экономического планирования)	18	0	14	10	42	39	19	16	34	12	5	1	1
Район, в котором респондент не живет	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	1
Формализованный район (как на карте экономического планирования)	36	10	40	42	7	25	34	45	32	49	65	48	45
Не знаю/Не понимаю	11	6	10	14	16	14	11	10	12	15	4	5	10
Великобритания (Соединенное Королевство), Англия	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	3	1
Пространственные единицы меньше названных (напр., деревня, центральная часть Лондона)	2	0	2	0	2	0	2	1	10	0	1	1	2
Невзвешенное число опрошенных в каждом регионе	(4892)	(159)	(506)	(447)	(508)	(164)	(169)	(461)	(495)	(156)	(209)	(726)	(892)

Источник: Килбрандонский доклад (1973), Исследовательские материалы, 7. 42.

что, если бы ему предстояло вновь осуществить эту работу, он попытался бы установить районы, границы которых определяются не «горными породами и реками, не количеством осадков и природных ресурсов, а сознанием людей» (Watson, 1971, 31).

Эта мысль подразумевает, что понятие «район» обладает смысловым содержанием, значимым и для людей, не являющихся профессиональными географами, а известные нам свидетельства позволяют сделать вывод о справедливости такого предположения. Подтверждением этой мысли могут служить результаты исследований, выполненных для составления *Килбрандонского доклада* (Kilbrandon Report, 1973), который содержал данные, полученные Королевской комиссией, изучавшей проблему региональной идентификации в Великобритании. Имея своей целью исследование отношения к происходящим изменениям в осознании принадлежности к тем или иным районам, считалось необходимым установить в первую очередь то, насколько люди чувствуют себя жителями того или иного района, как они определяют границы своего района, а также сравнить силу чувств региональной принадлежности в различных частях страны. Оказалось, что из 4892 опрошенных около 75% были способны мыслить категориями районирования. Большая часть респондентов, затруднявшихся сделать это, принадлежала к числу людей, имевших низкий уровень образования или того меньше и относящихся к социально-экономическим категориям, члены которых не интересуются или не участвуют в политической и социальной жизни на местном или общенациональном уровне, а также людей преклонного возраста. Выявилось большое пространственное разнообразие характеристик воспринимаемых районов. В табл. 9-1 показаны результаты ответов на вопрос о том, к какому району принадлежат респонденты (эти результаты затем соотносились с «объективно существующими» районами, выделенными для экономического планирования). И хотя значительная часть респондентов (36%) в качестве «своих» назвала районы, совпадающие с «объективно существующими», эта цифра оказалась гораздо выше на юго-западе, в Уэльсе и Шотландии, и значительно ниже — на севере страны (где «своими» считались в основном гораздо меньшие, чем графство, территории) и в западных районах центральной части острова (где «своими» люди считали более крупные, чем при экономическом районировании, территории — всю центральную часть страны). Несмотря на эти различия, исследование показало наличие у людей во всех частях страны чувства региональной принадлежности. Причем сила этого чувства на юго-западе и в Йоркшире оказалась почти такой же, как в Шотландии и Уэльсе, то есть в районах, характеризующихся высоким уровнем самобытности культурного самосознания и возрождающегося национализма. Далее, около 90% жителей Британии считали своим тот район, в котором они жили в настоящий момент, утверждая, что они чувствуют принадлежность именно к нему.

Личностная и групповая идентификация с районом своего проживания обнаружилась также и в ходе исследования различных культур, проведенного Гоулдом вместе с другими учеными [7] в ходе анализа региональных предпочтений выпускников школ и студентов. Исследование состояло в том, что респондентам предлагался перечень административных районов, например североамериканских штатов или графств Великобритании, а они ранжировали эти районы по степени их притягательности для проживания. Полученные таким образом индивидуальные ранжировки районов затем суммировались для массива в целом, подвергались факторному анализу и представлялись графически в виде когнитивных карт данной группы людей. Существует достаточно оснований сомневаться в пригодности такой методики [8], и все же можно сказать, что эти исследования привели к

установлению двух важных моментов. Во-первых, все респонденты высоко оценивали район своего проживания. Так, например, результаты опроса выпускников английских школ (Gould, White, 1968) показывают, что на когнитивных картах существует «купол притягательности родного места», обнаруженный во всех двадцати трех обследованных районах. Во-вторых, выявилось существование общенационального согласия относительно территорий особенной притягательности, которое обнаружилось при агрегировании результатов исследований в отдельных регионах, предпринятом для создания «общенациональной» поверхности восприятия. На карте, изображенной на рис. 9-1, явно различима высокая предпочтительность территорий южного побережья, сельской местности на западе страны, а также района Кембриджа в Восточной Англии, то есть тех районов, которые в представлении большинства людей ассоциируются с летним отдыхом. Этот вывод весомерно подтверждает важное значение, которое имеют стереотипы. Все перечисленные земли, как правило, видятся такими, какими они предстают во время непродолжительных и бессистемных летних посещений, или в рассказах других людей о летних впечатлениях, или в путеводителях, в которых неизбежно содержится «улыбающееся загорелое лицо» таких местностей. Груды отходов и карьеры корнуэльских угольных разработок, скука курортных местечек в межсезонье и транспортные перегрузки, вызываемые низкой пропускной способностью дорог и чрезмерной их эксплуатацией, очень редко присутствуют в образах этих районов, существующих в сознании людей.

Выяснилось, что, как и предполагали, стереотипные представления о различных районах отличаются заметным постоянством. Это обстоятельство заинтересовало ученых, изучавших особенности регионального развития в таких странах, как Соединенные Штаты Америки или Австралия. При рассмотрении развития различных стран с тех пор, когда началась фиксация исторических событий с сопутствующим выяснением мотивов и установок, руководивших действиями первооткрывателей и первопоселенцев новых земель, становится возможным исследование источников, современных освоению. Такие исследования ясно подтверждают, что некоторые территории воспринимались в массовом сознании через особенно сильные стереотипы притягательности или неприятия; они подтверждают также существование высокого уровня корреляции между характером подобных образов и темпами развития этих земель.

Хорошим примером в этом смысле является Калифорния. До XIX в. Калифорния была малоисследованным и редкочаселенным форпостом Новой Испании, лежащим в нескольких тысячах миль от формирующихся штатов Американского Союза. Однако по прошествии некоторого времени интерес американцев к Калифорнии начал постепенно возрастать. Сообщения первопроходцев содержали стандартные сведения о богатых природных ресурсах и редкостном отсутствии в Калифорнии каких-либо известных к тому времени болезней (Cooke, 1973). Но подлинный интерес к этим территориям пробудился лишь после лет Золотой лихорадки (1848–1853 г.), передачи этих земель от Мексики к США (1848 г.) и строительства трансконтинентальной железной дороги, соединившей Калифорнию с востоком страны (1869 г.). После того как Калифорния в национальном самосознании стала видеться значительно ближе, она быстро приобрела благоприятную репутацию, которую сохраняет и по сей день (Vance, 1972). Тем не менее, как отмечает Томпсон (Tompson, 1969), существовало два стереотипа Калифорнии: один играл выдающуюся роль в привлечении в Калифорнию новых мигрантов, второй — в определении характера расселения внутри штата.

Для того чтобы понять сущность этих стереотипов, необходимо хорошо

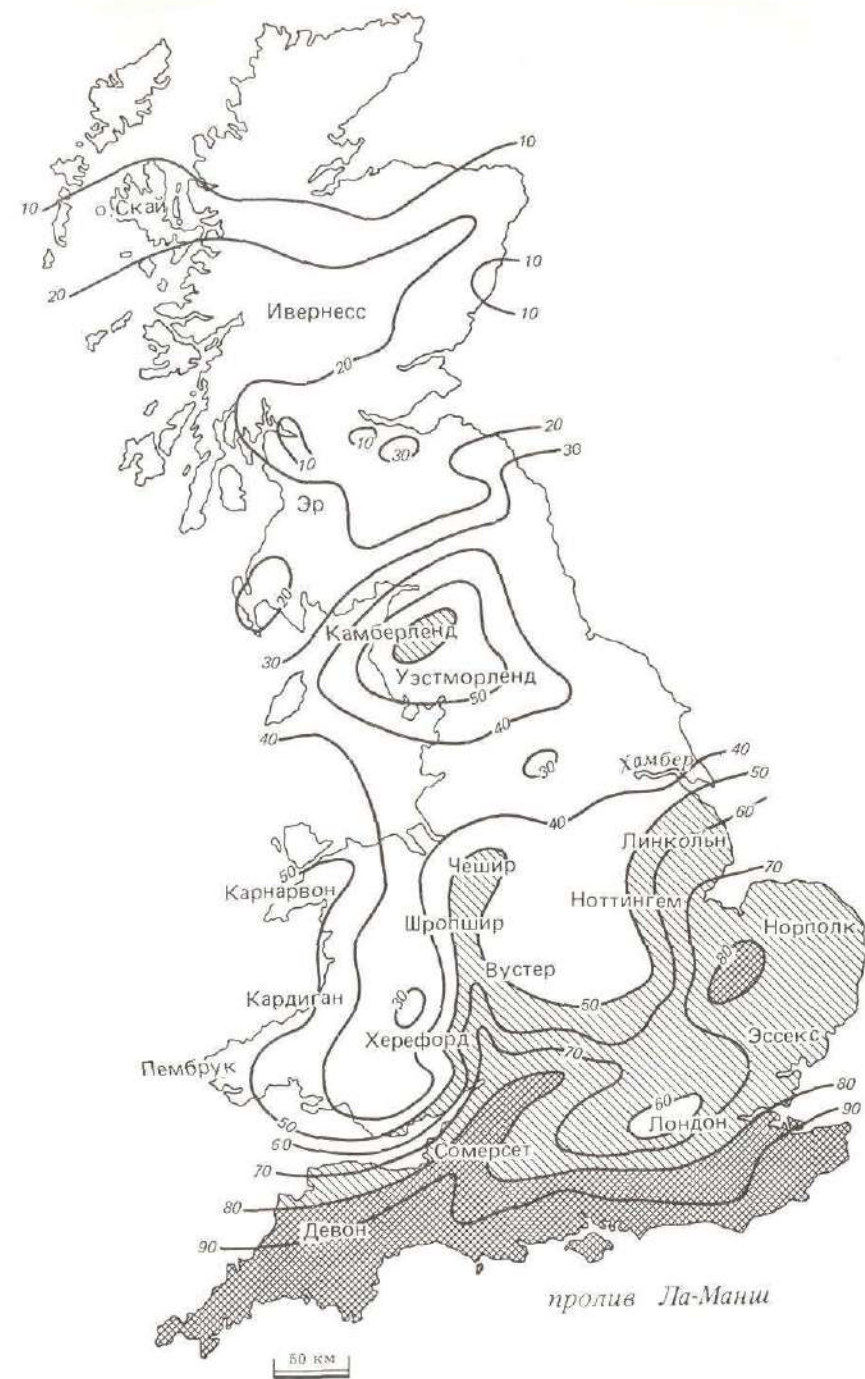

Рис. 9-1. Обобщенная поверхность восприятия территории Великобритании. Gould, White (1974, 82). На карте даны изолинии предпочтения с цифровыми показателями. Штриховой выделены территории наибольшего предпочтения.

представлять себе господствовавшие в ту пору медицинские воззрения. Дело в том, что вплоть до конца XIX в. было неизвестно, что инфекционные болезни передаются при помощи микроорганизмов. Тогда господствовало убеждение, что главной причиной болезней являются те или иные природные условия, прежде всего особенности климата, такие, как «хороший» или «дурной» воздух, характер испарений, ветры, а также преобладающее в том или ином месте атмосферное давление. Некоторые характеристики физико-географической среды считались во всех случаях опасными для здоровья, в то время как другие всегда воспринимались как лечебные.

Именно в свете подобных представлений климат Калифорнии XIX в. получил стереотипную репутацию высокоцелебного, и этот образ усиленно поддерживался авторами рекламной литературы. Как отметил Томпсон (Thompson, 1969), среди переселенцев в Калифорнию в конце XIX в. заметную долю составляли больные, особенно больные туберкулезом. По современным подсчетам, доля больных среди мигрантов в южные районы Калифорнии между 1870–1890 гг. колебалась между 8 и 75%. Даже если принять за истинную цифру 8%, то и этот показатель можно считать очень высоким. Однако в то же самое время, когда Калифорния воспринималась большинством как очень здоровый регион, существовало другое представление, согласно которому огромные территории внутри нее считались высокопатогенными. Основой этого стереотипа явились вспышки малярии и некоторых других болезней, таких, как брюшной тиф. Согласно преобладавшим в то время медицинским теориям, считалось, что эти заболевания вызываются плохим воздухом («миазмами»), обычно сопутствующим низменным плохо дренируемым болотистым землям. Как следует из рис. 9-2, Центральная долина Калифорнии тогда воспринималась именно таким патогенным районом, которого следовало избегать. Этот стереотип содержал долю истины, однако по совсем иным причинам. Некоторые болотистые земли действительно были местами размножения насекомых, переносивших малярию, и частота заболеваний в Центральной долине действительно превосходила средний уровень. На этом основании вся Центральная долина приобрела репутацию, весьма далекую от фактического положения дел, но тем не менее сохранявшуюся до тех пор, пока результаты этиологических исследований малярии в XX в. не получили широкого резонанса в общественном сознании.

Впрочем, один и тот же район нередко характеризуется противоположными по содержанию стереотипами, что справедливо, например, для Аляски перед ее покупкой Америкой у России в 1867 г. В то время об Аляске было известно очень мало. Она была крайне редко заселена, практически не освоена, и лишь немногие территории внутри нее были нанесены на карту с большей или меньшей степенью подробности. Несмотря на отсутствие точных сведений, в сознании людей, выступавших за и борющихся против покупки этих земель, существовали законченные образы полуострова. Как показал Койн (Coyne, 1974) в своем подробном исследовании существовавших тогда позиций по отношению к этой сделке, все эти взгляды можно подразделить на две группы. С одной стороны, те, кто был против покупки, разделяли представление об Аляске как о ледяной пустыне или как о районе с нездоровым переувлажненным климатом. «Нью-Йорк трибюн» в своем редакционном комментарии писала о «ледяных полях» и «снежных пустынях». Член палаты представителей, выступавший против покупки, заявлял, что «Аляска — это пустынный бесплодный район, территория которого покрыта снегом и льдом, страдающий от постоянных туманов и метелей, причем примерно третья часть его лежит за Полярным кругом» (цит. по: Coyne, 1974, 28). В то же время сторонники покупки отстаивали совершенно иной образ Аляски, согласно которому она представляет собой террито-

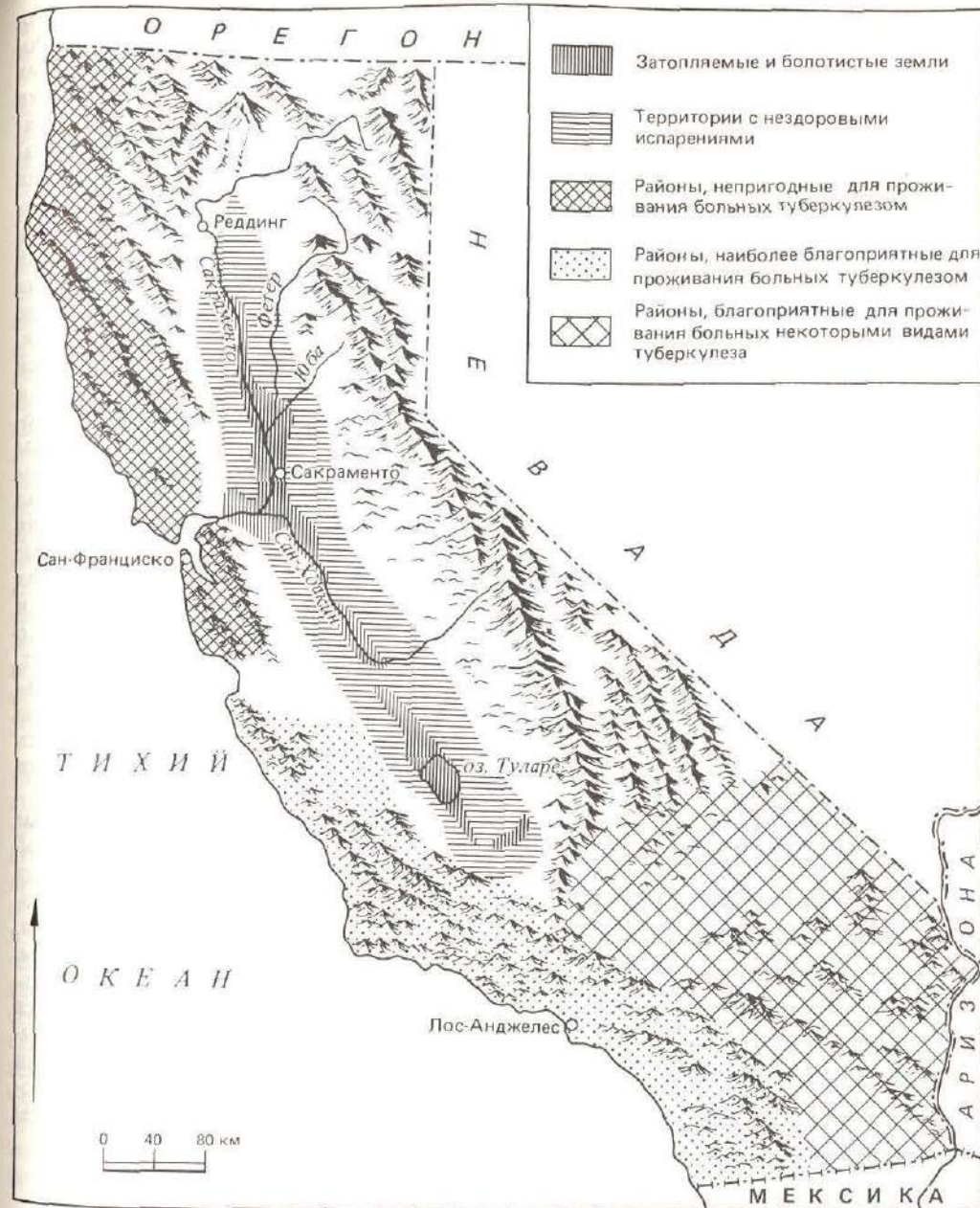

Рис 9-2. Схема предполагаемого размещения районов, различных по степени благоприятности для людей, больных туберкулезом, в Калифорнии конца девятнадцатого столетия. Thompson (1969, 54).

рию, колоссально богатую полезными ископаемыми и имеющую широчайшие возможности для развития сельского хозяйства, которые позволяют сравнивать ее с Новой Англией.

Формирование стереотипов, столь противоположных по характеру, стало возможным благодаря тому, что достоверных знаний об Аляске в ту

пору было очень мало. Большая часть доступной тогда информации относилась к южному побережью полуострова (природные условия которого также значительно различаются), а о северном побережье и о внутренних частях Аляски точных сведений было сравнительно немного. Оценки природных богатств этих земель основывались на рассуждениях спекулятивного характера, построенных на базе немногих исследований или наблюдений. Таким образом, сторонники и противники этой сделки имели возможность выбирать источники, которые подтверждали бы образ, считавшийся ими наиболее точным. Например, оппоненты покупки опирались главным образом на оценки данной территории, произведенные русской стороной, которые, как и всегда у людей, желающих что-то сбыть, были весьма мрачными. По этой причине сторонники покупки опирались прежде всего на более оптимистичные представления о южном побережье Аляски, содержащиеся в описаниях английских и французских мореплавателей XVIII в., на обобщенные сведения исследователей недр этих территорий и на сообщения об отдельных примерах эффективного ведения здесь сельского хозяйства, вроде того, которым являлся «Сад Аляски» недалеко от бухты Кука. Эти противоречащие друг другу сообщения, относящиеся к разным сезонам года, различным историческим периодам и местностям, сильно удаленным одна от другой, ясно показывают, насколько информация открыта для самого вольного толкования людьми, имеющими те или иные установки. Она легко может быть использована как для подтверждения представления о том, что Аляска — это земля гор, покрытых соснами, и холмистых лугов, так и для подтверждения представления о ней как о царстве снега и мрачных скал. Успешное осуществление покупки отражает, по-видимому, то, что вес существовавшего тогда стереотипа о потенциальном богатстве природных ресурсов вместе с возможностью окончательно избавиться от русских притязаний на Американском континенте оказались более значимыми, чем справедливые предостережения противников сделки относительно крайне тяжелых природных условий этой территории.

Подобные примеры ни в коем случае не исчерпывают все известные случаи, относящиеся к данному вопросу, однако они служат отличной иллюстрацией важности стереотипов, а также серьезности связей между спонтанными представлениями людей и особенностями личностного процесса познания. Люди не обязательно видят мир таким, каким он является, скорее они видят его таким, каким он, по их представлениям и убеждениям, должен быть, или даже таким, каким они сами хотели бы его видеть. Необходимо еще раз подчеркнуть, что подобное видение мира не является просто результатом влияния окружающей среды на человека. В действительности в процессе взаимодействия людей со своим окружением они переносят свои ощущения и ожидания на окружающую их среду. Имеющиеся представления о среде оказывают сильное воздействие на процессы познания пространства.

Образы мира: космология и царства, которых нет на карте

Можно сказать, что космология — это теория, в рамках которой Вселенная видится как сотворенная целостность. С незапамятных времен во всех существовавших обществах обнаруживалось стремление понять природу окружающего их космоса. Причиной этого стремления было не просто любопытство, оно отражало глубинные потребности иметь устойчивое и надежное основание, опираясь на которое можно было бы организовывать новую информацию о знакомом мире, получать представление о том, каким

могут быть его неизвестные части, а также вписывать существование человека тем или иным компонентом в целостную картину Вселенной.

Характер космологий сильно различается в разных культурах и в различные периоды времени. Туан (Tuán, 1974, 79) установил, что общества, находящиеся на примитивном уровне развития, имеют космологии, содержание которых тесно связано с окружающей их природой: «... в том случае, если [характер восприятия внешнего мира] не заимствуется в иной культурной традиции, он неизбежно формируется из наиболее ярких элементов социального и природного окружения, в котором живут люди. В нетехнологических обществах сама материальная среда предстает посланницей природы в несметном числе своих проявлений». Космологии, существующие в таких обществах, отличаются заметным разнообразием, которое отражает различие опыта, приобретенного в ходе взаимодействия с окружающей средой данной культурной группы. В антропологической литературе можно найти множество примеров, подтверждающих эту мысль. Индейцы племени Санта Ана, обитающего в пустынях Нью-Мексико, считают, что Земля — прямоугольник с горизонтально стратифицированной структурой. Сама Земля воспринимается центром космоса, а Солнце, Луна, звезды — ее аксессуарами, благодаря которым она становится пригодной для жизни человека. Индейцам племени Юрок, живущим в горах северо-западной Калифорнии, мир видится круглым диском, окруженным со всех сторон Мировым океаном (Tuán, 1974). Народность Темн из северных районов влажнотропических лесов Сьерра-Леоне полагает, что Земля — это плоский предмет округлой формы, покоящийся на голове великана и помещенный туда Куру (Богом). Деревья и другая растительность — волосы этого великана, а живые существа, включая людей, — своего рода насекомые, живущие в этих волосах (Littlejohn, 1963).

Каждая из этих космологий обеспечивает вполне операциональную и удобную для практического применения систему ориентаций в пространстве, необходимую в обыденной жизни. Их можно воспринимать и как характерные примеры космологий, существующих в примитивных обществах, поскольку, хотя на первый взгляд они и кажутся совсем не похожими друг на друга, в действительности все они обладают большим количеством общих черт. В архаических и традиционных обществах известный мир воспринимается микрокосмом. Как указывает Элиад (Eliade, 1961, 37–8): «За пределами этого ограниченного замкнутого мира начинается неизвестное, бесформенное. По эту сторону существует правильное пространство, поскольку оно давно обитаемо и хорошо организовано, тогда как вовне этого известного пространства, за его пределами, находятся неведомые и полные опасностей области, подвластные демонам, духам, мертвым и чужестранцам, — иначе, мир хаоса, смерти и ночи. Этот образ обитаемого микрокосма сохранился в космологических воззрениях даже таких высокоразвитых цивилизаций, как Древний Китай, государства Месопотамии и Древний Египет».

Для картин мира, созданных оседлыми народами, общей чертой является восприятие обитаемой ими территории центром всей Земли, а также акцентирование внимания на вертикальном измерении впечатлений, получаемых в ходе контактов с окружающей средой. Другими словами, при сильной ограниченности перемещений земная поверхность становится одним из компонентов космоса, стратифицированного на небесную, земную оболочки и на подземное царство (Tuán, 1971).

Общие черты обнаруживаются и при рассмотрении форм, которые, согласно космологиям примитивных обществ, принимают мир и Вселенная. Символы Земли в виде плавающего диска, прямоугольника, мандалы или даже в виде сферы широко распространены и очень устойчивы во времени

(Eliade, 1961; Brendel, 1977). Таковым же является представление, согласно которому Земля наделяется антропоморфными свойствами. Летбридж в своем блистательном, выполненном на грани подлинной научности и фантазии исследовании (Lethbridge, 1957) прослеживает повсеместность культа Бога-Земли индоевропейских народов, согласно которому ландшафт видится наделенным физическими характеристиками божества Земли, а некоторые холмы, долины или водотоки считаются священными, поскольку на них, как полагают, лежит печать общения с Богом. Росс (Ross, 1967) проследил значения, которые имели реки, ручьи и родники, воспринимавшиеся священными атрибутами территории в языческой Британии кельтского времени. Туан (Tuán, 1976a) приводит отличный пример подобной интерпретации различных природных компонентов в Древнем Китае, в котором те или иные реалии земной поверхности воспринимались как проявления некоего космического существа. Его телом считались горы, хребты виделись его скелетом, воды — кровью, травы и деревья — волосным покровом, а облака и туманы — влагой его дыхания. Более осязаемым это существо становилось через существование целого сонма божков, обитающих в реках и горах, в честь которых необходимо совершать ритуалы в предназначенных для этого местах, почитавшихся священными.

Апологиеты христианства намеренно стремились развеять представление о Земле как об организме некоего божества. Места для строительства церквей специально выбирались там, где прежде находились святыни язычников. Сущность политики раннехристианской церкви в этих вопросах хорошо выражена в послании папы Георгия Августину, переданном через папского эмиссара Мелитуса: «Не трогайте святыни. Разрушайте идолов, но благословляйте их храмы святой водой; устанавливайте в них напий священные реликвии, и пусть они станут храмами истинного Бога. Таким образом, людям не надо будет менять мест выполнения святых ритуалов, а там, где люди захотят принести тельцов на заклание демонам, не препятствуйте закланию... но убитых животных не как священную жертву, а просто как еду для питания отдавайте на прославление Того, кому они теперь истинно веруют и служат» (цит. по: Anderson, 1971, 10).

При помощи таких мер церковь стремилась сохранить привязанность людей к тому или иному месту, обожествленному в прошлом, лишая его при этом языческого значения и мистических и символических атрибутов.

Фактически христианство выдвинуло свою собственную космологию. Отрицая работы древнегреческих и древнеримских ученых как языческие, Библия, особенно Ветхий завет, по необходимости должна была создать свою законченную картину мира и различных частей земной поверхности. Восприятие Библии в качестве свода раскрывшихся истин делало ее главным документом для картографирования земной поверхности, определяющим характер всей христианской космологии, которая посредством Библии приобретала конкретные графические воплощения. Это обстоятельство послужило причиной появления множества весьма далеких от совершенства так называемых колесных (А. Геттнер), или Т-О, карт, на которых земная поверхность изображалась в виде плоского круглого диска, в центре которого располагался Иерусалим (в согласии с Иезекилем, 5). Такие карты отражали восприятие мира глазами европейцев более чем тысячелетие, несмотря на то что очень часто они были неприемлемы для правильной ориентации в пространстве. Даже арабские географы, сохранившие некоторые традиции картографии Птолемея, пользовались подобными картами. По мнению Барбора (Barbour, 1973), причина этого состоит в том, что в центре изображавшейся на них земной поверхности случайно совместились святые места как христиан, так и мусульман.

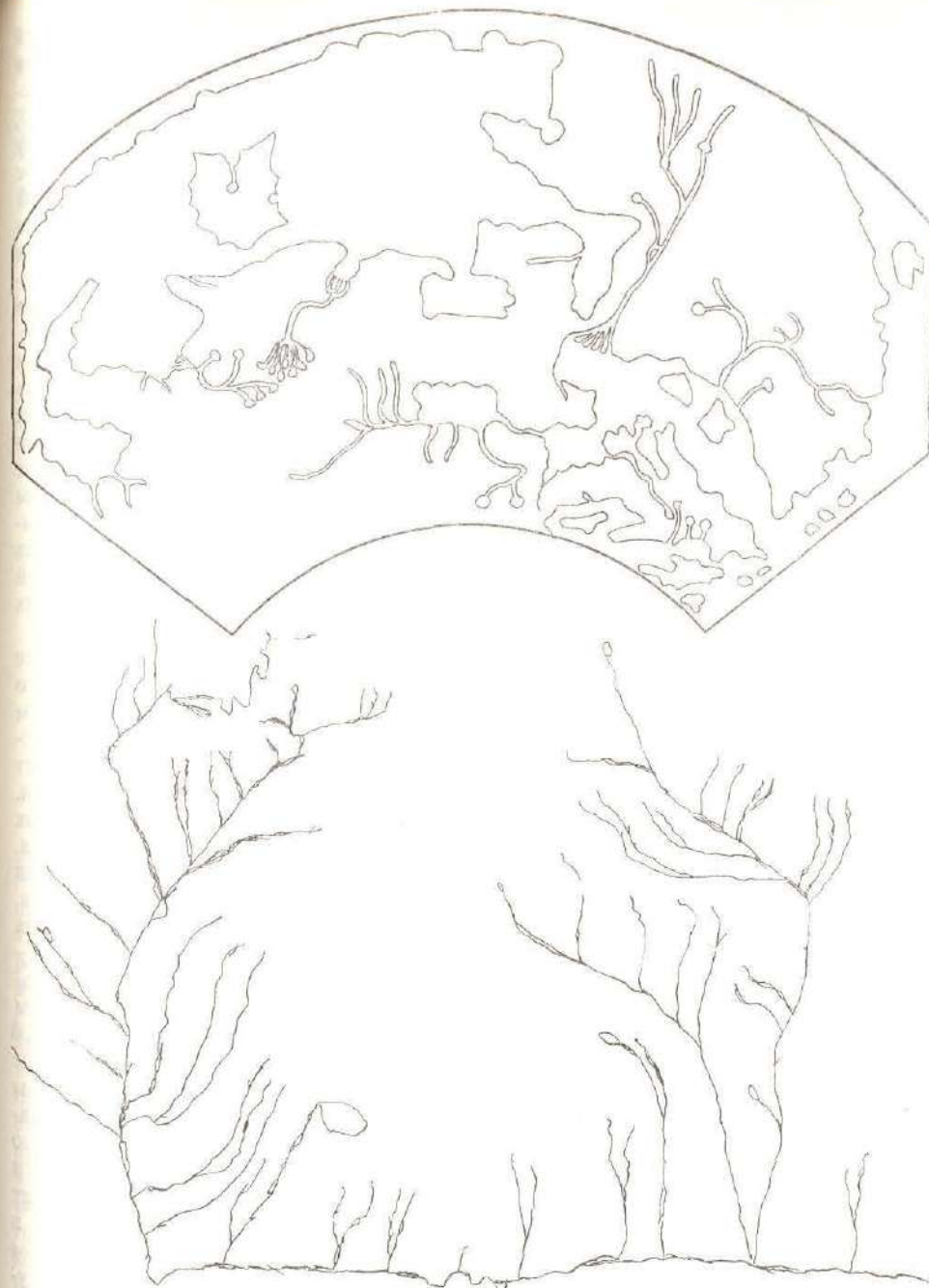

Рис. 9-3. Сравнение способов картографирования стилей различных культур. Верхний рисунок взят из Нюрнбергской хроники, 1493 г. (легенда опущена). Внизу — часть рисунка Джеймса Сэка, 1973 г., показывающего реку Кесагами и другие реки, впадающие в залив Джеймса. Pentland (1975, 150–2).

Однако космографию христианства нельзя отделять от космографий предшествовавших ему эпох и культур. Космографические представления картографов христианской церкви, несмотря на общие черты с представлениями, существовавшими в других культурных традициях, безусловно, содержат и нечто большее по сравнению с прежним. По Пентленду (Pentland, 1975), картографирование — это повсеместно распространенное явление мирового масштаба. Все народы, вне зависимости от степени развития соответствующей технологии, чувствуют потребность в картах и создают двумерные изображения окружающего их мира. Принятые для этого способы картографирования представляются универсальными, причем схожие художественные стили изображения встречаются у народов столь значительно разделенных между собой во времени и пространстве, что вероятность простого распространения их из одного центра делается весьма сомнительной. Как показано на рис. 9-3, если с карты «всего света» XV в. убрать легенду и изображения фантастических животных, то общие черты показанной на ней территории будут очень близки к тому, что можно увидеть на карте, нарисованной в наши дни индейцами племени Кри. Кроме всего сказанного, хотя конфигурация карт рассматриваемого типа в целом определялась теологической доктриной, все-таки она оставляла значительные возможности для работы воображения составителя. При нанесении на карту границ неизвестных районов картограф обычно использовал свой художественный талант, изображая там мистических или экзотических животных или даже общий вид воображаемых им земель.

Подобное случалось и в более поздние времена. При изображении неизученных участков земной поверхности картографы обычно просто соединяли между собой на карте уже известные части территории путем экстраполяции с большей или меньшей степенью точности или же помещали в этих местах несуществующие земли. Хорошим примером может послужить «Неизвестная Южная Земля» — фиктивный континент, который, как считалось вплоть до плаваний капитана Кука, расположен среди южных морей, играя роль противовеса массивам суши северного полушария. Подчас эти неведомые территории наделялись мистическим значением или неправдоподобными богатствами. Так, начиная с X и вплоть до XIX в. карты мира содержали пиктограммы «Заветных стран»: в Африке это была «Страна пресвитера Иоанна (царя-попа Ивана)», в Северной Америке — «Семь городов Киболы», в Латинской Америке — «Королевство Эль-Дорадо» (Severin, 1973; Hopour, 1976). Все это было не просто плодом воображения тех или иных картографов. Даже сегодня, когда на карте земной поверхности уже не осталось белых пятен, в воображении людей все еще существуют экзотические страны. Возникающие время от времени картины земного рая, существующего на островах южных морей, занимают сознание европейцев на протяжении более 150 лет, успешно игнорируя любую критику подобных представлений со стороны географов, впрочем, как и другие, не соответствующие сложившемуся образу факты. Как отмечает Элиад (Eliade, 1961, 11), «географическая «реальность» может предстать в обманчивом обличье для тех, кто проникся представлением о райском ландшафте: неказистые толстухи могут стоять прямо перед глазами путешественника, но тот их не заметит; каждый видит лишь тот образ, который уже существует в его сознании». Можно привести и другие примеры в подтверждение этой мысли, однако основная идея в любом случае остается неизменной. Несмотря на то что мы живем в эпоху, которая в массовом сознании наполнена «объективными» научными знаниями, образы мира, существующие у отдельных индивидов, остаются частичными, этноцентричными и наполненными стереотипами.

Пространственное познание и поведение

Глава 10

Город как место жизни людей

Отсюда им был виден также и сам город, и им казалось, что они слышат звон колоколов, которые приветствуют их и приглашают войти. И, кроме этого, на них нахлынули теплые радостные мысли о том, как хорошо, что они приехали сюда в такой доброй компании, и что-то еще, в том же светлом и чистом воодушевлении.

Джон Баньян. Дорога пилигримов

Как звали тех анархистов, которые позволили Лондону стать бесконечным концлагерем беженцев из провинции, второпях занимающих место и разводящих потомство, чтобы погрязнуть в нищете и хаосе?

Роберт Синклер. Столичный человек

В этой главе устанавливаются связи, существующие между процессами мышления, определяющими характер пространственного познания города, и поведением. В ней будут рассмотрены три очень широких проблемы: обладает ли городская среда такими присущими ей особенностями, которые неизбежно обуславливают тот или иной рисунок поведения; роль местного сообщества, или «соседства», в обыденной жизни, а также взаимосвязи характера предпочтений и особенностей перемещений в городе. При рассмотрении этих проблем особое внимание будет уделено анализу двух предположений, на которых основываются многие исследования, посвященные изучению поведения. Во-первых, очень распространено представление, согласно которому физические расстояния оказывают серьезное влияние на характер взаимодействий в городском пространстве, проявляющееся, в частности, в том, что близость людей друг другу и частота их контактов между собой убывает с увеличением расстояний. Во-вторых, по мнению многих авторов, суровость проблем современных городов может быть напрямую связана с качеством существующей в них материальной среды. Следовательно, важной дополнительной целью данной главы будет проверка истинности этих предположений для объяснения разнообразных особенностей реального поведения в реальном мире.

Городское окружение

Зародыши современных теорий, описывающих особенности поведения в городской среде, прослеживаются в работах социологов XIX в., посвятивших себя исследованию того, что Полани (Polanyi, 1944) назвал

«Великой трансформацией» в жизни западного общества после первой промышленной революции. Стремясь постигнуть ее последствия для общественного развития, они акцентировали внимание на масштабах количественных изменений. Смена технологических основ общественного развития в сочетании с быстрым ростом населения означала, что изменился сам характер взаимодействия людей. Если раньше, живя в сельском обществе, индивид общался с несколькими сотнями человек, то, живя в крупном городе, он сталкивается, прямо или косвенно, со многими тысячами (Fischer, 1976). В таких обстоятельствах вера в то, что городской образ жизни качественно отличается от тех, которые были характерны для сельских и доиндустриальных обществ, объединила авторов самых разных политических ориентаций (напр., Engels, 1844; Maine, 1861).

Наиболее полный анализ этих проблем проделал Тённый (Tönnies, 1887). Опираясь на обзор современных ему немецких городов, Тённый утверждает, что он ясно различает постепенное появление и формирование нового образа жизни. По его мнению, сельский образ жизни может существовать лишь в рамках гемайншафта (Gemeinschaft) — общины, в то время, как городской образ жизни функционирует в рамках гезельшафта (Gesellschaft) — общества. В крупном городе непосредственные связи между людьми, наполненные человеческим теплом, характерные для жизни гемайншафта, замещаются высокоформализованными, ограниченными, случайными, обезличенными и узкоспециализированными отношениями, присущими гезельшафту. В результате характер общества становится менее дружелюбным, однако приобретает такие особенности, что любой новичок может легко войти в него и без труда в нем интегрироваться (Магума, 1976).

В XX в. взгляд на такое восприятие городского образа жизни дополнялся и совершенствовался множеством авторов. По-видимому, наиболее известными и наиболее влиятельными были труды, написанные представителями чикагской школы экологии города. Основатель этой школы Парк (Park, 1916) считал, что лучший метод изучения нового образа жизни специалистами в области социальных наук состоит в непосредственном эмпирическом исследовании своего собственного города. Вслед за его статьей появилось множество работ, исходивших из указанного тезиса. Они создавались главным образом в университете Чикаго, который располагал множеством точных эмпирических данных по экологии города. Из этих материалов [1] наиболее интересным для нас является эссе под названием «Урбанизм как образ жизни», написанное Виртом (Wirth, 1938).

По существу, Вирт синтезировал идеи, содержащиеся в работах его предшественников, в упорядоченную теорию, которая включала в свой состав социально-структурные, когнитивные и поведенческие компоненты (см. рис. 10-1). Здесь не место обсуждать теорию Вирта в деталях [2]; все же весьма поучительно исследовать способ, при помощи которого он устанавливает в своей теории связи когнитивного и поведенческого уровней. Этот подход основывается на социально-психологической концепции, описанной в главных чертах в работах Зиммеля (Simmel, 1903; перевод Wolff, 1950). Зиммель изучал стиль жизни в городе и на селе, отмечая при этом значительные различия соответствующих темпов жизни. Он считал, что замедленному темпу, преобладающему в жизни традиционного сельского сообщества, соответствует характер поведения, поддерживающегося бессознательно и по привычке. Жители города, наоборот, находятся под постоянным материальным воздействием различных требований, предъявляемых им бесконечно меняющейся городской средой и прежде всего сильными раздражителями, оказывающими влияние на нервную систему, которые в обилии содержат такие неотъемлемые компоненты жизни в городе, как различные шум, огни и свистки. Все эти воздействия требуют от человека

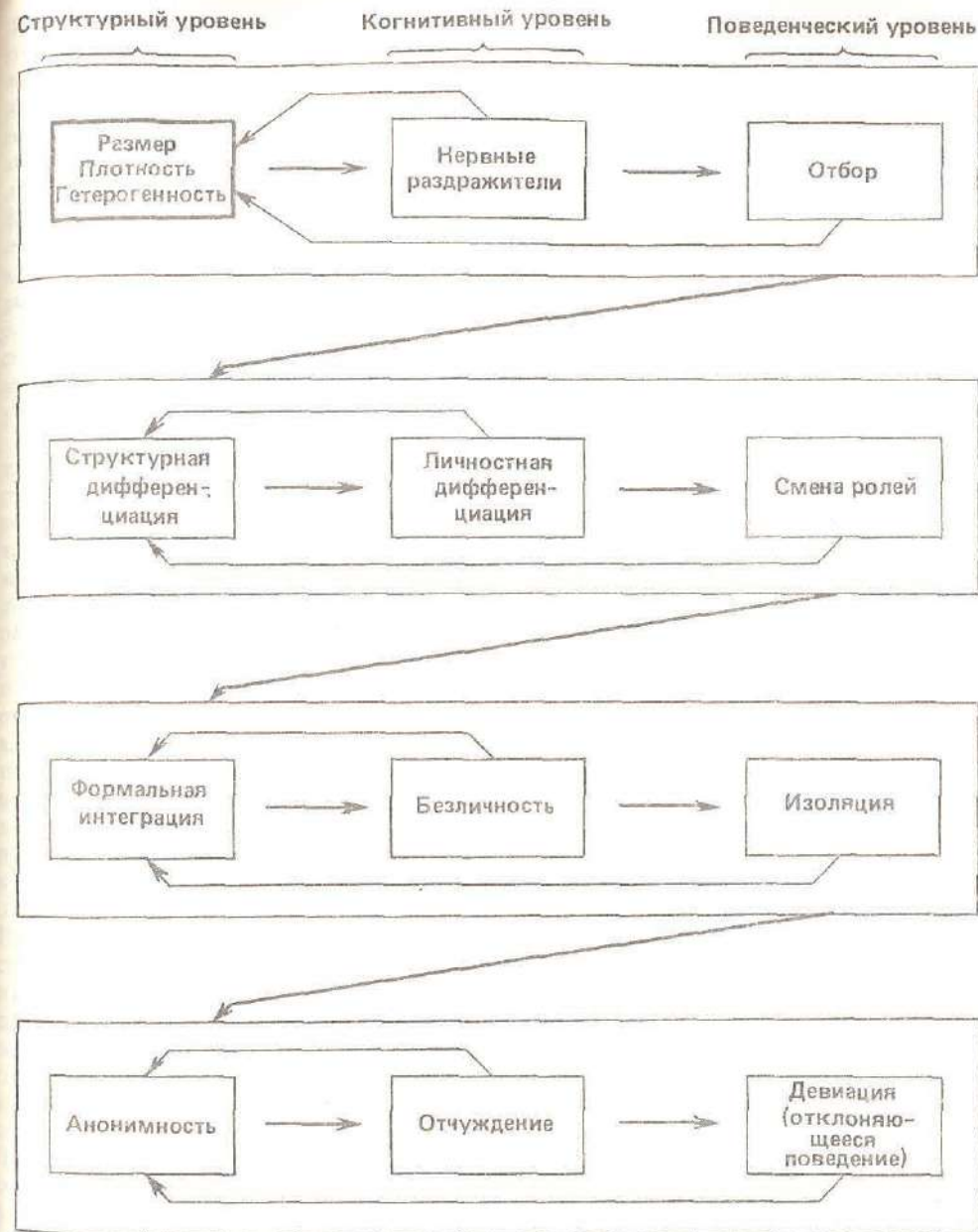

Рис. 10-1. Теория урбанизма как образа жизни Люиса Вирта, представленная в виде диаграммы причинно-следственных связей. Berry (1973, 16).

образования непрерывных и постоянных реакций. Кроме того, чтобы успешно справиться с нагрузкой городской среды, индивид вынужден усваивать расчетливое и сдержанное восприятие жизни. Им начинает руководить не столько сердце, сколько голова, со всеми людьми он начинает соблюдать определенную дистанцию и избегать всех социальных связей, кроме самых поверхностных. Зиммель считает, что существует ясно

различный метрополитенский тип личности, характеризующий позиции отсутствующего взгляда, которую занимают жители крупных городов по отношению друг к другу.

Вирт во многом следует анализу Зиммеля [3]. Исходной точкой его рассуждения является предположение, что гигантская многолюдная и очень гетерогенная среда крупного города обрушивается на индивида огромным количеством бесконечно разнообразных воздействий. Индивиду необходимо адаптироваться к ним, однако способы, при помощи которых человек добивается облегчения тяжести этого груза, неизбежно ведут к обезличиванию, которое проявляется как в межличностных так и в более широких социальных взаимоотношениях, когда происходит «установление вместо непосредственных — вторичных контактов, ослабляются родственные узы, понижается социальное значение семьи, исчезают отношения добрососедства и подрываются основы социальной солидарности». В результате всего этого появляются: *аномия* — состояние, в котором обычные правила и условности, регулирующие социальное поведение, теряют свое значение; *отчуждение* — ощущение оторванности от окружающего индивида общества — и всяческие *отклонения* в поступках.

Теория Вирта обеспечивает удобную исходную позицию для начала дискуссии о том, как город влияет на поведение людей. Она строится на средовом подходе, исходит из детерминистического взгляда на поведение и опирается на два ключевых допущения. В ней, во-первых, утверждается, что городская среда благоприятствует обезличиванию, отчуждению и образованию отгалкивающих чувств, что люди, попадая в нее, начинают опасаться контактов друг с другом и становятся апатичными. Во-вторых, считается, что крупный город — источник сильнейшего стресса для его жителей, тяжесть которого непрерывно порождает отчуждение и отклоняющееся поведение. То и другое заслуживает дальнейшего более подробного рассмотрения.

Апатия или вовлеченность? Представление, что жизнь в городе характеризуется безразличием горожан друг к другу, очень распространено. Люди стремительно идут по улицам, нередко игнорируя даже просьбы о помощи, как бы отчуждаясь от них. Безразличие иногда принимает крайние формы. Например, летом 1976 г. молодой киприот Энрико Сидоли был умышленно утоплен в бассейне Парламент-Хилл-Лидо в Лондоне, где его держали под водой до тех пор, пока он не захлебнулся. Хотя в этот момент в бассейне находилось более тысячи человек, никто из них не пожелал вмешаться в эту странную ситуацию, и полиции лишь с большим трудом удалось отыскать нескольких свидетелей происшествия. В ходе расследования полиция столкнулась со «стенной незнания» и намеренным уходом от ответов со стороны родителей, присматривавших за детьми во время этого случая (Knewstub, 1977).

К счастью, подобные случаи относятся к разряду необыкновенных, хотя и происходят достаточно часто (см., напр. Milgram, Hollander, 1964; Latané, Darley, 1970), чтобы прийти к заключению, что они являются крайним выражением феномена, который, по-видимому, характерен именно для городской жизни. Для объяснения подобного рода поведения выдвигались самые различные гипотезы. По мнению Милграма (Milgram, 1970), оно отчасти является результатом действия неписаного закона, требующего уважения к эмоциональной и социальной личной жизни другого человека даже в условиях городской скученности. В ситуациях, когда мотивировка поведения действующих лиц не до конца ясна, трудно бывает понять, является ли вмешательство в события нежелательным вторжением в чужую жизнь или же крайне необходимым для нормализации положения. Латане и Дарли (Latané, Darley, 1970) считают, что отсутствие отклика или ответной реакции объясняется, возможно, двумя факторами — влиянием социума и

диффузией ответственности. Отдельно взятый прохожий может оказаться под воздействием поведения других людей — свидетелей происшествия. Если все присутствующие откровенно показывают, что не стоит воспринимать то или иное событие всерьез, этот человек, возможно, почувствует вполне естественным и оправданным свое решение не вмешиваться. Даже в критической ситуации присутствие других людей делает менее насущным действие данного индивида, поскольку ответственность рассеивается, диффундирует, на всех присутствующих. Стрингер (Stringer, 1975a) предлагает иное объяснение, исходящее из понятия «среда поведения», выработанного в экологической психологии [4]. В любой ситуации поведения («среде поведения») непосредственное участие в действе может принимать лишь строго определенное число людей. Если численность людей в данной ситуации превышает его, считается, что среда поведения «перенаселена», и «лишние» люди превращаются в простых зрителей, которые не принимают участия в событиях, оказываясь по отношению к ним посторонними.

Все изложенное относится к частичному, но приемлемому объяснению этого тревожного явления городской жизни, однако было бы ошибочным считать, что крупный город сам по себе порождает апатичное пассивное поведение. Нельзя также делать широких обобщений на основе только таких событий, как трагедия, происшедшая с Сидоли, не принимая во внимание примеры поведения, противоположного по характеру, когда люди в стремлении помочь другому активно вмешиваются в события, рискуя собственной жизнью. Эмпирическими исследованиями (напр. Piliavin et al., 1969; Milgram, 1970) установлено, что по готовности оказать помощь жители крупного города мало отличаются от других людей, хотя оказалось, что размер необходимой помощи является важным фактором, влияющим на активность личного участия человека в происходящих событиях. Видимо, человек не способен идентифицировать себя с городом в целом, однако вполне может ощущать свою принадлежность к какому-либо внутригородскому местному сообществу. Многочисленные исследования привлекли широкое внимание к тем волнующим чувствам дружелюбия и взаимной поддержки, которые оказались столь характерны для обитателей отдельно взятых районов города (Young Willmott, 1957; Jacobs, 1962; Lewis, 1968) или для жителей маленьких городков (Mead, 1968). В этом же ряду стоит и тот факт, что люди, являющиеся членами данного местного городского сообщества, обычно испытывают особенное чувство близости к другим людям, входящим в него, как и к элементам его микросреды. Это ощущение близости, которое появляется в результате долгого повседневного обитания в пределах небольшой территории, дает человеку возможность чувствовать себя в гораздо большей безопасности при общении с другими людьми, когда он находится в микросреде своего района. Как считают Латане и Дарли (цит. по: Ittelson et al., 1974, 261), «человек, который ближе знаком с окружающей его средой, гораздо больше озабочен тем, как она функционирует. Его организм не страдает от перегрузки раздражителями этой среды... Он способен пожертвовать многим для сохранения этой среды. Он — в норме. Поэтому вероятность того, что он готов помогать, весьма высока». Если рассуждать в этом же духе, то оказывается, что озабоченность происходящим вокруг является столь же характерной чертой поведения человека в городе, как и апатичность или отчужденность, — все дело просто в том, что они проявляются под воздействием различных обстоятельств.

Городской стресс. Второе ключевое представление о поведении человека в городе основывается на понятии городского стресса. В широком смысле суть этого представления заключается в том, что, как считается, организм человека не располагает надежными средствами для адекватного реагиро-

вания на агрессивные и бесконечно разнообразные раздражители среды крупного города, поскольку в процессе эволюционного развития он приспособился прежде всего к более спокойным ритмам сельской жизни. Человек может адаптироваться и к жизни в городе, и действительно, как правило, адаптируется, но при этом он испытывает стресс, определяемый как переживание отрицательных, дискомфортных ощущений физиологического и психического характера при столкновении с неизвестными ему устойчивыми раздражителями, являющимися частью среды города, которые требуют от него тех или иных реакций. Стрессом обычно называют состояние, в котором находится тот или иной индивид, ясно отделяя его от причин, вызвавших стресс («стрессоров»), и поведенческих реакций в этом состоянии («стрессовые реакции»), которые характерны для человека, находящегося в стрессе (Selye, 1956; Turan, 1974).

Своим появлением это понятие во многом обязано работам Зиммеля, которые обсуждались выше, однако окончательно оно было разработано Плантом (Plant, 1937, 1950), специалистом по психологии развития, который возглавлял детскую больницу в Ньюарке, перенаселенном иммигрантском районе (штат Нью-Джерси). По мнению Планта, плохие условия жизни, характерные для этого района, весьма негативно сказывались на развитии личности ребенка. Умственные перегрузки, вызываемые перенаселенностью, приводили к тому, что дети становились обидчивыми и раздражительными, постоянно находясь в состоянии готовности отразить любые попытки вторгнуться в их жизнь. Более того, все эти дети жили в районах, где преступления всех видов были обычным явлением. Скорее всего, на первых порах такая жизнь потрясала их, но с течением времени чувствительность к подобным аномалиям ослабевала, и они постепенно начинали воспринимать преступное поведение как естественный компонент обыденной жизни.

В рамки более сложной концепции представления о городском стрессе были обобщены при помощи использования понятия «перегрузка», заимствованного из информационной теории (Miller, 1961; Milgram, 1970). Согласно этой теории, в которой разрабатывалось представление о том, что среда крупного города содержит повышенное количество раздражителей, считалось, что любые стимулы внешнего окружения, как позитивные, так и негативные, отягощают организм человека определенной нагрузкой. Когда объем воздействующих раздражителей начинает превосходить индивидуальные возможности восприятия информации, это может приводить и к «когнитивной перегрузке», когда избыток впечатлений мешает нормальным поведенческим реакциям человека. Для адаптации в подобных обстоятельствах ему придется прибегнуть к компенсационным реакциям, например к снижению социальной активности, а при еще больших перегрузках ему грозит различные патологические состояния.

Материальные стрессоры. Для оценки истинности изложенных утверждений необходимо проанализировать результаты проведенных эмпирических исследований городских стрессоров. Самым известным видом стрессоров являются «материальные стрессоры», в число которых входят шум, вибрация, загрязненность, запыленность и другие виды деформаций окружающей среды. Именно эти явления постоянно привлекают внимание сатириков и подвергают в унылые теоретиков-социологов, хотя имеется сравнительно мало точной информации о том воздействии, которое они оказывают на поведение людей. Причина этого отчасти состоит в неразработанности методики подобных исследований, однако до некоторой степени она связана и с тем, что все стрессоры этого вида обычно воздействуют в том или ином сочетании. Жители домов, расположенных рядом с крупным промышленным предприятием, страдают от громкого шума работающих

станков, от дыма и гари заводских котельных и от вибрации, вызываемой транспортом, который обслуживает предприятие. В тот или иной промежуток времени любой из этих стрессоров может серьезно влиять на качество жизни и характер поведения жителей этих домов, но установить точно, какой это именно стрессор, очень трудно. Следовательно, нужно кратко изложить уроки, извлеченные из уже проведенных исследований в этой области.

Считается, что *шумы* оказывают наибольшее влияние на поведение, когда они очень громки, редки и неожиданны. Результаты лабораторных исследований позволяют предположить, что неожиданный и неконтролируемый шум обычно затрудняет человеку выполнение тех или иных задач (Glass, Singer, 1972); эти выводы подтверждаются и эмпирическими исследованиями окружающей среды, в которых рассматривалось влияние шума на качество чтения (Cohen et al., 1973; Bronzaft, McCarthy, 1975). Подтверждения этому легко обнаружить также при рассмотрении работ, в которых показывается наличие положительных корреляций между громким шумом и проявлениями различных патологий, таких, как умственные расстройства, болезни психосоматического характера, а также заболевания, вызываемые состоянием постоянного напряжения, как, например, язва двенадцатиперстной кишки (McCord et al., 1938; Farr, 1967).

Суть дела в слове «корреляция». Результаты изложенных исследований не говорят о существовании причинных связей явлений, сколь бы естественным ни казалось наличие таких связей; они всего лишь показывают существование каких-то взаимозависимостей, возможно имеющих действительно важное значение, а возможно — и не имеющих такового. При том, что ученым еще предстоит исследовать весь набор факторов, которые могут оказывать негативное воздействие на здоровье, например факторов, вызывающих бессонницу, до сих пор (если не считать редких случаев ухудшения слуха в результате прямого воздействия громкого и интенсивного шума) собрано очень мало доказательств, подтверждающих представление, согласно которому те или иные стрессоры подтачивают здоровье людей.

Следовательно, нельзя не признать очень большой сложности анализа шума как стрессора. Изучение реакций на различные шумы осложняется наличием механизмов адаптации, посредством которых люди приобретают способность не обращать никакого внимания на раздражители, по мере того как последние становятся знакомыми и обыденными для слуха (что происходит очень быстро, если шум постоянен и все время имеет одну и ту же громкость). Сама по себе адаптация к шумам имеет личностные и культурно-групповые особенности. Уровень адаптации индивида зависит от его личностных особенностей, степени знакомства с тем или иным шумом, от задачи, которую он решает в данный момент, и от того, кто именно производит этот шум — сам человек или кто-либо другой. Культурно-групповые особенности адаптации сказываются в том, что в различных частях Земли существуют очень заметные различия в уровне терпимости к тем или иным шумам. Так, установлено, что жители городов Юго-Восточной Азии считают приемлемыми уровни шума, значительно превосходящие те, которые расцениваются как нормальные на Западе, что, по мнению Андерсона (Anderson, 1972), является одним из компонентов механизма приспособления людей к проживанию в условиях повышенной плотности населения. Для того чтобы установить истинное представление о влиянии городского шума на поведение, необходимо знать далеко не только его громкость в различных районах города, измеренную в децибелах.

Такие же трудности встречаются и при исследовании опасности *загрязнения* окружающей среды для здоровья жителей города. Интерпретация

имеющихся эмпирических материалов по этой проблеме чрезвычайно затруднена крайней сложностью и многообразием компонентного состава загрязнителей; тем, что очень часто они оказывают воздействие, пространственно совпадая с зонами действия других стрессоров, и нередко злостным укрывательством истинной информации заинтересованными в этом организациями (Jones, 1972). Некоторые, впрочем ограниченные свидетельства позволяют предположить наличие некоторой корреляции между загрязнением атмосферы и уровнем сердечно-сосудистых заболеваний, болезнями щитовидной железы и заболеваниями дыхательных путей (Ittelson et al., 1974), а также между загрязненностью потребляемой воды и общим состоянием здоровья людей (Condran, Crimmins-Gardner, 1978), но интерпретация подобных результатов требует особой осторожности. Так, даже при рассмотрении случаев катастрофических выбросов загрязнителей нельзя с ходу принимать всерьез вроде бы очевидные доводы здравого смысла. Интенсивные смоги в Лондоне (1952 г.) и Нью-Йорке (1953 г.), вне всякого сомнения, вызвали повышенное в сравнении с обычным число смертей больных бронхитом и другими заболеваниями верхних дыхательных путей, однако отсюда никак нельзя делать вывода о том, что именно загрязнение атмосферы было главной причиной самих этих заболеваний. В любом случае, даже если причинно-следственные связи этих явлений действительно существуют, они осуществляются через посредство большого числа промежуточных звеньев.

В нескольких работах обсуждается влияние *интенсивности транспорта* на качество жизни горожан. Эппллард и Линтел (Appleyard, Lintell, 1972) исследовали значение различного уровня интенсивности движения для функционирования механизмов познания города и для поведения в нем в трех районах Сан-Франциско. Считалось, что в одном из этих районов «слабая», в другом «средняя», а в третьем — «высокая» интенсивность движения транспорта, уровень которой устанавливался на основе показателей, представленных в табл. 10-1. Было выявлено, что все черты крупного города, которые в восприятии людей делают его местом, пригодным для проживания, такие, как отсутствие стрессоров, безопасность, высокий

Показатели	Интенсивность движения на улице:		
	высокая	средняя	слабая
Использование территории	Жилая застройка (многоквартирные дома, меблированные комнаты)	Жилая застройка (многоквартирные дома, меблированные комнаты, дома на одну семью), бакалейная лавка	Жилая застройка (многоквартирные дома с меблированными комнатами, дома на одну семью), бакалейная лавка, небольшие предприятия
Ширина улицы (футы)	69	69	69
Ширина проезжей части (футы)	52	41	39
Ширина тротуаров (футы)	8,5	14	15
Средняя высота зданий (число этажей)	4,5	4,0	3,5

Источник: Appleyard, Lintell, 1972, 86.

уровень социальных контактов и сохранность окружающей среды, имеют обратную корреляцию с высоким уровнем интенсивности движения транспорта. На улице с «высокой» интенсивностью движения наблюдалось снижение уровня социальных контактов между соседями, отсутствовали мир и покой, люди явно пренебрегали заботой о внешнем облике зданий; ощущалось также, что среда этого района выглядит какой-то угрюмо-замкнутой. Результаты, полученные на улице со «слабым» движением, резко контрастировали с вышеизложенными: здесь жители проявляли повышенную озабоченность состоянием домов, гордились принадлежностью к местному сообществу, в котором царил дух взаимного уважения и поддержки. Главная неожиданность поджидала на улице со «средним» движением транспорта, жители которой высказали большую неудовлетворенность некоторыми условиями проживания, чем респонденты с улицы, где интенсивность движения транспорта считалась «высокой». Этот парадоксальный результат авторы объясняют таким образом: «Многие жители улицы со средним движением поселились именно на ней из-за приемлемых, на их взгляд, условий жизни и высокого качества окружающей среды. Однако из тихой улочки в глубине жилого квартала она постепенно превратилась в значительную транспортную артерию. Поэтому-то опрошенные здесь люди и высказали большее недовольство, чем те, что живут на улице с высокой интенсивностью движения транспорта. Их изначальные запросы к качеству окружающей среды были выше, и, следовательно, разочарование было более сильным» (Appleyard, Lintell, 1972, 97).

Необходимо сделать некоторые уточнения. Вполне естественно, что дома, выходящие на улицу с интенсивным движением транспорта, подвергаются большей угрозе физического износа вследствие высокой вибрации и загрязненного воздуха, и это обстоятельство само по себе, независимо от чувства гордости или озабоченности жителей внешним видом зданий своего района, может весьма существенно сказываться на облике таких улиц. Кроме того, как отмечают сами Эппллард и Линтел, нельзя не учитывать того, что ответы респондентов не отражают их истинных представлений и установок. Многие просто не имеют выбора и вынуждены жить там, где

Таблица 10-1.

Уровень транспортной нагрузки различных улиц

Показатели	Интенсивность движения на улице:		
	высокая	средняя	слабая
Транспортный поток в час пик (число машин в час)	900	550	200
Суточный транспортный поток (общее число машин)	15 750	8700	2000
Транспортные потоки	односторонние	двусторонние	двусторонние
Интервал скоростей движения (миль/час)	30–50	10–45	10–35
Уровень шума (процент времени, когда его величины на тротуарах превышают 65 децибел)	45%	25%	5%
Автодорожные происшествия (за год на протяжении участка улицы в 4 квартала)	17	12	...

живут, и добиваться максимального улучшения условий обитания, исходя из имеющегося в данный момент. И когда интервьюер спрашивает их о том, что им не нравится там, где они живут, он очень часто сталкивается с ситуацией, когда люди не настроены выражать критические суждения. Как бы там ни было, качество дома и местного сообщества отражает представление индивида о самом себе, поэтому вполне понятно, что респонденты могут чувствовать себя не очень-то расположенными делать негативные замечания какому-то человеку, который, по существу, является «чужаком». Эта оборонительная установка респондентов, возможно, объясняет, почему люди, живущие на улице с «высокой» интенсивностью движения, высказывали меньше недовольства некоторыми условиями жизни, чем респонденты с улицы со «средней» интенсивностью движения. Точно такую же роль, однако, могла сыграть и простая привычка, благодаря которой жители района с интенсивным движением воспринимают обилие транспорта спокойнее, чем те, кто живет в кварталах, где шум от транспорта гораздо ниже, но в последнее время значительно увеличился.

К подобному же заключению приходят Лоусон и Вальтерс (Lawson, Walters, 1974), которые проанализировали влияние транспорта, движущегося по вновь построенным магистралям, на жителей многоэтажного микрорайона в Бирмингеме (Англия). Исходя из гипотезы, согласно которой высокий уровень шума вызывает у человека раздражение и стремление отдалиться от социальной жизни местного сообщества, они провели социологическое обследование и измерение шума в децибелах до и после открытия движения транспорта по магистрали. Несмотря на то что уровни шума на протяжении суток заметно повысились с началом ее эксплуатации (рис. 10-2), в установках людей произошло мало изменений. Оказалось, что столь быстрая адаптация связана с тем, что жители этого района заранее

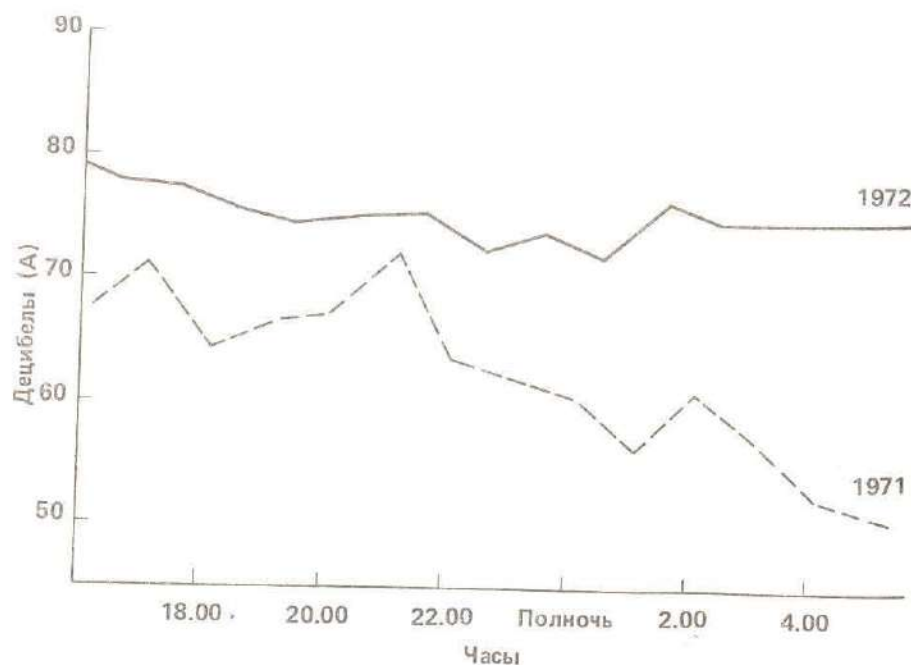

Рис. 10-2. Сравнение уровней шума, измеренного в 1 м от окна на уровне пола до и после открытия движения по шоссе, Lawson, Walters (1974, 134).

знали о предстоящем открытии движения транспорта и были готовы к этому. Не в силах удалить или хотя бы повлиять на источник стресса, они не видели никакого другого выхода, кроме того, чтобы просто принять свершившееся как данность. Эту мысль подтверждают результаты других исследований, где жители также сталкивались с трудностями, вызываемыми транспортом (Ward, Suedfeld, 1973) или близостью аэродрома (Buttows, Zamarin, 1972).

Толща и стресс. Другим источником стресса, очень часто ассоциируемым с жизнью в крупном городе, является толща, повышенное многолюдие. В течение длительного времени считалось, что излишняя перенаселенность ведет к болезням и нищете, будучи главным компонентом «социального и морального состояния жизни» в городе, которое, говоря словами Чарльза Кингсли, влияет на «облик материальной среды города, на пищу, воду и жилища его обитателей» (цит. по Baban, 1974, 25). Образ перенаселенного темного замкнутого пространства во внутренних районах города, занятых трущобами, которые служат питательной средой для распространения нищеты и социальных патологий, часто встречается в трудах социологов и городских планировщиков и стал поистине общим местом в социальной научной литературе. И в самом деле, подобные взгляды в последнее время неоднократно получали новые импульсы вследствие широкого применения аналогий из эволюционных исследований. В этой связи нельзя не процитировать работы Калхоуна (Calhoun, 1962, 1966), который в серии блистательных экспериментов исследовал влияние чрезмерной скученности на поведение мышей. Калхоун установил, что при быстром росте численности мышей в пределах какой-либо территории наступает определенный момент, когда происходит полное нарушение установившейся прежде социальной иерархии и пространственной организации особей. Эта стадия, названная им «поведенческим крахом», показывает, как перенаселенность, ведущая к дезорганизации и патологиям, сопровождается быстрым падением численности животных в момент, когда поведение столь ненормально, что обычный процесс воспроизводства становится абсолютно невозможен.

В работе Калхоуна ничего не говорилось о поведении людей в подобных условиях, кроме того, она была признана далеко не всеми специалистами-этологами [5], однако нашлось немало ученых, которые не смогли устоять перед искушением провести аналогии с поведением людей в городах. Подлинная опасность такого подхода состояла в том, что авторы, применявшие его, удалялись от прямого исследования проблем перенаселенности еще на один или два шага (Gad, 1973); будучи не правы уже в том, что воспринимали гипотезу, сформулированную применительно к миру животных, как доказанный факт, эти авторы переносили ее к тому же на человеческое поведение, игнорируя при этом множество оговорок, которыми сопровождалось исследование этологов. Таким образом, понятием перенаселенности стали пользоваться при рассмотрении различных социальных проблем: нарушения здоровья, загрязнения окружающей среды, преступности, нонконформизма, нищеты, умственных расстройств, наркомании, алкоголизма, распада семьи и повышенной агрессивности (Zlutnic, Altman, 1972).

Если не считать ссылок на аналогии с поведением животных и доводов «здравого смысла», все доказательства в этой области почти полностью ограничиваются установлением корреляций между уровнями проявления различных параметров и характеристиками различных районов. Обычным методом было установление связи между показателями плотности населения и статистическими характеристиками различных социальных отклонений. Взявши в качестве примера составленные по такому клише исследова-

ния преступности внутри города, мы увидим, что они обычно исходили из гипотезы, согласно которой по мере продвижения из внутренних перенаселенных районов крупного города в пригороды уровни преступности постепенно снижаются. Как таковая, эта гипотеза подтверждена многими исследованиями (Schmid, 1960; Zlutnick, Altman, 1972), однако в большинстве из них рассматриваемое население не анализировалось по всему спектру факторов, которые также могут существенно влиять на уровень преступности, как, например, социальная и этническая принадлежность людей и уровень их образования. При учете этих факторов сохраняется весьма мало значимых территориальных корреляций. Только в исследовании Шмитта (Schmitt, 1957) установление связи между высокой плотностью населения и уровнем преступности производилось уже после анализа корреляции исследуемого параметра с такими показателями, как доход на душу населения и уровень образования; в большинстве же подобных исследований (напр., Winsborough, 1965; Galle et al., 1972; Freedman et al., 1975) такие взаимосвязи вообще не рассматриваются. Интересно отметить, что Шмитт (Schmitt, 1963) указывает на сравнительно низкий уровень преступности в Гонконге — одном из самых густонаселенных городов планеты.

Недостаток значимых результатов позволяет сделать два самых общих вывода. Во-первых, он показывает ограниченность метода корреляций как средства установления связей, существующих между плотностью населения и уровнем развитости различных патологий. Этот метод является средством определения характера пространственного рисунка тех или иных явлений внутри города, однако он улавливает не более чем некие формальные совпадения в уровнях проявления тех или иных феноменов. Как бы ни было велико искушение произвести на основе этих совпадений какое-нибудь «примемлемое» обобщение, установленные корреляции явлений никогда не раскрывают нам их причинно-следственных связей между собой. Поэтому при таких обобщениях, как правило, остаются широкие возможности других интерпретаций установленных взаимозависимостей, столь же приемлемых, как и построенные на основе корреляции.

Классическое исследование случаев умственных заболеваний в Чикаго и Провиденсе (Род-Айленд), произведенное Фарисом и Дунхэмом (Faris, Dunham, 1939), хорошо иллюстрирует сказанное. Используя корреляционный анализ, Фарис и Дунхэм показывают, что различные уровни психических заболеваний можно соотнести с конкретными районами города. Например, случаи шизофрении особенно часто обнаруживались во внутренних районах города, где находятся дома, занятые меблированными комнатами, тогда как к периферии города уровень заболеваемости его снижался (сходный характер пространственного распределения явлений отмечался и во многих других исследованиях [6]). Проблема заключается в том, как интерпретировать подобное пространственное распределение. В соответствии с преобладающими в социологии взглядами стали считать, что причиной повышенного числа заболеваний шизофренией в этом случае является чувство оторванности от внешнего мира, особенно остро переживаемое обитателями меблированных комнат. Однако возможность существования других, не менее приемлемых гипотез говорит о том, что выдвинутые объяснения выходят за рамки метода корреляции. Вполне возможно, что человек в начальной стадии заболевания шизофренией сам ищет такие условия проживания, которые «соответствуют» его болезненному состоянию. Меблированные комнаты и дома, в которых квартиры сдаются в аренду, с их постоянно меняющимся населением, являются с этой точки зрения идеальным местом. Отдельный человек здесь не привлекает особого внимания посторонних, здесь господствует атмосфера уважения к желанию личности не вступать в контакты; в таких местах частная жизнь

может служить «защитным механизмом для сокрытия антисоциального поведения» (Ardnt, 1949, 70). Большое число заболевших шизофренией во внутренних районах города может быть связано и с более терпимым отношением здешнего общества к аномальному поведению и соответствующей реакцией на него (Timms, 1971). Что касается сути различных объяснений причин шизофрении, то ясно, что для подлинного понимания этого необходимо отказаться от методов, рассматривающих это заболевание чисто статистически, в целом по массиву населения, и исследовать каждый случай в отдельности для точного установления характера изменяющихся связей между заболевшим и его семьей, а также социального, культурного и материального окружений, в которых он существовал (Giggs, 1973).

Во-вторых, отсутствие значимых результатов в исследованиях, где использовался корреляционный анализ, ставит под вопрос применимость показателя плотности населения для отражения сущностных особенностей явлений, вызываемых многолюдием и перенаселенностью. Имеется целый ряд доводов, позволяющих предположить, что плотность населения относится к параметрам, непригодным для этого. Прежде всего, как уже обсуждалось ранее, плотность населения — показатель, отражающий физически измеренную численность людей, приходящихся на единицу площади, в то время как многолюдье — это особое состояние, переживаемое людьми. Будет человек чувствовать себя находящимся в толчее в тот или иной промежуток времени, зависит от обстоятельств, продолжительности и частоты существования ситуации, ее остроты, а также особенностей мотивации данного индивида. Во-вторых, и здесь порог терпимости сильно различается в разных культурных традициях. Если посмотреть, скажем, на результаты серии исследований ряда городов Юго-Восточной Азии (Schmitt, 1963; Western et al., 1974; Mitchell, 1975), то мы увидим, что основной их вывод состоит в том, что низкий уровень различных патологий почти всегда связан с высокой плотностью населения. По мнению Андерсона (Anderson, 1972), в данном случае мы имеем дело с адаптацией, обусловленной культурными традициями, в ходе которой в китайском обществе выработались очень искусные механизмы использования пространства, которые устраняют любые потенциально негативные последствия проживания людей в условиях очень высокой плотности населения. Эти «правила» адаптации тщательно хранятся в формализованных обычаях семейной жизни в пределах дома, неременном уважении людей любого общественного статуса, скрупулезной вежливости при осуществлении каких бы то ни было социальных взаимодействий и, как мы видели выше, восприятию шумов как нечто приятного или же в простом игнорировании их. Майклсон (Michelson, 1970, 155) так комментирует аналогичный феномен, характерный для японского общества: «Японцы демонстрируют успешное приспособление к жизни в условиях очень высокой плотности населения. Попав в ситуацию, когда огромные массы горожан не имеют возможности расселяться путем освоения все разрастающихся городских территорий, и отказавшись от многоэтажного жилищного строительства, японцы делают свои жилища крошечными, а личностное пространство сокращают до минимального. Японцы реагируют на существующее внешнее давление «уходом вглубь». Они строго разграничивают сферы частного и общественного как в социальном, так и в материальном отношениях. Внутреннее пространство дома — сфера личного, и недостаток площади компенсируется обилием деталей интерьера. Каждый сантиметр пригоден для использования, поскольку внутренняя среда жилища никак не дифференцирована... Возможно, японский сад является наилучшим примером интенсивного использования пространства; в нем достигается максимум

смысла и глубины акцентировки деталей при минимуме используемого пространства».

Таким образом, в Китае или Японии, конечно, не уменьшают силу потенциальных стрессоров, однако добиваются такого управления пространством, временем и людьми, что даже предельная перенасыщенность и многолюдье не вызывают сколько-нибудь заметного увеличения числа различных патологических отклонений. Этот вывод применим не только к ситуации, встречающейся в городах Юго-Восточной Азии, поскольку такие же механизмы, возникающие под влиянием культурных и социальных факторов, функционируют везде, где люди сталкиваются с чрезмерной перенаселенностью. Каждый человек приспосабливается к ежедневным часам пик в электричке и в заполненном лифте. В этих условиях возможны ситуации, когда физические прикосновения неизбежны, однако они в этом случае не вызывают насилия или отвращения. Правила всем известны и всеми выполняются, и поэтому лишь в исключительных случаях, когда социальная конвенция игнорируется или понимается ошибочно, возникают какие-либо проблемы.

Подводя итоги, можно сказать, что и в этом случае существует совсем мало доводов в поддержку точки зрения, согласно которой причиной патологий являются непосредственно особенности организации материальной среды крупного города. Набор стрессоров, действующих в условиях перенаселенности, намного сложнее, чем представляется, а большинство исследований проблем перенаселенности и многолюдья в городах полно серьезных теоретических и методических упущений. Особенно мало внимания уделяется осознанию того факта, что в ситуации перенаселенности действует множество разнообразных стрессоров, а также тому, что самое распространенное воздействие перенаселенности состоит в усилении глубины поведенческих и иных реакций каждого отдельно взятого индивида. Другими словами, если уж существуют какие-то компоненты внешней среды, вызывающие стресс, то очень высокая вероятность того, что в условиях многолюдья реакция на эти стрессоры просто станет выражаться более активно. И только в крайних случаях, когда перенаселенность наблюдается в течение долгого времени, она сама по себе как стрессор может иметь достаточную силу для того, чтобы вызвать ту или иную патологию (Freedman, 1975).

Стрессы, связанные с проживанием в домах повышенной этажности. Споры о связи между перенаселенностью и развитием патологий перекликаются с одновременно идущими дебатами, посвященными стрессам, предположительно вызываемым проживанием в домах повышенной этажности. Этой теме уделяется большое внимание по обеим сторонам Атлантики. Газеты там и тут пестрят заголовками, обвиняющими многоэтажные коробки в рассадничестве вандализма, жестокости, поджигательства, грабежей («потрошительства»), изнасилований и бесчисленных других «преступлений удачного стечения обстоятельств». Убеждение в том, что пространственная организация высотных зданий способствует возникновению, а может быть, и непосредственно вызывает такого рода патологии, набирало все большую силу начиная с 60-х гг., однако подобные представления до сих пор не имеют под собой никаких теоретических оснований, кроме тех, которые исходят из понятия о территориальности человека, перекочевавшего в литературу по проектированию жилищ из работ представителей социальных и психологических наук.

Главным представителем теории, согласно которой феномен территориальности оказывает серьезное влияние на характер поведения человека в многоэтажных общественных зданиях, является американский архитектор Ньюман (Newman, 1969, 1972). Подводя итог статистическому анализу

преступлений в городах Соединенных Штатов, Ньюман отмечает, что существуют ярко выраженные и хорошо территориально различимые корреляции между высоким уровнем преступлений и многоэтажной застройкой. Основываясь на данных, полученных в Управлении жилищным фондом Нью-Йорка, Ньюман утверждает, что высокий уровень преступлений связан с особенностью пространственной организации таких зданий, которая состоит в том, что их планировка лишает людей оснований на право владения территориями, прилегающими к их жилищам, что обычно считалось ранее само собой разумеющимся: «По своей природе дом, в котором живет одна семья, является выражением ее территориальных запросов. Принадлежность определяется самим актом его размещения в пределах замкнутого участка пространства, отделенного от соседей и улицы участком земли. Иногда граница обозначается символической оградой из кустарничков или невысокой оградой, а в некоторых культурах — высокими заборами и воротами. При этом размещение внешнего освещения и окон также служит обозначению пространственных притязаний семьи» (Newman, 1972, 51–52). И наоборот, в домах повышенной этажности «большинство семей... считают пространство за пределами своей квартиры чисто общественным; в итоге они перекладывают всю ответственность за любые события, происходящие непосредственно за дверьми их жилищ, на органы общественного управления» (Newman, 1972, 52). Таким образом, пространства, занимающие огромные площади внутри зданий и непосредственно вокруг них, становятся тем, что мы называли «вторичными территориями», доступ на которые открыт для всех, но контроль над которыми не является обязательным ни для одного из частных лиц — прежде всего потому, что такие территории не видны из квартир. Эти полупубличные пространства — лестничные пролеты, кабины лифтов, лестничные клетки, чердаки, холлы вместе с общественными территориями — становятся местами, где очень часто совершаются преступления. Из табл. 10-2, в которой отражена

Таблица 10-2.

Места совершения преступлений в зданиях различной этажности (в %)

Пространство внутри зданий	3-этажные здания	6–7-этажные здания	13-этажные здания и выше
Квартиры	40,4	35,3	21,3
Холлы	3,3	8,9	10,8
Подъезмы	1,3	9,8	22,6
Коридоры	7,2	11,1	8,1
Лестницы	1,3	3,3	5,9
Крыши	1,3	3,9	4,0
Общественные места	2,8	3,2	3,4
Окружающие территории	42,4	24,5	23,8
	100,0	100,0	100,0
Доля преступлений, совершаемых на общественных территориях внутри зданий	17,2	40,2	54,2
Средние показатели числа совершенных преступлений (на 1000 жителей)	9	12	20

Источники: Материалы Нью-Йоркского полицейского управления жилищным фондом (1969 г.). Взято из работы Ньюмана (Newman, 1972, 33).

статистика преступлений, ясно видно, что с увеличением высоты зданий возрастает и доля преступлений, совершаемых на указанных пространствах внутри них.

В предложениях Ньюмана, направленных на сокращение числа подобных преступлений, отражается суть его подхода к анализу последних. По его мнению, необходимо так изменить внутреннюю организацию и планировку строящихся зданий, чтобы они обеспечивали их будущим жителям возможность сохранить вокруг квартир «защищаемые пространства» — это название дано таким условиям проживания, в которых скрытое чувство территориальности, а также коллективистский соседский дух легко могут трансформироваться в чувство личной ответственности за сохранение безопасности, эффективность и хорошую организованность жилого пространства. Потенциальный преступник должен ощущать, что, попадая на такие территории, он постоянно находится под жестким контролем жильцов и что, вторгнувшись на них, он будет быстро распознан как чужак. Предложено четыре важных проекта усовершенствования жилых многоэтажных домов и застроенных ими кварталов. Во-первых, необходимо создать ясно различимые пограничные территории, окружающие жилые дома, например путем установления символических или реальных оград вокруг них. Во-вторых, материальное пространство их должно быть организовано таким образом, чтобы у жителей было больше возможностей наблюдения за полуобщественными территориями внутри и вокруг зданий. В-третьих, необходимо приложить все усилия, чтобы поднять статус таких зданий, исключить явную изолированность жителей и позаботиться об их защищенности. Наконец, массивы многоэтажных зданий необходимо создавать в благоприятных для этого районах — на территориях, среда которых не таит опасности для их будущих жителей.

Работа Ньюмана вызвала большой интерес и множество споров [7]. Ее пафос был страстным и недвусмысленным, однако он же породил и своеобразную мифологию. Конечно, существует множество проблем, связанных с проживанием в многоэтажных зданиях, и кажется вполне правдоподобным, что отрыв человека от земли вызывает стресс, однако все это не означает, что возникновение патологий — прямой результат подобной организации физического пространства, а также того, что их лечение состоит в улучшении проектирования этой организации. Само представление о «защищаемом пространстве» по сути своей получено при обобщении опыта крайних случаев. Представляя собой очень важный материал для привлечения внимания к этим проблемам, случаи подобных патологических отклонений не очень удачны в качестве основы для соответствующей теории, поскольку они создают иллюзию легкой устранимости любых трудностей. Примеры, взятые Ньюманом из жизни Нью-Йорка или тщательно отобранные в других американских городах [8], служат, по существу, аргументами в пользу архитектурного детерминизма. Однако в кварталах Нью-Йорка, где проживает средний класс, многоэтажная застройка которых очень схожа с той, что фигурирует в приводимых Ньюманом случаях, указанных проблем не наблюдается, как нет их и в районах, застроенных подобными зданиями подобной конструкции в других частях мира. Например, Болдуин и Боттомс (Baldwin, Bottoms, 1976), исследуя один из районов Шеффилда (Англия), не обнаружили никаких доказательств в поддержку предположения, согласно которому уровень преступности в многоэтажных домах выше, чем в районах, застроенных невысокими зданиями. Какой бы удобной ни представлялась идея о «защищаемом пространстве», все-таки кажется, что, прежде чем переходить к объяснению, безусловно, реально существующих стрессов, исключительно или даже главным образом связанных с проживанием в домах повышенной этажности и возникающих

вследствие отрыва от земли и изоляции окружающих квартиры пространств, необходимо выработать более точные понятия, описывающие взаимоотношения человека и среды его окружения.

Обзор стрессоров, действующих в городе. Последнее предложение предыдущего раздела справедливо и применительно к обсуждению проблем, связанных с любым из стрессоров, действующих в городе. Вне всякого сомнения, в городской жизни присутствует множество особенностей, способных вызвать стрессовое состояние; возможно также, что показатели некоторых патологических отклонений хорошо коррелируют со стрессовыми характеристиками тех или иных районов города, однако имеющиеся свидетельства показывают, что непосредственные причинно-следственные связи *отдельно взятого* стрессора и предполагаемых реакций на стресс весьма незначительны. Этот вывод отчасти отражает проблемы методики исследования, о которых сказано уже достаточно, однако до некоторой степени здесь проявляются и принципиальные слабости самих подходов к изучению проблемы.

Во-первых, очень важно понимать, что отдельные стрессоры, вызывая ответную реакцию, взаимодействуют между собой. Представляется, что для расширения основ анализа было бы лучше использовать подход, в котором принимается во внимание действие нескольких стрессоров. Нечто в этом роде находим у Кларка и Кадваладера (Clark, Cadwallader, 1973) при исследовании миграционной подвижности (см. табл. 10-3).

Таблица 10-3.

Виды стрессоров, стрессов и реакций на них

Виды стрессоров	Методика исследования	Виды реакций
<p>Факторы:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Размеры и набор коммунально-бытовых удобств жилища 2. Близость работы 3. Близость друзей 4. Преобладающий состав населения в местном сообществе 5. Уровень загрязненности воздуха (смог) 	<p>Основывается на использовании модели стресса, предусматривающей учет широкого спектра установок, существующих среди представителей разных семей по отношению к различным стрессорам.</p> <p>N. B. На основании субъективных оценок представителей разных семей.</p>	<ol style="list-style-type: none"> а) Желание перескочить б) Осуществление пересзда в) Улучшение жилищных условий г) Совершение социальных акций, напр. подача совместного требования по улучшению условий жизни

Источник: Clark, Cadwallader (1973, 35).

Во-вторых, нельзя недооценивать способностей человека к адаптации. Жители крупных городов могут адаптироваться и действительно адаптируются к повышенным уровням шума, запыленности, загрязненности и перенаселенности, то есть к факторам, каждый из которых, если исходить из априорных представлений, оказывает прямое воздействие на качество жизни. Возможно, что за успешную адаптацию человек платит какую-то цену, различимую лишь при более долговременном рассмотрении, однако в отсутствие соответствующих доказательств подобные априорные утверждения остаются чисто спекулятивными.

В-третьих, оказывается, что в литературе, посвященной городским стрессам, прослеживается сильная антиурбанистическая установка. Авторы, начинавшие исследовать эти вопросы, сосредоточивали свои усилия на изучении проблем районов, находящихся в наихудшем положении, а на основе полученных результатов делали более широкие обобщения о ситуа-

ции в городе в целом. Если говорить только об американских исследованиях, то и там многие представления, возникшие при изучении Нью-Йорка или Чикаго, очень часто переносились на все другие города, хотя эти два гиганта обладают набором специфических проблем, присущих только каждому из них. И как бы вы ни относились к достоинствам тех или иных специальных исследований городской проблематики, было бы верхом нелепости считать, что полученные таким путем выводы применимы повсеместно.

В-четвертых, если исходить из подлинно научных целей, то акцентирование внимания на стрессовых и депрессивных аспектах жизни в городе является только частью правды. При таком подходе упускается из виду то, что крупный город может быть очень приятным местом для проживания, местом, пребывание в котором повышает общий тонус, местом, являющимся источником вдохновения и творчества, предоставляющим отличные возможности для раскрытия личности. Горожане — это далеко не обреченные на пагубное воздействие капризной городской среды жертвы. Вполне приемлемо предположение, что все они стремятся к получению ощущений новизны и чувства бодрости, или, другими словами, хотят расширить набор раздражителей городской среды, воздействие которой, по мнению многих авторов (напр., Relph, 1976), становится все более предсказуемым и монотонным. С позиций сказанного можно понять появление ряда новых исследовательских гипотез о поведении человека в городе. Например, Парр (Parr, 1964) считает, что, возможно, существуют заметные связи между однообразием среды и развитием детской преступности. В работе Кокса (Cox, 1968) делается гипотетическое предположение о том, что все увеличивающееся однообразие «внетерриториальной» среды порождает отчуждение, которое в свою очередь может стать причиной социально негативных последствий. Остается невыясненным, имеют ли все эти гипотезы какое-либо значение для понимания особенностей поведения людей в городе, однако ясно, что они заслуживают тщательной научной проработки наряду со стрессами, которые, как считается, возникают вследствие предполагаемой невозможности горожан справиться с требованиями, предъявляемыми к ним сложной средой их обитания.

Наконец, надо отметить, что сам выбор исследуемых проблем в значительной степени определяется негативной позицией по отношению к городской жизни, которую, явно или неявно, занимает большинство ученых. Они исходят из того, что жители крупного города являются людьми, которые, имея мизерные возможности выбора, просто пассивно реагируют на раздражители их внешнего окружения. Такая концепция взаимоотношений человека и среды означает, что никакой необходимости рассматривать мыслительные процессы и умственные способности, являющиеся важными переменными, задействованными в определении характера пространственного поведения в городе, не существует. Установить правильное соотношение этих параметров — задача будущих дискуссий, поскольку имеющиеся данные позволяют определенно предположить, что лишь немногие особенности городской среды способны вызвать непосредственные поведенческие реакции ответного характера.

Территориальные общности (микрорайоны) внутри города

Как мы установили, территориальные общности являются важнейшим компонентом социальной организации города. В седьмой главе было показано, что, несмотря на некоторые методические затрудне-

ния, люди, проживающие на той или иной городской территории, смогли ограничить район дома или местное сообщество как некоторую пространственно цельную единицу. Однако легче решить проблему выделения территориальной общности, или микрорайона, чем установить, *каким именно образом человек идентифицирует себя с ним*. Другими словами, одно дело — показать, что территориальная общность действительно существует, и совсем иное — установить ее значение в процессе социального взаимодействия ее членов, подразумеваемого самим этим словом (Herbert, 1972). Конечно, есть немало исследований, в которых показано, что территориальная общность является или являлась важной ареной социальных взаимодействий; в частности, широко распространено представление о том, что между размерами территории микрорайона и частотой и интенсивностью социальных контактов ее членов существует обратно пропорциональная зависимость [9]. Точно так же и при изучении микрорайонов проживания представителей рабочего класса (Young, Willmott, 1957; Suttles, 1968; Taylor, Townsend, 1976) и среднего класса (Baltzell, 1958; Gans, 1967) было установлено, что общими чертами их жителей являются взаимопомощь, дружелюбие и определенный уровень внутренней саморегуляции.

В то же время некоторые авторы считают, что влияние территориальной общности на характер социальных взаимодействий все время уменьшается, главным образом вследствие изменяющихся технологических основ существования общества, особенно вследствие стремительного прогресса в развитии транспортных средств и телекоммуникаций (Gold, Barke, 1978). Самое раннее формализованное выражение этой точки зрения встречается в работах Макленнана (McClenahan, 1929, 1945). Вспоминая свою жизнь в Лос-Анджелесе, Макленнан поражается значительности влияния, оказываемого действующей системой коммуникаций, на уровень мобильности отдельных людей. Хотя и соглашаясь с тем, что общность должна иметь какое-то цементирующее начало, она утверждает, что это не обязательно должна быть территориальная близость, поскольку возрастающая мобильность позволяет поддерживать интенсивные контакты при все увеличивающихся расстояниях без какого-либо ущерба для первых. Макленнан полагает, что сейчас формируется новый вид социальной группы — «коммуналия», которой предстоит заменить в городах традиционную территориальную общность. Последняя отличается от общности тем, что сила привязанности к данному месту у ее членов гораздо слабее.

Подобные процессы замечены и другими авторами. Яновитц (Janowitz, 1952) предвидит появление «общин с пониженным уровнем ответственности», члены которых будут похожи на держателей акций, как правило нацеленных на получение больших сумм денег, чем отданных ими, и связанных между собой не более чем взаимными договорными обязательствами, даже если кто-либо из них и осознает лежащую на их плечи ответственность за ход дел. Суссер и Ватсон (Susser, Watson, 1962) и Мусгров (Musgrove, 1963) исследовали влияние социальной принадлежности на уровень пространственной мобильности. Знаменитый американский архитектор Франк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright, 1945), утверждая, что города будущего будут «повсюду и нигде», предвидит серьезное увеличение уровня пространственной подвижности людей. Тем не менее только в работе другого автора из Калифорнии, Веббера, можно найти наиболее полное осмысление взаимосвязей доступности перемещений и характера организации социальной деятельности в пространстве.

В серии статей, опубликованных в середине 60-х гг. [10], Веббер исследует последствия технологического, социального и психологического развития общества, которые, по его мнению, необратимо изменяют форму существования общин. Для наших целей наибольший интерес представляют

его мысли, ярко изложенные в эссе «Культура, территориальность и растяжимая миля» (Webber, 1964a). Веббер пишет, что деятели, занятые управленческим трудом или организаторской работой и все чаще нуждающиеся в контактах со своими коллегами, находящимися за много миль от них, сегодня, очевидно, могут осуществлять их с той же легкостью, с какой люди других профессий общаются с сослуживцами в соседних комнатах. Для этих деятелей, имеющих обычно очень высокие доходы, повышенная мобильность является органичной частью их жизни. Их профессиональные сообщества могут быть пространственно очень разбросаны, что не мешает их членам быть тесно связанными и хорошо знакомыми друг с другом людьми, объединяемыми общими интересами и ценностями. Это так называемые внетерриториальные общности. Конечно, в таких общностях, объединяющих национальную или мировую элиту специалистов, проходит далеко не вся жизнь членов (Webber, 1964a). Любой профессионал исполняет в жизни и многие другие роли, в большей степени привязанные к какому-либо конкретному месту, — таковы роли отца, покупателя, жителя микрорайона и так далее, — однако ясно, что благодаря наличию возможностей, позволяющих ему действовать в огромном пространстве, его привязанность к какому-то отдельно взятому месту должна уменьшаться. Он и его семья, «раскрывая свой внутренний психический потенциал», становятся более приспособленными или по крайней мере отчасти приспособленными к «происходящим все время изменениям».

Жизнь членов описанной группы разительно отличается от жизни представителей рабочего класса, для которых их общность территориально полностью совпадает с границами микрорайона их проживания. Члены подобных общностей редко покидают свою территорию. Глава семьи может работать за ее пределами, однако каждый день на работу и с работы он следует по одному и тому же маршруту с незначительными изменениями проделываемого пути. Территория за пределами нескольких близлежащих от его дома кварталов является для него территорией другого государства, возможно занимаемой группами, враждебными той, к которой принадлежит он сам. Материальное пространство становится продолжением внутреннего «я» человека: «Представляется, что внешнее окружение гомогенных социальных групп, формируемых на базе территориальной общности, семей, жизнь которых центрирована на него, и само пространство, в пределах которого функционирует территориальная общность, становятся неотъемлемыми компонентами представления человека о самом себе... материальное пространство и здания превращаются в овеществленные атрибуты данной социальной группы. Представления человека о самом себе и о своем месте в обществе незаметно переплавляются и образуют единое целое с существующими в его сознании образами пространственно ограниченной территории ограниченного социального взаимодействия» (Webber, 1964a, 63).

Веббер прекрасно понимал, что описанные подобным образом группы являются не более чем стереотипами, представляющими полюсы спектра, который охватывает, если пользоваться терминологией Мертона (Merton, 1957), как крайних космополитов, так и крайних почвенников. Вполне вероятно, что «типичный» представитель реально существующего класса менеджеров или рабочего класса занимает какое-нибудь промежуточное место внутри этого спектра. Если суммировать число часов, проводимых в пределах каждой из обозначенных единиц пространственной иерархии членами всех групп населения, то это выразится, возможно, в виде графика, показанного на рис. 10.3. Согласно ему, иерархическими пространственными единицами, доминирующими в деятельности человека, являются территории вокруг его дома и в пределах города, в котором он проживает,

Рис. 10-3. Иерархизированный континуум пространств. Веббер (1964b, 123).

однако Веббер уверенно заявляет, что это соотношение в будущем будет меняться. Привязанность к одному месту типична для традиционных обществ; магистральный путь будущего — ослабление пут, связывающих человека с каким-либо определенным местом, и все возрастающая мобильность. Внетерриториальная общность, по его мнению, станет в конце концов преобладающей во всех социальных слоях, кроме тех детей и взрослых, которые по тем или иным причинам «не могут считаться принадлежащими к современному обществу» (Webber, 1971, 501). Вероятным результатом такого изменения будет то, что знания большинства людей о среде станут гораздо шире по объему и глубже по осмыслению.

Выдвинутые Веббером идеи активно комментировались самыми разными авторами. Даже те из них, кто проверил их приложимость к условиям Лос-Анджелеса, высказали лишь частичное согласие с ними. Орлеанз (Orleans, 1973) установил наличие вполне объяснимых различий как в представлениях о пространстве, так и пространственном поведении у представителей различных социально-экономических групп, однако у членов групп с высокими доходами представления о городе вовсе не соответствуют нарисованным Веббером. На самом деле каждая группа живет в своем собственном социально-пространственном мире. К таким результатам пришел Эверит (Everitt, 1976), предположивший, что поведение не вполне адекватно существующим представлениям о пространстве. Оказалось, что расстояния и направления играют важную роль как в анализе пространственных представлений, так и самого пространственного поведения. Эверит предположил также, что локализация места работы имеет большое значение при установлении взаимосвязи между теми или иными элементами пространственных представлений, что, по-видимому, отчасти объясняет различия в постижении окружающего у мужей и жен. Работающие по найму нередко трудятся за пределами микрорайона проживания, что, возможно, серьезно влияет на их представление о взаимодействии компонентов пространства.

По всей видимости, еще два фактора, не имеющих никакого отношения к социальной принадлежности людей, сильно влияют на степень привязанности к тому или иному месту. Во-первых, это зависит от возраста. Престарелые люди с их плохим здоровьем, ограниченными ресурсами и суженным спектром социальных ролей лишь мало участвуют в жизни данной территориальной общности. Дети, вначале ограниченные террито-

риями, прилегающими к дому, очень медленно и постепенно по мере своего взросления получают свободу передвижений по городу и возможность таким образом исследовать его. Пространственные горизонты представителей этих групп разительно отличаются, например, от пространственных горизонтов бездетных молодоженов. Во-вторых, роль, которую играет территориальная общность в жизни конкретного человека, сильно зависит от продолжительности его проживания в данном месте. Очень часто новоселы сталкиваются с необходимостью хорошо изучить ближайшие окрестности прежде, чем установятся настоящие социальные связи с обитателями данного микрорайона или людьми, проживающими поблизости от него. Поэтому новоселы обычно на протяжении всего периода адаптации к новым условиям существования уделяют большое внимание знакомству с районом, в котором они поселились, и окружающими его окрестностями (Ladd, 1976).

Помимо претензий, высказанных Вебберу за игнорирование им ряда существенных моментов в ходе проведенного им анализа, критиковалась и его идея о влиянии социальной принадлежности на силу привязанности человека к месту проживания. Во-первых, реальные представители как рабочего класса, так и управленческих и иных профессиональных групп отличаются от приписываемых им стереотипов. Так, Липман и Рассел-Лэки (Lipman, Russell-Lacy, 1974), изучая город Кумбран (Монмутшир, Южный Уэльс), установили, что люди, проживающие в очень престижных районах, гораздо активнее участвуют в социальной жизни местной общины по сравнению с жителями менее престижных. Но с равной вероятностью можно найти примеры территориальных общностей, представители которых, принадлежа к среднему или верхнему классу, одинаково ориентированы и на внутренние, и на внешние предпочтения (Baltzell, 1958; Greer, 1973).

Во-вторых, если принять во внимание тот факт, что по крайней мере сегодня «внегородские» районы — это прежде всего пригороды, кажется вполне вероятным, что важную роль в рассматриваемых процессах функционирования соседств играют чисто пространственные факторы. Хотя до сих пор не получено никаких убедительных объяснений факта увеличения пространственных размеров соседства, меньшая плотность застройки в пригородах в самом деле приводит к тому, что людям, живущим здесь, неизбежно приходится ездить гораздо больше, поскольку в пределах только своего района им гораздо труднее полностью удовлетворить существующие у них потребности (Hall, 1969).

В-третьих, представление о том, что повышенная мобильность постепенно будет распространяться среди представителей всех социальных слоев, упрощает ряд существующих сложных проблем. Выделяя действительно очень важную тенденцию развития современного общества, близкую идее «нарастания перемещений» (Lenz-Romeiss, 1973), повлиявшей на многих ученых, занимающихся социальными науками, Веббер видит ее развитие в будущем только в одном направлении. Однако нет никаких оснований считать, что обобщения, сделанные при обзоре ситуации в нескольких, возможно, совсем нетипичных городах, вроде Лос-Анджелеса, являются ориентирами, по которым завтра будет происходить развитие современных городских общностей. Можно отметить, скажем, что, несмотря на общий рост подвижности, представители многих слоев общества, особенно люди, работающие на стороне, мало нуждаются в большей подвижности, да и не хотят ее (Nilles et al., 1976). И в самом деле, есть немало свидетельств, позволяющих предположить, что уровень относительной подвижности этих людей фактически *снижается* (Eyles, 1974; Lee, 1975). Проблема осложняется еще и значительными различиями в установках,

касающихся пространственной подвижности, которые обнаруживаются при сопоставлении даже таких одинаково высокоразвитых районов мира, как Западная Европа и Северная Америка, а также тем фактом, что возрастание подвижности, вне всякого сомнения, неизбежно приводит к изменению характера привязанности человека к тому или иному месту. Может статься, что увеличение подвижности приведет к эквивалентному росту потребности в устойчивом домашнем очаге, *усиливая* тем самым привязанность человека к родным местам (Norberg-Schulz, 1971). Вне зависимости от степени истинности этих соображений, нельзя не отметить, что Веббер недооценивает ценность связей человека с местом своего проживания, что особенно касается «работающего люда». По мнению Харвея (Harvey, 1973), эта привязанность, возможно, выполняет функцию частичной компенсации за испытываемые ими социальные трудности. Кроме того, территория проживания может выступать в качестве хранилища социальных традиций, заботливо оберегаемых ее обитателями, не желающими их утраты в будущем, или же в роли тихой гавани в нашем постоянно меняющемся мире. Это, однако, требует специального рассмотрения.

Защищаемое пространство и разделяемые ценности

Защита — постоянный элемент городской жизни. Обеспечение защиты было одной из важнейших целей основания многих исторических городов, и эта задача оставалась значимой вплоть до тех пор, пока изменения в характере ведения войны не сделали фортификационные и другие защитные сооружения излишними. Видимо, в наши дни защита территории является жизненной проблемой только на самом нижнем уровне, на уровне соседства. Ученые, занимающиеся проблемами современных крупных городов, особенно метрополий Соединенных Штатов Америки, отмечают, что города и сегодня имеют ориентированную на оборону ячеистую пространственную структуру, которую образуют отдельные, во многих смыслах неравные группы с весьма агрессивными установками по отношению к потенциальным «нарушителям» их границ (Gold, 1971; O'Riordan, 1976a). Подобные группы могут быть этническими, социально-экономическими или религиозными, однако общей чертой их является вера их членов в те или иные ценности, которые они готовы сохранять и защищать. Защита этих ценностей становится одной из важнейших причин существования городских территориальных общностей, а также важным фактором сохранения внутренней сплоченности подобных групп.

Возможно, суть этого тезиса лучше всех высказал Саттлс (Suttles, 1972, 21), который определяет «защищаемую территориальную общность» как «группу совместно проживающих людей, которые самоутверждаются в ходе борьбы с вторгающимися чужаками при помощи гангстеризма, ограничительных соглашений о доступе, установления четких границ или своей дурной репутации». Саттлс показывает, что защищаемые общности как характерные образования свойственны не только тем микрорайонам, где проживают рабочие и их семьи, но и кварталам богачей, так называемым «позолоченным гетто» (Kramer, Leventman, 1961), жители которых заботятся о сохранении своего исключительного положения всеми возможными законными и незаконными средствами. Клей (Clay, 1973) называет этот процесс «выбрасыванием, или отторжением». Защитные механизмы такого типа, как правило, ассоциируются с какими-либо негативными установками, хотя они могут включать и некоторые позитивные моменты. Так, вполне возможно, что сообщество представителей этнических меньшинств будет ощущать необходимость в занятии оборонительной позиции

перед лицом кажущегося им враждебным окружения, однако столь же вероятно, что члены такого сообщества будут стремиться сохранить образ жизни своей группы вместе с существующими внутри нее тесными связями людей между собой, местными традициями, а также накопленный совместно жизненный опыт, или «жизненные принципы» (Suttles, 1972).

Пространственные представления, которых придерживаются в защищаемых общностях, имеют большое значение для формирования реального поведения. Они говорят индивиду, где нужно искать друзей и врагов, а также, каким именно образом можно найти их. Защищаемая общность может удачно подсказать его новому члену, где лучше всего поселиться, чтобы вести тот или иной образ жизни. Сили с соавторами (Seeley et al., 1956), изучавший один из пригородных районов, заселенный представителями среднего класса (Криствуд-Хайтс, Канада), пишет: «...переселенцы оказываются в среде, которая великолепно приспособлена для реализации, вскармливания и пестования их собственного варианта мечты, существующей в сознании каждого». Кроме прочего, защищаемые общности облегчают организацию пространственных перемещений. Характер, особенности и репутация тех территорий, в пределах которых располагаются места рекреации или магазины, а также районов, через которые необходимо проехать, чтобы достичь их, оказывают серьезное влияние на решение людей отдохнуть или сделать покупки именно там. Последнюю мысль отлично иллюстрируют результаты ряда исследований пространственной организации различных видов деятельности в городе. Так, Кейн (Kain, 1968), исследуя влияние пространственной сегрегации в жилых районах крупных городов США на характер поездок к местам работы и обратно, показывает, что людям очень часто приходится делать огромный крюк, чтобы избежать посещения территории гетто во внутренних районах города. Такие же результаты получены и другими авторами (Horrell, 1965; Berghe, 1972; Gad et al., 1973), но, по-видимому, наиболее яркий пример последовательной сегрегации различных видов деятельности, связанной с сегрегацией мест проживания, содержится в интересной работе Боула о Белфасте (Boal, 1969, 1970, 1971). Это исследование дает интересную возможность взглянуть на пространственную структуру территории, в пределах которой религиозная сегрегация существует более 300 лет. Рассматривая ситуацию до возникновения современного конфликта в Северной Ирландии, Боул описывает общество, расколотое на части по признаку религиозной принадлежности, с четким разграничением районов проживания, и выстроенное по такому принципу, что на всех уровнях основная власть находится в руках протестантов. На рис. 10-4-10-7 показана картина раскола в лежащих рядом враждебных друг другу районах Шанкил и Клонард в западном Белфасте. Сегрегация мест проживания (рис. 10-4) сопровождается сегрегацией мест осуществления различных видов жизнедеятельности до такой степени, что главным критерием при выборе путей перемещения является скорее стремление избежать районов проживания другой группы, а не минимизация длины пути (рис. 10-5-10-7). В условиях, когда закреплению сегрегации активно способствует насилие, становится неизбежным, что жители подобных защищаемых общностей начинают оказывать сильное сопротивление даже позитивным контактам между членами двух общин.

При неизменности внешнего окружения территориальные общности такого вида постоянно воспроизводятся через процессы социализации. Детей учат остерегаться представителей соседних территориальных групп и избегать обжитых ими микрорайонов во избежание возможных инцидентов. Линч и Банерджи (Lynch, Banerdjee, 1976) установили, что указанные границы позволяют многое понять в поведении школьников. Исследовав

небольшие группы 13-15-летних подростков в Аргентине, Австралии, Мексике и Польше, авторы пришли к выводу, что наряду с фактором удаленности, действующим как ограничитель пространственных перемещений (например, в виде стоимости проезда на городском общественном транспорте), важнейшую роль в этом играют степень решимости подростка, налагаемые на него социальные ограничения, действенность родительского контроля (особенно для девочек) и недостаток знаний о территории. То обстоятельство, что дети быстро усваивают представления об опасности и недоступности многих районов города, способствует сохранению защищаемых общностей. Тем более, что социализация подростка происходит именно в той территориальной общности, к которой он принадлежит.

Изучение внутреннего порядка защищаемых общностей выдвигает перед исследователем множество проблем, часто очень запутанных. Ученые, пытавшиеся разработать эту тему еще в начале XX в., очень часто упускали из виду, что внутригородские территории, которыми они интересовались,

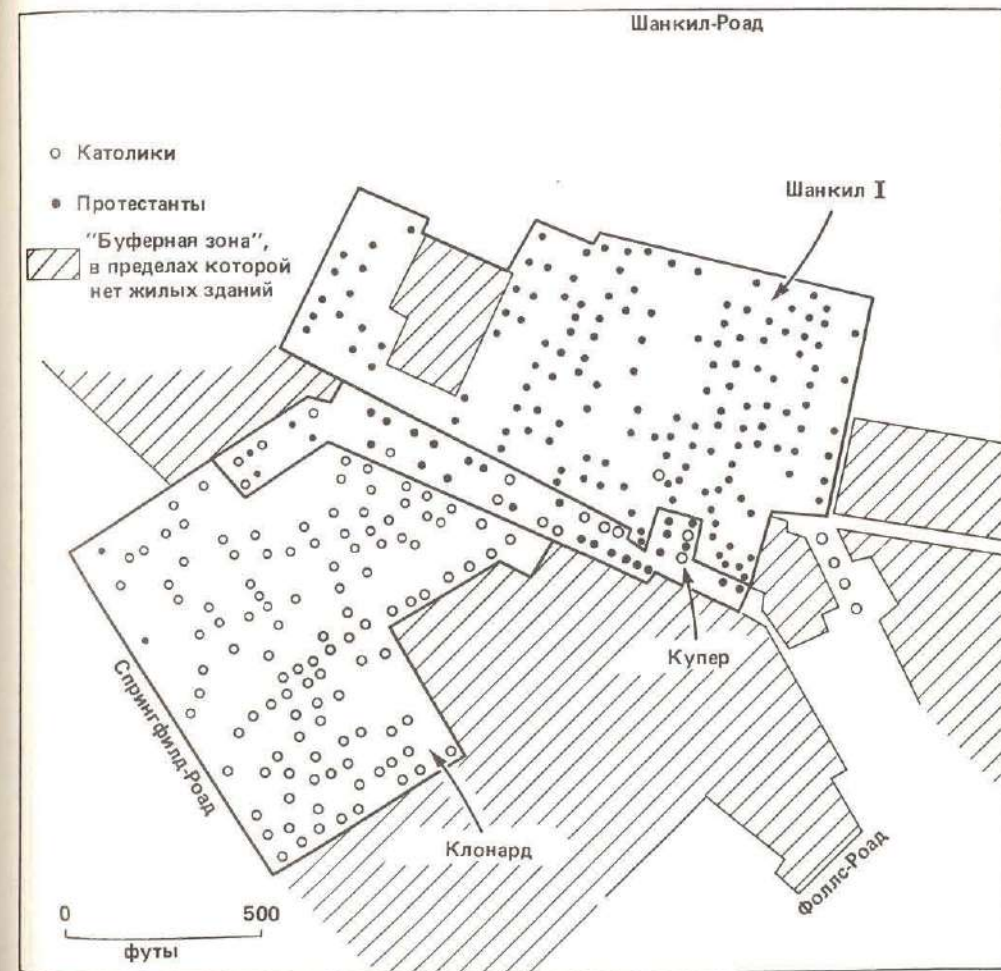

Рис. 10-4. Религиозная сегрегация в районах Белфаста Шанкил и Клонард. По результатам выборочного обследования (декабрь 1967 — январь 1968 гг.). Boal (1969, 37).

нередко обладают чрезвычайно сложной пространственной организацией, основу которой составляют защищаемые общности. Сущность этих заблуждений легко можно понять, рассмотрев одно из исследований, посвященных изучению сфер влияния уличных компаний. Вначале существование таких групп относилось на счет нарушений закона и порядка и связывалось с высоким уровнем преступности во внутренних районах города (Zorbaugh, 1929). И только совсем недавно, после проведения серии включенных наблюдений, стали говорить о том, что за видимым хаосом существует определенный порядок пространственной организации. Одним из первых среди них было исследование Уайта (Whyte, 1943), который изучал характер и поведение группы молодежи, собирающейся на перекрестках улиц в итальянском гетто одного случайно выбранного города на северо-востоке США. Он обнаружил существование хорошо структурированной молодежной культуры, в основе которой лежали общие ценности, признаваемые всеми: правила и обязанности, а кроме того, принадлежность к строго

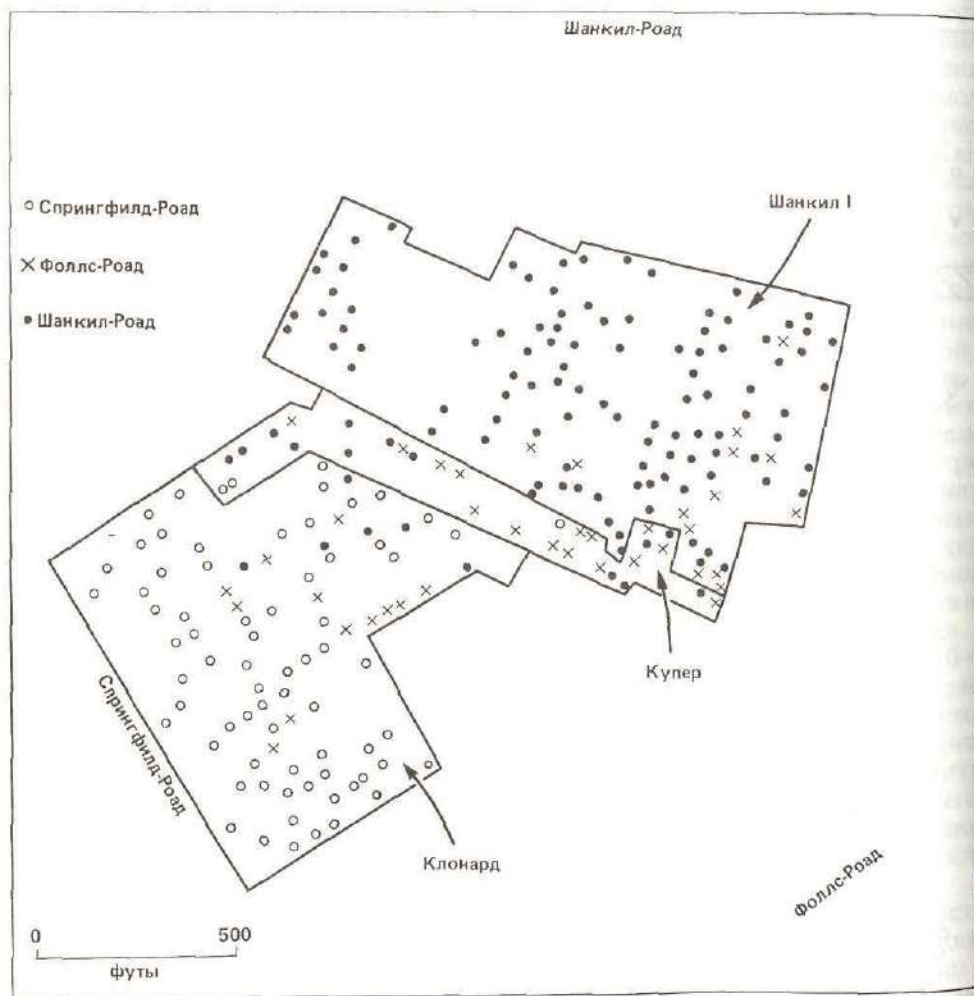

Рис. 10-5. Использование автобусных остановок для поездок в центр города. По результатам выборочного обследования (декабрь 1967 – январь 1968 гг.). Boal (1969, 39).

определенным участкам территории. Практически такая же картина была обнаружена и более поздними исследованиями в США (Suttles, 1968; Hannerz, 1969) и в Англии (Patrick, 1973).

Книга Джеймса Патрика «Описание уличных компаний Глазго» (Patrick, 1973) заслуживает более подробного рассмотрения. «Джеймс Патрик» – это псевдоним учителя исправительной школы, который при помощи одного из своих учеников сумел войти в доверие и активно участвовать в жизни одной из молодежных компаний в районе Мэрихилл (Глазго). Среди ученых и в общественном сознании жителей Глазго такие компании виделись подвижными, неупорядоченными импульсивно-агрессивными уличными шайками, с предприимчивым пронырой во главе, появление которых связывалось с вновь построенным жилым массивом. Патрик опроверг большую часть этих представлений. Он показал, что такие компании являются неотъемлемым компонентом Глазго XX в., существование которых вернее было бы связывать с захудалыми районами во внутренних частях города. Оказалось, что ныне существующие компании нередко занимают точно те же районы, что занимали уличные шайки с такими же названиями сорок лет назад.

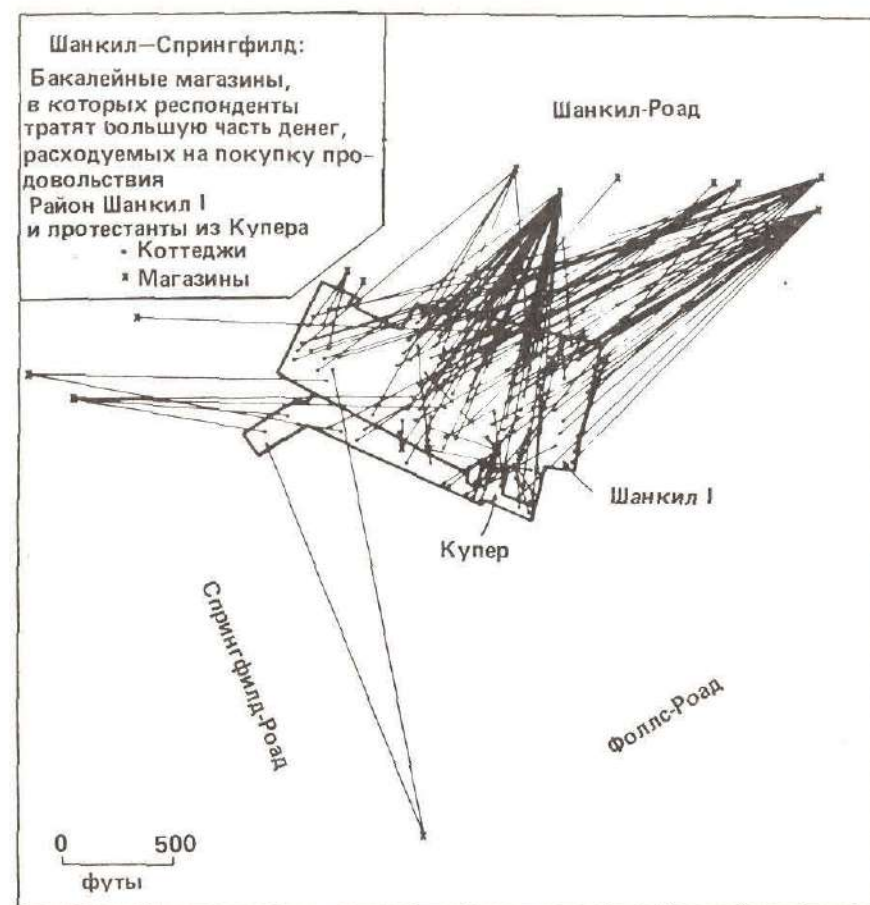

Рис. 10-6. Сравнение пространственных рисунков перемещений при покупке бакалейно-гастрономических товаров: I. Район Шанкил. По результатам выборочного обследования (декабрь 1967 – январь 1968 гг.). Boal (1969, 41).

Вообще в Мэрихилле Патрик обнаружил около двадцати таких компаний, каждая из которых имела свое собственное место сбора («угол») и свой район, площадь которого отражала влияние этой компании. Пространственные границы не обязательно были фиксированы каким-либо единообразным способом, хотя использование граффити в некоторой степени указывало на принадлежность той или иной территории [11]. Выяснилось, что до драк между компаниями дело доходило очень редко, однако, если устанавливалась взаимная вражда, она автоматически распространялась на всех членов соответствующей группы. Если по тем или иным причинам компания в одиночку не могла успешно противостоять враждебной группе, тогда ее члены обычно рассчитывали на помощь других компаний своего района. Связи групп внутри района играли первостепенную роль, превосходя по значению все другие виды связей, даже принадлежность к одной и той же религии. Хотя в компанию Мэрихилла чужаки допускались и принимались без особого затруднения до тех пор, пока они были активными и преданными ее членами, несколько подозрительное отношение к ним сохранялось навсегда. Как выразился один из подростков, объясняя случай, когда предводитель намеренно ударил одного из членов компании, «он не с Мэрихилла, вот и нарвался» (Patrick, 1973, 35).

Рис. 10-7. Сравнение пространственных рисунков перемещений при покупке бакалейно-гастрономических товаров: II. Район Клонард. По результатам выборочного обследования (декабрь 1967 – январь 1968 гг.). Boal (1969, 42).

Конечно, прежде чем делать окончательные выводы, необходимо подчеркнуть, что исследование уличных компаний настолько же отражает характер защищаемых общностей в целом, насколько Глазго является типичным английским городом. Именно поэтому можно сказать, что все процессы и особенности функционирования обычных защищаемых территорий имеют гораздо более спокойный характер. Однако преданность общим ценностям и их значение с точки зрения защитного поведения являются феноменами, которые различимы и в самых необычных городских общностях.

В этом смысле хорошим примером служит исследование Бостона, проведенное Файри (Fiey, 1947). Файри отмечает, что некоторые районы Бостона используются совсем не так, как этого следовало бы ожидать, исходя из классических экологических теорий. Особенно интересной оказалась ситуация с одним из районов города, Бэкон-Хилл, который располагается в пяти минутах ходьбы от городского торгового центра и теоретически должен быть частью «транзитной зоны», однако на протяжении более чем 150 лет он сохранял репутацию престижного места жительства, где предпочитали селиться представители высшего общества. По предположению Файри, причиной этого является существование разделяемых всеми жителями данного района ценностей, в соответствии с которыми само это место имеет для них важнейшее значение. Складывается впечатление, что эти ценности, символизируемые Бэкон-Хиллом, имеют большую притягательную силу для некоторых старинных семейств Бостона. Их привязанность к этому району столь велика, что Файри без труда приводит множество примеров, когда жители этого района, как в одиночку, так и группами, успешно отстаивали его от планов реализации на его территории разного рода коммерческих проектов.

Таким образом, сохранение Бэкон-Хилла тесно связано с тем фактом, что люди продолжают разделять и поддерживать ценности, которые он символизирует. Туан (Tuau, 1974) указывает, что этот дух сохранялся еще и в 70-х гг., однако, по его мнению, пример Бэкон-Хилла – скорее исключение, чем правило. Тилли (Tilly, 1974) считает, что в целом в Бостоне территория повсеместно уже утратила свое ценностное значение для представителей каких бы то ни было групп. Так, оказалось, что старинный итальянский квартал, расположенный в западной части города, для бостонцев во втором поколении утратил всякую притягательность. Без их поддержки те, кто остался верен этому микрорайону, проиграли сражение за его «сохранение».

Безусловно, нельзя объяснить устойчивость территориальных общностей, или микрорайонов, города только выполнением их членами неких защитных ритуалов. Это лишь часть, и только часть, сложного набора мотиваций, которыми руководствуются их жители. Даже если характер микрорайона остается все тем же, люди, входящие в него, изменяются за счет притока и оттока населения. Кроме того, повторяя сказанное выше, подчеркнем, что сама защита такой общности является скорее исключением из правила, чем нормой. Гораздо чаще характер микрорайона, постепенно изменяющийся с годами, оказывается очень слабо выраженным. Следовательно, необходимо получить ответ на более общие вопросы: что дает общность для поддержания психологического равновесия его членов и каковы ее минусы в этом смысле? Почему одни общности предпочитают другим и как соотносятся эти предпочтения или удовлетворенность с особенностями поведения жителей города?

Удовлетворенность микрорайоном проживания, или территориальной общностью

«Удовлетворенность», которую в контексте этой книги можно определить как удовольствие, получаемое от проживания в том или ином районе, многим видится посятием, играющим ключевую роль в определении характера поведения горожан при выборе места жительства. Суть аргументации в этом случае такова: жители города, испытывая какие-либо трудности, тем не менее не покидают своего дома или района своего проживания до тех пор, пока уровень их неудовлетворенности либо этим домом, либо этим районом, либо тем и другим не достигает такой степени, что они начинают чувствовать необходимость переехать в другое место. Хотя у этого подхода есть свои критики [12], представляется необходимым сделать некоторые комментарии. Как указывает Бойс (Boyse, 1971), «...представляется, что процесс выбора места жительства является добровольным (то есть, строго говоря, невынужденным) и что начинается этот процесс из-за недовольства имеющимся жильем или районом проживания». В то же время при изучении подобной тематики перед ученым возникают две основные проблемы.

Во-первых, удовлетворенность невозможно измерить непосредственно, ее нужно установить. С этой целью необходимо жестко разграничивать случаи, когда «удовлетворенность» операционально понимается как открытое выражение того, что данному человеку нравится его или ее соседство, и ситуации, когда «есть все основания для жалоб, но они отсутствуют» (Schorr, 1964). В последнем случае мы опять сталкиваемся с трудностями, присущими всяким конкретным исследованиям в социальных науках. Обычной является ситуация, когда исследователь выбирает ту или иную общность, поскольку он или она полагают, что входящие в нее люди в целом не удовлетворяют их, что и покажет обследование; однако при этом очень часто оказывается, что на вопросы, рассчитанные на строго негативные высказывания, даются нейтральные или позитивные ответы. Подобное, видимо, объясняется либо тем, что респонденты уже привыкли к потенциально негативным сторонам жизни в данных условиях, либо расхождением в системах ценностей исследователей и исследуемых. Поэтому данные опроса в этом случае требуют очень осторожной и тщательной интерпретации.

Во-вторых, «удовлетворительная» жилая среда будет сильно различаться в зависимости от потребностей и намерений конкретных людей или тех или иных групп жителей, что в свою очередь зависит от множества факторов. Онибокун (Onibokun, 1974) предлагает некоторые способы изучения этого разнообразия факторов в своей работе, посвященной исследованию удовлетворенности местом жительства среди обитателей домов, построенных государством в одном из районов Канады. Для всестороннего изучения уровня удовлетворенности он составил перечень из 74 показателей, из которых 27 посвящены описанию данного микрорайона. В последней статье (1976) Онибокуна основное внимание уделяется рассмотрению влияния социальных факторов на уровень удовлетворенности. Основные выводы его исследований отражены в табл. 10-4, в которой отобранные показатели сгруппированы по пяти категориям: стадия жизненного цикла, социально-экономические характеристики, степень знакомства с районом проживания, стиль жизни, «принятый имидж» (восприятие человеком своего статуса и статуса микрорайона, к которому он принадлежит). Даже в этом жестко оговоренном контексте понятие «удовлетворенность», безусловно, предстает весьма многогранным. В других работах изучаются другие показатели или же к перечисленным Онибокуном характеристикам добавляются новые, например этническая принадлежность (Kasl, Harburg,

Таблица 10-4.

Взаимосвязь между некоторыми социальными характеристиками жителей территориальных общностей и удовлетворенностью местом проживания

Характеристики	Коэффициент корреляции	Вывод
Стадия жизненного цикла		
Размер семьи	.01	Чем больше семья, тем ниже удовлетворенность местом проживания (УМП).
Возраст респондента	Н.З.	Возраст не влияет на УМП.
Демографический тип семьи	.01	В семьях с одним родителем УМП обычно ниже, чем в семьях с обоими родителями.
Социально-экономические характеристики		
Образование главы семьи	.01	Чем выше социальный и экономический статус, тем ниже УМП.
Профессия главы семьи	.01	
Вид занятости главы семьи	.01	
Доходы семьи	.01	
Плата за жилье	Н.З.	У работающих УМП выше, чем у иждивенцев.
Источники доходов	.05	
Степень знакомства с микрорайоном проживания		
Длительность проживания в данной квартире	.01	Чем больше длительность проживания в государственной квартире, тем ниже УМП.
Длительность проживания в городе	Н.З.	Длительность проживания в городе никак не влияет на УМП.
Место рождения респондента	.01	У иммигрантов с Британских о-вов и из других частей Европы УМП обычно ниже, чем у тех, кто родился в Северной Америке.
Образ жизни		
Предшествующий сельский или городской образ жизни	Н.З.	Не влияет на УМП.
Жилищные условия предыдущего места жительства	Н.З.	У переехавших в государственные квартиры из собственных домов УМП обычно ниже, чем у тех, кто переехал с частных квартир.
Вид предыдущего жилья	.01	У переехавших из многоквартирного дома в дом, рассчитанный на две или одну семью, УМП выше, чем у тех, кто переехал в многоквартирный дом из дома, рассчитанного на две или одну семью.
Осознанный имидж		
Социальная принадлежность людей, преобладающих в данном районе, социальный статус района	.01	У тех, кто полагает, что проживает в районе, населенном представителями рабочего или среднего класса, УМП обычно выше, чем у тех, кто считает, что их район — это район нижнего или верхнего класса.
Социальный статус респондента	.01	У тех, кто относит себя к среднему или рабочему классу, УМП обычно выше, чем у тех, кто относит себя к представителям нижнего или верхнего класса.

Н.З. показывает, что связь незначима, т.е. $K = < .05$
Источник: Onibokun (1976, 326-7).

1972) или ощущение безопасности (Carson, 1972). Учитывая все сказанное, представляется целесообразным дать краткий обзор тех разнообразных форм, которые может принимать чувство удовлетворенности, рассмотрев два полюса на шкале условий проживания, в которых обитают горожане, — трущобные районы сосредоточения рабочего класса и пригородные жилые зоны верхнего и среднего классов.

Удовлетворенность проживанием в городских трущобах. На первый взгляд рассмотрение проблем удовлетворенности в связи с проживанием в городских трущобах кажется парадоксальным. Как бы там ни было, под словом «трущобы», как мы уже отмечали, всегда подразумевалось нечто негативное — вообразению сразу представляются мрачные перенаселенные кварталы в глубине города, застроенные жалкими домишками практически без всяких удобств, где не хватает самых необходимых учреждений обслуживания, а немногие имеющиеся давно устарели, где катастрофически низок уровень санитарии и гигиены, а процент заболеваемости столь же катастрофически высок, где асоциальное поведение является нормой и где сама среда несет печать усталости, апатии и отторгнутости от нормальной социальной жизни общества. Постоянное выдвигание на первый план ужасающего состояния материальной среды этих районов придало слову «трущоба» настолько яркий эмоционально окрашенный негативный смысл, что вместо него сейчас используют обычно более благозвучные термины. Специалисты по планированию города предпочитают пользоваться в этих случаях словосочетаниями типа «перестраиваемые районы» или «внутренние зоны города». Для жителей этих территорий понятие «трущобы» едва ли существует, они просто знают, что это слово используется газетчиками или другими горожанами для того, чтобы все понимали, насколько высоким является их собственный статус. Нет никакого сомнения в том, что слово «трущобы» является позорным клеймом и что оно подразумевает состояние кричащей бедности и деградации.

Несмотря на все сказанное, существуют серьезные доводы в пользу того, что обитатель трущоб живет там не только по привычке или в результате адаптации. Как показали работы Уайта, Саттлза, Патрика и других, трущобы — это не только впечатляющие картины деградации материальной среды, которые сразу же предстают перед взором любого зашедшего туда человека. Трущобы обладают способностью творить свою собственную субкультуру, они порождают свой специфический «образ жизни», принимаемый их обитателями и несущий удовлетворение, которое компенсирует любые материальные лишения.

Эту мысль отлично подтверждают примеры переселения людей из трущоб в ходе реализации планов их ликвидации. Так, Фрид (Fried, 1963) опрашивал семьи, вынужденные из-за реконструкции кварталов их прежнего проживания (Вест-Энд в Бостоне) искать новые квартиры. Он утверждает, что такое вынужденное переселение чревато в высшей степени негативными разрушительными последствиями. Члены разрушенной общности, в которую входили представители рабочих семей, были очень довольны тем, что они живут вместе с людьми, занимающими такое же общественное положение, как и они; им также очень нравилась теплая атмосфера, которая была характерна для социальной жизни их прежнего района проживания. Фактически территория местной общины была продолжением внутренних пространств их домов, то есть она воплощала в себе часть их собственного «я» (см. также: Fried, Gleicher, 1961). И когда их община начала разрушаться, у людей появилось общее чувство скорби, сравнимое, по Фриду, с тем, что переживает человек, теряя своих близких, которое в некоторых случаях привело к тяжелым депрессиям и психосоматическим расстройствам.

Впрочем, это чувство не обязательно имеет долговременный характер. Янг и Уильмот (Young, Willmott, 1957) изучали социальные последствия переезда жителей из района Бэтнел-Грин в центральной части Лондона в жилой массив, расположенный на периферии в Дебдене, который был построен местными властями (называвшими его «Гринлейг»). Община Бэтнел-Грин представляла собой сплоченное сообщество обитателей внутренних кварталов города; неподалеку от них размещались места работы, учреждения социальной инфраструктуры и различные развлекательные заведения, которые активно посещали жители этого района. Переезд на новое место жительства существенно изменил характер социальных связей внутри общины, заметно повлияв на стиль семейных отношений, в которых большее внимание стало уделяться жизни в пределах каждой отдельной семьи в ущерб поддержанию контактов внутри всего круга ближайших родственников. Сначала, по приезде в Гринлейг, люди были очень разочарованы, однако уже через два года отношение новоселов к этому району существенно изменилось в лучшую сторону. Они освоились здесь, и заметных признаков тоски по своему прежнему району почти не наблюдалось. По мнению Стрингера (Stringer, 1975a), возможной причиной этого является наличие в пригородах альтернативных, хотя подчас и ограниченных, возможностей для ведения активной социальной жизни, осознание которых компенсирует первоначальное недовольство новоселов.

Ко всем этим выводам необходимо относиться с осторожностью, поскольку социальная жизнь далеко не всех территориальных общностей отличается подобной теплотой и взаимопониманием, как далеко не всегда реконструкция старых районов обедняет жизнь их обитателей и приводит к возникновению чувства скорби о «потерянном доме». Тем не менее имеющиеся материалы обширных межкультурных исследований [13] позволяют предположить, что такие общности не являются исключением и что причиной удовлетворенности в этом случае служит частичная компенсация низкого качества материальной среды и недостатка коммунально-бытовых удобств в кварталах трущоб притягательной атмосферой человечности и внутренней теплотой социальной жизни, существующими в них.

Удовлетворенность проживанием в пригородах. Бурный рост пригородов — продукт современной эпохи, хотя сам термин, как и стоящие за ним явления, имеет гораздо более древний возраст. Пригороды являлись органичной частью пространственной структуры городов античности, хотя нередко встречались и в более мелких провинциальных центрах, например в древнеримском Лондиниуме (Wacher, 1974). К XIV в. слово «пригород» стало частью обыденной речи: так, Чосер упоминает о том, что в «пригороде... овцы в загоне, лани вокруг, старые тропы в чащи ведут».

Привлекательность жизни в пригородах активно афишируется в течение многих лет; этому же способствует и рекламная литература по развитию пригородных территорий. Так, при расширении на рубеже веков пригородов в западной части Лондона главными инициаторами выступали железнодорожные компании. Представители «Великой западной железной дороги» всеми средствами стремились привлечь на постоянное жительство в пригороды и окружающие Лондон маленькие городки людей из мира бизнеса. В периодическом издании, называвшемся «Дома для всех — это западные пригороды Лондона», наряду с рассказами о преимуществах каждого пригородного района подробно описывались все особенности жилищного строительства, ведущегося здесь (Wilson, 1970). Другие железнодорожные компании следовали этому примеру в надежде увеличить движение на местных линиях. Такие публикации поддерживались статьями, писавшимися владельцами недвижимости, представителями акционерных компаний и самими жителями пригородных поселений. Вот примечатель-

ная, на наш взгляд, выдержка из брошюры, изданной в тогда совсем крошечном городке Илинг («короле пригородов»), Мидлсекс. В описании, названном «Сельский городок рядом с Лондоном», он предстает в следующих красках: «...живописные пейзажи... величавые леса с могучими деревьями... идеальное курортное место для маленьких детей и престарелых... успешно отразил все попытки решить за его счет проблемы Лондона. В нем нет ни одного постороннего кладбища, в его границах не размещается ни один завод, ни одна из школ для бедных, нет ни одной психиатрической лечебницы, а все, что требует вмешательства полиции, решается в полицейском участке соседнего Брентфорда, ...очень удобное сообщение... со всеми пунктами Великой западной системы железных дорог – крупнейшей в Великобритании... знаменит своими частными школами, и, безусловно, ни одно поселение в пригородах Лондона, если не во всей стране, не имеет таких прекрасных условий для получения самых разных видов образования... активная социальная жизнь...»

...Один из лучших торговых центров за пределами Лондона... Дома построены по высшим стандартам... по специальным проектам... соблюдение которых строго гарантируется, поэтому качество жилищных условий здесь заслуживает самых похвальных слов... новые дома построены в близости от центра города и в то же время совсем недалеко от самых популярных мест курорта» (G. A. C., 1904).

Если отвлечься от всех красот и образов бодрости, спокойствия, исключительности и престижности, которыми характеризуется жизнь в этих местах, то можно сосредоточить внимание на принципиальной особенности пригородов, которая состоит в том, что они позволяют объединить все, что есть лучшего в городской жизни, с достоинствами проживания в сельской местности.

Представляется, что именно эту особенность высоко ценят жители крупных городов. Результаты самых разных исследований показывают, что условия жизни в невысоких домах пригородов по всем показателям оцениваются выше, чем в многоэтажных зданиях во внутренних районах города (Lansing, Hendricks, 1967; Ladd, 1970; Hinshaw, Allott, 1970; Cooper, Marcus, Hogue, 1976). Майкельсон, опросивший случайно выбранных жителей Торонто (Michelson, 1973), получил такие же результаты. Домам на одну семью, как показывает табл. 10-5, независимо от стадии жизненного цикла, на которой находится респондент, отдавалось единодушное предпочтение перед многоэтажными зданиями.

Таблица 10-5.

Степень привлекательности односемейных домов по массиву опрошенных, стратифицированному по стадиям жизненного цикла

Стадия жизненного цикла	%, предпочитающих частные, коммунал-ные или смешанные по правам собственности односемейные дома	%, предпочитающих многоэтажные дома	Всего
Один родитель с детьми, живущими вместе с ним	55 (6)	45 (5)	11
Один родитель без детей	61 (28)	39 (18)	46
Муж и жена в возрасте старше 35 лет, без детей	69 (96)	31 (43)	139
Одиночка до 35 лет	72 (41)	28 (16)	57

Стадия жизненного цикла	%, предпочитающих частные, коммунал-ные или смешанные по правам собственности односемейные дома	%, предпочитающих многоэтажные дома	Всего
Одиночка старше 35 лет	83 (10)	17 (2)	12
Родительская пара с одним ребенком	89 (91)	11 (11)	102
Родительская пара в возрасте до 35 лет без детей	90 (66)	10 (7)	73
Родительская пара с двумя и более детьми	96 (125)	4 (5)	130
			570

Источник: Michelson, 1973 (Cooper, Marcus, Hogue, 1976, 34).

Примечание. В скобках указано число опрошенных.

Несмотря на все сказанное, мнение интеллектуального ядра общественного сознания о субурбанизации было негативным. В поддержку этого мнения можно привести ряд доводов. Во-первых, как пространственно выраженный феномен пригороды – детища в основном настоящего времени, а также проявление тенденции к застройке законченными целостными микрорайонами. В условиях отсутствия общепринятого современного стиля архитекторы стремятся придать проектируемым объектам обаяние старины, предусматривая использование в их внешнем облике всем известной символики прошлых эпох (Richards, 1946). Общественное мнение, хотя есть и несогласные с ним, осуждает такие стилистические изобретения за то, что они противостоят «обезличенности» места, которой, как считают, почти всегда сопровождается проектирование новых районов, состоящих из стандартных жилых домов, в геометрическом порядке располагающихся по территории с учетом прежде всего удобства проезда на частных автомобилях. Во-вторых, серьезной критике подвергается образ жизни обитателей пригородов, поощряющий развитие эскпизма, конформизма, социального снобизма и способствующий превращению людей в «сообщников» замкнутой «организации» [14]. Авторы, которые основное внимание уделяют критике третьего и, возможно, самого главного изъяна, указывают на негативные последствия вторжения города (поскольку пригороды можно считать «городом в деревне») в сельскую местность. Впрочем, подозрительное отношение людей, ценящих идеалы сельской жизни, к беспорядочному разрастанию городских поселений в сельские районы, давно стало традицией. Однако и современные специалисты, занимающиеся городскими проблемами и озабоченные потерями сельскохозяйственных угодий, происходящими в ходе описываемого процесса, считают, что необходимо остановить «лихорадочное разрастание» пригородов за счет повышения плотности застройки в центральных и внутренних районах городов (Jensen, 1966).

Здесь не место для обсуждения достоинств и недостатков приведенных доводов. Тем не менее результаты двух конкретных эмпирических исследований, выполненных соответственно Зенером (Zehner, 1972) и Хербертом (Herbert, 1975), позволяют лучше понять суть исследуемой проблематики. Зенер провел исследование четырех пригородных поселений на северо-востоке США, каждое из которых располагалось в 15–18 милях от города, было построено в наши дни и заселено представителями верхнего

Таблица 10-6.

Причины позитивной оценки своего места жительства

Причины, названные респондентами	Колумбия	Рестон	Норбек	Саутфилд
Касающиеся территориальной общности				
Доступная хорошо развитая социальная и бытовая инфраструктура, учреждения обслуживания удобно расположены; город хорошо спланирован	22	27	13	10
Хорошие школы	9	3	24	27
«Дружелюбные», «приятные», «мягкие» соседи	8	12	23	24
Низка преступность, мало транспорта	5	10	5	5
Поселение привлекательно вообще или по каким-либо особым причинам	7	5	6	10
Касающиеся системы транспортных коммуникаций				
Работа, магазины, центр города и т. д. легкодоступны	47	28	48	56
Удобный подъезд к автомагистралям	5	3	8	20
Касающиеся качества окружающей среды				
Много лесов, озер, холмов и т. д.	13	24	3	3
Много свободных пространств, мала или отсутствует перенаселенность	12	23	7	7
Материальная среда содержится в хорошем состоянии	—	1	1	11
Вообще красивое, привлекательное место	11	13	5	3
Численность респондентов	216	203	99	110

Источник: Zehner (1972, 174).

среднего класса. Во всех случаях респондентам правилось жить в этих поселениях, причем по крайней мере 85% жителей оценивали свой населенный пункт как «отличный» или «хороший» и только 2–3% — как «плохой». Причины столь высоких оценок показаны в табл. 10-6. Их перечень образует характерный набор достоинств, которыми славятся пригороды: отличная планировка, дружелюбные или «мягкие» соседи, высокий уровень безопасности, хорошие возможности для обучения детей, прекрасное состояние окружающей среды и так далее.

Автор второго исследования, Херберт (Herbert, 1975), занимался изучением уровня удовлетворенности своим местом жительства среди обитателей двух районов Кардиффа: Адамсдауна — ветхих кварталов зданий, плотной стеной стоящих вдоль улицы в центральной части города, и Риубины — одного из самых престижных пригородов. Результаты его исследования показаны в табл. 10-7. По большинству параметров Риубина была оценена выше, чем район, где проживают рабочие, причем наиболее сильными были различия по таким показателям, как уровень безопасности, чистоты, развитость сферы развлечений и социальной сферы, внешняя привлекательность и наличие свободных пространств. В целом 96% жите-

Таблица 10-7.

Сравнительная оценка условий жизни в двух районах

Параметры:	Адамсдаун			Риубина		
	Уровень:			Уровень:		
	высокий	средний	низкий	высокий	средний	низкий
Чистота	16	48	36	74	24	2
Развитость торговли товарами повседневного спроса	97	3	0	94	4	2
Отношения с соседями	63	26	11	58	32	10
Безопасность	37	43	20	54	38	8
Уровень позитивной анонимности	72	20	8	78	20	2
Развитость сферы развлечений	0	16	84	16	52	32
Шум	11	39	50	76	24	0
Внешний вид	6	47	47	82	18	0
Открытые свободные пространства	0	9	91	50	38	12
Развитость социальной инфраструктуры	16	62	22	42	50	8
Доступность	61	39	0	52	30	18

Источник: Herbert (1972, 475).

лей Риубины заявили, что они удовлетворены своим районом, а в Адамсдауне положительную оценку дали лишь 67%.

Оба исследования очень показательны. Повсеместно считается, что пригороды — это более безопасные районы (Rossi, 1955; Carson, 1972; Downs, 1973), имеющие улучшенную инфраструктуру и повышенные возможности получения качественного образования (Clark, 1966; Gans, 1967), являющиеся прекрасными местами для установления насыщенных социальных контактов и сохранения позитивной анонимности существования (Flaschbart, 1969), районы, проживание в которых обеспечивает людям повышенный социальный статус. Последнее обстоятельство имеет большое значение, поскольку многие горожане считают пригороды «заветным местом» (Buttimer, 1969), пределом желаний; по мнению таких людей, обитатели пригородов — счастливчики потому только, что они там живут. Подобные представления, порожденные заманчивой перспективой обладания собственным домиком и садом в престижном привлекательном районе, для многих людей имеют очень большое значение. Удовлетворенность жизнью в пригородах, которую очень часто выражают его обитатели, означает прежде всего их удовлетворенность высоким уровнем социальной совместимости в этих территориальных общностях, реально существующей или воспринимаемой. В то же время частота соседских контактов отступает здесь на второй план.

В заключение надо сказать, что контраст в состоянии материальной среды трущоб и пригородов не порождает соответствующего контраста в уровнях удовлетворенности жителей этих районов. Хотя многие считают пригороды идеальным местом проживания, большинство горожан довольны своими микрорайонами, а их неудовлетворенность носит чисто относительный характер.

Хеймстра и Макфарлинг (Heimstra, McFarling, 1974) привлекают внимание к тому факту, что в исследованиях, направленных на установление

источников удовлетворенности, возможно, переоценивается уровень последней, поскольку в них не принимается в расчет несравнимость городской жизни в различных местах по многим параметрам. Это верное замечание, однако в рассмотренных примерах доли удовлетворенных были столь высоки, что, даже если значительная часть опрошенных была понята неверно, все равно результат остается таким, что можно уверенно говорить об удовлетворенности основной массы горожан районами, в которых они проживают. Этот вывод подтверждается и при исследовании миграционных намерений людей, когда они сталкиваются с необходимостью перемены места жительства.

Притягательность различных мест и внутригородские миграции

Как мы убедились выше, передвижения являются органической частью современного образа жизни. Установлено, что в Соединенных Штатах, где, как подсчитано, каждая пятая семья ежегодно меняет место жительства, в 1960 г. только 47,8% населения жили в данном месте в течение пяти и более лет. Подобные высокие показатели пространственной подвижности характерны и для многих других стран Запада (Johnston, 1971 b). Характер большинства переселений одинаков. В массе своей это внутригородские миграции, часто в пределах пешеходной доступности от прежнего места жительства. Каковы основания при выборе нового места жительства?

Согласно классическим урбанистским теориям, выбор места жительства определяется экономическими процессами. Так, Алонсо (Alonso, 1971, 157) считает, что цель в этом случае состоит в нахождении оптимальной локализации жилища, в которой получаемое человеком удовлетворение максимально: «Потребитель, обладающий определенным уровнем доходов и специфическими вкусами, будет стремиться сопоставить транспортные, экономические и психологические издержки с выгодами, которые извлекаются из удешевления земельных участков по мере увеличения расстояний от центра города и возрастания уровня удовлетворенности вследствие обладания большими пространственными ресурсами для организации жизнедеятельности». Это предполагает проведение осторожного и тщательного анализа достоинств всех возможных мест жительства для выбора наиболее оптимального из них. Модель, предлагаемая Алонсо, по понятным причинам является весьма упрощенной, к тому же представляется, что рисуемый ею процесс поиска нового места жительства не соответствует положению в реальном мире, в котором очень мало доказательств оптимизационного характера поведения [15]. В то же время необходимо тщательно рассмотреть противоположную точку зрения, согласно которой «...большинство людей покупает дом после очень непродолжительных поисков, в ходе которых обычно рассматривается лишь несколько вариантов в пределах ограниченной по площади территории. Следовательно, факты говорят о том, что процесс поиска нового места жительства далек от совершенства. Могут сказать, что, поскольку большинство людей считает покупку нового дома очень важным делом, их поведение при выборе места жительства не соответствует важности принимаемого решения. Совершенно ясно, что при поиске нового места жительства люди рассматривают невероятно малую долю всех возможных вариантов. Так, может быть, поведение людей в этом случае будет более объяснимо, если рассматривать его как один из вариантов реализации принципа наименьшего усилия, сформулированного Зипфом?» (Barrett, 1976, 196).

Во многих отношениях критика, которой подвергаются подобные взгляды, совпадает с критикой оптимизационных моделей; суть последней состоит в игнорировании сторонниками этих точек зрения самих принципов, согласно которым осуществляются процессы поиска нового места жительства и окончательного его выбора. Покупка дома — это редкое и чрезвычайно важное событие в жизни людей. И если процесс поиска и выбора предстает как бессистемный и ограниченный незначительной частью территории города, то это происходит, по-видимому, вследствие действия двух основных факторов. С одной стороны, подобный процесс требует немалого количества времени и денег. И если поиски ведутся в пределах какой-то определенной территории, то у потенциального мигранта появляется действующая в данном районе система координат, позволяющая производить сравнение различных мест между собой для принятия последующего решения. С другой стороны, поиски ведутся в известном мигранту городе. В случае внутригородской миграции потенциальный мигрант опирается на свое собственное умозрительное представление о городе, исходя при этом из сформировавшихся у него предпочтений к тем или иным районам [16].

Сущность этого процесса можно понять, используя концепцию, предложенную Брауном и Моором (Brown, Moore, 1971); она показана на рис. 10-8. Цепочка решений в ходе осуществления внутригородской миграции разбивается на две стадии. На первой стадии принимается решение о поиске нового места жительства, поскольку старое перестало быть подходящим либо из-за невозможности удовлетворить все ожидания и потребности семьи, либо потому, что супругу или супругу больше не устраивает местное сообщество, либо по обоим названным причинам. Вторая стадия соответствует фазам, через которые проходит процесс принятия окончательного решения. Поняв, что ему нужно, потенциальный мигрант начинает поиск. Многие очень плохо представляют себе особенности некоторых районов своего родного города или вообще ничего не могут о них сказать, поэтому их внимание сразу сосредоточится на тех районах, которые им известны. Результат поиска может быть тройным: либо находится место, позволяющее надеяться на более высокий уровень удовлетворенности условиями жизни, чем нынешнее место проживания; либо оказывается, что предполагавшееся место жительства не подходит потенциальному мигранту и поиск надо начинать сначала; либо поиск терпит полный крах и семья принимает решение остаться на прежнем месте.

Характер поиска определяется, по-видимому, совсем немногими факторами. Наибольшее влияние на него оказывает территориальная общность, к которой принадлежит потенциальный мигрант (Simmons, 1968), которая или является исходной точкой этого процесса, или же выступает в качестве стандарта, с которым сравниваются другие районы. Когда поиск ведется за пределами этой общности, основное внимание обычно уделяется близлежащим микрорайонам (Horton, Reynolds, 1969). Люди обычно с большей легкостью оценивают информацию о таких микрорайонах. Кроме того, переезд туда сулит очевидные выгоды малых перемен в жизненном укладе, поскольку в этом случае люди получают возможность, живя среди новых соседей и приобретя новый дом, сохранять ценные, с их точки зрения, контакты и знакомства на прежнем месте жительства.

По мнению Дж. С. Адамса (Adams, 1969), внутригородские миграции происходят в соответствии с умозрительными представлениями мигрирующих жителей о городском пространстве, ориентациями на определенные сектора территории города и в определенных направлениях. В упрощенной форме этот процесс показан на рис. 10-9. Респондент, живущий в точке X, знает всю территорию города, однако лучше всего ему известен тот его

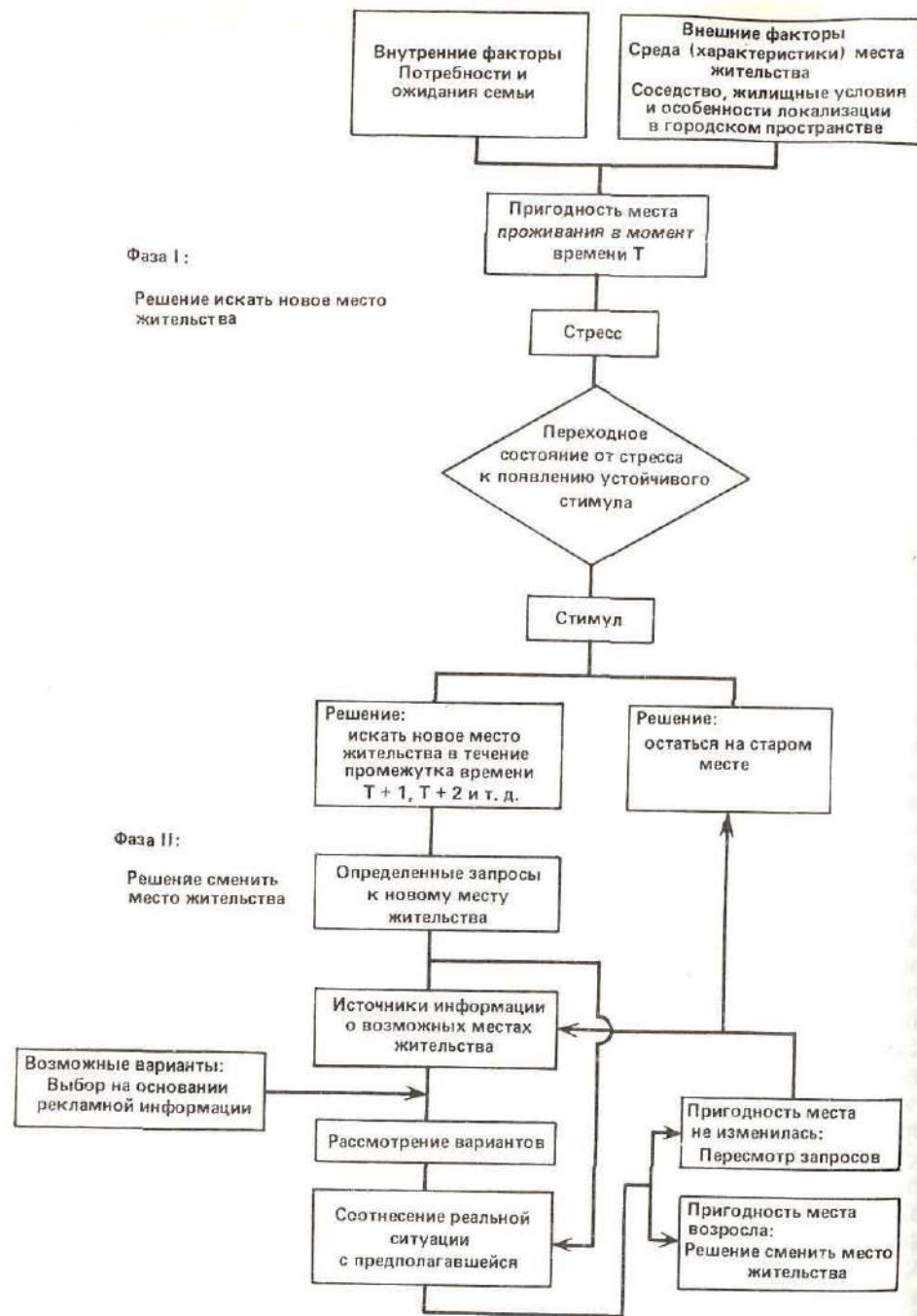

Рис. 10-8. Модель принятия решения о смене места жительства. Brown, Moore (1971, 203).

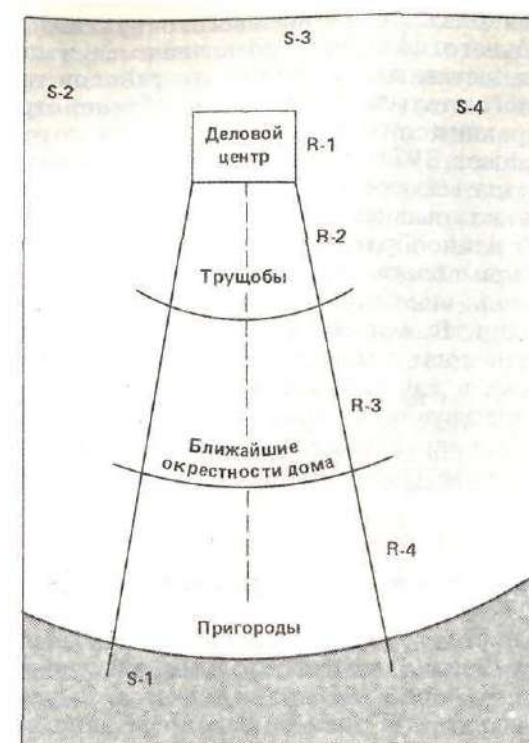

Рис. 10-9. Секторальная модель города в сознании его жителей. J.S. Adams (1969, 305).

сектор, который включает зонированное пространство его района проживания (R-3), «даунтауна» (R-1) и внутригородских трущоб (R-2) (представление о котором сформировалось во время многократно повторяющихся поездок на работу и обратно), а также районы пригородов на границе этого сектора (знания о которых он накопил при посещении периферийных торговых центров). Территории других секторов города известны ему весьма приблизительно (S-2, S-3, S-4), однако он может иметь о них яркие позитивно или негативно окрашенные стереотипные представления. Секторальная ориентация внутригородских миграций проявляется в том, что выбор нового места жительства будет осуществляться прежде всего в пределах указанного сектора. В то же время эти миграции ориентированы и по тем или иным направлениям. Предпочтительность для респондента территорий повышенного социального статуса означает, что вероятнее всего он будет стремиться жить в ближних пригородах, а не в старых внутригородских кварталах (Johnston, 1971 b).

Адамс излагает свою модель в терминах теории концентрической организации городского пространства, разработанной Берджесом, однако этого можно было и не делать, поскольку, как установили другие исследователи, идея о секторальной и связанной с тем или иным направлением ориентации внутригородских миграционных потоков жизнеспособна и вне этой теории. Джонстон (Johnston, 1971a) указывает, что при выборе места жительства в городе Кристчерч в Новой Зеландии решение переселенцев определялось ориентацией в определенном направлении, а именно в том направлении, где были свободные для новой застройки земли (которые

остались только в районах ближайшего внешнего окружения города), а также действием секторального фактора, проявившимся в стремлении, поселяясь на новом месте, оставаться недалеко от районов проживания людей такого же социального статуса. Поэтому они обычно строили свои дома на периферийной границе того сектора города, в котором жили прежде. Дональдсон (Donaldson, 1973), продолжая исследование Кристчерча, рассмотрел пункты выезда всех людей, переселившихся в северо-западную часть города. Результаты исследования подтвердили представление мигрантов о секторальной клинообразной схеме территории города, служащей в качестве основы при поиске нового места жительства.

Не все исследования столь явно подтверждают правильность модели, предложенной Адамсом (напр., Brown, Holmes, 1970), но она сохраняет свое значение как концепция, пригодная для дальнейшего критического анализа [17] и осмысления, а также в качестве наглядного примера для показа глубины взаимосвязей, существующих между имеющимися мысленными представлениями индивидов и характером миграционного поведения. Следующий раздел посвящен рассмотрению иных видов «миграций».

Осознаваемые возможности и поведение потребителя

Как правило, в любом городе магазинов и учреждений бытовых услуг или отдыха гораздо больше, чем необходимо для удовлетворения всех потребностей данного человека. И представляется маловероятным, чтобы житель даже среднего города знал больше, чем лишь небольшую часть подобных заведений, существующих в нем. Поведение потребителя ориентировано главным образом на нахождение таких учреждений, где его специфические потребности удовлетворялись бы более или менее приемлемым для него образом. Как только они находятся, возможно по рассмотрении всего лишь одного или двух вариантов, человек, даже если его потребности удовлетворяются в них весьма приблизительно, обычно прекращает дальнейшие поиски. Поведение, определяющее характер пространственных перемещений внутри города, отличается такими же особенностями: раз установившись, маршруты поездок на работу или с потребительскими целями становятся привычными и остаются практически неизменными. Из-за таких стереотипов поведения площадь «познанной территории» города расширяется сравнительно медленно. Если представить город в виде «пространства возможностей», содержащего всю совокупность того, что он может предоставить горожанам (Stea, Wood, 1974), то окажется, что каждый отдельно взятый человек знает лишь небольшую, но высокоселективную часть этого «пространства».

Механизм поисков и принятия решения о выборе того или иного пространственно локализованного учреждения, удовлетворяющего определенные потребности конкретного человека, представляет собой вопрос, ответ на который социологи будут искать в течение многих лет. В настоящий момент сделаны лишь первые шаги в изучении этого механизма на уровне взаимосвязей мыслительных процессов и реального поведения, несравнимые с огромными усилиями, направленными на изучение особенностей и характера реального поведения в целом. И если принять во внимание характер задач, решаемых при планировании городского развития, а также чрезвычайную сложность процессов, определяющих особенности поведения конкретного потребителя, подобный перекос в исследованиях становится достаточно понятен. Надо сказать, однако, что в последнее время появляются признаки увеличения интереса к изучению этой

тематики на микроуровне. Для того чтобы получить представление о характере и масштабах этих работ, мы рассмотрим исследования, посвященные анализу внутригородского поведения потребителя.

Поведение потребителя и городская среда. Несмотря на традиционное признание важности влияния индивидуальных предпочтений на характер поведения потенциальных потребителей (Brennan, 1948; Stone, 1954; Myers, Reynolds, 1967), большинство проводившихся в этой области работ, особенно географического плана, анализировали ситуацию в целом, игнорируя существование указанных предпочтений. Считалось, что распределение потоков потребителей является феноменом массового поведения, которое виделось рациональным и направленным на достижение оптимума. Работа Нельсона (Nelson, 1958, 185) — типичное исследование, построенное на применении подхода, согласно которому, в частности:

1. Покупатели посещают самый крупный торговый центр;
2. Покупатели никогда не пойдут в дальний магазин, не зайдя прежде в такой же магазин, расположенный по дороге к нему;
3. Покупатели будут пользоваться ближайшим из двух одинаковых магазинов;
4. Покупатели предпочитают пользоваться одними и теми же магазинами.

Только в четвертом тезисе нашел отражение один из многочисленных психологических факторов из числа тех, которые, безусловно, существенно влияют на характер поведения потребителя.

Исследования, направленные на изучение сознания потребителей в связи с особенностями их поведения в рассматриваемой сфере, появились главным образом в последние десять лет. Причинами их появления было как разочарование существовавшими способами объяснения потребительского поведения, так и возрастание в целом интереса ученых к применению этого подхода. Давая обзор ранних исследований в этой области, Гарнер (Garner, 1970) выделяет четыре крупных направления, которые, по мнению автора, заслуживают дальнейшей разработки: изучение самих умозрительных представлений, рассмотрение взаимосвязей между различными представлениями и разными типами имеющихся у потребителей потребностей, анализ взаимосвязей между «осознаваемой» (поведенческой) и реально существующей сферами торгового обслуживания, а также проникновение в механизм изменения умозрительных представлений под влиянием нового опыта и появления новых возможностей удовлетворения потребительских запросов. Если произвести обзор проведенных исследований по выделенным таким образом направлениям (Davies, 1976), то окажется, что большинство работ относится к двум первым из них. Много работ посвящено исследованию существующих в сознании людей представлений о возможных местах совершения тех или иных покупок. Бреннан (Brennan, 1948) указывает на различия представлений индивидов о размещении предприятий розничной торговли (см. также: Lee, 1962); Брюс (Bruce, 1971) анализирует отдельные компоненты, формирующие притягательный образ тех или иных бакалейных лавок; Даунс (Downs, 1970) делает то же самое в отношении всех торговых центров; Хейнемейер (Heinemeyer, 1967), Кляйн (Klein, 1967) и Гудзон (Hudson, 1974) изучают взаимосвязь между представлениями индивидов и теми или иными особенностями расположения места жительства; Паркер (Parker, 1976) занимался изучением влияния социальной принадлежности на этот процесс, а Лентнек и др. (Lentnek et al., 1975) — роли, которую играют в нем уровень доходов семьи и ее общее экономическое благосостояние.

И наоборот, количество исследований, относящихся к третьему и четвертому направлениям, сравнительно невелико и в значительной степени

обязано своим появлением трудам Хортон и Рейнолдса (Horton, Reynolds, 1971). Хортон и Рейнолдс проводят различие между «пространством действия» и «пространством деятельности». «Пространство действия» включает те учреждения, о существовании которых потребитель знает и которые он мог в прошлом посещать. С другой стороны, «пространство деятельности», по определению авторов, состоит из тех учреждений, которые данный потребитель посещает ежедневно (Davies, 1976). Хортон и Рейнолдс интересовали прежде всего процессы научения, определяющие развитие мысленных представлений о пространстве. Признавая, что характер этих процессов исследован далеко не полностью, они считают тем не менее, что формирование таких представлений у новосела проходит три стадии. На первой стадии пространственные знания человека в основном определяются расстоянием до различных объектов и относятся в первую очередь к территориям, непосредственно окружающим дом, а также тем, которые стали известны данному человеку во время поездок на работу. На следующей стадии эти знания нарастают через общение с соседями и коллегами по работе, происходящее в ходе процесса социализации, что приводит к расширению числа потенциально доступных ему учреждений торговой сферы. На последней стадии пространственные представления человека достигают полной завершенности, совершение покупок в районе нового места жительства становится обыденным мероприятием, а «пространство деятельности» становится равным пространству действия.

Эти идеи были поддержаны другими авторитетами. Например, Смит (Smith, 1976c), изучая Гамильтон (Онтарио), попытался установить «поле пространственной информации» городских потребителей, в широком смысле эквивалентное понятию «пространство действия». Понятие поля пространственной информации было введено для обозначения имеющейся у человека информации, касающейся пространственного распределения специфического набора определенных элементов городской среды, в данном случае бакалейно-гастрономических магазинов внутри города. Были произведены измерения двух характеристик информационного поля: общего числа магазинов, известных потребителю, и среднего расстояния их от места жительства респондента. В этом исследовании проверялись четыре гипотезы, две из которых относились к особенностям размещения места жительства и были взяты непосредственно из работ Хортон и Рейнолдса, а остальные касались роли социального статуса респондента в этом процессе. После проведения многоступенчатого регрессионного анализа полученных результатов Смит пришел к выводу, согласно которому как длительность проживания в данном месте, так и особенности социального статуса данного человека являются важными факторами формирования пространственного информационного поля.

Однако не все авторы полностью разделяют этот вывод. По мнению Хадсона (Hudson, 1976), модель научения, предложенная Хортоном и Рейнолдсом, является одной из типичных концептуальных схем, которые обладают тем недостатком, что их использование ничего не дает для непосредственного исследования связей, существующих между мысленными представлениями о пространстве и реальным поведением в нем, и которые очень часто имеют весьма сомнительную ценность с точки зрения психологии. Поэтому в работе «Образы среды, пространственный выбор и поведение потребителя» Хадсон (Hudson, 1976) пытается исправить ситуацию. Поскольку эта работа также очень хорошо отражает современное состояние исследования мыслительных процессов в связи с реальным поведением покупателей, она заслуживает более подробного рассмотрения.

В этом исследовании предлагается и апробируется теоретическая модель пространственного поведения индивидуального покупателя, основанная на

Таблица 10-8

Схема предпочтений при выборе местоположения, основывающихся на познавательных аспектах процесса поиска

Обозначения:

- A — объективная среда розничной торговли
- B — общие знания индивида и его оценка среды розничной торговли, его предпочтения (ИДЕАЛ) в этом отношении
- C — набор знаний индивида и его оценка среды с учетом специфических покупательских запросов и предпочтений (ИДЕАЛ)
- n — общая численность торговых точек розничной торговли
- n' — численность торговых точек, известных индивиду ($n' \leq n$)
- n'' — численность торговых точек, попадающих в поле зрения индивида с учетом его специфических покупательских потребностей ($n'' \leq n'$)
- m — общая численность показателей, описывающих элементы среды розничной торговли.
- m' — численность личностных ограничительных параметров, выдвигаемых индивидом ($m' \leq m$)
- m'' — набор этих параметров, принимаемых индивидом в рассмотрение с учетом его специфических покупательских потребностей ($m'' \leq m'$)
- Процесс A: накопление знаний и предпочтений с течением времени. Отсюда следует, что и n' и m' являются функцией времени, достигая некоего асимптотического предела, каким является идеально подходящий магазин, желания, растущие по мере их удовлетворения, уменьшающиеся в обратном случае
- Процесс B: трансформация набора основных представлений о среде и ее оценок с учетом имеющихся определенных специфических потребностей. Отсюда следует, что элементы n'' и m'' являются функциями данной мотивации
- Процесс C: трансформирование или картирование, которое переводит размещение торговых точек с мысленной модели индивида в процессе произведения конкретного выбора или выборов
- N.B. обратные связи на этой диаграмме опущены для того, чтобы сфокусировать внимание на детерминантах процесса выбора в данный момент времени

предыдущих разработках автора, касающихся структуры представлений о пространственной организации учреждений, принадлежащих к сфере розничной торговли (Hudson, 1974). Модель, показанная в табл. 10-8, первоначально использовалась для анализа поведения покупателей при поиске продовольственных магазинов; позднее, однако, выяснилось, что она вполне применима и при изучении других ситуаций, когда человек ставится перед необходимостью выбора одного из нескольких пространственно размещенных объектов. Модель устанавливает взаимосвязь между тем, что человек знает о том или ином реально существующем магазине, и имеющимся у него представлением об идеальном магазине этого типа, причем первый оценивается на фоне последнего. В ней присутствуют следующие элементы: значительное, хотя и ограниченное, число магазинов, составляющих объективно существующую среду розничной торговли (A); суммарные знания индивида об этой среде и его общая оценка последней (B), а также знания и оценки индивида, относящиеся к искомому в данный момент магазинам (C); и, наконец, итоговый выбор, который делает индивид. Процессы, ведущие к формированию мысленного представления о размещении объектов в пространстве, и механизм принятия конкретного решения в своих основных чертах понимаются автором в соответствии с принципами теории Келли о построении индивидуального мысленного конструкта (Kelly, 1955), теории поля Левина (Lewin, 1951) и результатами, полученными Тоулманом при изучении когнитивного картирования (Tolman, 1932, 1952). Их основные особенности показаны в табл. 10-8. Затем этой модели при помощи многопозиционного шкалирования была придана операциональная форма, после чего началась ее апробация путем сопоставления с данными ежедневных наблюдений за поведением отдельных

потребителей, производившихся в течение десяти недель. Главный результат этих исследований состоял в установлении очень устойчивых взаимосвязей между представлением индивидуумов о тех или иных магазинах и частотой их посещения. При сопоставлении расстояний от наиболее посещаемого до наиболее «притягательного» магазина с имеющимися статистическими выкладками, касающимися непосещаемых, но известных покупателю магазинов, выявилось много неожиданного.

Анализ этой работы позволяет сформулировать два определенных вывода. Во-первых, как признает сам Хадсон (Hudson, 1976), масштаб его исследования был весьма ограниченным: обследовались всего 25 студентов, и то лишь по части покупок бакалейно-гастрономических товаров. Хотя студенты часто выполняют роль массива респондентов при проведении социальных исследований, в данном случае их нельзя было считать репрезентативными для населения в целом. Точно так же хотя покупка бакалейно-гастрономических товаров относится к числу важнейших видов покупок, особенно среди тех, которые совершаются людьми в пределах города, однако ее исследование ничего не говорит об особенностях перемещений, связанных с приобретением товаров, которые приобретаются реже, и оставляет в стороне процессы, определяющие конкретный пространственный выбор в этом случае.

Во-вторых, эта работа является отличной отправной точкой для изучения психологических аспектов подобных проблем, поскольку в предложенной модели делается попытка открыто применить достижения психологической науки. Несмотря на то что теоретические построения Келли, Тоулмана и Левина имеют немало противников, их использование в этой модели по крайней мере создает для географов прецедент, на который можно сослаться при обсуждении того, что может внести география в исследование специфических особенностей поведения городского покупателя и чем могут затем воспользоваться представители других дисциплин.

Необходимо сделать еще два более важных замечания по поводу исследования характера пространственного поведения потребителя в поведенческой географии. Во-первых, вполне очевидно, что в этой области пока гораздо больше теоретических построений, чем эмпирических исследований, подтверждающих или опровергающих их [18]. Слова о том, что исследование носит постановочный характер и его результаты нуждаются в дальнейшем эмпирическом подтверждении, очень часто встречаются в заключительных разделах таких работ. Хотя представление, согласно которому эмпирическому исследованию должно предшествовать формулирование неких теоретических положений, является, безусловно, верным и естественным, во многих случаях соответствующих эмпирических работ вообще не производится.

Второе замечание затрагивает проблему «соответствия» [19]. Немалые затраты энергии и использование тонких количественных методов для доказательства, что поведение потенциального покупателя зависит от удаленности магазинов от его дома, а также от уровня цен в них, выглядит несерьезно. Я бы не сказал, что изощренное трудоемкое получение тривиальных по существу результатов является главной особенностью данного направления исследований, но нужно помнить и о наличии подобных тенденций в изучении покупательских предпочтений в городе, как, впрочем, и в других областях поведенческой географии.

Поведение в естественной природной среде

I. Оценка ландшафтов¹

...Уиттерборн остановился. Казалось, что все мысли и предметы, которые только что занимали Грейс, были сейчас где-то очень далеко, и он подумал о том, что, подобно им, все те представления, которые были связаны в ее сознании с его образом в прошлом, могут просто исчезнуть.

Хотя могло случиться и такое, в эти минуты все сводилось к тому, что там, где он видел обычные дубовые деревья и хозяйственные постройки, перед ее глазами представляли совсем другие виды...

Томас Харди. Среди лесов

На протяжении всей истории город и деревня [1] были взаимосвязаны. Город был центром обслуживания сельского населения и давал для него работу, деревня поставляла ему продукты и сырье для производства и была местом отдыха горожан. Видимо, ценности, которые признаются все это время как за городом, так и за деревней, подразумевают, что различие между ними гораздо сложнее, чем различие просто между «ступкой и пестиком». Антиурбанизм многих авторов связан, по крайней мере отчасти, с их преданностью идеалу сельской жизни, идеалу «достойного» существования человека. Эти представления, как мы убедились, оказывают серьезное влияние на ход и характер исследований различных проблем поведения в городе, заметно влияют они и на исследование поведения в естественной природной среде.

В этой и следующей главах естественная природная среда предстанет перед нами в двух разных качествах. В этой главе, акцентируя внимание на использовании территории для рекреации, мы рассмотрим природную среду как ландшафт, считая, что его образ, как бы сложен он ни был для фиксации, существенно влияет на поведение человека, когда он находится в пределах данного ландшафта. Последний тезис иллюстрируется путем привлечения результатов ряда важных исследований, посвященных изучению проблем рекреации в малоосвоенных районах Северной Америки. В следующей главе природная среда будет анализироваться прежде всего с точки зрения таящейся в ней той или иной «опасности». В ней будут указаны взаимосвязи между индивидуальными представлениями о таких стихийных бедствиях, как наводнения, снежные бури, засухи, ураганы, и поведенческими реакциями людей на эти события. В обеих главах особое внимание уделяется теоретическим построениям, на которых основываются проводимые исследования, а также их методическим проблемам.

Оценка ландшафтов и необходимость управления

Пониманию того, что ландшафт как природный объект, обладающий ограниченными ресурсами устойчивости, нуждается в постоянной

¹ Глава написана в соавторстве с Д. И. Касгроу.

заботе и управлении развитием, способствовали два фактора. Один из них — это возрастающие нагрузки на сельскую местность, источником которых выступают города как поглотители сельскохозяйственных угодий в результате своего расширения и как предъявители прав на рекреацию для своих жителей. Второй связан с изменениями и в самом сельском хозяйстве. Так, становление капиталоемкого, высокомеханизированного сельского хозяйства в Западной Европе привело к повсеместному исчезновению перелесков и небольших полей, окруженных зелеными изгородями (так называемые *bosage* (франц.) — «ландшафты рош»).

Осознания необходимости в решении проблем распределения природных ресурсов, а также конфликтных ситуаций, возникающих в процессе отведения земель под те или иные нужды, нашла прямое выражение в принятии многими странами Запада специальных законов, регламентирующих развитие сельских территорий. Так, например, действующие в Великобритании «Закон о планировании развития местных центров и сельской местности», принятый в 1947 г., и «Закон о национальных парках и использовании сельской местности», датированный 1949 г., сделали оценку эстетических ресурсов ландшафтов с целью их сохранения и наращивания обязательной для местных органов власти, за выполнение которой они стали нести юридическую ответственность. Почти половина всех сельских территорий Англии и Уэльса сегодня имеет статус в той или иной мере охраняемых земель (Palmore, 1971). Это законодательство близко по духу распространенному представлению о том, что красота принадлежит всем, в том смысле, что ландшафты сельской Англии являются частью общего достояния всех англичан, даже если они и находятся в частном владении (Lowenthal, Prince, 1965). Как таковые, они должны быть доступны для всех, и каждый обязан следить за тем, чтобы в них не происходило никаких разрушительных изменений, — и эта обязанность ревниво исполняется. Такое отношение к ландшафту означает, что последний несет в себе неотъемлемую ценность независимо от специфических запросов тех или иных групп рекреантов.

Видимо, такие же ценности определяют политику, проводимую в США по отношению к неосвоенным территориям. Как мы увидим далее, ландшафты этих территорий, по существу, не затронуты преобразующей деятельностью человека и считаются хранителями уникальных духовных и нравственных ценностей, очень важных для здорового существования общества (Lowenthal, 1964). Наличие в Америке специального законодательства по защите девственных территорий в сочетании с их огромной популярностью как мест отдыха еще раз подтверждает тот факт, что оценка ландшафтов является очень важной проблемой для осуществления верной социальной политики.

Для того чтобы понять особенности поведения в естественной природной среде и чтобы нащупать пути его моделирования, важно знать, что именно привлекает людей в том или ином ландшафте, почему одни ландшафты предпочитают другим. Здесь будет высказано предположение, согласно которому понять это можно лишь через анализ различных ландшафтных характеристик, произведенных с позиций людей, деятельность которых связана с этими ландшафтами, то есть с позиций «потребителей» ландшафта; при этом полагается, что наиболее притягательные ландшафты и используются наиболее активно. Однако, по мнению многих авторов, это бесполезная или неосуществимая задача. Для того чтобы разобраться в существе дела, необходимо более пристально рассмотреть проблемы, связанные с осуществлением оценки ландшафтов.

Оценка ландшафтов: теоретические проблемы

Тот факт, что споры об особенностях ландшафтной оценки сосредоточиваются вокруг методических вопросов, в значительной мере объясняет, почему в этой области исследовательской деятельности существует полный теоретический вакуум. Стремясь найти способы адекватной оценки ландшафтов для решения конкретных практических проблем, связанных с развитием территории, ученые преуспели в разработке изощренной методологии, однако не смогли подкрепить ее соответствующим теоретическим обоснованием (Appleton, 1975a) [2]. Главная из дискутируемых проблем состоит в том, надо ли при оценке того или иного ландшафта ориентироваться на поиск «объективных» признаков его высокого качества, вне связи с существующей неустойчивой и, возможно, вообще непонятной популярностью конкретного ландшафта, или же эта оценка должна соответствовать мнению о ландшафте, которого придерживаются широкие круги населения.

Так, Крайк (Craik, 1972), например, утверждает, что, согласно современной теории эстетики, эстетическая оценка и эстетические предпочтения очень часто не совпадают. Вполне возможно, что искусствоведы согласятся с мнением признанных авторитетов о высокой ценности той или иной работы, даже если они сами *предпочитают* работы, являющиеся, по мнению большинства, совсем не интересными. Поэтому Крайк подчеркивает, что высокая оценка качества того или иного ландшафта не является гарантом высокого уровня его притягательности. Тернер (Turner, 1975) напоминает, что высоко ценимые ныне ландшафты нередко приобрели свою настоящую цену свыше ста лет назад практически вне связи с преобладавшими тогда вкусами и пристрастиями. По мнению Тернера, управление развитием ландшафтов на основе потребительских предпочтений чревато опасностью, отчасти потому, что они неустойчивы во времени (так как вкусы и предпочтения одного поколения обычно не совпадают со вкусами и предпочтениями другого), отчасти же потому, что «то, что образует ландшафт и что делает его привлекательным, до сих пор остается не до конца ясным» (Turner, 1975, 160). Многие указывают на то, отмечает этот исследователь, что человеку нравится именно тот ландшафт, в котором он вырос. По его мнению, заслуживает большого внимания анализ мнений компетентных лиц, которому надо отдать предпочтение перед анализом степени популярности того или иного ландшафта.

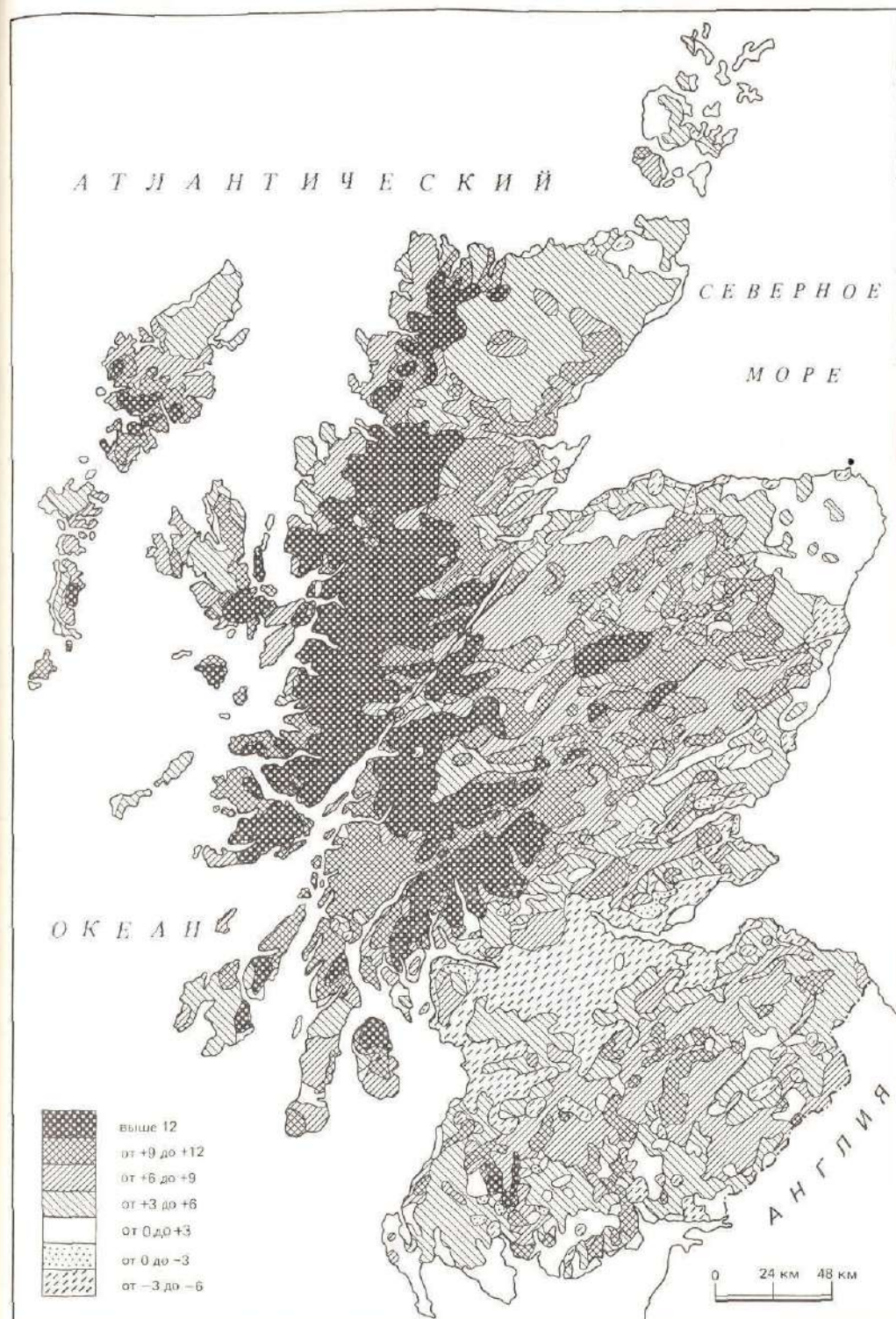
Представители противоположной школы считают, что люди, составляющие планы развития территорий, не обладают необходимыми знаниями для оценки эстетических свойств ландшафтов и что поиск объективных критериев для определения красоты естественной природной среды в соответствии с жесткими эстетическими критериями абсолютно бесплоден. Сами специалисты, занимающиеся планированием развития территорий, несмотря на полученную ими профессиональную подготовку, остаются людьми, обладающими своими собственными вкусами в оценке тех или иных ландшафтов, причем эти вкусы вовсе не обязательно совпадут с пристрастиями широких слоев населения. По этой же причине их мнения о том, что должно нравиться публике, могут прийти в противоречие с тем, что предпочитает большинство людей, посещающих оцениваемые территории. Так, по мнению Пеннинг-Роуселла (Penning-Roswell, 1974), оценки станут точнее, если будут учитывать особенности восприятия данных мест их обычными посетителями. Таким образом, «если планировщики хотят получить подлинную оценку той или иной природной среды, которая отражала бы реальную притягательность ландшафтов данных графства, области или района, они должны подойти к исследованию проблемы,

используя подход, опирающийся на мнение массового потребителя, или подход «соучастия», и не давать завлечь себя в методологический тупик так называемой «объективности» (Penning-Rowse, 1974, 934).

По-видимому, лучшим способом разрешения этого спора будет признание обеих точек зрения хотя и различными, но в известной мере связанными между собой подходами. Первый можно назвать «оценкой ландшафта» в точном смысле слова, поскольку он предусматривает измерение тех или иных характеристик самого ландшафта, в то время как второй лучше обозначить «установлением ландшафтных предпочтений», поскольку он направлен на исследование природы выбора, производимого респондентами из данного спектра мнений. Некоторые эмпирические исследования позволяют подробнее рассмотреть каждый из этих подходов и выявить его потенциал в попытках понять особенности поведения людей в данной ситуации.

Обзор исследований, посвященных оценке ландшафтов. Работы, посвященные оценке качества ландшафта, основываются на предположении, что эстетические ресурсы могут быть оценены объективно. Обычно в них используется компонентный подход, посредством которого отдельные элементы, составляющие видимую часть ландшафта, такие, как растительный покров, различные водотоки, формы рельефа и антропогенные объекты (Crofts, 1975), вначале выделяются из цельности ландшафтного образа, а затем оцениваются каждый сам по себе. Предпринимая одну из ранних попыток произвести такую оценку, Линтон (Linton, 1968, 223) подразделяет материальные составляющие ландшафта на «два поистине основных элемента, из которых складывается живописность пейзажей любых территорий», а именно «формы рельефа», характеризующиеся по признакам, принятым в геоморфологии, и их покров, образуемый лесами, болотами, фермами и фабриками, природной растительностью и антропогенными объектами. Для характеристики форм рельефа обычно применяют шесть основных показателей, а именно относительные высоты, крутизна склонов, расчлененность территории, глубина и частота встречаемости долин (в горной местности) и степень изолированности отдельных форм рельефа друг от друга. По мнению автора, открытые водные поверхности являются частями обоих выделенных элементов, однако имеют самостоятельное значение для целей картографирования территории. На основе его классификации были выделены шесть «рельефных форм ландшафтов»: низменные, волнисто-холмистые, состоящие из отдельных высоких холмов, гористые, ландшафты высокогорных плато, ландшафты среднегорья. Кроме того, предлагалась балльная система для оценки преобладающих визуально различимых особенностей покрова этих форм, таких, как городская застройка (–5 баллов), сплошные леса (–1), сельскохозяйственные угодья без лесопосадок (+1), заболоченные земли (+3), леса, перемежающиеся болотами (+4), разнообразное сельскохозяйственное использование земель (+5), территории в их естественном состоянии (+6).

На первый взгляд предложенная Линтоном система оценки ландшафтов кажется вполне объективной, однако на самом деле обе созданные им классификации, как ландшафтных форм рельефа, так и ранжированная отличительных особенностей ландшафтного покрова, основываются на его личных пристрастиях и предпочтениях. Скажем, предложенная им балльная система в большей степени выражает сформировавшиеся у него как у опытного геоморфолога представления о научной ценности различных форм рельефа, чем отражает жизнеспособную систему эстетических стандартов, пригодную для оценки качества ландшафтов. Ясно, что Линтону нравятся яркие ландшафты горных регионов, а «домашние» ландшафты низменностей и плато не вызывают особых симпатий. Давая оценку

антропогенных объектов в ландшафте, он также показывает свои предпочтения, оценивая их очень низко, что может быть весьма спорным, если вспомнить такие города, как Эдинбург, Стирлинг или Сент-Эндрюс. Более того, составленная им карта эстетических ресурсов Шотландии (рис. 11-1) носит слишком общий характер из-за приблизительности используемой балльной системы, в связи с чем обширные по площади территории сводятся в одну категорию, а многие специфические черты ландшафтов часто просто игнорируются (Wright, 1974).

Еще более примечательным образцом такого типа работ являются исследования Группы субрегионального планирования Ковентри-Солихалл-Уорикшир (1971). Эта исследовательская группа попыталась дать оценку гораздо меньшей, чем у Линтона, территории, к тому же намного менее контрастной по своему внешнему виду. Считалось, что главными параметрами, которые «формируют ландшафт, влияют на его оценку людьми и их интуитивное отношение к ним» (1971, 126), являются различные формы рельефа (их виды и характер склонов), различные виды использования земли (жилая застройка, сельские территории, промышленные зоны, водные поверхности) и различные материальные черты ландшафта (подразделенных на «природные» и «антропогенные», в свою очередь расчлененных на отдельные компоненты). Каждый показатель измерялся по ячейкам километровой сетки, на которую была разбита оцениваемая территория.

В итоге были получены два индекса: индекс ценности ландшафта, базирующийся на оценке его визуальных качеств, и индекс обзорности, высчитанный по размерам открывающихся из узлов километровой сетки видов. С учетом этих двух индексов была построена карта оценки ландшафтов, включавшая в себя данные о глубине открывающихся в различных ландшафтах видов (рис. 11-2).

Это, конечно, далеко не единственные примеры, которые можно было бы привести [3], однако и они хорошо показывают суть подобных исследований. Их авторы стремятся найти средства объективной оценки ландшафтов, независимые от взглядов и настроений их «потребителей». Однако, если рассматривать эти исследования с установкой на углубленное понимание тех аспектов оценки ландшафта, которые определяют поведение людей в конкретных ландшафтах, то обнаруживается скудость содержащейся в них полезной информации. Это происходит по двум причинам. Во-первых, покомпонентный подход к оценке качества ландшафтов грешит пороком, описанным Даффилдом и Коппоком (Duffield, Coppock, 1975, 142-3) в следующих словах: «Хотя специалисты, занимающиеся оценкой ландшафтов, и признают, что последний — это нечто большее, чем простая сумма его компонентов, большинство методик оценки ландшафтов построено на интегральном принципе, согласно которому мы получаем оценку ландшафта, отражающую результат суммирования оценок его различных ресурсов. Общая концепция этого подхода может быть весьма интересной, однако ясно, что современный уровень понимания того, каков вклад каждого отдельного компонента ландшафта в формирование его качества, крайне ограничен и что корректность сравнения ландшафтов,

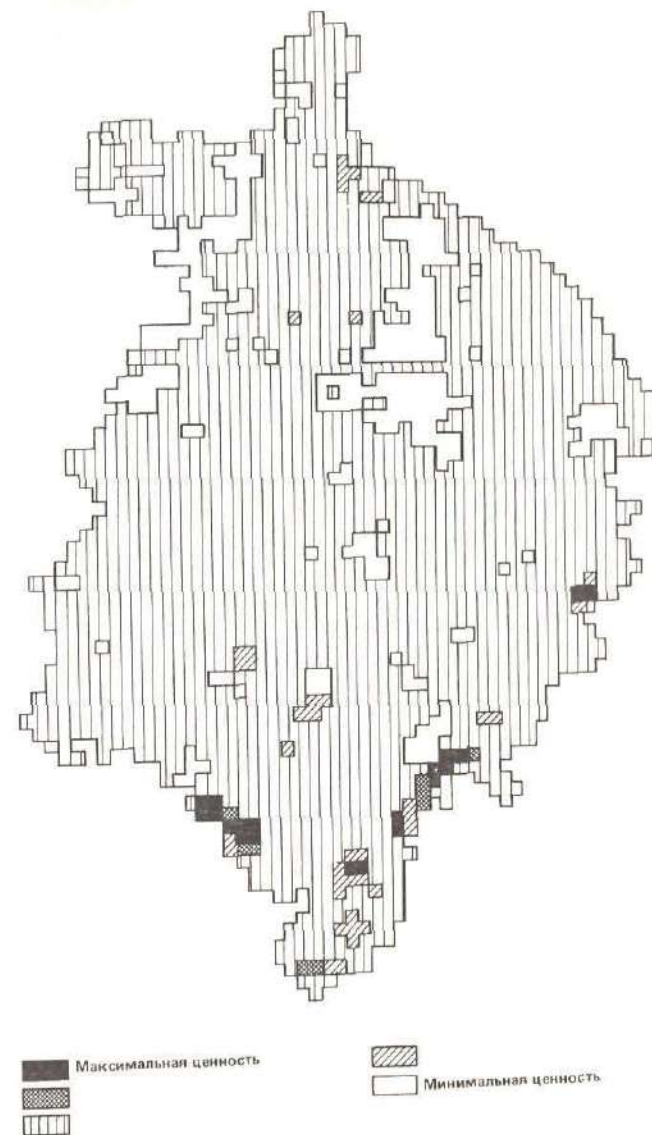

Рис. 11-2. Карта оценки ландшафта и красоты открывающихся видов. Материалы группы микрорегионального планирования Ковентри-Солихалл-Варвике (1971, 5, 152).

получаемых в результате применения этого подхода, вызывает значительные сомнения».

Во-вторых, точно так же как исследование Линтона, как мы убедились, отражает точку зрения одного, хотя и выдающегося, геоморфолога, работа в Ковентри-Солихалл-Уорикшир отражает восприятие ограниченной группы специалистов по проектированию развития территории. Члены этой группы не только выделяли основные компоненты для последующего анализа, но и производили их балльную оценку, разумеется не избежав при этом своих субъективных пристрастий к тем или иным конкретным ландшафтам. Поэтому как оценки отдельных компонентов, так и общие оценки

Рис. 11-1. Обобщенная оценка «эстетических» ресурсов Шотландии. Ист.: Материалы группы микрорегионального планирования Ковентри-Солихалл-Варвике (1971, 5, 152).

Оценка ресурсов в баллах:

выше 12 (черный штрих)
от +9 до +12 (клетчатая штриховка)
от +6 до +9 (штриховка сплошными линиями)
от +3 до +6 (штриховка прерывистыми линиями)

от 0 до +3 (белый цвет)
от 0 до -3 (светлый пиксир)
от -3 до -6 (темный пиксир)

качества ландшафтов отчасти объясняются индивидуальными вкусами и склонностями ученых, производивших эту работу. Сами эти исследования показывают предпочтения их авторов. Сейчас наступил подходящий момент для более подробного рассмотрения работ, посвященных исследованию собственно ландшафтных предпочтений.

Изучение ландшафтных предпочтений. Среди работ, посвященных изучению качества ландшафтов, преобладают исследования, направленные на установление его оценки (Penning-Rowse, 1975); однако в последнее время явно возрос интерес к анализу ландшафтных предпочтений, основывающихся на оценках тех людей, которые, как правило, и посещают рассматриваемые ландшафты. Суть этого подхода заключается в том, что ландшафт видится прежде всего целостностью, а не суммой отдельных компонентов (Dunn, 1976). Предпочтения выявляются в ходе интервью или при непосредственном наблюдении ландшафта. Последнее отличается особенной быстротой. Сначала дается оценка различных мест при помощи «объективных» методов, а затем наблюдается, какое количество людей в действительности посещает те или иные ландшафты, без какого бы то ни было посвящения посетителей в суть дела (напр., Weddle, 1969). Не говоря о проблемах, связанных с использованием методик «объективных» оценок, о которых говорилось выше, существенным недостатком такого подхода является то, что в этом случае характер мысленных представлений пытаются понять, исходя из рассмотрения зримых особенностей поведения.

При использовании интервьюирования, наоборот, получают возможность судить о степени знакомства респондентов с теми или иными ландшафтами и об их значимости в представлении тех людей, которые посещают или могут посещать их. При этом респонденты оценивают те или иные ландшафты в результате непосредственного их посещения или же делают такую оценку косвенным способом, главным образом рассматривая их фотографии (Dunn, 1976).

Пилотажное исследование ландшафтных предпочтений в пределах «Эриа Оутстендинг Нейчрл Бьюти» (Урочище непередаваемой красоты природы) в долине Вэй (Penning-Rowse, 1974) является примером использования метода непосредственной оценки респондентами ценности ландшафтов. Вся исследуемая территория была разбита на участки, обладавшие сходным рельефом и использовавшиеся примерно одинаково, после чего респондентов попросили дать оценку различных участков, опираясь на шкалу с оценками от «крайне притягательный» до «крайне непритягательный» ландшафт. Результаты этого исследования дали материал для карт индивидуальных и групповых ландшафтных предпочтений (рис. 11-3). Данный метод позволяет учитывать социальные и демографические характеристики респондентов, а также выделять внутри всего населения те или иные подгруппы, обладающие специфическими ландшафтными предпочтениями. Вместе с тем необходимо сказать, что обычно массив опрошенных репрезентирует лишь тех, кто наиболее часто посещает территорию того или иного ландшафта, а не все население в целом.

Возвращаясь к использованию при оценке ландшафтов фотографий и т. п. (Shafer, Mietz, 1969), подчеркнем, что эмпирическими исследованиями подтверждена их высокая пригодность для этих целей. Например, Данн (Dunn, 1974) приходит к выводу, что по оценке фотографий можно точно установить, как в действительности люди реагируют на те или иные ландшафты (табл. 11-1); к тому же такую оценку гораздо легче осуществить, чем провести анализ непосредственных впечатлений.

Этот метод удачно применен в работе Зонненфельда (Sonnenfeld, 1966). Для установления ландшафтных предпочтений у людей, живущих в прибрежных и внутренних частях Арктической Аляски, Зонненфельд исполь-

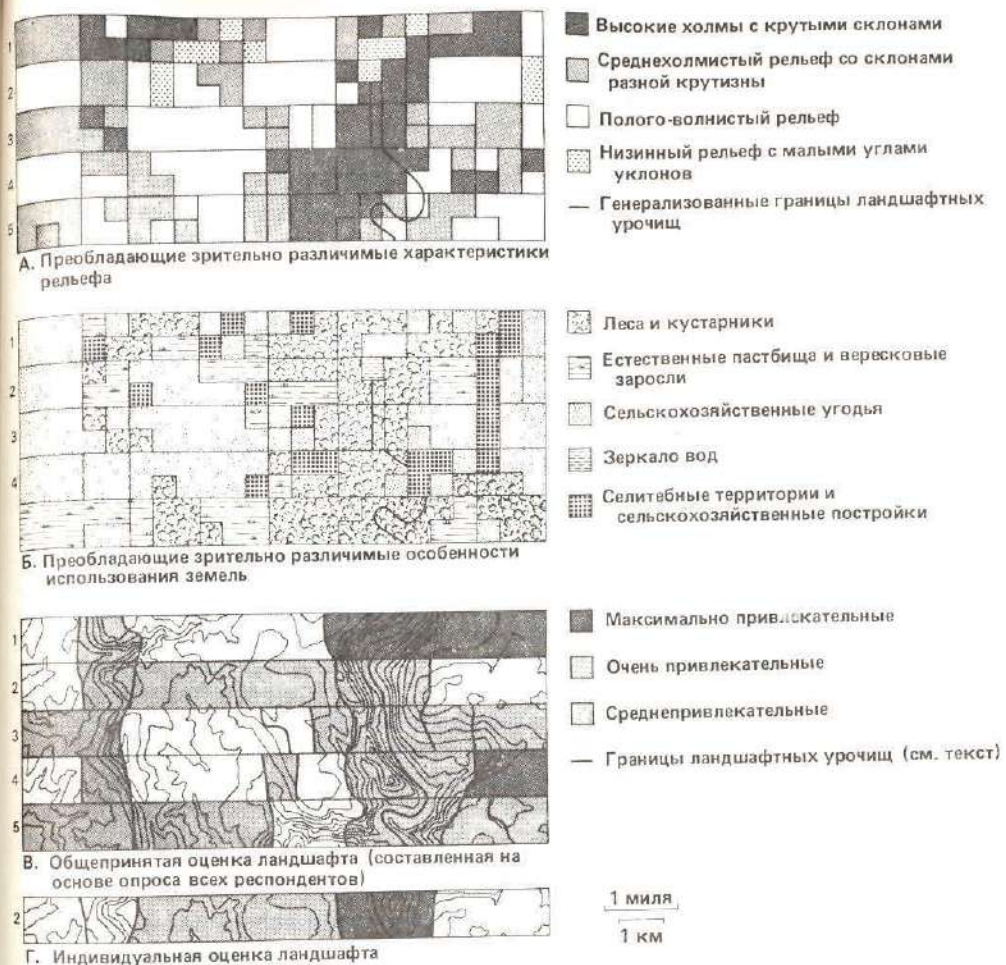

Рис. 11-3. Притягательность ландшафтов: результаты пилотажного обследования в долине Вэй. Penning-Rowse (1974, 933).

зовал пятьдесят пар фотографий, которые он показывал респондентам, предварительно разделив их на две группы: местных жителей (эскимосы) и тех, кто приехал сюда из других районов. Затем эти же фотографии были показаны группе студентов в Делавэре. Фотографии отбирались таким образом, чтобы каждая их пара отражала контрастные формы рельефа, растительности, водных поверхностей и даже особенности микроклимата.

Результаты исследования выборки показали наличие серьезных различий в предпочтениях местных жителей из поселений Аляски и студентов из Делавэра, а также у отдельных людей внутри групп в связи с их неодинаковыми социально-экономическими и иными характеристиками. Пожалуй, наиболее разительными были различия в предпочтениях местных жителей и пришлого населения. Люди чаще всего предпочитают те ландшафты, которые типичны для мест, в которых они родились. Разница в характере ландшафтных предпочтений с неместными респондентами менее заметна у тех местных жителей, которые бывали не только в различных частях Арктики, но и в других районах мира.

Таблица 11-1.

Результаты исследования ландшафтных предпочтений у респондентов при непосредственном и косвенном (по фотографиям) ознакомлении с различными ландшафтами

	Непосредственная оценка	Оценка по фотографиям	Первый способ в % ко второму
Хайгейт-Коммон	2,95	3,08	95,78
Арли	2,01	2,28	88,16
Кинвер-Эйдж	2,22	2,50	88,80
Кингсфорд	2,05	3,60	56,94
Уейр-Форест	2,06	2,14	96,26
Хартлибури-Коммон	3,04	4,12	73,79

Примечание: среднее рассчитано по отдельным показателям.

Источник: Dunn (1974, 936).

Это сокращение глубины различий ландшафтных предпочтений у людей, родившихся в данном месте, и у приезжих в связи с увеличением объема личных знаний и впечатлений о других территориях позволяет сделать предположение более общего характера. Анализируя проблемы туризма или других видов рекреационной деятельности, исследователь имеет дело с ситуацией, когда практически все респонденты являются не местными жителями (Ittelson et al., 1974), при этом они сильно различаются между собой по уровню знания различных районов. Таким образом, выражаемые респондентом ландшафтные предпочтения определяются, возможно, не столько степенью сходства данного ландшафта с родным для него с детства, сколько уровнем его знакомства с иными ландшафтами.

Впрочем, исследование Зонненфельда (Sonnenfeld, 1966) создало очень важный прецедент. Оно обнаружило существование серьезных различий в ландшафтных предпочтениях среди разных групп опрошенного населения, возможно, совсем не связанных с их культурной принадлежностью. В своем исследовании Зонненфельд пошел дальше большинства ученых, занимающихся этой проблематикой, попытавшись проследить проявление тех процессов, которые определяют характер ландшафтных предпочтений; причем он сделал это, используя известную и проверяемую теорию психологии [4]. Тот факт, что работа обобщающего типа в этом направлении появилась не слишком быстро (Stringer, 1975 b), не снижает ценности данного исследования для дальнейшего развития рассматриваемого подхода. В то же время надо отметить, что метод предъявления фотографий, использованный Зонненфельдом, порождает некоторые проблемы (Rieser, 1972). Фотографии дают представление о визуальных качествах ландшафта, но при этом игнорируется тот факт, что в его оценке нередко столь же важную роль играют другие органы чувств. Кроме того, на фотографиях изображены лишь некоторые виды ландшафта, выбор которых зависит от мастерства и характера мотиваций фотографа. Более того, при таком способе оценки многое зависит и от порядка, в котором показывались фотографии. Здесь нельзя учесть и такие важные факторы, как возможность рекреационной деятельности на его территории, которые уже используются индивидом или которыми он может воспользоваться в будущем.

Исследование ландшафтных предпочтений при помощи этого или иных методов сталкивается со множеством трудностей и жестко детерминировано

качеством методики, которое остается относительно невысоким. Несмотря на эти замечания, исследование предпочтений является, по-видимому, наиболее перспективным путем проникновения в сущностные черты поведения людей в естественной природной среде и формирования массива исходной информации, необходимой для управления развитием ландшафтов.

Для более полной оценки подобных идей представляется целесообразным кратко рассмотреть одно из исследований, посвященных изучению связей различного уровня предпочтений неосвоенных территорий и характера рекреационной деятельности в них.

Особенности поведения на неосвоенных девственных территориях

Большое внимание ученых привлекает изучение роли, которую играют неосвоенные, или девственные, территории в реализации тех или иных видов рекреационной деятельности. Большинство исследований в этой области осуществлено в Северной Америке, что совсем не удивительно, поскольку в сравнении с Западной Европой, где лишь немногие земли можно отнести к категории неосвоенных, почти два процента площади США (без островных штатов), то есть свыше 10 млн. акров, имеют официальный статус девственных (Simmons, 1975). В Северной Америке эти земли весьма интенсивно используются для рекреации, что приводит к существенному увеличению антропогенной нагрузки на них, особенно в летний период (Hall, 1976), и это при том, что такие районы посещает лишь незначительная часть населения. Шейфер и Митц (Shafer, Mietz, 1972) рисуют образ типичного туриста, посещающего эти земли, как человека высокой квалификации, принадлежащего к среднему классу и имеющего доходы, превышающие средний уровень (другие исследования подтверждают эти характеристики, см. ORRRC, 1962).

Для того чтобы понять причины подобной притягательности этих территорий, надо разобраться в том, какой смысл вкладывается в понятие «девственные земли» в Америке. Это понятие традиционно имеет двойственный смысл, который несет и аналогичный термин, используемый в Библии (см. гл. 8). С одной стороны, девственная дикая местность воспринимается местом скопления темных губительных сил, а также ассоциируется с безлюдным пространством. С другой стороны, она предстает как место уединения и созерцания, лишенное всех мирских соблазнов, место, где происходит очищение от грехов (Tuana, 1974). Обе эти трактовки занимают существенное место в американской культуре. Во времена пионерного освоения преобладало первое представление о подобных территориях. Но с течением времени вместе с укреплением положения первых колоний и распространением европейского романтизма отношение к ним в корне изменилось. Девственные территории стали внушать почтительный трепет и удивление, символизируя «фронтьер» и дух первоосвоения; на них стали смотреть как на сокровищницу событий национальной истории, придавая им высокую моральную и даже духовную ценность (Olson, 1961; Graber, 1976).

В связи с этим широко распространилось и представление о девственных землях как о в высшей степени благоприятном для психики целебном месте большой рекреационной ценности [5]. Опираясь на результаты обследований, проводившихся в Кветикском провинциальном парке (Онтарио, Канада) и соседнем Национальном парке Супириор (Миннесота, США), Бультена и Тэйвс (Bultena, Taves, 1961) пришли к выводу, что имеется по

крайней мере пять основных мотивов посещения этих территорий, а именно: для отдыха и занятий спортом, нередко такими его видами, которыми в местностях, где постоянно живут те или иные люди, заниматься невозможно; для того, чтобы почувствовать «очарование» дикой природы во время знакомства с ней; чтобы отвлечься от повседневной жизни; взглянуть на местности, ставшие неотъемлемым компонентом национального наследия; для получения чувства удовлетворения самых разных видов — от переживания эмоционального катарсиса, разрядки, до гордого осознания того, что ты отлично справился с трудностями пребывания в суровых условиях дикой природы.

Для обеспечения большей строгости анализа характера и особенностей притягательности территорий дикой природы многие авторы используют шкалу установок по отношению к таким землям. Хенди вместе с помощниками разработал шкалу «посетителей девственных земель», создание которой имело целью выявить, как люди с различным жизненным опытом воспринимают те или иные неосвоенные территории. Кроме этого, было произведено тестирование группы респондентов по характеру впечатлений от таких территорий с учетом тех возможностей, которые они предоставляют для их посетителей. В перечне пунктов фигурировали вопросы о характеристиках, типичных, по мнению исследователей, для неосвоенных территорий (отсутствие людей, уединенность, дух первопроходцев, преодоление горных вершин), и о пожеланиях, предпочтение которых считалось показателем ориентированности человека на городской образ жизни (киноски по продаже сувениров, оборудованные пляжи или отдельные комфортабельные домики). К каждому из этих пунктов респонденты должны были выразить свое позитивное или негативное отношение при помощи шкал семантического дифференциала. Полученные результаты подвергались факторному анализу для установления того, какие характеристики «дикаря» или «отшельника», присутствующие в структуре мотиваций посетителей этих мест, легче всего замерить (Hendee et al., 1968). Результаты, к которым пришли ученые, позволили им выделить семь типов притягательности диких территорий. Из них наиболее распространенными оказались «спартанский», «антипротивоестественный» (когда люди стремятся в дикие места, чтобы получить впечатления, максимально отличные от получаемых в повседневной жизни) и «первобытный».

В ходе обследования туристов в Белых горах и в горах Адирондак (северо-восток США) Шейфер и Митц (Shafer, Mietz, 1972) выяснили, что является наиболее притягательным в отдыхе в диких местностях. Среди опрошенных 47,4% считают, что наиболее важным моментом в таком виде отдыха является получение новых эмоциональных впечатлений «восприятия и освоения диких территорий — впечатлений, связанных с преодолением чего-либо». Следующую весьма крупную (36,8%) группу составляют те респонденты, для которых главными являются эстетические моменты «наслаждения красотой и бесконечным разнообразием всяческих взаимосвязей, существующих в полнокровной природной среде». Такие цели посещения неосвоенных территорий, как накопление социального опыта, расширение кругозора или укрепление здоровья, оценивались как гораздо менее важные.

Как и следовало ожидать, среди разных подгрупп посетителей девственных территорий очень часто обнаруживаются существенные различия. Хенди с соавторами указывает, что отношение к таким местностям зависит от места постоянного проживания людей (в городе или в сельской местности), а также от их принадлежности к той или иной группе рекреантов (например, к активным туристам или отдыхающим в стационарных кемпингах). И Лайм (Lime, 1972), и Петерсон (Peterson, 1973) показывают, что

Таблица 11-2

Процент представителей различных групп, выбравших данную территорию для отдыха прежде всего потому, что она «девственная»

Рекреанты	Число опрошенных	Выбравшие данную район, %
Лодочники:	84	71
Байдарочники	63	75
Использующие моторные лодки	21	62
Другие:	196	40
Автотуристы	86	49
Путешествующие на судах	23	35
Отдыхающие на курорте	57	39
Приезжающие только на один день	21	10
	9	33

Типы выделялись при значениях хи-квадрата не менее 0,005.

Источник: Lucas (1970, 299).

характер восприятия диких территорий и предпочтений к ним у тех, кто использует эти места в рекреационных целях, может существенно отличаться от аналогичных параметров тех, кто занимается их управлением и развитием. Лукас (Lucas, 1970) установил, что значение, придаваемое именно девственности этих территорий, существенно различается у представителей различных групп рекреантов (см. табл. 11-2).

Представляет интерес тот факт, что Лукас (Lucas, 1970, 299) не определяет понятия «дикие местности»; «такого определения не требовалось и от респондентов». Тем не менее были установлены существенные различия в истолковании понятия «девственные территории» различными респондентами, что отлично иллюстрируется определением ими их площади. Лукас показывает, что байдарочники считают «дикими» гораздо меньшие по площади территории, чем люди, отдыхающие стационарно или использующие для отдыха моторные лодки. Байдарочники ревнивей относились к рекреантам других видов и к любым новшествам в этих районах: например, территории, прилегающие к дорогам, они исключили из числа «диких». Некоторое впечатление об этих различающихся между собой пространственно выраженных определениях «диких местностей» можно получить из рис. 11-4.

И мы опять приходим к более общему выводу. Буквально невозможно получить определение понятия «дикая местность», которое было бы до конца адекватным. Это очень сложное понятие, в состав которого входят самые противоположные компоненты: спокойствие и хаос, ощущение опасности и чувство бодрости, умиротворенность и состояние взволнованности, то есть все то, что «сознание вкладывает в описание природы» (Tuan, 1974, 112). Безусловно, осознание того факта, что девственные территории представляют значительную ценность, и того, что они находятся под жестким давлением со стороны экономики, делает совершенно необходимым, чтобы специалисты по развитию нашли точный критерий для определения этих территорий с целью их охраны. До некоторой степени это может показаться несовместимым. Планирование, направленное на сохранение объектов, существование которых обязано невмешательству человека, может привести к созданию чего-то абсолютно искусственного, вроде уголков «дикой

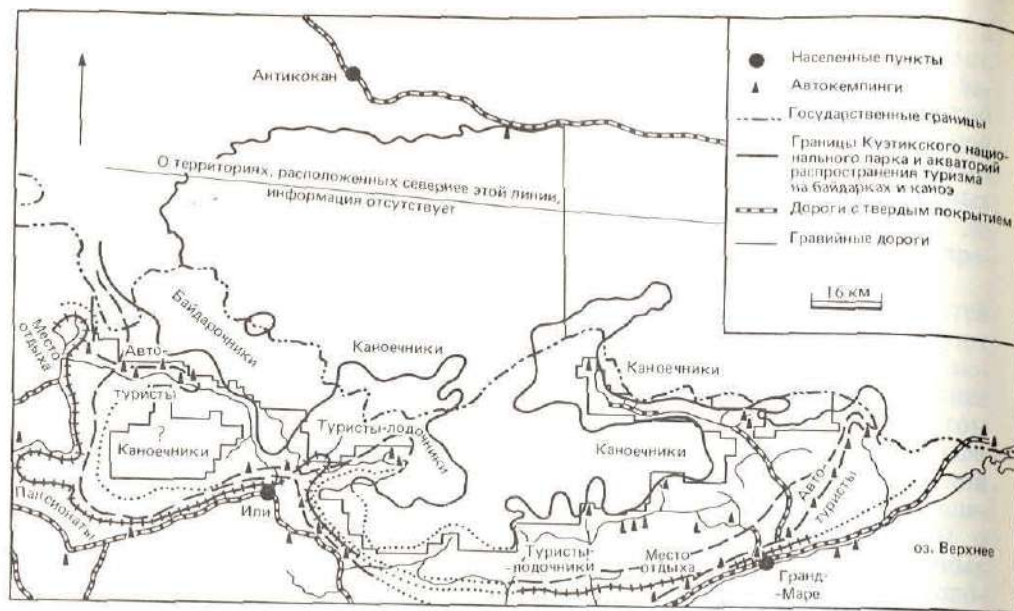

Рис. 11-4. Кузетико-Верхнеозерский район. Территории, называемые «дикими» не менее чем 50% респондентов в каждой из 4-х основных групп туристов, посещающих этот район. Lucas (1970, 299).

Внутренние пространства, то есть удаленные от транспортных коммуникаций и в основном лежащие к северу от границы, проведенной представителями любой из групп, были названы «дикими» 50-100% представителей соответствующей группы, посещающих этот район. Пунктирные участки граничных линий соответствуют местам, не упомянутым респондентами; их субъективная оценка была сделана на основании сведений 1960 г.

природы» в садах XVIII в., представлявших собой небольшие территории детально продуманного «хаоса», приятно контрастировавшие со строго геометрическими пропорциями регулярного парка. Однако антропогенное давление, которому подвергаются девственные территории, означает, что просто не остается иного выхода, кроме вмешательства в их функционирование вместе с попыткой как-то упорядочить запросы населения к этим землям, что в свою очередь требует создания жизнеспособных методов подлинной оценки ландшафтов.

Таким образом, мы вновь возвращаемся к принципиальному тезису о том, что все затронутые проблемы необходимо решать на основе предпочтений тех людей, которые являются «потребителями» данной среды. Противоположный подход, основывающийся на применении методов количественной оценки качества ландшафтов и подразумевающий существование «объективной» среды, просто непригоден для проникновения в людские предпочтения тех или иных ландшафтов. В любом случае при проведении исследования ландшафтных предпочтений остается еще немало теоретических и методических проблем, да и по самой своей природе эти исследования являются дорогостоящими и требующими больших затрат времени, однако дело стоит того. Ведь цель работ далеко не академическая, поскольку развитие этого подхода может способствовать формированию прочного фундамента для осуществления совершенствования среды и размещения ценных ресурсов—задачи, решение которой силами одних специалистов-планировщиков нереально. Впрочем, такой вывод справедлив не только для специфических проблем рекреационного поведения на территории естественных природных ландшафтов.

Поведение в естественной природной среде

II. Стихийные бедствия

И вот, в течение последних двух дней, дождь в низовьях реки шел не переставая, так что старики качали головами и вспоминали события шестидесятилетней давности. Тогда дожди такой же силы, случившиеся в период равноденствия, привели к страшному наводнению: река слесла мост и разрушила большую часть городка. Но более молодые люди, которые пережили лишь несколько обычных сильных наводков, не принимали всерьез этих мрачных воспоминаний и тяжелых предчувствий, и Боб Джекин, всегда веривший в свою счастливую судьбу, снисходительно улыбался, видя страхи матери, сокрушавшейся, что их дом стоит прямо на берегу реки и они при этом не удосужились приобрести хотя бы одну лодку, которая в случае наводнения становится необходимой для поездок за продуктами на большие расстояния.

Джордж Элиот. Мельница на Флоссе

Редактор любой газеты скажет вам, что сообщения о стихийных бедствиях всегда вызывают у публики огромный резонанс. И действительно, всегда на первых полосах газет вы найдете сообщения о стихийных бедствиях, будь то землетрясение, страшная засуха, извержение вулкана, смертоносные штормы или ураганы. И всегда в таких случаях в центр внимания попадают рассказы о происшествиях, затрагивающих те или иные интересы людей (нарушение привычного образа жизни и изменение ее пространственной организации, уничтожение имущества, человеческие жертвы). Тем не менее почти всегда в таких случаях сообщается и о твердом намерении людей вернуться в районы, пострадавшие от бедствия, и вновь наладить там жизнь. Такое желание понятно, поскольку территории, подверженные опасности стихийных бедствий, часто бывают густо населены и являются районами высокой экономической активности. Необходимо также обратить внимание на те аспекты подобных событий, которые могут показаться необъяснимыми. Например, во время землетрясения 1976 г. в Северной Италии сразу после первых сильнейших подземных толчков люди начали энергично восстанавливать свои поврежденные дома, тогда как последовавшая затем серия незначительных по силе подземных толчков вызвала массовый выезд населения из этого района. Похожая картина наблюдалась и в Бангладеш, когда в районы, пострадавшие от тропических циклонов в ноябре 1970 г., вселилось большее количество людей, чем жило там до стихийного бедствия (Burton, 1972).

Проблемы, связанные с особенностями мыслительной деятельности и поведения людей в момент стихийных бедствий, давно привлекают внимание как ученых, так и специалистов, определяющих политику регионального развития. В первой части этой главы рассматриваются материалы общих исследований этих проблем. Во второй части анализируются некоторые

проблемы самих этих исследований. Далее показывается, что работы данного направления включают в себя компоненты, изучение которых имеет большое значение для развития всей поведенческой географии. С течением времени географические исследования стихийных бедствий во все большей степени начинают проводиться в рамках единой парадигмы. Поэтому изучение стихийных бедствий выделяется среди других направлений поведенческой географии высоким уровнем сопоставимости проводимых работ и их хорошей организацией, хотя, как мы увидим, есть и такие ученые, которые считают, что эти преимущества полностью компенсируются ограниченностью используемого подхода и поверхностным характером применяемого анализа. Однако, пока не рассмотрены основные особенности ситуации, возникающей во время различных стихийных бедствий, а также весь спектр поведенческих реакций людей в такие периоды, дискусию по этим вопросам лучше не начинать.

Стихийные бедствия в сознании и поведении людей

Ситуация стихийного бедствия. Понятие «стихийное бедствие» чрезвычайно трудно определить. Как установили Бартон и Кэйтс (Burton, Kates, 1972), это понятие охватывает такие различные явления, как снежные бури, наводнения, смерчи, землетрясения, извержения вулканов, инфекционные и вирусные заболевания и даже укусы ядовитых животных. Впрочем, если заглянуть в географическую литературу, то станут ясными два момента. Прежде всего, станет очевидно, что географов интересуют в первую очередь стихийные бедствия геофизического (связанные с климатом и рельефом) ряда, поскольку они резко отличаются от стихийных бедствий, имеющих биологическую природу. Поэтому полезным представляется определение, предложенное Оливером (Oliver, 1975, 99), который считает, что стихийное бедствие — это «экстремальное геофизическое явление, по своим размерам или частоте значительно превосходящее обыкновенные ожидания людей и приносящее им большие страдания с нанесением серьезного материального ущерба как самому человеку, так и делу его рук, а также возможными потерями человеческих жизней». Во-вторых, как подразумевается процитированным определением, стихийное бедствие не является таковым, если оно не приносит ущерба отдельным людям или группам людей. Как пишет Уайт (White, 1974b, 3), «ни одно стихийное бедствие не существует отдельно от усилий, предпринимаемых человеком, чтобы приспособиться к нему. Его органичной частью всегда являются инициатива человека и выбор, который он вынужден делать. Наводнения не были бы стихийными бедствиями, если бы не постоянное стремление людей обосноваться в поймах и долинах рек; поселяясь там, они и создают потенциальную опасность для себя, нередко изменяя сам режим паводков, что может приводить к наводнениям».

Сбором информации о стихийных бедствиях и об их последствиях занимаются самые разные учреждения; среди них специальные правительственные органы, научные институты, а также различные учреждения ООН. Ценные данные по этой теме собрали, в частности, Шейен и Хевит (Sheehan, Hewitt, 1966). В табл. 12-1 приводится число жертв всех стихийных бедствий, происшедших на Земле за двадцатилетний период (1947–1967 гг.). Согласно этим данным, наибольшее число жизней унесли наводнения (39,2%), почти столько же — тайфуны, тропические циклоны, ураганы и штормы (все вместе 35,8%), а также землетрясения (12,7%). Эти цифры важны для оценки потерь человеческих жизней при различных стихийных

Таблица 12-1.

Количество природных стихийных бедствий и вызванных ими человеческих жертв во всех частях света за 1947–1967 гг.

	Число стихийных бедствий	Число погибших людей	Доля в общем числе жертв, %
Наводнения	209	173 170	39,2
Тайфуны, ураганы, тропические циклоны, приливные волны	153	158 245	35,8
Землетрясения	86	56 100	12,7
Смерчи	66	3395	0,8
Бури и грозы	32	20 940	4,7
Снежные бури	27	3520	0,8
Волны тепла	16	4675	1,1
Волны холода	13	3370	0,8
Вулканические извержения	13	7220	1,6
Оползни	13	2880	0,7
Ливни	10	1100	0,2
Снежные лавины	9	3680	0,8
Туманы	3	3550	0,8
Мороз	2	0	—
Песчаные и пыльные бури	2	10	—
Всего:	654	441 855	100,0

Источник: Sheehan, Hewitt (1969).

бедствиях в целом, на всей Земле, однако они в значительной мере затушевывают региональные различия в этих показателях. Некоторое представление об этих различиях дает табл. 12-2, в которой показано распределение по континентам нанесенного природными катастрофами ущерба. Из нее видно наличие заметного контраста между развитыми и

Таблица 12-2.

Среднее число человеческих жертв, приходящихся на одно стихийное бедствие, рассчитанное по различным континентам

Континент	Число человеческих жертв	Число стихийных бедствий	Среднее число человеческих жертв, приходящихся на одно бедствие
Северная Америка	7965	210	37
Центральная Америка и о-ва Карибского моря	14 820	49	302
Южная Америка	15 670	45	348
Африка	18 105	17	1065
Европа (без СССР)	19 575	85	230
Азия (без СССР)	361 410	297	1216
Австралия	4 310	13	332
Всего:	441 855	716	618

Источник: Sheehan, Hewitt (1969).

развивающимися странами. Так, например, при численности зарегистрированных стихийных бедствий в Северной Америке, равной 210, а в Африке — 17, в последней число погибших было гораздо выше. Конечно, необходимо с большой осторожностью относиться к анализу этих цифр, поскольку они являются весьма приблизительными и не всегда проверенными, однако для объяснения столь сильных различий можно предложить две гипотезы. Во-первых, представители информационных агентств гораздо больше интересуются подобными случаями в США, а не в далекой Африке, и поэтому, вероятно, лишь самые крупные катастрофы, разражающиеся на Африканском континенте, попадают в поле их зрения. Во-вторых, в развитых странах лучше научились управлять природными процессами окружающей среды, таящими потенциальную опасность, вследствие чего снизилось и число человеческих жертв в каждом отдельном случае. И наоборот, страны третьего мира не обладают достаточными возможностями осуществления таких мероприятий; кроме того, значительные демографические и экономические нагрузки в зонах повышенного риска этих стран нередко существенно повышают уязвимость людей, проживающих в районах, подверженных губительному влиянию стихий.

Данные табл. 12-2 определенно показывают существование связи между уровнем развития территории и числом человеческих жертв (Baird et al., 1975).

Реакция людей на стихийные бедствия. В сравнении с информацией о физических характеристиках и масштабах стихийных бедствий сведения об особенностях мыслительной деятельности людей и их реакции в таких случаях получить гораздо труднее. Поведенческие реакции на стихийные бедствия включают в себя настолько сложный набор различных поступков, определяемых параметрами личностного, социального и культурного характера, что эти реакции могут быть объяснены диаметрально противоположными способами. Например, Раунтри (Rowntree, 1974) показывает, что одни воспринимают береговую абразию (разрушение берегов) как угрозу близрасположенным домам и проживающим в них людям, в то время как другие считают такие процессы позитивными, поскольку они символизируют в их глазах победу природы над частной собственностью. Существует и мнение, согласно которому пожары, происходящие на неосвоенных человеком территориях по причинам природного характера, должны протекать без вмешательства людей, поскольку это естественный процесс.

Тем не менее во всех исследованиях, посвященных изучению реакций людей на стихийные бедствия, указываются некоторые общие черты поведения в подобных обстоятельствах. Редко бывает так, что стихийное бедствие совсем игнорируется, однако восприятие таких событий, как правило, характеризуется «когнитивным диссонансом» (Festinger, 1947), что в данном случае означает ситуацию, когда человек склонен думать и действовать иначе, чем можно было бы ожидать в результате спокойного анализа доступной информации об объективно существующей среде. Иттelson и др. (Ittelson et al., 1974, 310) пришли к выводу, что исследователи поведения людей в условиях стихийных бедствий видят четыре основные причины подобных отклонений поведения:

1. В большинстве районов катастрофы случаются сравнительно редко, они являются событием, не вписывающимся в обывденную повседневную жизнь. Нерегулярность восприятия стихийных бедствий ведет к образованию искаженных представлений об окружающей среде. Опасность (раздражитель) видится как потенциальная и отдаленная, а не как реально существующая и готовая обрушиться в любой момент.

2. Люди имеют дело с проявлением сил, которые, как считается, человек практически не способен контролировать.
3. В таких ситуациях нередко необходимо кардинально менять образ жизни, к чему люди обычно не склонны.
4. Очень часто в момент стихийного бедствия информация об окружающей среде бывает весьма противоречивой, что приводит к недостатку надежных ориентиров. В результате принимаемые решения в подобных условиях гораздо менее логичны, чем в спокойной обстановке.

Однако формирование каждой из этих причин обусловлено действием факторов широкого спектра, из которых четыре заслуживают более подробного рассмотрения. Таковы накопленный опыт, личностные особенности, характер отношения к природе, а также привязанность к данному месту.

Накопленный опыт переживания стихийных бедствий различной частоты и размаха сильно влияет на оценку людьми степени вероятности повторения подобных событий, глубину осознания их последствий для обывденной жизни обитателей этих районов, а также характер мероприятий, которые, по их мнению, необходимо предпринять для борьбы с этим стихийным бедствием в будущем. Чрезвычайные происшествия обычно выступают в роли жестко фиксированных событий прошлого опыта, изглаживающих из памяти более ранние события и являющихся как бы стандартом, с которым сравниваются все последующие происшествия, хотя, если экстремальные события случаются слишком редко, острота воспоминаний о них постепенно снижается. Так, Джексон и Мукерджи (Jackson, Mukerjee, 1974) установили, что совсем немногие жители Сан-Франциско воспринимают всерьез угрозу землетрясения, и это несмотря на то, что в период между 1872 и 1972 гг. в Калифорнии произошло шесть крупных землетрясений и что сам этот город был разрушен землетрясением во времена, памятные даже ныне живущим (1906 г.). Далее, установлено, что люди обычно устойчиво оптимистичны в оценке стихийных бедствий. Так, например, по данным Сааринена (Saarinen, 1966), фермеры засушливой зоны Великих равнин США постоянно и повсеместно давали неправильную оценку частоты засушливых лет, но с оптимизмом говорили о множестве урожайных лет, преувеличивая размер действительных урожаев. Чаще запоминаются успехи, а не трудности.

Все эти соображения подводят нас к рассмотрению *личностных* особенностей реакции людей на стихийные бедствия, о которых, однако, крайне мало известно. Большинство разработок на эту тему остаются интуитивными, как, например, гипотетическое представление, согласно которому склад личности людей, живущих в зонах, весьма подверженных опасности стихийных бедствий, напоминает склад личности игрока, который терпеливо сносит все затруднения, причиняемые стихией, ориентируясь на перспективы спокойной обеспеченной жизни, которые, как он предполагает, должны реализоваться. Спекулятивный характер подобных представлений отчасти объясняется тем, что они, как правило, появляются в виде побочных продуктов исследований, посвященных в первую очередь вопросам методики и методологии (напр., Barker, Burton, 1969; Golant, Burton, 1970; Saarinen, 1973b); однако это связано и с реальной сложностью проведения исследовательских работ, затрагивающих личностные особенности [1], а также и с недостаточным пониманием сущности сложных взаимодействий между отдельной личностью и социально-культурными факторами.

Характер отношения людей к природе в значительной степени отражает влияние культуры, к которой они принадлежат. Клакхоун (Cluckhohn, 1959) предлагает несложную типологию различных отношений человека к приро-

де, в которой фигурируют: человек как субъект природы; человек, живущий в полной гармонии с природой; и, наконец, человек как господин природы. Отсюда вытекает и соответствующее отношение к ней. Первая точка зрения характерна для доиндустриальных обществ, а также для людей, занимающихся пионерным освоением девственных земель. Капризы природы кажутся неподконтрольными обществу и часто воспринимаются как проявления божественной воли. Многие теологи описывают пожары, землетрясения, извержения вулканов, ливни и наводнения как силы, направленные на очищение от грехов или являющие собой знаки божественного гнева. Такие взгляды вместе с низким технологическим уровнем общества обычно порождают безропотную покорность и фатализм. Сама Клакхоун приводит иллюстрации такого отношения к природе, описывая культуру испано-американцев, занимающихся овцеводством на юго-востоке США, которые «в случае урагана, уничтожающего их пастбища или убивающего их овец, мало что могут предпринять для успешной борьбы с ним. Они просто принимают неизбежное как неизбежное» (приводится по: Ittelson et al., 1974, 316). Идея о гармоничном сосуществовании человека и природы типична для экологического подхода. Антропогенные системы видятся в этом случае органичным элементом в рамках природных систем. Отдельные люди могут предпринимать какие-то шаги для обеспечения самосохранения, однако им следует понимать, что природная среда непредсказуема и что последствия необдуманных действий по ее изменению нельзя будет предотвратить. Наконец, люди могут считать себя хозяевами природы. Именно такое представление было фундаментальной доктриной в маоистском Китае, когда утверждалось, что человек должен покорить природу. Уорд (Ward, 1974, 138), описавший ситуацию в совершенно ином идеологическом контексте, считает, что «специалисты, занимающиеся садоводством во Флориде, нередко убеждены, что природу надо совершенствовать при помощи передовых достижений технологии. Многие из них полагают, что чем сильнее они изменяют естественную природную среду, тем выше будут их доходы». Они рассматривают природу некоей субстанцией, которая должна быть обработана с применением всех навыков, накопленных человеком. Можно заботиться о ней, например бороться с заморозками при помощи различных средств защиты от холода или каких-либо иных средств, однако при этом решение о том, применять эти средства или нет, остается, по их мнению, исключительной прерогативой земледельца.

Типология Клакхоун ценна тем, что она показывает жизненно важную роль технологии в развитии общества, а также подчеркивает ее значение для формирования того или иного отношения к природе. Существуют эмпирические свидетельства, позволяющие предположить, что на поведение жителей районов повышенного риска во время стихийного бедствия серьезное влияние оказывает уровень их собственной оснащенности техническими средствами защиты или уровень аналогичной оснащенности тех, кто, по их мнению, в случае бедствия сможет оказать им такую помощь. Например, в знаменитом исследовании, о котором мы еще поговорим подробнее, Уайт и др. (White et al., 1958) утверждают, что возрастание затрат на мероприятия по борьбе с наводнениями в США в действительности сопровождалось увеличением потерь, вызываемых наводнениями; они предполагают, что это вызвано слишком большой уверенностью в могуществе защитных сооружений и возросшей в связи с этим недооценкой опасности возможных наводнений. Тем не менее было бы опасным заблуждением полагать, что существующие позиции по отношению к природе всегда строго укладываются в ту или иную из приведенных категорий. В работе Уорда (Ward, 1974), упоминавшейся выше, приводится факт совместного проживания фермеров с фаталистическими установками и тех, кто считал себя хозяином природы.

В действительности даже один и тот же человек может одновременно занимать несколько позиций по отношению к природе, считая, например, что на каком-либо низком уровне контроль над ней возможен, но что общий характер природных процессов предопределен.

Проблемы, связанные с характером *привязанности людей к данному месту*, несколько недооцениваются исследователями поведения при стихийных бедствиях. Вполне понятное стремление к концентрации основного внимания на рассмотрении тех сторон природной среды во время стихийной катастрофы, которые вызывают стрессовые реакции, привело к тому, что некоторые авторы выражают искреннее удивление тем, что находятся такие безумцы, которые вообще соглашаются жить в таких районах. Однако такие подверженные губительным стихиям территории, как, например, речные долины или морские побережья, являют собой первостатейные образцы того, что Туан называет «землями постоянной высокой притягательности» (Tuau, 1974, 114). Безо всяких разговоров ясно, что дельта Нила, долины рек Евфрата, Тигра, Инда и Хуанхэ да и другие подобные районы являются главными центрами цивилизации, следы обитания людей в которых уходят в доисторические времена. Все эти территории подвержены угрозе губительных наводнений, однако она меркла при осознании громадных экономических выгод жизни в этих местах и понимании колоссальной культурной ценности этих мест. Реки выступали в роли деспотов, которых надо укротить; однажды укрощенные, они становились символами достигнутой победы, как и той «нитью», которая связывала членов данного общества воедино. Однако привязанность к территории не есть отличительная черта лишь только тех людей, которые обитают в названных районах, имеющих мировое значение, нет, это чувство проявляет себя в качестве мощной силы всегда, когда мы сталкиваемся со стремлением людей вернуться в свои родные места после природной катастрофы с твердым намерением снова жить там.

Все эти факторы, каждый в отдельности и все вместе, играют большую роль в определении характера поведенческих реакций людей на стихийные бедствия. Хевит и Бартон (Hewitt, Burton, 1971), проводившие сравнительный анализ действий людей во время трех различных стихийных бедствий (землетрясений, наводнений и сильных снегопадов), выделяют шесть типов возможных поведенческих реакций в подобных условиях. Как видно из табл. 12-3, эти реакции образуют широкий спектр, от пассивного перенесения отдельными людьми всех тягот и невзгод, вызываемых стихийным бедствием, до ситуаций, когда общество в целом стремится устранить причины стихийного бедствия при помощи новейших технических средств.

Таблица 12-3.

Теоретически возможные типы поведенческих реакций на различные стихийные бедствия геофизической природы

Типы реакций	Стихийные бедствия		
	Землетрясения	Наводнения	Снегопады
Стремление повлиять на причину стихийного бедствия	Способ изменить механизм землетрясений не известен	Уменьшение силы наводнения при помощи измененной территориальной организации землепользования; разгон ливневых туч	Изменить их локализацию путем рассивания снежных облаков

Типы реакций	Стихийные бедствия		
	Землетрясения	Наводнения	Снегопады
Стремление изменить характер бедствия	Выбор особо сейсмостойких мест для строительства; укрепление почв и грунтов; строительство защитных сооружений от волн; принятие мер пожарной безопасности	Контролирование масштабов наводнения путем: строительства резервуаров, дамб, совершенствования системы каналов, внедрения технических средств борьбы с наводнениями.	Уменьшение воздействия при помощи снегозаграждений, снегоочистки, посыпки дорог песком и солью
Стремление изменить характер потенциального ущерба	Системы своевременного оповещения; эвакуация населения и проведение экстренных мер защиты; сооружение сейсмостойких зданий, изменение в характере землепользования, постоянная готовность к эвакуации	Системы своевременного оповещения; эвакуация населения и проведение экстренных мер защиты; изменение в проектах зданий, изменение в характере землепользования, постоянная готовность к эвакуации	Прогнозирование и изменение графиков движения, проверка исправности технических средств, изменение в проектах зданий, сезонные меры защиты (цепи против гололеда на колесах автомобилей); сезонные миграции, разработка маршрутов передвижения на случай снегопадов
Реакции приспособления к возможному ущербу:			
Смягчение ущерба	Установление общественного спокойствия		
Планирование потерь	Субсидирование страхования от стихийных бедствий		
Необходимость пережить тяготы бедствия	Страхование и основанис резервных фондов		
	Личные потери от стихии		

Источник: Hewitt, Burton (1971, 19).

Используемая авторами терминология имеет достаточно общий характер и пригодна для описания действий людей в самых разных ситуациях. Так, скажем, страхование можно понимать и в обычном смысле этого слова, которое оно имеет на Западе, но можно подразумевать под ним нечто более широкое, например то, что является результатом сложной системы различных мероприятий в целях взаимопомощи, что очень характерно для доиндустриальных обществ, перед лицом наиболее тяжелых последствий разрушавшейся стихии (напр., см.: Kirkby, 1974).

Кэйтс (Kates, 1971) в своей модели обобщенных систем сводит воедино все различные элементы и взаимосвязи, возникающие в процессе приспособления к стихийным бедствиям (рис. 12-1). Достаточно наглядная сама по себе, эта модель, коротко говоря, изображает так называемые системы «социального потребления» и системы «природных процессов» в

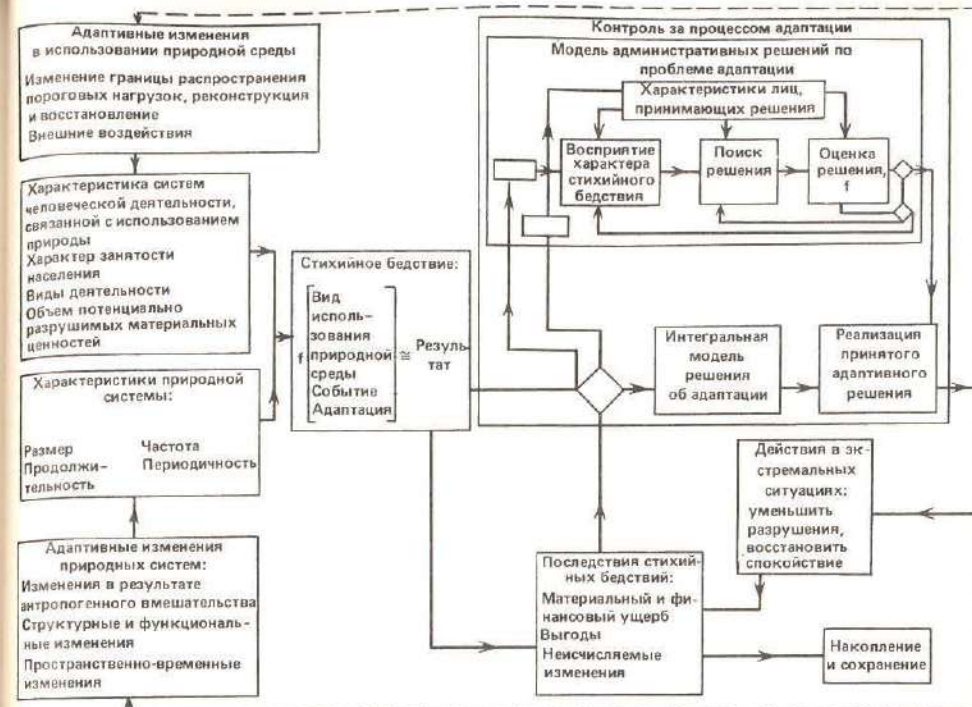

Рис. 12-1. Адаптация человека к условиям стихийных бедствий: модель основных систем. Kates (1971, 444).

их тесной взаимосвязи. На характер стихийного бедствия оказывают влияние обе эти системы. Восприятие катастрофы и ее действительные последствия порождают ту или иную поведенческую реакцию, результатом которой является образование «обратных связей», приводящих к модификации либо системы «социального потребления», либо системы «природных процессов», либо их обеих. Подсистема «контроля над процессами приспособления» заслуживает более подробного рассмотрения (более детально она показана на рис. 12-2). Кэйтс выделяет в ней два уровня управления: социальный и индивидуальный, причем первый приводится в общих чертах, тогда как второй — более полно. Для образования той или иной поведенческой реакции на индивидуально-личностном уровне размах стихийного бедствия должен превышать порог, выше которого, по мнению данного человека, любые формы приспособления к стихийному бедствию перестают иметь смысл. В таком случае человек переходит к рассмотрению всего спектра возможных альтернатив и выбирает из них наиболее подходящую. Если таковой не оказывается, тогда человек может произвести повторную оценку возможных вариантов поведения, или продолжить поиск каких-либо иных способов приспособления к проявлениям стихийного бедствия, или же изменить значения самого указанного порога для того, чтобы каким-либо образом справиться с ситуацией.

Эту модель использовали в самых различных обстоятельствах. Сам Кэйтс (Kates, 1971) применил ее при рассмотрении ситуации, возникшей во время засухи в Восточной Африке; Carr (Sarre, 1976) продемонстрировал ее применимость для анализа различных аспектов поведения людей в условиях засухи в районах Великих Американских равнин в Соединенных Штатах,

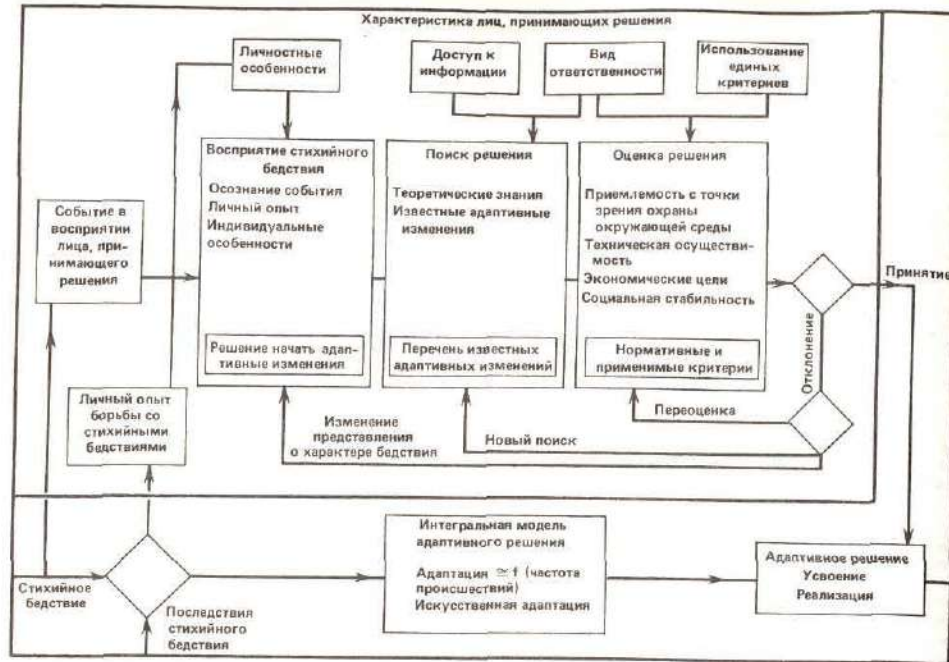

Рис. 12-2. Управление процессом адаптивных изменений. Kates (1971, 447).

а Киркби (Kirkby, 1973, цит. по: Stringer, 1975b) расширил область ее применения, используя эту модель при рассмотрении стихийных бедствий антропогенного характера (загрязнение среды, вызванное предприятиями по производству алюминия). Несмотря на все сказанное, модель остается чисто теоретической. Какой бы высокой ни была ее ценность для обеспечения общего понимания ситуации при проведении исследований подобной проблематики, для оправдания веры Кэйтса в то, что она могла бы стать операциональной моделью, необходимо подвергнуть ее серьезной эмпирической проверке.

Прогресс в изучении стихийных бедствий

Истоки. Главное направление развития научных работ в этой области берет начало в исследованиях Гилберта Уайта и его коллег из Чикагского университета [2]. Ранние работы Уайта были посвящены рассмотрению материального ущерба, причиняемого наводнениями. Публикуя их в такое время, когда главными авторами литературы по этим вопросам являлись инженеры и другие специалисты-практики, уделявшие основное внимание техническим вопросам, и прежде всего особенностям процесса сооружения дамб, Уайт (White, 1939, 1942) начал отстаивать непривычное тогда представление, согласно которому затраты средств, направляемых на предотвращение наводнений и на другие подобные мероприятия, не дают желаемого результата в виде уменьшения размеров ущерба от этих стихийных бедствий. При содействии официальных властей в 1956 г. в Чикагском университете была образована специальная исследовательская группа по изучению всего комплекса вопросов, связанных с различными способами приспособления людей к наводнениям и борьбе с

ними. Результаты первого исследования, произведенного этой группой (White et al., 1958), подтвердили предположения Уайта, поскольку вместе с резким увеличением затрат на борьбу с наводнениями уровень ущерба от них также значительно вырос.

Работы этой исследовательской группы, а также ряда талантливых выпускников университета и аспирантов положили начало направлению, впоследствии названному «Чикагской школой» изучения стихийных бедствий. Ее отличительными особенностями было повышенное внимание к практическим вопросам, так же как и чисто академическим проблемам, и убеждение, что во взаимоотношениях человека и окружающей среды процессы мыслительной деятельности имеют определяющее значение и что знание именно их дает ключ к полному пониманию поведения людей в ходе борьбы со стихийными бедствиями [3]. Вначале группа занималась изучением лишь речных наводнений (Burton, 1962; Kates, 1962, 1965; White, 1964), однако скоро в сферу ее рассмотрения попали и наводнения других видов (например, морские (Burton, Kates, 1964; Kates, 1967)) и другие стихийные бедствия.

Начало последнему направлению исследований было положено работой Сааринена (Saarinen, 1966), посвященной анализу реакций на засуху в пределах Великих Американских равнин. Несмотря на то что в этой работе нарушалась традиция в выборе объекта исследования, поскольку в ней рассматривались явления, относящиеся к противоположному концу спектра стихийных бедствий, а именно связанные с процессами эвапотранспирации, в ней сохранялась преемственность методики исследований. Сааринен использовал анкету, переработанную из вопросника, посвященного анализу ситуации во время наводнений, но расширил его границы, введя вопросы, направленные на выявление возможных вариантов поведения в той или иной гипотетической ситуации: задача этих вопросов состояла в выявлении позиций, которые занимают люди по отношению к природе. Эта осознанная обеспокоенность систематическим развитием как отдельных методов, так и методики в целом остается характерной чертой всех исследований, посвященных изучению стихийных бедствий.

Интегрированные исследовательские программы. Рассмотренные пионерные работы при активном участии и под энергичным руководством ученых Чикагской группы привели к появлению широкого спектра новых научных исследований. Почти все статьи, указанные в табл. 12-4, написаны учеными,

Таблица 12-4.

Избранные статьи, посвященные исследованию стихийных бедствий

	Авторы	Район исследования
1. Отдельные стихийные бедствия:		
а. Снежные лавины	Ramsli, 1974	Норвегия
б. Стихийные бедствия, от которых страдают прибрежные районы	Burton and Kates, 1964 Kates, 1967 R. L. Adams, 1969 Mitchell, 1974, 1976 Rowntree, 1974	Северо-восток США —» —» —» —» —» —» Калифорния
в. Засухи	Saarinen, 1966 Heathcote, 1969 Brooks, 1971 Dupree and Roder, 1974 Kirkby, 1974	Великие Американские равнины, США Южная Австралия Северо-восточная Бразилия Нигерия Оакса, Мексика

	Авторы	Район исследования
г. Землетрясения	Kates <i>et al.</i> , 1973 Jackson and Mukerjee, 1974	Центральная Америка Калифорния
д. Наводнения	Nichols, 1974 White, 1942, 1964, 1970, 1973 White <i>et al.</i> , 1958 Ericksen, 1970 Beyer, 1974 Harding and Parker, 1974 Ramachandran and Thakur, 1974	В глобальном масштабе Главным образом в США — — — — — Новая Зеландия По всей Земле Шропшир, Англия Индия
е. Пожары	A. D. Hall, 1969 Mutch, 1970 Barrows, 1971 Edgell, 1975	Канада США США Юго-восточная Австралия
ж. Почвенная эрозия	Parkes and Dey, 1975	Онтарио, Канада
з. Снегопады	Rooney, 1967, 1969 Eamey and Knowles, 1974	США Мичиган
и. Извержения вулканов	Murton and Shimabukuro, 1974	Гавайи
к. Ветры (i) Ураганы	Baker and Patton, 1974 Baumann and Sims, 1974	Побережье Мексиканского залива, США — — — — —
(ii) Торнадо/Тропические циклоны	Sims and Baumann, 1972 Islam, 1974 Oliver, 1975	США Бангладеш Квинсленд, Австралия
2. Комбинации различных стихийных бедствий		
а. Обзорные работы	Sheehan and Heyitt, 1969 Visvader and Burton, 1974 Nakano, 1974 Gerasimov and Zhonkova, 1974	По всей Земле Северная Америка Япония СССР
б. «Все стихийные бедствия данного района»	Ardsol <i>et al.</i> , 1964 Hewitt and Burton, 1971 Smith, 1976b, 1976d	Лос-Анджелес, Калифорния Лондон, Онтарио Виндзор, Онтарио

либо непосредственно связанными с Чикагской школой, либо с теми, кто принимал участие в той или иной из основных исследовательских программ, в которые вылились работы ее представителей. Мы не собираемся обсуждать здесь алгоритм составления и появления этих программ или подробно рассматривать их главные результаты [4]. Мы хотим дать лишь краткий обзор главных направлений исследований, производимых в соответствии с постоянно действующей Северо-Американской программой (география реализации которой следует за перемещениями основных ученых, занимающихся ею, в университеты Торонто, Колорадо и Кларка), а также тех, которые осуществляются под эгидой Комиссии человека и окружающей среды Международного географического союза (МГС).

Большинство исследований, датируемых последним десятилетием, проводятся в полном или частичном соответствии с парадигмой, выдвинутой Бартоном и др. (Burton *et al.*, 1968), согласно которой анализируются:

- 1) количество людей, которые проживают в районах, подверженных угрозе тех или иных стихийных бедствий;
- 2) весь возможный спектр поведенческих реакций людей в условиях того или иного стихийного бедствия;
- 3) то, как человек воспринимает и как оценивает стихийное бедствие;
- 4) процесс выбора тех или иных способов приспособления, направленных на уменьшение нанесенного стихийным бедствием ущерба, во взаимосвязях с социальной средой, в которой они происходят;
- 5) оптимальный набор мероприятий, направленных на борьбу со стихийным бедствием с целью минимизации негативных социальных последствий.

В рамках такой парадигмы главные усилия исследователей направляются на получение возможно более полной картины распространения, а также масштабов стихийных бедствий на земном шаре, на проведение сравнительного анализа различных типов стихийных бедствий, а также одного и того же бедствия, но в различных социокультурных условиях и, наконец, на систематическое совершенствование методики подобных исследований. Разработку всех этих научных направлений можно увидеть при беглом рассмотрении исследований, связанных с научной программой, организованной МГС (White, 1974a; Burton *et al.*, 1978).

В рамках этой программы проводятся исследования девяти видов стихийных бедствий учеными из пятнадцати стран мира. Хотя ее нельзя считать исчерпывающей, программа обеспечивает некоторое основание для более подробной разработки широких проблем, само исследование которых может углубить понимание того или иного рассматриваемого вопроса. Сравнимость получаемой информации обеспечивается использованием стандартного вопросника, который построен на основе анкет, применявшихся в ранних работах упомянутых североамериканских ученых. Сделав подробный анализ использования этого вопросника, Сааринен (Saarinen, 1974) приходит к выводу, что при его применении возникает много ситуаций, которые потенциально могут вызывать немало ошибок; кроме того, часто приходится сталкиваться с недостатком времени и средств, порождая затруднения, связанные с необходимостью сотрудничества с множеством людей, которые никогда ранее не работали в этой научной области, а также с неизбежными проблемами, возникающими при переводе вопросов на другие языки. Оказалось, что из 56 вопросов, входивших в первоначальный вариант анкеты (см. White, 1974b), чуть больше половины (30) не вызвали серьезных затруднений, в то время как четырнадцать порождали некоторые трудности, а еще 14 приводили к значительным осложнениям. Сааринен показывает, что вопросы анкеты образуют широкий спектр — от простых прямых вопросов, на которые очень легко отвечать, до открытых, направленных на выяснение подлинного мнения людей по тем или иным проблемам, которые порождают значительные трудности при ответе на них. Суть проблемы в данном случае состоит в том, что «самые интересные вопросы» как раз и порождают больше всего проблем, вопросы же, предусматривающие краткие, простые ответы, неудобны тем, что они делают респондентов полностью зависимыми от гипотез, которые выдвигают составители анкеты, лишая интервьюируемых каких-либо способов выражения своего внутреннего мира собственными словами.

С учетом сказанного интересно взглянуть на альтернативный подход, которого придерживается ряд ученых и в ходе использования которого основное внимание концентрируется на каком-либо конкретном месте или районе, которые их обитатели считают потенциально опасными с точки

зрения возможных стихийных бедствий. Хорошим примером применения этого подхода является работа Смита (Smith, 1976b, 1976d), посвященная исследованию Виндсдорна (провинция Онтарио). Для того чтобы правильно понять эту работу, необходимо дать несколько иное определение понятия «стихийное бедствие», чем то, которого мы придерживались в этой главе до сих пор. Под стихийным бедствием в данном случае мы будем понимать любые «компоненты материальной среды, которые рассматриваются горожанами как потенциально опасные для их физического или умственного здоровья» (Smith, 1976d, 8). Далее, надо отметить, что в этой работе термину «стихийные бедствия городской среды» отдается предпочтение перед термином «природные бедствия», поскольку в данном случае перечень стихийных бедствий наряду с наводнениями и т. п. включает и антропогенные стихийные бедствия [5], например загрязнение воды или повышенный уровень шума, вызванный автомобильным транспортом. Точно так же Хевит и Бартон (Hewitt, Burton, 1971), изучая Лондон (провинция Онтарио), наряду с исследованием полного набора природных стихийных бедствий рассматривали и антропогенные стихийные бедствия — пожары и загрязнение, вызываемое промышленными производствами.

Эти работы носят обзорный характер и ограничены конкретными условиями, в которых происходят исследуемые явления, не говоря уже о том, что в них присутствуют проблемы обеспечения сравнимости различных видов стихийных бедствий между собой, однако они тем не менее содержат новый аспект изучения стихийных бедствий. Подход, на котором они строятся, обеспечивает видение стихийного бедствия с точки зрения не столько стороннего исследователя, сколько самих респондентов. Его использование позволяет также ликвидировать искусственно созданную дихотомию между так называемыми рукотворными стихийными бедствиями (которые, для соблюдения логики, рассматривались в нашей работе под их обычным названием — «городские стрессоры» — в 10-й гл.) и природными стихийными бедствиями. Обе эти особенности носят позитивный характер.

Заключение

Два важных аспекта отличают исследование стихийных бедствий от других направлений поведенческой географии. Во-первых, в этом направлении исследований главная роль принадлежит географам. В ходе нашей работы мы уже привыкли видеть географов, которые лишь подхватывают и развивают идеи, выдвинутые специалистами других наук, а вот изучение стихийных бедствий — это направление, толчок развитию которого дали сами географы. Это произошло по трем основным причинам. Во-первых, изучение стихийных бедствий происходит на таких пространственных уровнях, на которых географы привыкли работать издавна, будь то уровень всей Земли в целом или небольшого по территории района. Затем, подобные исследования затрагивают изучение природных процессов, знание которых у географов несравненно выше, чем у специалистов других наук. Наконец, возможно, что образ природной стихии, обрушивающейся на человека, который обычно возникает при проведении подобных исследований, лучше вписывается в традиционные географические концепции взаимоотношений окружения человека и среды, чем в концепции других научных дисциплин.

Во-вторых, это направление исследований необычно тем, что оно является хорошо структурированным, высокоорганизованным, ориентированным на практическую деятельность и (в последнее время) имеющим международную основу. Такое развитие событий отчасти отражает тот

факт, что для исследований подобного типа были выделены значительные финансовые средства. Однако более существенным является то обстоятельство, что это направление развивалось на базе нескольких исследований, произведенных по легкоприменимой методике, причем в ходе его развития авторы пионерных работ сохранили свою лидирующую роль. Все эти особенности позволили установить преемственность и непрерывность развития обсуждаемого направления, до сих пор оставшиеся уникальными в поведенческой географии. Но они же обусловили некоторые его недостатки. Одним из негативных последствий развития этого направления в жестких рамках одной географической парадигмы, созданной Уайтом и его коллегами, видимо, является более слабая восприимчивость ученых к достижениям негеографических наук, чем в других направлениях поведенческой географии. Так, весьма примечательно, что в географических исследованиях на эту тему невозможно найти ни одной ссылки на аналогичные работы, написанные специалистами-социологами (см., напр.: Young, 1954; Baker, Chapman, 1962; Barton, 1969; Turner, 1976; Davis, 1978). В то же время эти работы, посвященные главным образом механизмам приспособления к условиям стихийных бедствий на уровне сообщества и другим социальным особенностям приспособления к природным катастрофам, могут очень многое дать географам, занимающимся исследованием стихийных бедствий.

Генеральная парадигма географических исследований стихийных бедствий подверглась более принципиальной критике со стороны ряда радикальных географов [6] (Baird et al., 1975; O'Keefe, 1975; Wisner et al., 1976; O'Keefe, Halverston, в печати). Главной причиной их недовольства является глубокая убежденность в том, что необходимо кардинальным образом переориентировать исследования в этой области для того, чтобы гораздо большее внимание в них уделялось странам третьего мира, которые, как мы видели, особенно сильно страдают от стихийных бедствий. А если это случится, тогда, по мнению критиков, существующая парадигма перестанет удовлетворять необходимым научным требованиям как вследствие того, что она носит слишком местный (ориентированный на условия Северной Америки) характер, так и потому, что социальные особенности процессов приспособления к стихийным бедствиям в развивающихся странах учитываются ею неадекватно. Эти утверждения заслуживают дальнейшего рассмотрения.

Считается, что местнический характер этой парадигмы проявляется в двух основных формах. Во-первых, чувствуется, что ее авторы ориентируются на достижение научных целей, характерных именно для американской науки. Так, по мнению Вестгейта (Westgate, 1978), ярким примером проявления такой тенденции является книга «Возрождение после катастрофы» (Haas et al., 1977). Хаас и его коллеги рассматривают четыре землетрясения, три из которых затронули американские города, а одно — Манагуа, столицу Никарагуа. И хотя в работе изучается ситуация в одной из стран третьего мира, цели исследования, декларируемые авторами, ясно показывают, что это было сделано лишь для того, чтобы «можно было получить новые данные, имеющие значение для американских городов, расположенных в сейсмически опасных районах» (Haas et al., 1977, XVII). Во-вторых, утверждается, что стандартный вопросник, используемый в рамках реализации программы МГС и других более ранних программ, построен прежде всего с учетом американских условий и для правильного применения в странах третьего мира должен быть существенно переработан (Waddell, 1977).

Замечание, касающееся социальных особенностей процесса приспособления к стихийному бедствию, является, возможно, самой серьезной претензией, высказанной в адрес американских ученых, занимающихся исследованием стихийных бедствий. Бэрд и др. (Baird et al., 1975) отмечают, что до сих пор преобладает взгляд на стихийные бедствия как на некие

экстраординарные события, но сами авторы считают, что более реалистичным было бы рассматривать ситуацию, возникающую во время стихийного бедствия, как крайний вариант функционирования окружающей людей среды в данном районе их обычного проживания. Это заставляет авторов поставить вопрос, насколько «природными» являются стихийные бедствия. Они пишут: «Поскольку население слабых районов пытается опереться на некую альтернативную технологию, балансируя на грани нарушения существующей системы производства, опирающейся на патриархальную ресурсную базу, оно вынуждено прибегать к механизмам, неустойчиво гарантирующим выживание или гибкую перестройку» (Baird et al., 1975, 29). Таким образом, выходит, что тяжесть стихийного бедствия является, по крайней мере отчасти, следствием господствующей в данном районе технико-экономической системы. Городская и сельская беднота в слабых странах практически лишена каких-либо дополнительных ресурсов, которые можно было бы использовать для противостояния чрезвычайным бедствиям, и поэтому она в наши дни фактически более уязвима к капризам стихии, чем была ранее (Westgate, O'Keefe, 1976).

Во многих смыслах это была действительно радикальная критика, но во время, когда она появилась, почти никто из видных американских ученых, занимающихся изучением стихийных бедствий, не имел возможности дать на нее подробный ответ. Поэтому строгая оценка их реакции на соответствующие критические замечания представляется преждевременной, хотя короткая реплика Уайта (White, 1978) позволяет составить некоторое впечатление о том, по каким линиям будет происходить защита. Уайт отвечает на критический обзор, написанный Уэдделлом (Waddell, 1977), в котором последний выдвигает два обвинения в адрес исследовательской программы МГС, состоящие, во-первых, в том, что подход, используемый в этой программе для исследования проблем социальной адаптации к крайним по масштабам проявления природным силам, является «жестко детерминистическим», а во-вторых, что методы, применяемые в этом случае, абсолютно непригодны для решения подобных проблем. На оба предъявленных обвинения Уайт отвечает в похожем ключе. Как основной подход, используемый в исследованиях, так и базовый вопросник являются лишь общими, задающими наиболее существенные черты изучения; никому не навязывается какая-либо единая модель развития этого подхода, а предлагаемый вопросник может использоваться в неизменном виде, переделываться или вообще не применяться по полному усмотрению конкретного исследователя. По словам Уайта (White, 1978, 230): «Задачами предполагаемого интервью является формирование неких основ для получения общего взгляда на ситуацию, отталкиваясь от которых можно было бы углубиться в исследование обнаружившихся проблем, а также обеспечить сопоставимость получаемых результатов. Оно должно быть не столько трафаретом, сколько общей рекогносцировкой». Однако более общие вопросы, вытекающие из подхода радикальных географов, касающиеся роли экономического развития района повышенного риска стихийных бедствий как противовеса негативным тенденциям, вызываемым быстрыми темпами роста населения, или те, что затрагивают самую внутреннюю логику и согласованность применяемого экономического анализа, все еще ждут ясного ответа.

В заключение необходимо сделать еще одно замечание. В этой главе мы увидели природную среду совсем с иной точки зрения, чем в предыдущей. Там основное внимание уделялось анализу ландшафтных предпочтений и рассмотрению особенностей поведения, связанных с характером притягательности того или иного места, а здесь нашим главным интересом было исследование стрессов, борьбы, механизмов приспособления людей к разбушевавшейся стихии.

Пространственные представления и деятельность по принятию решений: размещение промышленных предприятий

*Там, где Деревит струит свои мерцающие воды
Сквозь куполам подобные холмы и темень леса,
Там по залитой серебром земле «Гиссипия» ступает нимфой
И согревает улыбкой ясной владыку вод.
Тяжелых весел его ход в вращенье обращает стройных веретен,
На обомшленные колеса выливает его кубки, полны пены,
И побеждает своего любовника седого с очарованием игривым,
Трубыцами его овладевая, в то время как монарх... прядет.*

Эразм Дарвин. «Ботанический сад».
На местоположение недавно открытой фабрики
Аркрайта в Кромфорде, Дербишир.*

Изучение проблем размещения промышленных предприятий является темой, представляющей большой интерес для экономистов, географов и специалистов по планированию регионального развития. Экономисты в этом случае ставят целью расширить границы экономического анализа путем подробного рассмотрения пространственных факторов, акцентируя при этом основное внимание на применении формальных методов дедуктивного анализа. Географы, которые сравнительно поздно обратились к теориям размещения, стремятся понять характер пространственного проявления деловой активности, связанной с промышленным производством, и пытаются получить некоторые обобщения путем подробного анализа каждого отдельного случая, обычно содержащего целый ряд чисто интуитивных моментов (Mawson, 1975). Их совместными усилиями проведено большое количество исследований, имеющих ныне солидную теоретическую основу и подкрепленных результатами обширных эмпирических работ. Специалисты по планированию, особенно специалисты по региональному планированию, исследуют эту литературу в надежде получить наконец хотя бы некоторое представление о сущности сложных процессов, определяющих размещение тех или иных промышленных объектов, а также стремясь применить излагаемые в ней результаты для стимулирования общего развития тех районов, которыми они занимаются.

Исследования такого типа имеют высокую ценность. В них разрабатываются модели, легко применимые в стандартных условиях; они содержат моменты, представляющие взаимный интерес как для академической, так и для практической науки, а для географии имеют дополнительное значение, поскольку подобные исследования выступили в роли предтечи «количественной революции». Тем не менее традиционные теории размещения подверглись в последние годы серьезной критике по поводу принципиальных недостатков основных положений, на которых они построены, а именно повышенного интереса, который уделяется в них первичному (производственному) сектору экономики при противопоставлении его дру-

* Перевод Р. Крищунаса. — Прим. ред.

гим видам экономической деятельности, за их связь с господствующими парадигмами классических микроэкономических концепций, неприменимость их к условиям сегодняшнего дня, а также за непригодность используемых в них методов [1]. В этой главе мы рассмотрим те направления критики, которые ближе всего касаются интересующего нас предмета, а именно затрагивающие характер основных представлений о сущности поведения по принятию конкретных решений, а затем дадим обзор некоторых исследований, в которых это поведение пытаются исследовать с более реалистичных позиций.

Недостатки классических теорий размещения, связанные с неправильными представлениями о поведении людей в реальном мире

Модель поведения по принятию конкретных решений, которой придерживались сторонники классических теорий размещения, в основных чертах уже была показана ранее (гл. 3). Считалось, что предприниматель имеет единственную цель — получение максимальной прибыли, которой он без труда может достичь, поскольку предполагалось, что он имеет интересующую его информацию в исчерпывающей полноте и обладает безграничными способностями предсказания изменений, происходящих в экономической среде, в которой существует его фирма. Поведение предпринимателя определяется силами, действующими в его экономическом окружении, причем он реагирует на все изменения, происходящие в нем, неизменно таким образом, что стремится найти некое место локализации интересующего его объекта, удовлетворяющее единственному критерию — обеспечению максимальной прибыли. Эту ситуацию обычно показывают при помощи транспортных издержек. Если взять для примера модель «наименьших затрат» Альфреда Вебера (A. Weber, 1929), то, согласно этой модели, человек, принимающий решение, стремится найти такое место размещения нового объекта, чтобы транспортные издержки на единицу производимой продукции, а значит, и общие транспортные затраты были минимальны. Единственными исключениями из этого правила считались места, в каких либо благодаря экономическим выгодам, вызываемым расположением в одной точке нескольких технологически родственных предприятий, либо вследствие высокого уровня обеспеченности рабочей силой, либо по обоим этим причинам происходит компенсация потерь, связанных с размещением в точке, где транспортные затраты не являются минимальными. И действительно, различные виды промышленных производств различаются по критериям оптимальности пространственного размещения соответствующих предприятий из-за особенностей стоимостной структуры производимой продукции.

Даже авторы неоклассических теорий размещения критиковали Вебера за упрощенность его представлений о значении транспортных затрат (Hoover, 1937), за игнорирование им требований, предъявляемых производителю рынком (Lösch, 1940), за жесткий схематизм его концепции деятельности предпринимателя, определяющего место размещения того или иного объекта (Rawstron, 1955), выдвигалось также предложение использовать в процессе анализа другие показатели (Smith, 1955), однако в итоге все эти авторы требовали всего лишь частичных изменений в прежней теории, а не коренного пересмотра самого подхода к проблеме. Основные положения теорий размещения даже в конце 60-х гг. очень мало отличались от тех, на которых базировалась первоначальная концепция Вебера (Wood, 1969).

В то же время некоторые ученые почувствовали настоятельную необходимость того, чтобы специалисты, занимающиеся теориями размещения, больше внимания уделяли реальному процессу принятия конкретных решений. Они утверждали, что, во-первых, в существующих моделях размещения переоценивается значение транспортных затрат по сравнению с другими факторами, вследствие чего создается впечатление, будто эти затраты представляют собой деспотичных тиранов, диктующих, где какие объекты необходимо размещать. Гораздо чаще дело обстоит таким образом, что рассмотрение величины транспортных затрат является лишь одним из многих моментов, принимаемых в расчет при планировании капиталовложений (Hamilton, 1974); они вполне могут быть скомпенсированы действием внепространственных факторов (Townroe, 1974). Во-вторых, по мнению многих ученых, сторонники этих моделей слишком большое значение придавали чисто экономическому анализу. Это мнение отчасти отражало возросшее понимание того, что внеэкономические параметры могут играть и действительно играют важную роль в процессе принятия решений о размещении объектов на территории, а отчасти являлось следствием признанной конструктивности и общей притягательности исследовательских подходов, применявшихся в других социальных дисциплинах, особенно в социологии и психологии. И наконец, явственно ощущалось, что представление, обязанное своим появлением господству в этих теориях микроэкономического подхода, когда основная роль в процессе принятия решения отводится одному отдельно взятому предпринимателю, владеющему лишь одним предприятием, в наши дни, безусловно, устарело.

Все эти факторы в целом объясняют причины неудовлетворенности указанными направлениями исследования интересующих нас проблем.

Лицо, принимающее решение, и организация [2]

Рост интереса к теориям организации — одно из позитивных последствий ощущения острой необходимости в переоценке подходов в данной области. Рассматривая промышленные фирмы в качестве одного из многочисленных типов «организации», мы получаем единую систему отсчета, позволяющую выделить общие черты, которые иначе трудно обособить как из-за различий в используемой различными фирмами терминологии, так и вследствие запутанности внутренней структуры сравниваемых корпораций. Для целей нашего исследования можно представить промышленную фирму в виде организации, которая намеренно «строится и перестраивается для достижения тех или иных специфических целей» (Etzioni, 1964, 3). Эти цели, как правило, чисто коммерческие, но в их формировании так или иначе проявляются соображения политического, социального и личностного характера. Каков бы ни был специфический набор целей данной организации, именно он обеспечивает понимание как характера (Perrow, 1971), так и ведущих принципов проводимой ею политики. И по выдвигаемым целям, и по степени свободы действия в их реализации, предоставляемой отдельным структурным единицам той или иной организации, между отдельными фирмами существуют значительные различия. Иногда перспективная политика формируется в штаб-квартире фирмы вплоть до мельчайших деталей, после чего ее исполнение жестко контролируется структурными единицами более низкого уровня; в то же время в других корпорациях в центре вырабатываются лишь общие направления политики, а нижестоящие подразделения получают полную свободу их реализации. Несмотря на эти очевидные различия, все подобные организации обладают некоторыми общими чертами, а именно во всех из них существует та или иная структура

распределения власти и ответственности, сеть внутренних коммуникаций и система субординации, а также свод правил и процедур, обеспечивающих достижение поставленных целей.

Для наглядности типичную крупную многоотраслевую корпорацию, функционирующую «в условиях неопределенности на несовершенном рынке», можно сравнить с коалицией взаимозависимых, но часто конфликтующих между собой партнеров (Cyert, March, 1963). В такой коалиции целое больше, чем сумма его частей. В этом случае могут возникать решения, которые не удовлетворяют полностью ни одного из ее участников, а просто являются неким компромиссом, выработанным путем внутренних дискуссий и взаимных консультаций. Позиции и цели участников коалиции

согласовываются в ходе длительного обсуждения, которое происходит в соответствии с определенными процедурами, выработанными с течением времени через долгий процесс взаимного научения. Последнее особенно важно, поскольку существование образцов и неких установленных правил разрешения возникающих проблем выполняет двойственную функцию, заключающуюся, с одной стороны, в уменьшении возможностей межличностного конфликта внутри самой фирмы, а с другой – в ослаблении неопределенности во взаимоотношениях данной фирмы с внешним миром (Mawson, 1975).

Приступая к анализу процесса принятия решений о размещении объектов, происходящего в пределах таких промышленных организаций, необходимо еще раз подчеркнуть, что решение об изменении локализации какого-либо объекта является только одним из возможных направлений в деятельности бизнесмена, находящегося в ситуации выбора. Как показано на рис. 13-1, подобные решения – только один из возможных видов решений, которые могут быть приняты прежде, чем фирма приступит к выпуску той или иной продукции. Каждое отдельное промышленное предприятие существует внутри трех более обширных сред – производственной, деловой и социально-политической. В рамках внутренней среды самого предприятия решение о той или иной локализации данных мощностей видится одним из четырех принципиальных «производственных решений» наряду с решения-

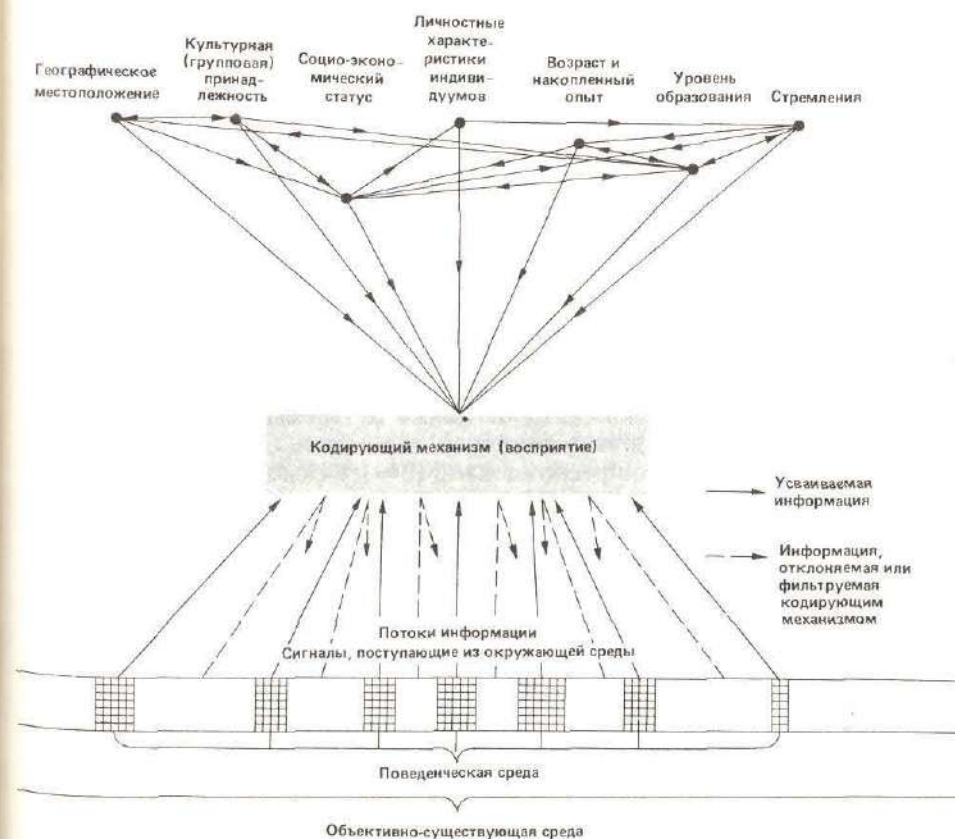
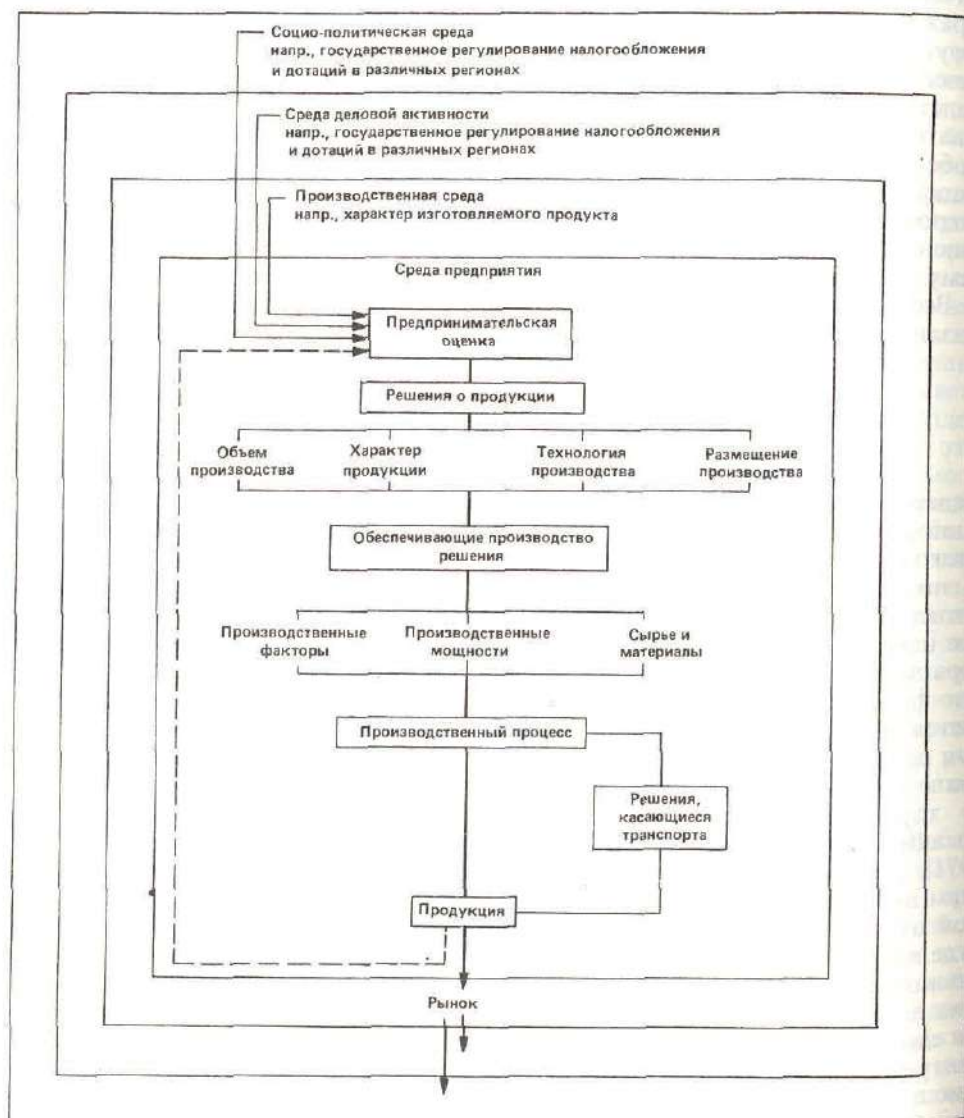

Рис. 13-2. Поведенческая среда, воспринимаемая как компонент общей объективно существующей среды. Lloyd, Dicken (1972, 139).

Рис. 13-1. Решения о размещении как часть процесса инвестирования.

ми, касающимися собственно продукции, объемов ее производства, а также возможной технологии ее изготовления. Будучи принятыми, эти решения обретают относительно обязательный характер, но лишь на короткое время; довольно быстро они могут быть изменены в соответствии с информацией, поступающей посредством «обратных связей» либо из внутренней, либо из внешней среды.

Блок «предпринимательской оценки», показанный на рис. 13-1, требует более подробного объяснения с помощью схемы, предложенной Ллойдом и Дикеном (Lloyd, Dicken, 1972; см. рис. 13-2) и трактующей проблему взаимоотношений индивида с внешней и внутренней (в пределах организации) средами. Как видно из этой схемы, решения, принимаемые фирмой, определяются прежде всего доступной информацией о том, что интересно для фирмы в пределах изменяющейся внешней среды, однако сама эта информация подбирается и воспринимается строго избирательно, проходя через личностные фильтры и фильтры, существующие в данной организации. Чем сложнее организация, тем, по-видимому, труднодостижимей и эти фильтры. Ллойд и Дикен не занимались подробным исследованием факторов, которые влияют на индивидуальное восприятие; но, считая, что некоторые из них имеют большое значение, они тем не менее установили, что характер восприятия отдельных лиц из числа принимающих решение помогает сформировать коллективное восприятие ситуации в рамках организации. Последнее — это нечто большее, чем простая сумма представлений, существующих в сознании каждого отдельно взятого члена совета исполнительных директоров, поскольку в нем отражаются «специфические особенности самой фирмы, а также особенности занимаемого ею положения в пределах данной экономической системы» (Lloyd, Dicken, 1972, 138).

В связи с этим представляется полезным в качестве первого шага рассмотреть исследование Тейлора и Макдермотта (Taylor, McDermott, 1976), посвященное анализу относительной важности территориальных и корпоративных факторов в процессе установления тех или иных пространственных предпочтений. Эти авторы рассмотрели способы, при помощи которых менеджеры производят оценку мест возможного размещения интересующих их объектов, взяв в качестве полигона исследования район Окленда в Новой Зеландии. Рабочая гипотеза состояла в том, что пространственные представления различных менеджеров варьируют в соответствии с личностными особенностями последних, местом нахождения фирмы, в которой они работают, а также в зависимости от типа и масштабов организации соответствующей компании. Для проверки этой гипотезы было опрошено 558 респондентов (249 — в самом Окленде и 279 — в пяти соседних городках: Вангарее, Нэпиере, Уангануи, Нельсоне и Тимару). Предложенные анкеты состояли из вопросов, нацеленных на выявление позиций, занимаемых респондентами по отношению к 16 параметрам, которые, как предполагалось, имеют важное значение при выборе места размещения того или иного промышленного объекта.

Для сравнения полученных результатов вначале были построены оценочные «профили», показанные на рис. 13-3. В оценках, данных менеджерами Окленда и их коллегами из центров второго порядка, обнаружилось серьезное расхождение. Предприниматели Окленда считают, что их город обладает преимуществами в обеспеченности транспортными средствами, а также хорошим рынком, однако отличается высокой стоимостью земельных участков и недостатком трудовых ресурсов. Оценочные профили менеджеров из соседних городков были существенно иными, отражая наряду с повышенной притягательностью этих поселений для проживания, более низкой стоимостью рабочей силы и земельных участков такие

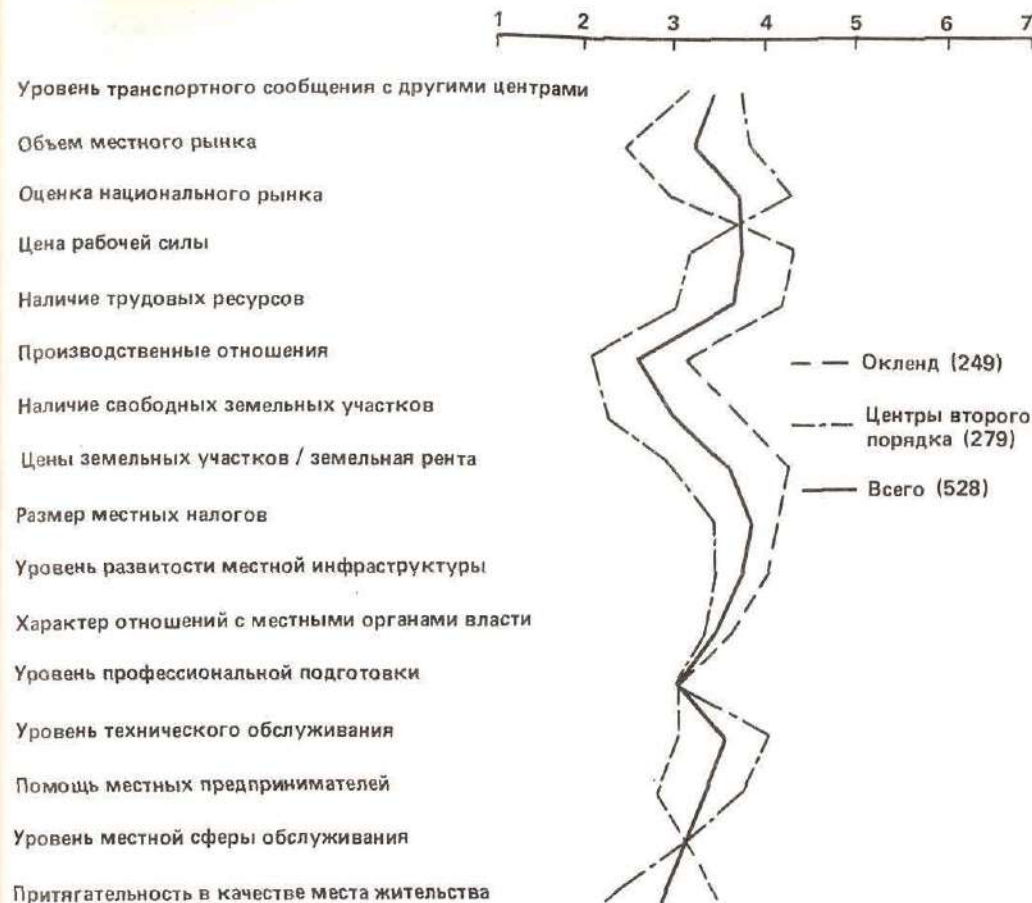

Рис. 13-3. Обобщенные профили установок предпочтений администраторов фирм, расположенных в центрах первого и второго порядков. Taylor, McDermott (1976, 331).

недостатки, как плохие пути сообщения, отдаленность центров технического обслуживания, а также узость местного рынка. Затем информация была проанализирована с учетом характеристик организаций, в которых они работали. Несмотря на то что систематических различий выявлено не было, проделанный анализ позволяет предположить, что оценки, даваемые менеджерами, зависят от некоторых особенностей внутренней среды соответствующих организаций, которые отражают различия фирм по продолжительности существования, их размерам и параметрам, определяющим специфику управления.

Эти эмпирические результаты интересны сами по себе, но они позволяют сделать и более общие выводы. Во-первых, пока не проделана более тщательная проверка, их нельзя считать окончательными, особенно потому, что оценочные профили дают обобщенное представление, возможно не отражающее восприятие окружающей среды, характерное для типичного предпринимателя. Во-вторых, любой исследователь, который попытается углубить анализ и перейти от рассмотрения занимаемых позиций к изучению реального поведения, может поставить вполне резонный вопрос о том, насколько материалы подобного типа, отражающие принадлежность чело-

Все эти моменты показывают, как много проблем теоретического и методического характера все еще стоит перед исследователями, работающими в этой области науки. Впрочем, предпринимаются все новые и новые шаги по их разрешению; успешность их хорошо видна даже при беглом рассмотрении результатов исследований, посвященных изучению поведенческих аспектов оценки и процессов выбора различных мест возможного размещения тех или иных объектов.

Для обозначения главных стадий процесса принятия решения о выборе конкретного места размещения промышленных объектов предлагались различные теоретические схемы. Например, Дикен (Dickens, 1971) считает, что этот процесс проходит через три основные стадии. На первой появляется ощущение неудовлетворенности настоящим местом размещения соответствующего объекта. У членов данной организации с разной степенью насущности появляется озабоченность положением, занимаемым ею в настоящее время в пределах изменяющейся внешней среды. Реальная ситуация, в которой находится фирма, сравнивается с тем, что ожидалось, и при этом любое, даже малейшее несоответствие вызывает «стресс». Большинство таких стрессов просто игнорируется или преодолевается путем некоторых незначительных изменений в ходе проведения коммерческих операций, однако, если становится ясным, что их вес начинает превышать некий критический уровень, может быть принято решение приступить к поиску нового места размещения соответствующего объекта. В этом случае наступает вторая стадия, известная как стадия «поиска». Он направлен на ликвидацию упомянутого стресса, однако достижение этой цели требует больших затрат времени, интеллектуальных и иных ресурсов. К ее решению редко допускаются люди, не входящие в верхние эшелоны управления фирмой (Townroe, 1974). В ситуации, когда лица, принимающие решения, изначально признают невозможность достижения оптимума, поиск неизбежно приобретает поверхностный характер, охватывая ограниченные по площади территории и опираясь на процедуры, направленные на получение возможно более быстрого решения, чтобы максимально сократить вероятность простоя в производстве и реализации соответствующей продукции. Характер поиска будет различаться и в зависимости от типа фирмы, ведущей его. В старых фирмах могут выбрать решения, оправдавшие себя в прошлом, учтя при этом сделанные ранее ошибки. В фирмах, не имеющих такого опыта, либо выберут «метод проб и ошибок», либо обратятся к практике других фирм. Третья стадия — это «оценка», в ходе которой рассматриваются возможные варианты, а в итоге принимается одно из трех решений: согласиться с выбором того или иного места для размещения соответствующего объекта, продолжить поиск или вообще отказаться от него.

Все это проиллюстрировано рис. 13-4, где показаны цепочки следствий

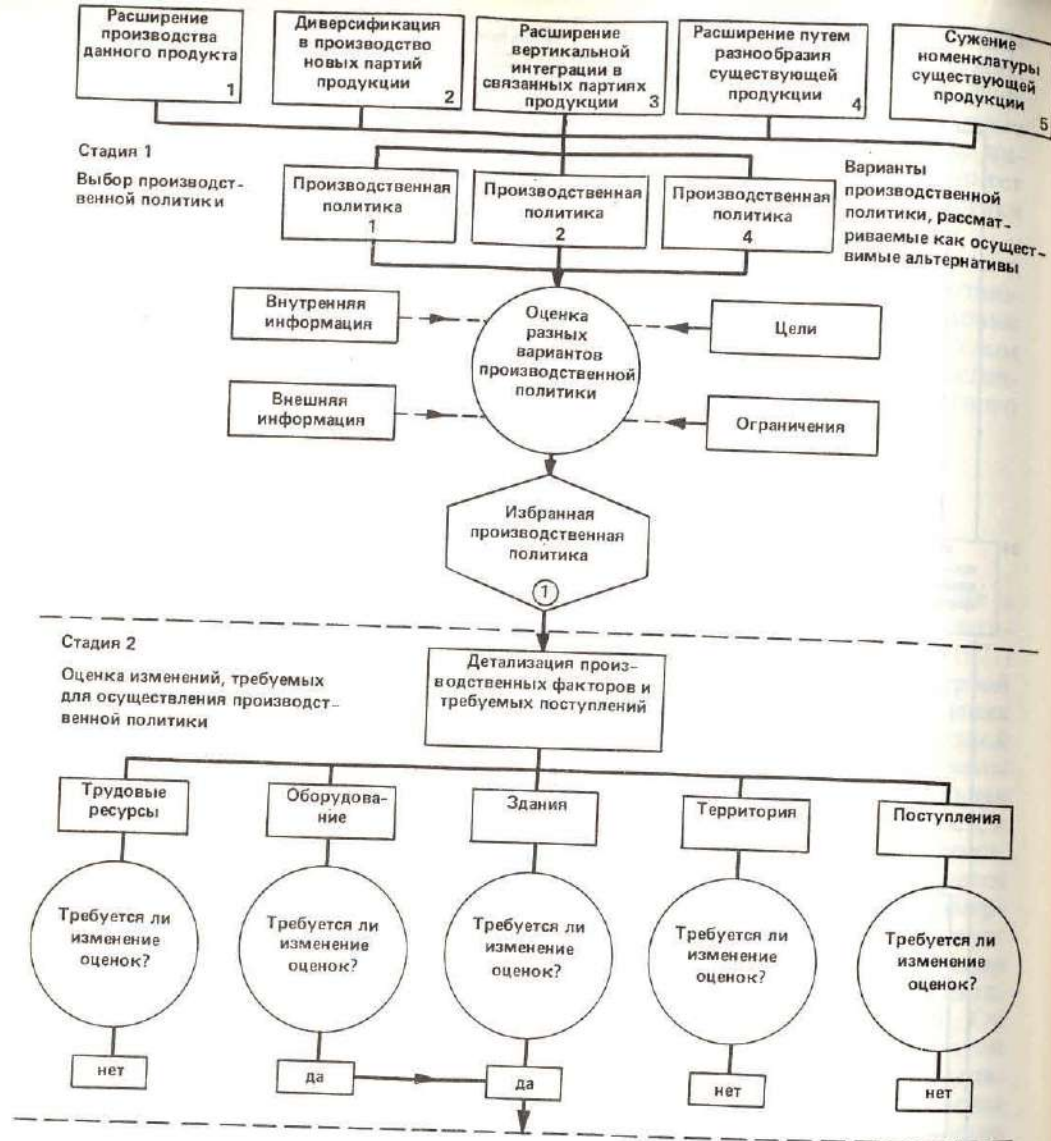

Рис. 13-5а. Изменение местоположения предприятий как часть инвестирования, осуществляемого фирмой. North (1974, 216).

возможных результатов, которые достигаются на каждой стадии процесса принятия решения. Однако подобные модели [3] остаются прежде всего умозрительными, лишь немногие из них построены на базе эмпирических исследований.

Впрочем, работа Норта (North, 1974) является исключением из этого правила. Норт изучал развитие 100 британских фирм, производящих различные виды пластмасс — идеальная отрасль для проведения исследований подобного типа, поскольку в послевоенный период темпы ее роста были огромны и, следовательно, основные решения о выборе мест размещения новых предприятий, по-видимому, принимались в недавнем прошлом. Схема Норта показана на рис. 13-5. Согласно ей, решение об изменении

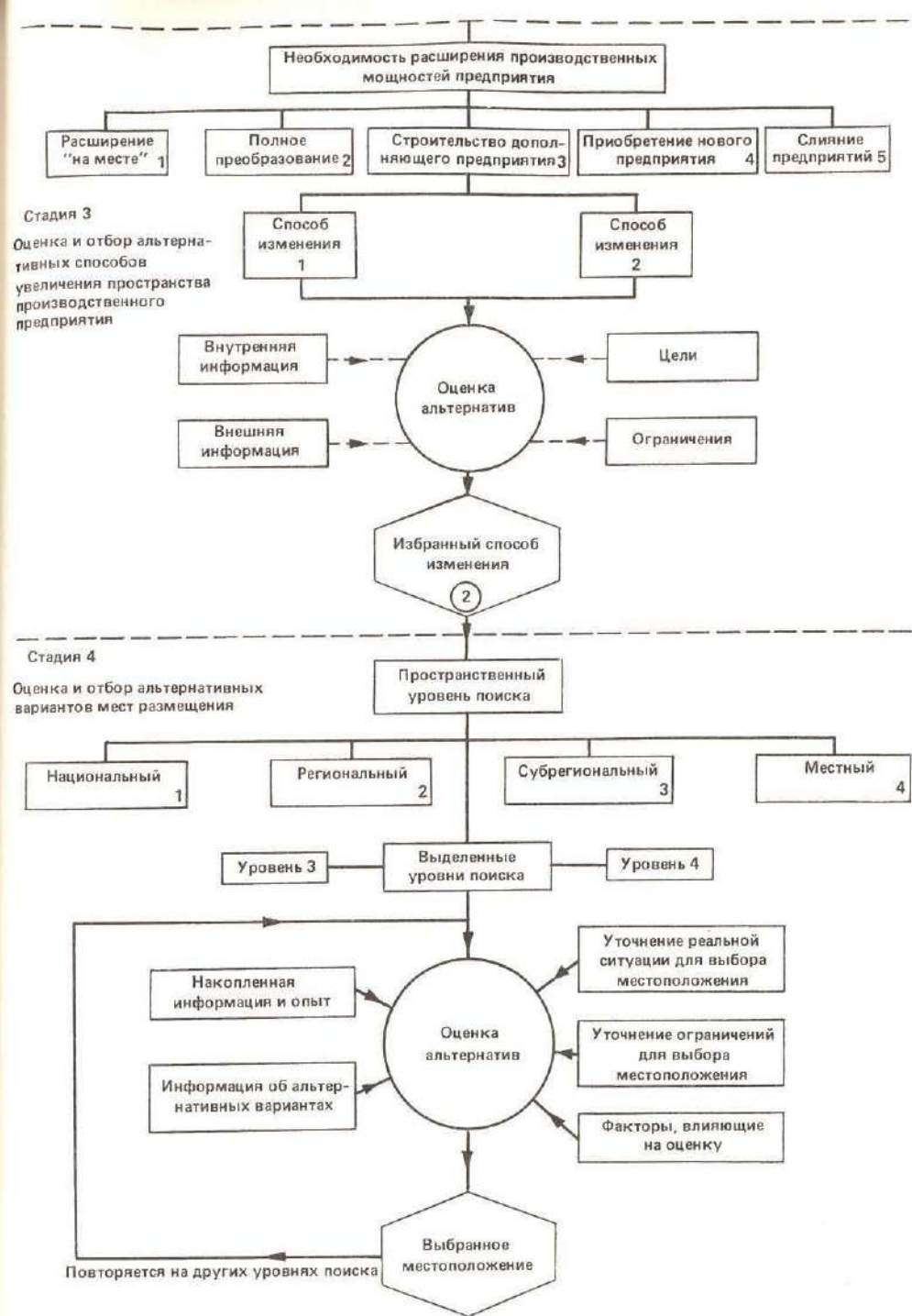

Рис. 13-5б. Изменение местоположения предприятий как часть инвестирования, осуществляемого фирмой. North (1974, 217).

Таблица 13-1.

Количество решений об изменении пространственной структуры, принятых различными фирмами в 1960–1970 гг.

Число решений	1		2		3		4		5		Всего
	Кол-во фирм	%	Кол-во фирм	%	Кол-во фирм	%	Кол-во фирм	%	Кол-во фирм	%	
Вид решения:											
полное преобразование	26	83,9	5	16,1	—	—	—	—	—	—	31
Создание филиала	19	70,4	7	25,9	—	—	—	—	1	3,7	27
Приобретение нового предприятия	17	63,0	3	11,1	4	14,8	—	—	—	—	24
Расширение существующего производства	20	51,8	10	18,5	7	12,9	3	5,5	6	11,1	54
Закрытие предприятия	3	60,0	2	40,0	—	—	—	—	—	—	5
Создание новых фирм	24										24
Решения отсутствовали	11										11

Источник: North (1974, 221).

локализации того или иного предприятия является одним из компонентов целостного процесса принятия решений, определяющих политику данной фирмы в области капиталовложений.

Первой задачей эмпирического исследования Норт ставит выделение различных типов размещенческих решений, принятых в ходе развития обследуемых фирм. Как видно из табл. 13-1, свыше 70% этих фирм хотя бы один раз попадали в ситуацию, когда они были вынуждены искать новое место локализации того или иного объекта; это число превышает 90%, если к ситуациям такого же рода отнести расширение территории предприятия, приобретение новых или закрытие старых отделений. Норт выделил десять типов стресса, который вынуждает принимать решение, связанное с изменением локализации тех или иных объектов. Таковы: запланированный рост мощностей для выпуска уже производимого продукта; расширение регионального рынка производимых изделий и существующих услуг; незапланированный рост мощностей для прежней продукции; внедрение в производство новых видов изделий; вертикальная интеграция; горизонтальная интеграция; стрессы, порождаемые внешними обстоятельствами; стрессы, вызываемые особенностями пространственного функционирования рынков; решения, навязываемые дочерней фирме со стороны основной; рационализация производства. Некоторые виды стрессов чаще требуют решений, связанных с изменением локализации тех или иных объектов, чем другие. Например, решение о переносе предприятия обычно принимается вследствие незапланированного роста производства, а также ухудшения экологической ситуации в месте предыдущей локализации данного предприятия, в то время как решение о создании дочернего предприятия, как правило, является следствием недостатка производственных мощностей при заплани-

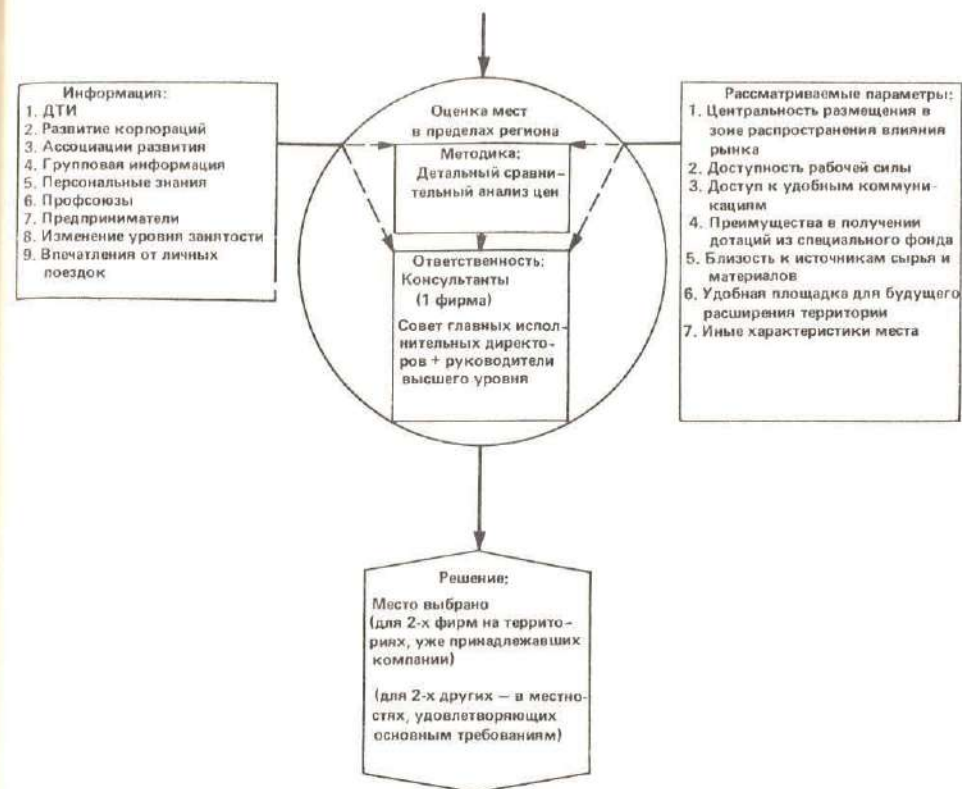

Рис. 13-6. Процесс поиска и отбора на межрегиональном уровне для принятия решения о размещении дочернего предприятия (четыре фирмы). North (1974, 236–7).

рованном росте объемов производства (в ситуации, когда расширение производства в данном месте невозможно), а также проведения политики развития фирмы через расширение региональных рынков.

Норт также классифицировал способы принятия решений об изменении локализации различных объектов в связи с возникновением внутренних и внешних стрессов. Недостаток места не позволяет рассмотреть все эти способы, однако некоторое представление об их характере можно получить, обратившись к трем примерам, каждый из которых показывает процессы поиска и выбора при нахождении мест размещения дочерних предприятий (см. рис. 13-6–13-8). Первой цепочки решений придерживались представители четырех фирм — типичных корпораций крупного размера, принадлежащих государству, директорат которых искал новые районы размещения предприятий. Норт (North) писал, что хотя в этом случае поиск и выбор тех или иных мест производились строго систематически, наибольшее влияние на выбор окончательного решения оказывали чисто личностные факторы: «с самого начала процесса поиска репутация тех или иных групп компаний, а также степень знакомства с теми или иными исполнительными директорами различных фирм, будучи связанными с конкретными районами, создают к последним пристрастное отношение». Цепочки решения второго типа использовали семь фирм (рис. 13-7), выросших вследствие развития региональных рынков. В этом случае процесс поиска обычно происходил в пределах какого-либо заданного региона и главной его целью было нахождение места, как можно ближе расположенного к центру территории,

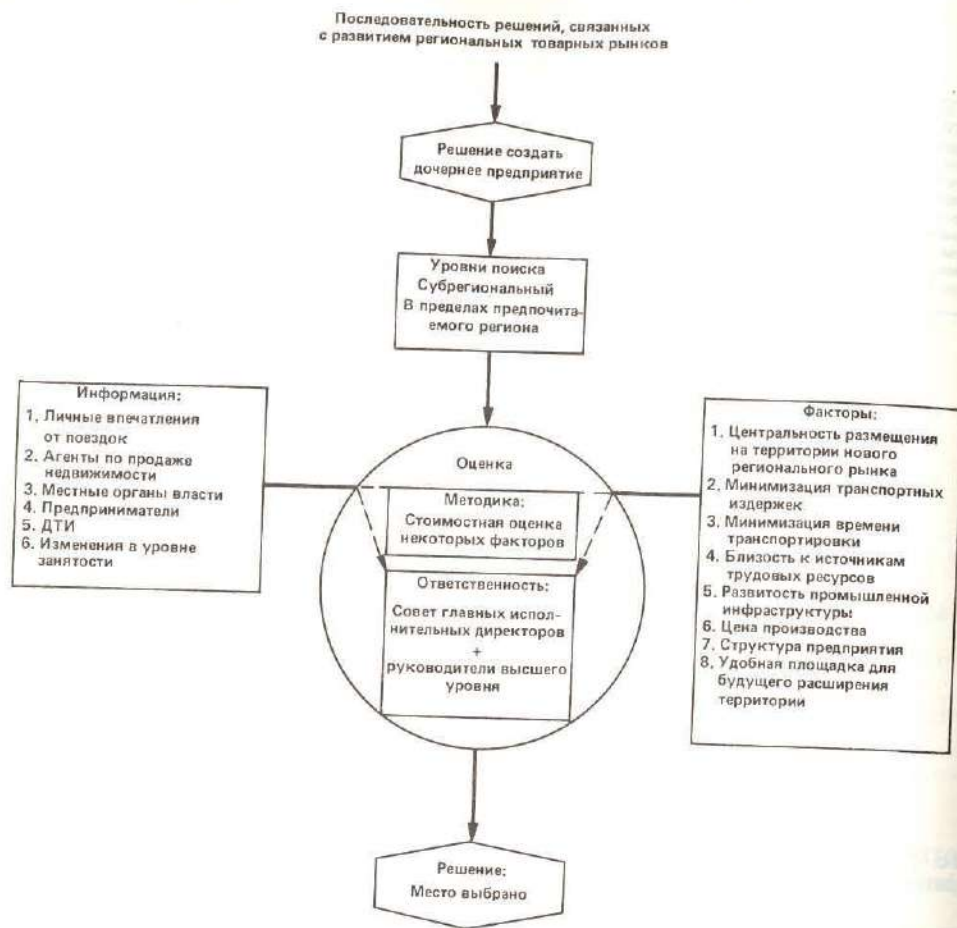

Рис. 13-7. Процесс поиска в регионе, предполагаемом для выбора места размещения дочернего предприятия (семь фирм). North (1974, 238).

являющейся зоной обслуживания местного рынка. В данном случае систематические поиски велись очень редко, «правило тыка» использовалось чаще всего. Пример решений третьего типа, к которым прибегали представители наибольшего числа фирм (девяти), состоял в размещении нового производства в непосредственной близости от существующих предприятий (рис. 13-8). В этом случае никаких процедур формальной оценки вообще не применялось; управляющие соответствующих фирм не хотели, чтобы новое предприятие было отделено от существующих большим расстоянием, что нередко вызывает целый ряд проблем, связанных с его управлением и обеспечением рабочей силой, а также приводит к сумятице в расчетах производственных затрат.

Работа Норта вместе с другими работами такого же типа (см., напр.: Blackbourn, 1974; Green, 1974; Walker, 1975) позволяет глубже понять процесс принятия обсуждавшихся решений, но при этом она остается выполненной с позиций «взгляда со стороны». Анализируя материалы интервью, содержащих рассказы о событиях постфактум, мы действительно можем точно установить роль, которую играют в этом процессе личност-

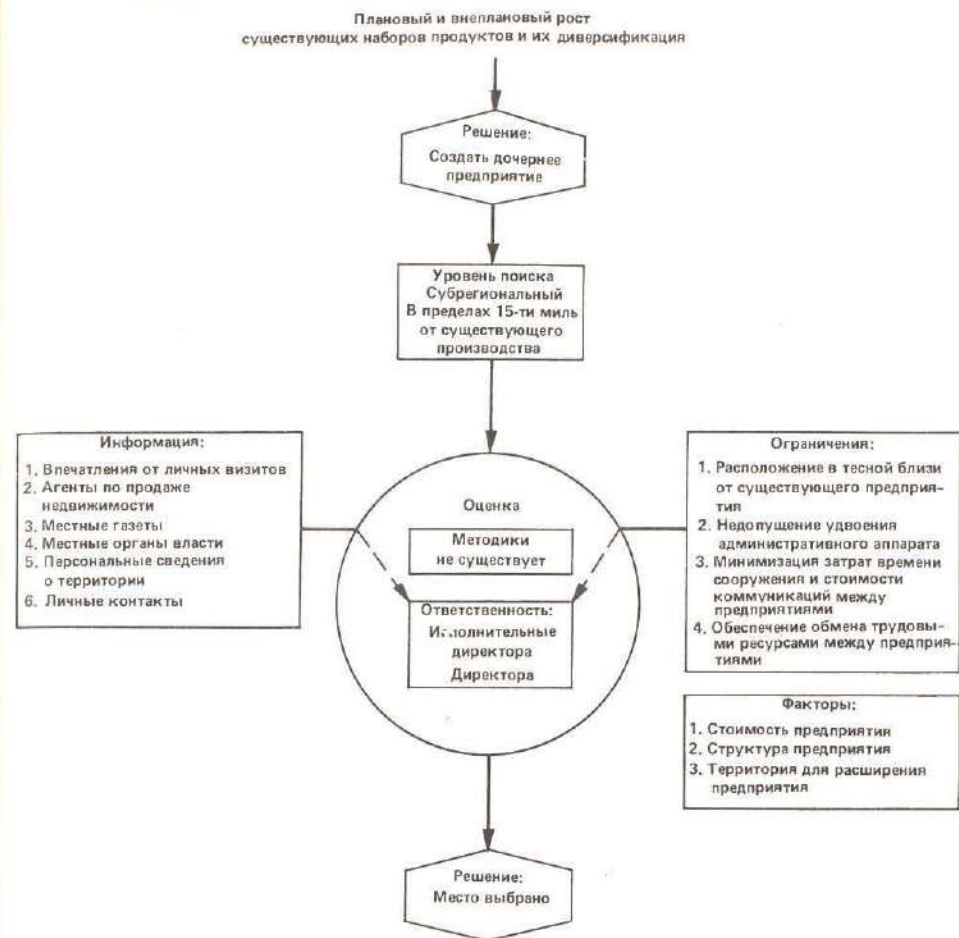

Рис. 13-8. Процесс поиска непосредственного места для размещения дочернего предприятия. North (1974, 239).

ные и организационные факторы, однако, идя таким путем, мы получаем крайне мало информации о динамике и относительной важности рассматриваемых факторов. Внимание исследователя, который решится исследовать эти проблемы на том уровне, где происходит воплощение мыслительных представлений человека в наблюдаемое поведение, по-видимому, столкнется с теми же сюжетами, которые обсуждались на протяжении всей четвертой части данной книги, а именно с тем, что поиски начинаются с рассмотрения близкого и знакомого, что мыслительные представления имеют местнический и незавершенный характер и что обычно при решении проблем, связанных с выбором места размещения, принимаются быстрые, но более или менее удовлетворительные решения. Необходимо точнее выяснить роль, которую играют в этих процессах различные виды предположений, поскольку имеющиеся свидетельства не оставляют никаких сомнений в важности последних. В качестве примера можно привести исследование, выполненное Юниливером (по Mawson, 1975), который проанализировал решения о перенесении различных фирм, штаб-квартиры которых были выведены из Центрального Лондона. Оказалось, что во всех

случаях, кроме одного, новое место было выбрано в пределах тех графств, где проживали менеджеры фирм. При анализе отношения шестидесяти представителей верхнего и среднего этажей менеджмента к перемещению фирм в северные районы страны, а не в их родные графства был установлен их огромный энтузиазм работать в пределах именно своего родного графства, а не переезжать для этого куда-то на север. Отрицательное отношение к новым районам основывалось не на каком-либо деловом соображении вроде того, что эффективность управленческой деятельности на севере ниже, а определялось в первую очередь факторами личного порядка, например тем, что на севере жены не найдут работы, что там не так красиво, как здесь, что качество школьного обучения там ниже и что в северных графствах преобладает социальная атмосфера, которая им не нравится. Не может быть никаких сомнений и в том, что лица, определяющие политику развития фирмы, большое значение уделяют притягательности места ее возможного расположения, о чем красноречиво свидетельствует размер средств, выделяемых на рекламу тех или иных мест [4].

Заключение

Исследования, обсуждавшиеся в этой главе, находятся еще на начальной стадии. И хотя проблемы размещения промышленности сами по себе являются давним предметом географического изучения, существующие теории поведения очень мало говорят о реальных процессах принятия решений в этой области. Учитывая явное преобладание в современной промышленности решений, принимаемых коллективно на уровне корпорации в целом, представляется более целесообразным рассматривать решения об изменении локализации производственных объектов как часть общей программы капиталовложений, а лицо, принимающее решение, считать лишь одним из членов крупной организации. Таким образом, мы получим возможность увидеть реалии процесса принятия подобных решений и создать его схему, которая позволит осуществлять анализ как на личностном уровне, так и на уровне группы. То, что до сих пор изучению роли индивида, участвующего в принятии решения в составе какого-либо коллектива, уделяется недостаточно внимания, отчасти объясняется переоценкой значения в большинстве существующих теоретических построений отдельно взятого лица. Очень важным остается также решение проблемы воплощения мыслительной деятельности в наблюдаемое поведение. К настоящему времени выявлены лишь некоторые общие задачи, которые предстоит решить ученым в этой области, но уже и это позволяет сформулировать основные положения, на которых могут развиваться дальнейшие исследования. С огромным интересом следя за развитием данного научного направления, можно предположить, что в будущем оно превратится в одну из самых перспективных областей поведенческой географии.

Глава 14

Образы среды: дизайн пространства и поведение

Какое нам дело до излишеств на фронтоне, если в доме царят веселье и любовь.

Дж. Б. Пристли. Английское путешествие

Любая пространственная среда несет на себе печать труда и вдохновения бесчисленного множества творческих индивидуальностей, живших в отдаленном и недавнем прошлом, однако в развитых странах формирование того или иного облика пространства все больше отчуждается от деятельности профессиональных дизайнеров [1]. Перед лицом быстрой урбанизации, стандартизации общественных запросов к качеству окружающей среды, ускоренного внедрения новых технологий в строительство и усложнения конструкции различных зданий традиционные связи между заказчиком и дизайнером существенно ослабли. На место неупорядоченного органического роста, характерного для развития исторических городов прошлого, приходит планомерное совершенствование их структуры, осуществляемое специально подготовленными для этого проектировщиками. Значение деятельности профессионального дизайнера невозможно представить полностью, да это и не входит в задачи данного исследования. Мы оставим эту тему и все наше внимание сосредоточим на рассмотрении проблемы, которая множество раз затрагивалась в этой книге: в какой степени поведение людей может влиять на формирование пространственной среды. Однако прежде необходимо проанализировать основные черты самого процесса проектирования пространства.

Роль дизайнера

Названием «дизайн пространства» в данном случае обозначается процесс сознательного формирования и изменения физических форм пространственной среды для удовлетворения определенных потребностей людей (по Reekie, 1972). В этом определении три слова являются ключевыми для понимания природы процесса пространственного дизайна.

Во-первых, это *сознательно* осуществляемый процесс, в который, в частности, входит специальный механизм сопоставления существующих точек зрения, а также выработки тех или иных решений, удовлетворяющих требованиям данной ситуации. Говоря это, было бы ошибочным создавать представление, будто выбор того или иного пространственного решения данной среды происходит беспристрастно, вне каких-либо связей с системами ценностей участвующих в этом процессе людей, что он начисто лишен эмоций, базируясь целиком на строгой рациональности. Несмотря на заявления историков-искусствоведов от Пьюджина до Певзнера о том, что правильного решения того или иного проекта можно достигнуть, лишь систематически следуя рационально выработанным принципам на всех стадиях процесса проектирования, начиная с «правильных» исходных позиций (Watkin, 1977), проект, признанный пригодным в данный момент, может показаться совсем неподходящим в другой. Более того, сам спектр мнений, из которых производится выбор, далек от исчерпывающего,

причем эффективное функционирование социокультурных и личностных фильтров приводит к тому, что многие из потенциально возможных решений вообще выпадают из рассмотрения (Rapoport, 1975b).

Во-вторых, дизайнер—это человек, официальной обязанностью которого является создание и изменение *физических* форм среды, однако, работая над проектами, определяющими материальные характеристики структуры и общей организации пространства, он автоматически оказывает сильнейшее влияние также на эстетические, символические и социальные особенности создаваемой среды. Эту проблему отлично осознают и сами дизайнеры, как правило уделяя большое внимание рассмотрению пределов своей компетенции. Санофф (Sanoff, 1975, 227) пишет: «Очевидно, что интерес архитекторов к социальным теориям сегодня все время нарастает. Архитекторы разделяют чувство социальной ответственности и верят, что их работы могут способствовать улучшению общества. Однако, к сожалению, в тех случаях, когда дизайнер сталкивается с социальной проблематикой, выявляется недостаток интеллектуальной дисциплины, характерный для людей этой профессии. Например, среди архитекторов господствует убеждение, что сами материальные формы организации пространства оказывают очень сильное влияние на характер социальной жизни его потребителей и прямо и однозначно определяют стиль их поведения. Как профессионалы, архитекторы исходят из того, что люди формируются средой, которая создана для них».

Последствия реализации подобных представлений далее в этой главе будут обсуждены более подробно.

В-третьих, конечной целью процесса проектирования является удовлетворение *потребностей* людей. Эту цель гораздо труднее реализовать, чем может показаться, поскольку для ее достижения необходимо решить целый ряд весьма запетливых проблем. Начнем с того, что пространственная среда должна удовлетворять всем человеческим потребностям во всем их многообразии—от физиологической потребности в надежном убежище до таких сложных потребностей личности, как потребность в признании и самоуважении. Какие потребности должны удовлетворяться в первую очередь в каждом конкретном случае и в каких сочетаниях? Далее, если учесть тот факт, что потребности со временем изменяются, обязан ли дизайн ориентироваться на потребности, актуальные в данный момент, или же проект должен строиться в расчете на удовлетворение потребностей, которые, согласно предсказаниям, появятся в будущем? Как вообще выявить и измерить все эти потребности? И наконец, возможно, самый главный вопрос: чьи потребности призван удовлетворять дизайн пространства? Поскольку, по-видимому, именно неудачи в поисках ответа на этот последний вопрос являются главным источником, порождающим чувство неудовлетворенности работой дизайнеров, он заслуживает более пристального рассмотрения.

Дизайн для нужд человека. С самого начала важно понять, что дизайн—это не просто реакция на запросы потребителя. В процессе дизайна, или проектирования, участвуют три стороны: дизайнер, потребитель и клиент, заказывающий работу. В прошлом обычной была ситуация, когда эти три роли совмещались в одном лице, когда сами дизайнеры были своими собственными клиентами, или потребителями того, что они сами спроектировали. В наши дни, напротив, набирает силу тенденция к максимальному взаимному разъединению представителей этих трех групп с уменьшением количества точек соприкосновения. Эта тенденция стала особенно заметной в последние годы после появления крупных агентств по проведению проектных работ—организаций, в действительности мало заинтересованных и мало стремящихся улучшить среду того места, где реали-

зуются разрабатываемые ими проекты. В таких условиях естественно ожидать, что каждая группа будет иметь свой набор потребностей, которые должны быть согласованы между собой в процессе проектирования. И вполне вероятно, что потребности либо дизайнера, либо клиента могут продиктовать им выбор проекта, малоприспособленного для конкретного потребителя.

Такое положение отчасти является следствием действующих в настоящее время механизмов согласования интересов сторон, принимающих участие в процессе проектирования. Дизайнер, имеющий специальное образование и профессиональный опыт, обычно вынужден играть роль интерпретатора потребностей других людей [2]. Точки зрения дизайнера и клиента очень часто совпадают, поскольку их установки и накопленный опыт нередко очень близки (Pawley, 1971). Обычный контакт с клиентом осуществляется в стиле «комитетского совещания», в ходе которого дизайнер показывает клиенту варианты проектов, выполненных в виде макетов или рисунков, или же прибегает к помощи словесного описания, а клиент дает им оценку (Canter, 1977). Таким образом, клиент, получая возможность участия в работе над проектом, может играть в этом процессе только пассивную роль, будучи лишен профессиональных знаний. И такая ситуация может использоваться соответствующим образом. Один известный американский архитектор рассказывает, что ему всегда советовали иметь для клиента два варианта проекта. В расчете на его быстрое отклонение один из них должен быть явно неприемлемым, в то время как наличие второго, который архитектор и хотел бы видеть воплощенным, в данном случае имитирует свободу выбора и гарантирует развитие событий в выгодном для дизайнера направлении (Hansen, 1977).

Описанная процедура может показаться циничной манипуляцией, однако она, как ни иронично это звучит, оставляет гораздо больше возможностей для реального осуществления заинтересованного обсуждения будущего проекта, чем те процедуры, которые обычно применяются в ходе контактов дизайнера и потребителей, практически лишенных каких-либо обязательных и более или менее эффективных механизмов, при помощи которых дизайнер мог бы учесть мнение потребителей его продукции. В большинстве случаев проектировщики вынуждены сами определять потребности будущих потребителей и производить выбор соответствующих проектов. Подобные методы, основанные на внутренней интуиции авторов проектов, могут давать самые неожиданные результаты (Sanoff, 1975). Например, работа Фрида (Fried, 1963) [3] показывает существование значительных расхождений между оценкой запросов потребителей, произведенной проектировщиками, и действительными запросами людей. Для проектировщика достаточно одного взгляда на кварталы Вест-Энда в Бостоне, чтобы назвать их «трущобами», которые, по его мнению, лучше всего, как с точки зрения самих его жителей, так и города в целом, просто уничтожить. И то, что кто-то получает удовлетворение, живя в этих районах, а также способен испытывать чувство горечи за оставленные там дома, похоже, воспринимается многими из них как грандиозный сюрприз.

Проблемы оценки потребностей будущих жителей проектируемых зданий и районов связаны, конечно, не только с недостатками самого диалога; они хорошо отражают присутствие трех факторов, которые оказывают сильное влияние на деятельность дизайнера. Во-первых, между проектировщиком и потребителем могут существовать значительные социокультурные различия. Как мы видели, клиент и дизайнер очень часто имеют одинаковый жизненный опыт, в то же время обычной является ситуация, когда дизайнер, принадлежащий к среднему классу, вынужден создавать проекты зданий и пространств, в которых сам он никогда не жил. В исследовании

Бостона, произведенном Фридом, дизайнеры были, как правило, хорошо образованными представителями среднего класса, проживающими вне территорий, развитие которых они проектировали, а потребители являлись в основном жителями бедных кварталов рабочего класса из Вест-Энда, заселенных итало-американцами. Нет ничего удивительного в том, что эти группы имели мало общего. Во-вторых, у самого дизайнера существуют свои собственные потребности, которые могут отличаться от тех, которые характерны для потребителей результатов его труда. Проект здания или района, вызвавший признание и восторг коллег, почти всегда расценивается как грандиозный личный успех, хотя проверка временем может показать, что он (проект) недостаточно учитывал потребности людей, для которых предназначался. В последнее время ситуация изменилась в лучшую сторону, но до сих пор остается верным, что вплоть до наших дней проектировщики и архитекторы работали в замкнутом пространстве, реагируя главным образом на мнение людей своего круга. Так как дизайнеры всегда являются членами того или иного коллектива, то итоговое решение того или иного проекта очень часто является результатом компромисса входящих в него профессионалов, поскольку одному автору чрезвычайно редко удается создать проект, не прибегая к помощи коллег (Broadbent, 1973). Это обстоятельство также работает на появление проектов, не совпадающих с запросами потенциальных потребителей.

Очевидная оторванность дизайнера от реальной жизни отчасти связана также с влиянием третьего фактора, состоящего в том, что образование и установившаяся традиция работы дизайнера не ориентируют его в должной мере на учет запросов и ожиданий потребителей его продукции. Такой стиль пришел из архитектуры, в которой главным направлением образования традиционно являлось изучение взаимосвязей архитектуры и искусства, а не потребителя и спланированной для него среды. Причинами такой ориентированности интересов являются главным образом две доктрины, которые оказали сильное влияние на развитие архитектурной мысли. Во-первых, до сих пор распространена точка зрения, согласно которой архитектура видится одним из изящных искусств [4]; в соответствии с ней будущие архитекторы обучаются видеть историю развития последней в том же ключе, в каком рассматривается история развития эстетических идей. Основное внимание уделяется немногим широко известным шедеврам, гигантским зданиям, несущим значительную символическую нагрузку, а также изучению идей, принадлежащих создателям этих шедевров. Так формируется представление, что эти здания являются произведениями искусства, созданными творческим гением человека, а не объектами, построенными для удовлетворения потребностей людей. Во-вторых, в то время когда истинность тезиса о безграничной свободе творческих импульсов художника во все большей степени стала подвергаться сомнению и восприниматься весьма скептически, начала набирать силу новая доктрина «конструктора среды» (Pawley, 1971) [5]. Постепенно частью архитектурного образования стало усвоение теорий, проникших в него из работ классиков модернистского искусства; в согласии с ними предлагалась новая концепция архитектора как «инженера-конструктора», творения которого удовлетворяют неким объективным критериям [6]. Эту точку зрения хорошо выразил Нобль (Noble, 1963): «Как архитекторы, мы формируем поведение людей в будущем посредством создаваемой нами среды. На каждой стадии процесса проектирования мы думаем о возможном поведении людей, и успех или неудача нашей работы зависит, видимо, от нашей способности предсказывать поведение» (цит. по: Pawley, 1971, 87). Согласно этой точке зрения, опять подразумевается полная свобода в действиях дизайнера, который видится хорошо осведомленным знатоком нужд других людей.

В общем, под влиянием всех этих факторов воспроизводится порочный круг, в котором причина выводится из следствия, и наоборот. До тех пор пока дизайнеры полагаются на традиционное «правило тыка», мало вероятно, чтобы они всерьез занялись прямым исследованием запросов потребителей их продукции. Вполне возможно, что, вне связи с недостатком адекватного теоретического понимания и эмпирических материалов, описывающих запросы и ожидания потребителей, которых действительно не хватает, дизайнеры в своей работе и в дальнейшем будут опираться на старые представления и процедуры, игнорируя наличие большой литературы (см., напр.: Perin, 1970; Deasy, 1974; Brodin, 1976), в которой доказана несостоятельность авторов современных проектов среды жизнедеятельности удовлетворить потребности реальных людей.

Насколько возможен контроль?

Каких бы оценок мы ни придерживались, нельзя не признать, что дизайнеры в целом создали ясные образы тех форм организации пространства, которые, по их мнению, должны давать социально желательный результат, и сами очень верят в его правомерность. Обычно такие образы содержат хорошо различимые элементы двух видов: топофильные — их дизайнер старается по возможности избежать, что обычно является реакцией на такие черты настоящей ситуации, которые воспринимаются как болезненные, — и топофильные, отражающие представления дизайнера об идеальной среде. Элементы обоих видов очень хорошо прослеживаются, например, в работах, посвященных пространственной организации утопических обществ, принадлежащих к литературному жанру, существующему с античных времен (Lang, 1952; Reiner, 1963; Manuel, 1973). Обычно утопии создаются в такие эпохи, когда, по мнению их авторов, общество находится в кризисе, почему они и представляют картины, резко отличающиеся от того, что эти люди видят вокруг себя. Пространственная среда утопического общества — это среда, спроектированная таким образом, что все граждане в ее пределах получают возможность наслаждаться «счастливой жизнью», хотя сказать, что это такое, может обычно только автор утопии. По завершении своего формирования организация утопии не допускает никаких изменений, поскольку невозможно улучшить само совершенство. Всем жителям утопии предлагается особый уклад жизни — считается, что все сразу оценят предлагаемые им блага и, полные чувства законной гордости, будут радостно наслаждаться ими.

Лишь немногие утопические проекты были воплощены, и еще меньшая их часть выдержала испытание грубыми реалиями жизни [7]. Однако дух, который двигал их творцами, — дух создания идеальных проектов, основанных на собственных представлениях автора о характере внешнего мира, а не на тех, которые имеются у его соотечественников и потенциальных потребителей его проектов, — имеет много общего с настроениями, которые руководят авторами более прозаических проектов. Социальные реформаторы конца XIX в. в своих умозрительных построениях исходили из отрицания горестной картины пораженных социальными болезнями убогих кварталов бедноты в промышленных районах Англии, одновременно уповав на всяческие блага светлого будущего с его более просторной планировкой жилищ (Darley, 1975). Точно так же в современной Великобритании планирование городского развития осуществляется с ориентацией на *априорные* модели идеальной организации городского пространства (Houghton-Evans, 1977).

Суть подобной ситуации хорошо иллюстрируется концепцией «жилого

микрорайона», которую мы уже рассматривали в гл. 7. Эта концепция перекочевала в Англию из Северной Америки, где она впервые была сформулирована в работах двух архитекторов, Перри и Стейна (Hall, 1974). Перри (Perry, 1929) предложил строить новые кварталы городов как законченные пространственные единицы, в которых жители были бы обеспечены всеми видами услуг. Принципы, на которых основывалась эта концепция, показаны на рис. 14-1, где изображена схема микрорайона, рассчитанного на проживание примерно 5000 человек. Такая численность была выбрана по двум причинам: с одной стороны, это количество людей занимает при расселении площадь, размер которой считался самым подходящим для создания пространственной жилой единицы со всеми необходимыми учреждениями, расположенными в ее центре, а с другой, — по мнению Перри, община именно такой численности оптимальна для поддержания высокого уровня чувства социальной принадлежности к ней. Эти идеи, дополнив их рядом новых компонентов в организации пространственной среды микрорайона, в частности идеей полного разделения систем коммуникаций для транспорта и пешеходов, развил Стейн, ближайший сотрудник Перри, создав проект нового города Редборн (штат Нью-Джерси).

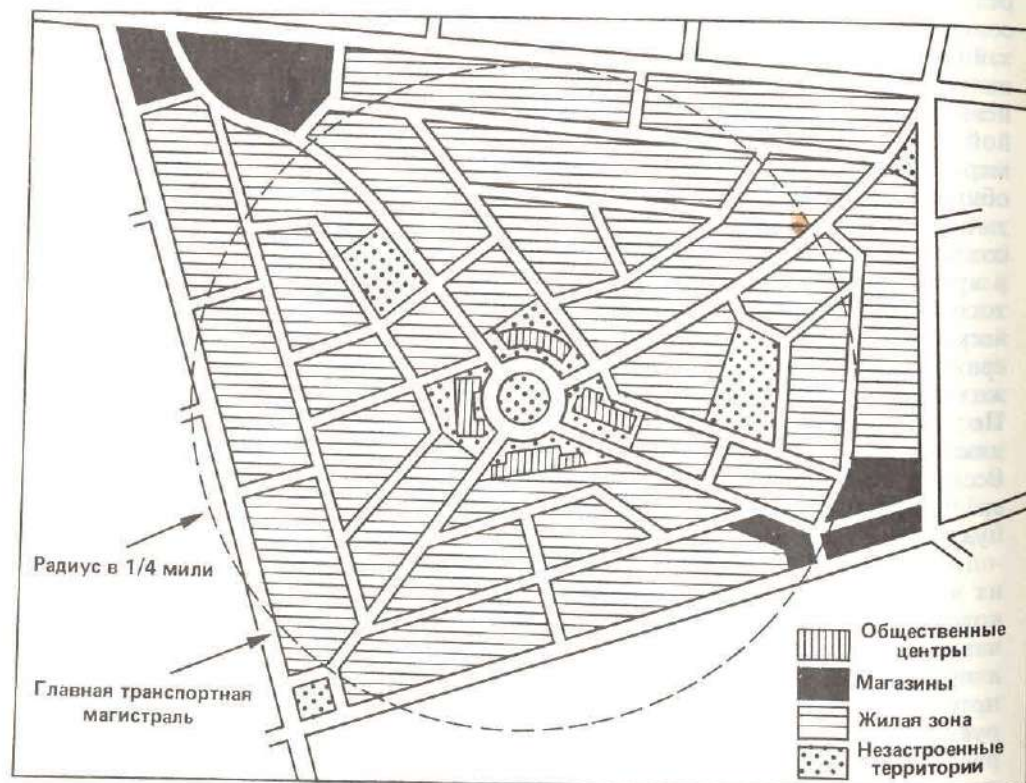

Рис. 14-1. Принцип размещения объектов в пределах микрорайона. Hall (1974, 58).

Принцип застройки микрорайонами получил широкое распространение в Великобритании еще до 1939 г., когда появился целый ряд микрорайонов в Уитеншо (под Манчестером), однако применение этого принципа в более широких масштабах началось после второй мировой войны в ходе строительства первых четырнадцати «новых городов» (1947–1950). Создание

микрорайонов виделось как удобным средством осуществления эффективной планировки новых кварталов, так и способом вернуть дух общины, установление которого, по мнению многих, было единственной альтернативой одиночеству городской жизни (Pearson, 1972). Все проектировщики получали разработанные в официальных органах инструкции относительно величин различных пространственных габаритов новых районов, уровня обеспеченности теми или иными услугами, а также относительно размера и характера планировки микрорайонов (от 5000 до 10 000 человек); при этом рекомендовалось планировать будущие микрорайоны таким образом, «чтобы полностью обеспечивались рост и развитие духа общины и глубокого чувства сплоченности» (Dudley Report, 1944).

В действительности эти микрорайоны оказались плохой основой для формирования социальных ячеек, в чем нет ничего удивительного. Вместо серьезного анализа наиболее вероятных потребностей или хотя бы основных предпочтений людей большая часть руководителей этой программы исходила из ряда умозрительных допущений относительно социальной сферы. Они произвольно определили численность населения, якобы необходимого для нормального развития общины, предположив, что удобство близрасположенных учреждений сферы обслуживания ценится людьми больше, чем жизнь в условиях меньшей плотности застройки, и что они якобы стремятся к осуществлению социальных контактов. Обреченность многих подобных проектов создать крепкие социальные ячейки очевидна, что еще раз показывает огромную сложность взаимоотношений людей и физической среды, в которой они обитают, и еще раз заставляет рассматривать пределы влияния той или иной организации пространственной среды на характер поведения человека. Этот вопрос заслуживает более глубокого анализа.

При рассмотрении результатов формализованных исследований, посвященных изучению связей, существующих между организацией пространства и поведением, видно, что большинство авторов, за исключением немногих ученых, анализирующих социальное поведение во внутренних пространствах различных зданий (Wells, 1965; Heilweill, 1973), посвящают себя исследованию особенностей социальных контактов в небольших или средних по размерам жилых ячейках. Результаты одного из самых первых и наиболее известных исследований такого рода изложены в книге Леона Фестингера и его коллег (Leon Festinger, 1950) под названием «Социальное давление в неформальных группах».

В этой работе рассматривается формирование дружеских связей и социальных групп среди жителей вновь построенных комплексов общежитий Вестгейт и Вестгейт-Уэст Массачусетского технологического института. Массив обследованных специально выбирался таким образом, чтобы это была гомогенная группа людей. Все студенты принадлежали к одной возрастной группе (20–35 лет), все они отслужили в армии, молоды были и их семьи, члены которых, так же как и они сами, принадлежали в основном к верхам среднего класса. Производя выбор по такому принципу, исследователи устраняли из анализа влияние социально-экономических факторов и получали возможность сосредоточить все усилия на рассмотрении взаимосвязей между планировкой жилой застройки и особенностями социальных контактов жителей этих домов. Кроме того, исследованные жилые ячейки были практически полностью изолированы от других общежитий кампуса, поэтому можно было предполагать, что чистота подобного эксперимента будет еще выше.

Согласно выдвинутой перед исследованием гипотезе предполагалось, между прочим, что быстрота установления дружеских связей и появление каких-либо групп зависит от количества случайных встреч студентов (так

называемые пассивные контакты). Далее, предполагалось, что количество подобных встреч зависит от величины физического расстояния в том смысле, что вероятность случайной встречи с человеком, живущим поблизости, гораздо выше, чем вероятность встречи с кем-либо живущим в большем удалении, причем при расчете величины расстояния во внимание принималось и функциональное расстояние, величина которого зависит от особенностей местоположения зданий и планировки прилегающих к нему территорий, а также от взаимного расположения входных дверей относительно друг друга. Другими словами, если две квартиры расположены рядом, но их входные двери выходят на разные лестничные клетки или в разные дворы, то на деле они оказываются удаленными друг от друга на некоторое расстояние. Контакты приводят к дружбе, дружба порождает дружеские компании.

Установленные авторами результаты в целом подтвердили эти гипотетические предположения. Жители именно соседней квартиры чаще всего выбирались в друзья, а вероятность попасть на эту роль у обитателей других квартир уменьшалась с увеличением физического расстояния до них. Оказалось, что функциональное расстояние тоже оказывает влияние на развитие дружеских отношений, проявившееся в том, что, как выяснилось, дружеские связи легче завязывались между жителями квартир, выходящих во двор, чем между жителями квартир, выходящих на улицу. Из всего этого авторы заключают, что: «В общностях, которые по многим параметрам, влияющим на развитие дружеских отношений, гомогенны, физические факторы, являющиеся проявлением особенностей планировки зданий, предстают основными детерминантами того, как будет развиваться дружба и какие появятся социальные группы» (Festinger et al., 1959, 151).

Эти слова очень часто цитируют, однако к ним надо относиться с осторожностью. Главное среди этих слов — *гомогенны*. В данном случае ученые исследовали группу людей, среди которых значение социальных фильтров, действующих при выборе тех или иных партнеров по общению, было сильно снижено. Исследования происходили на ранних стадиях освоения этими людьми новой для них среды, то есть в такое время, когда по причинам, изложенным выше, человек более всего ориентируется на самое узкое местное сообщество. Более того, из-за физической удаленности исследуемого комплекса от других общежитий студенты вынуждены были полагаться лишь на имеющиеся в наличии ресурсы общения. И наконец, ученые исследовали людей, находящихся на уникальной стадии развития их жизненной судьбы — сразу после демобилизации из армии после окончания второй мировой войны. Все это заставляет задуматься о том, были бы результаты такими же, если бы массив обследованных не был столь гомогенным или если бы исследования охватывали больший временной период или же проходили просто в другое время.

Тем не менее существует еще ряд исследований, подтверждающих выводы Фестингера и его коллег. Например, исследование Купера (Kuper, 1953). Оно посвящено анализу социальных взаимоотношений в жилом массиве Ковентри, застроенном домами на две семьи, и дает новые доказательства значимости функционального расстояния. Районы такой застройки спланированы так, что у каждой семьи есть соседи в этом же доме, так сказать, через стену, а также соседи в другом, рядом стоящем доме. В ответ на вопрос о наиболее близких соседях респонденты неизменно называли жителей своего же дома. По мнению исследователей, это объясняется тем, что респонденты чаще всего пользовались дверьми, расположенными на значительном удалении от входа в соседний дом. Доказательства большой роли, которую играет удаленность в развитии дружеских отношений, содержатся также и во многих других эмпирических работах,

например в работе Уайта (Whyte, 1956) по Парк-Форесту, штат Иллинойс; Уильмотта (Willmott, 1963), изучавшего эту проблему в Дагенхэме, Англия, а также Рейнвота (Rainwater, 1966) и Йенси (Yancey, 1972), исследовавших проект Приюит-Айгоу в Сент-Луисе, штат Миссури.

Впрочем, с такой же легкостью можно найти и работы, которые содержат совсем мало доказательств в пользу истинности указанных закономерностей. Кэри и Мэйнс (Carey, Mapes, 1972) провели широко-масштабное исследование восьми новых жилых массивов Статфордшира, Англия, состоящих из частных квартир, для изучения развития дружеских отношений среди домашних хозяек примерно одинакового социально-культурного уровня. Согласно полученным результатам, такие факторы, как возраст и семейное положение, позволяют гораздо лучше объяснить различия в сложившихся типах социальных контактов и частоте визитов хозяек друг к другу, чем факторы, отражающие особенности организации материальной среды, которые оказывали очень слабое влияние на изучавшиеся процессы. Столь же негативные результаты получены Гутманом (Gutman, 1966), Гансом (Gans, 1967) и Деннисом (Dennis, 1968). В действительности, как указывает Гутман (Gutman, 1972), подобные выводы можно найти и в работах самого Фестингера. В статье, опубликованной в 1951 г., Фестингер сравнивает результаты исследования в Вестгейте с результатами, полученными при изучении Риджент-Хилла. Планировка и размеры последнего были такими же, как и в Вестгейте, и жилье в этом районе также предоставлялось местными властями без права выбора жильцами той или иной приглянувшейся им квартиры. Правда, в других отношениях ситуация в Риджент-Хилле была совершенно иной. Жилье здесь было предназначено для рабочих судоверфи и к моменту исследования было заселено уже в течение пяти лет (1947). К этому времени состав населения стал достаточно неоднородным. Только 40% среди жителей массива составляли люди, которые поселились в нем в момент его постройки и которые до сих пор работали на судоверфи, — это были люди, вынужденные искать жилье в период его острой нехватки. Заканчивая рассмотрение этого исследования, Фестингер (изд. 1972 г., 132) заключает: «Таким образом, в данном случае мы видим совершенно иное положение дел, чем то, которое мы наблюдали, исследуя Вестгейт. Вместо полнокровной и интересной для всех социальной жизни здесь мы видим очень низкий уровень ее развития; образование социальных групп, принадлежность к которым приносила бы подлинное удовлетворение, здесь также весьма затруднено». То есть, несмотря на идентичную планировку, социальные условия в этих двух жилых комплексах абсолютно противоположны, что и заставляет искать объяснение особенностей поведения в основном в социально-психологических факторах.

Да, конечно, свидетельства противоречивы, однако нерешенность ситуации порождает самые горячие споры. Доводы одной из сторон выражены в полемической статье Броди (Broady, 1966). Социолог Броди выражает озабоченность неправильным толкованием социальных теорий, распространенным в среде архитекторов, и отмечает склонность последних к теоретизированию, которое он называет «архитектурным детерминизмом». Смысл этого детерминизма совпадает со смыслом всех видов детерминизма, обсуждавшихся в этой книге. Согласно данной доктрине, физические силы — в нашем случае различные формы проектируемой пространственной среды — оказывают прямое влияние на характер поведения людей. В типичной модели, построенной по канонам архитектурного детерминизма, та или иная организация пространства видится независимой величиной, а поведение человека — зависимой от нее переменной. Броди отказывает такому анализу в корректности, настаивая на том, что главную роль в

детерминации поведения играют социальные и культурные факторы. Таким образом, нельзя говорить, что дизайн пространства формирует поведение, так же как нельзя говорить о том, что он является «некой чудодейственной силой, при помощи которой можно спасти человека и исправить общество. Его главная социальная функция состоит в обеспечении людям таких условий, чтобы они могли делать то, что хотят, или то, что они обязаны делать» (Broady, 1966, 153).

Прямо отвечая на критику, Ли (Lee, 1971), специалист по психологии среды, утверждает, что работа Броди строится на ряде ошибочных допущений. Соглашаясь с тем, что современная архитектура — это не область деятельности каких-либо волшебников, Ли (Lee, 1971, 255) подчеркивает, что ее конечной целью должно быть «некоторое изменение человека, а не его приручение». Ли считает, что пространственная среда действительно влияет на поведение, что термин «архитектурный детерминизм» вполне приемлем для описания взаимоотношений человека и среды окружения и что использование этого понятия является наилучшей исходной позицией для построения более развитой теории в этой области. Тем не менее из рассмотрения работы Ли становится ясно, что он имеет в виду гораздо более мягкую форму детерминизма, чем та, о которой говорит Броди: «Утверждать, что наше поведение формируется средой, — это не значит соглашаться с тем, что мы являемся беспомощными субъектами, полностью формируемыми извне, но это означает утверждение необходимости создавать и поддерживать по нашей собственной воле такие взаимоотношения между человеком и средой его окружения, которые были бы наиболее благоприятны для развития нас и наших детей в направлении, которое выбрали мы сами... Главные недоразумения начинаются, когда люди, критикующие архитектурный детерминизм, приписывают ему абсурдное утверждение, будто сформированная пространственная среда является *единственным* или даже *главным* фактором, определяющим поведение» (Lee, 1971, 255–256). Воздействие, оказываемое тем или иным дизайном пространства, необходимо рассматривать в ряду всех других воздействий, которые совместно и формируют поведение. Если же мы поступим иначе, то окажемся в плену у другой крайности, в плену «социального детерминизма».

Противоположность высказанных точек зрения гораздо меньше, чем это может показаться на первый взгляд, поскольку обе работы содержат элементы ритуального недоумения и негодования, однако между людьми, занимающими эти позиции, существует реальное расхождение относительно той роли, которую дизайн пространства *сам по себе* может играть в процессе формирования поведения. Истина, видимо, лежит посредине и состоит в том, что пространственная организация среды может оказывать серьезное влияние на поведение в определенных, жестко ограниченных условиях (как, например, в тех условиях, которые существовали в Вестгейте), но что, однако, это влияние намного меньше, чем предполагает большинство архитекторов. Поэтому мы вновь возвращаемся к утверждению, которое сейчас уже нет нужды доказывать, что процессы, характерные для исследуемого феномена, имеют гораздо более сложную природу, чем это обычно предполагается. Вероятность того или иного типа поведения необходимо рассматривать как результат сложной функции процессов мыслительной деятельности, связанных с переменными, которые опосредуют контакты человека с его пространственным окружением. Мало вероятно, чтобы исследователь, не принимающий сказанное в расчет, достиг в изучении данной проблемы серьезных результатов, которые могли бы быть использованы дизайнерами в их практической деятельности. Трудно не согласиться со словами Мамфорда: «Построить сцену не значит написать пьесу».

Заключение

Нельзя дважды войти в одну и ту же реку: и ты не тот, и река другая.

Гераклит

Когда в академической науке появляется новое направление, его развитие на первых порах проходит, по-видимому, по одной и той же общей схеме. Сначала в течение определенного периода времени ученые, занимающиеся разработкой новых теорий и методов, находятся где-то на периферии науки. Затем наступает стадия, когда их идеи начинают оцениваться научным «истэблишментом», причем реакция последнего может быть самой разнообразной: от панегирических восхвалений до полного уничтожения этих идей. Наконец, приходит время, когда новое направление либо становится неотъемлемой частью данной науки, либо навсегда исчезает из поля зрения. В настоящий момент поведенческая география остается пока на второй стадии. Чтобы представить, каким будет ее положение на третьей стадии, необходимо проанализировать ее основные черты, ее реальный и потенциальный вклад в развитие географических знаний, а также проблемы, с которыми она сталкивается.

Поведенческая география опирается на концепцию взаимоотношений человека и среды окружения, являющуюся в целом гораздо более сложной, чем традиционные географические концепции в этой области. Ученый, занимающийся поведенческой географией, считает, что человек одновременно и формирует окружающую его среду, и реагирует на ее воздействия и что среда и человек находятся в состоянии динамической взаимосвязи. Человек видится мотивированным социальным существом, чьи решения и поступки опосредованы характером восприятия пространственной среды. Эта мысль сразу же требует некоторых уточнений. Во-первых, рассматривая те или иные мотивации, ученый учитывает все те потребности, намерения и импульсы, как осознанные, так и подсознательные, которые руководят поведением. Во-вторых, последовательно признавая большое значение, которое имеют социокультурные факторы, главное направление исследований сосредоточивается прежде всего на рассмотрении процессов восприятия и принятия решений, происходящих на уровне индивида, а не на уровне той или иной группы. В-третьих, не допускается даже намек на то, что процессы восприятия, как и любые процессы мыслительной деятельности, обязательно приводят к «разумным» решениям и порождают «рациональное» поведение; это подчеркивается в узких экономических или философских определениях указанных понятий, а также в том, что называется обыденным здравым смыслом.

Отталкиваясь от этой основы, специалист по поведенческой географии утверждает, что интерпретация поведения определяется пониманием того, как происходит развитие представлений о пространстве, характером пространственных представлений и особенностями пространственного восприятия, а также связей, существующих между мышлением и поведением, и что исследованием именно этих взаимосвязанных вопросов и занимаются исследователи, принадлежащие к этому направлению науки. Как показы-

важает наша работа, такие исследования характеризуются применением междисциплинарных подходов и очень широкой, но слабо интегрированной упорядоченной тематикой. Эти особенности требуют более подробных комментариев.

Междисциплинарность подхода отчасти объясняется осознанием того, что изучаемые проблемы выходят за рамки строго очерченных предметов академических дисциплин, однако отражает и прагматическую необходимость, толкающую географа на поиски объяснения исследуемых явлений и процессов в литературе по социальным наукам и наукам, рассматривающим различные аспекты поведения. В начале развития поведенческой географии это была улица практически с односторонним движением, но в последнее время наблюдается усиление ответного потока идей. Ссылки на географические источники стали обычными в работе социологов и специалистов по психологии среды, и эта тенденция, по-видимому, набирает силу.

Поведенческая география обладает широтой содержания поразительной, видимо даже по меркам географии человека. Хотя наиболее распространенные темы изучения связаны с изучением города и с проблемами развитых стран, существует немало исследований, посвященных анализу человеческого поведения в бесконечно разнообразных средах, в самом различное время и на всех пространственных уровнях — от уровня микропространств до Земли в целом. Используемые в ней методы составляют широкий спектр: от точных количественных до уточненных методов критического анализа искусства, литературы и поэзии. Находясь под преобладающим влиянием неопозитивизма, эта область географии отличается тем, что работающие в ней ученые активно экспериментируют с феноменологическим и связанными с ним неопозитивистскими методами. Неудивительно поэтому, что глубина исследований, по крайней мере на первых порах, сопровождалась недостатком последовательности и согласованности их между собой. За исключением таких направлений поведенческой географии, как исследование стихийных бедствий, в которых работы ведутся по широким согласованным программам, она характеризуется недостатком синтеза результатов эмпирических исследований, низким уровнем внутренних взаимосвязей, порочным дублированием исследований, а также противоречивой терминологией.

Тем не менее за небольшой промежуток времени поведенческая география добилась весомых реальных достижений. Прежде всего, во времена, когда пространственный научный подход был преобладающим подходом в географии человека, поведенческая география выступила в роли возмутительницы спокойствия. Поведенческая география подняла значение отдельного индивида в отрасли науки, где явственно обозначались признаки низведения роли его поведения до простого следования заданной схеме пространственной организации и втискивания всего спектра пространственных предпочтений в жесткие рамки жестко установленных графиков. Более того, книги таких авторов, как Туан и Лоуэнталь, привели к повышению литературного качества географических работ, уровень которого сильно понизился со времени Девиса, Семпл и крупных географов-регионалистов межвоенного периода. Во-вторых, ее появление привело к скрупулезной переоценке методов анализа взаимоотношений человека и среды окружения, закончившейся развенчанием энвайронменталистских и неознвайронменталистских доктрин вследствие признания реальной сложности поведения людей. В-третьих, она расширила границы и горизонты географии. Поведенческая география явилась форумом для обсуждения новых теорий, подходов и методов, так же как и забытых старых, таких, как ландшафтный и идеографический анализ места. Далее, она открыла новые

каналы для проведения диалога и заинтересованных дебатов с представителями других наук, внося существенный вклад в важный процесс взаимного обогащения идеями. Наконец, ученые, занимающиеся поведенческой географией, внесли заметный вклад в развитие «дискуссии соответствия», опровергнув «миф о свободе ценностей» и показав, что ценности, разделяемые исследователем, оказывают существенное влияние на всех стадиях разработки любой проблемы. Повысили они интерес и к социальным вопросам и к вопросам практики.

В то же время в этом направлении науки возникло множество проблем и обнаружилось несколько крупных недостатков, которые необходимо устранить. Понятийный и концептуальный аппарат ее остается несовершенным и внутренне противоречивым главным образом вследствие отсутствия систематизированных теоретических основ. Широко распространено мнение, что поправить дело можно, приведя географические исследования в большее соответствие с практикой психологических наук и наук, изучающих поведение. В действительности установление таких связей грозит серьезной дискриминацией. В этой книге мы не раз сталкивались с ситуациями, когда в географических исследованиях демонстрировалось непонимание психологических теорий и методов, а также с ситуациями, когда географы непреднамеренно выбирали теории, по любым критериям весьма спорные. Необходимо также предпринять значительные усилия для наведения мостов с теми направлениями социальной, культурной и политической географии, в которых процессы поведения анализируются на уровне тех или иных групп. В этом смысле полезно вновь повторить высказанное ранее предостережение о том, что, лишь дополняя другие направления географии, а не конкурируя с ними, поведенческая география сможет полностью реализовать свой потенциал. Сами по себе исследования мыслительно-поведенческой деятельности не могут объяснить всего многообразия поведения, и думать иначе значило бы подвергаться серьезной опасности психологизации.

Много проблем существуют также и в тех областях поведенческой географии, которые касаются методов проведения эмпирических исследований. Хотя вопросы методики рассматривались здесь весьма бегло, этого было достаточно для того, чтобы увидеть реальные трудности, связанные с применением тех или иных методов. В целом обсуждению или сравнительной оценке всех этих специфических методов внимания уделяется далеко не достаточно. Остаются спорными такие вопросы, как численность респондентов в обследуемом массиве или характер обследуемого населения, особенно если учесть, что материалы массовых опросов являются в поведенческой географии главным источником информации. Наиболее важное значение имеет, вероятно, тот факт, что некоторые методы, прежде всего широко применяющиеся методы получения сведений для построения мысленных карт, в итоге, по-видимому, выявляют не то, на что они были направлены. Так, как показывает пример построения мысленных карт на основе рисунков респондентов, получаемые в итоге изображения, скорее всего, отражают картографические способности индивидов, а не раскрывают представления о пространстве, существующие в сознании респондентов.

Следующий недостаток поведенческой географии состоит в расхождении между словами и делами некоторых работающих в ней исследователей. Он особенно заметен при рассмотрении связей поведенческой географии с практикой. Исправление этого положения отчасти связано с большей ориентацией ее исследований на решение конкретных прикладных проблем, хотя до сих пор специалисты по поведенческой географии остаются скорее зрителями, чем участниками процесса выработки решений, касающихся практических проблем. Согласно нашему предположению, серьезным пре-

пятствием к этому является слабое знание географами теории и методики реального планирования. Это препятствие можно устранить только путем углубления подлинного понимания практики планирования, а не поверхностным с ним знакомством, прикрываемым прекрасноречивыми заявлениями и менторским тоном. Скажем, все еще очень редки случаи, когда в итоге небольшого обследования группы студентов давались бы далеко идущие практические рекомендации, хотя заключительные строки работ, посвященных таким обследованиям, очень часто содержат вроде бы обязывающие к этому заявления. На самом деле, представляется необходимым иметь специальное направление исследований, посвященных решению практических проблем, которые были бы выполнены людьми, прекрасно знающими теорию и практику планирования, и результаты которых были бы понятны заинтересованным сторонам. Сейчас есть некоторые признаки того, что развитие этого направления началось, однако до сих пор в этой сфере остается ощутимый разрыв.

Все эти проблемы имеют очень важное значение, однако, как бы там ни было, все они присутствуют и в исследованиях тех отраслей науки, посвященной изучению взаимосвязей человека и среды окружения, в которых занимаются рассмотрением процессов мыслительной деятельности. Имеющиеся в данный момент достижения позволяют предположить, что в недалеком будущем эти проблемы будут решены, однако если это произойдет, то это будет результатом работы ученых самых разных научных дисциплин. Этот тезис подводит нас к заключительной и самой главной мысли. Поведенческая география развивалась благодаря тому, что результаты проводимых в ней исследований использовались как в географии, так и науках, посвященных общим проблемам изучения взаимоотношений человека и среды окружения. Ее эклектичный характер явился источником ее вдохновения и силы. Если в попытке стать «респектабельной» наукой она сделает ставку на дисциплинарное упорядочивание, ее ждет печальное будущее. Но оно будет многообещающим, если поведенческая география завоюет прочное место в географии, сохраняя и развивая существующие связи с другими науками.

Примечания

Глава первая

1. Направление, называемое здесь «поведенческой географией», является примерным эквивалентом той области географии, которую другие авторы обозначают как «когнитивный бихевиоризм» (Sprout, Sprout, 1965; Murtion, 1972); «восприятие среды» (Saarinen, 1969); «психогеография» (Kates, 1970); «этногеография» (Knight, 1971); «география представлений» (Watson, 1975) и «география восприятия» (Gottmann, 1977).
2. География всегда носила характер «производной дисциплины», см., напр., Harvey, 1969; Johnston, 1972.

Глава вторая

1. Для более подробного ознакомления с историей развития психологии см. работы Herrnstein, Boring, 1965; Krantz, 1969; Krech et al., 1974; Fantino, Reynolds, 1975; Saarijoki, 1975. Что касается научных школ психологии, то о бихевиоризме см. Skinner, 1974; Rachlin, 1976; о гештальтпсихологии — Henle, 1961; Wertheimer, 1973; о психоанализе — Wollheim, 1971; Jahoda, 1977.
2. Прагматизм — это доктрина, согласно которой общий смысл понятия выражается практическими последствиями его применения (Ayer, 1968).
3. Эта идея заимствована из работ русского ученого И. В. Павлова, посвященных исследованию условных рефлексов (Wright et al., 1970).
4. См., напр., Skinner, 1938, 1971, а также комментарий Chomsky, 1972.
5. У нас нет возможности для обсуждения огромного массива литературы, в которой излагаются результаты исследований по гештальтпсихологии, посвященных анализу зрительного восприятия, среди которых ряд широко известных работ об иллюзиях и тому подобных явлениях. Подробнее см. Gregory, 1970; Barber, Legge, 1976; Park, 1977.
6. Здесь нет места для детального сравнения феноменологии и позитивизма (чаще всего выступающего в форме бихевиоризма). Для расширения знаний по этому вопросу см. Wann, 1964; Mundle, 1971; Misiak, Sexton, 1973; Shutter, 1975.
7. Теории поля заимствованы по аналогии из теоретической физики применительно к поведению, характеристики которого определяются как контролируемые полем взаимодействия сил, организованных по динамическому образцу (см. Lewin, 1951; Rummel, 1975).
8. Эта мысль совпадает с основной идеей работы Альтмана (см. Altman, 1975).
9. См., напр., Himmelweit et al., 1958; Brown, 1972; Tunstall, 1970; McQuail, 1972.

Глава третья

1. Термин «энвайронментализм», используемый в данной работе, не надо смешивать с доктринами, связанными с одноименным движением («движением по охране среды» — *Перев.*) (d'Riordan, 1976b).
2. Соблюдая справедливость по отношению к Дэвису, надо сказать, что он последовательно отказался от наиболее крайних сторон этой концепции.
3. Clark, 1951; Martin, 1951; Montefiore, Williams, 1955; Jones, 1956; Tatham, 1957; Spate, 1958.
4. Определяемая как цена проекта с точки зрения наилучшего использования в будущем тех ресурсов, которые невозможно было использовать ранее.
5. См. обсуждение различий между антропогенной и естественной средой в гл. 7.
6. Для углубленного ознакомления с этой дискуссией см. Lewthwaite, 1966.
7. «Конкретизация» — это термин, который обозначает процесс, посредством которого абстрактные понятия превращаются в понятия конкретной реальности (Berger, Luckmann, 1971).
8. «Социальная физика» явилась попыткой применить физические законы, например гравитации или термодинамики, к гуманитарным областям знания (Stewart, Warntz, 1958; Warntz, 1973).
9. См. Hollis, Nell, 1975; Leibenstein, 1976.

10. Представляется необходимым подчеркнуть, что и Уолперт и Пред во время написания этих работ находились под сильным влиянием идей Шведской географической школы, представители которой были авторами многих пионерных исследований, посвященных применению в географии вероятностного анализа (см. Pred, 1973).

11. Эта дискуссия особенно оживленно велась на страницах английской научной периодики. См. Smith, 1971, 1977; Eyles, 1971, 1977; Berry, 1972; Corrock, 1974; Huckle, 1977.

12. Этот раздел написан на основе статьи (Gold, 1977a), которая была опубликована в «Journal of Geography in Higher Education». Мне хотелось бы высказать искреннюю признательность редакторам этого издания за разрешение использовать ее в этой книге.

13. Это понятие масштаба несомненно используется в части третьей настоящей работы.

14. Эта мысль развивалась Годдардом (Goddard, 1976).

15. См. Mercer, Powell, 1972; Walmsley, 1974; Buttimer, 1976; Relph, 1976; Tuan, 1976; Ley, 1977.

16. На самом деле основатель феноменологии Гуссерль настаивал на том, что она не является разновидностью эмпирического метода.

Глава четвертая

1. Видимый свет включает длины волн от 0,4 (фиолетовый) до 0,7 (красный) микрон (микрон — это одна миллионная доля метра).

2. Смысл этой идеи состоит в том, что развитие систем электронных коммуникаций столь сильно изменило представление людей о расстояниях, что все человечество превратилось в членов глобальной общины нового типа, интенсивностью контактов напоминающей деревню (McLuhan, Fiore, 1967).

3. В топологическом пространстве сохраняются относительные местоположения объектов, но игнорируются компасные направления и пропорции расстояний.

Глава пятая

1. Хорошим примером этого служит реакция, которую вызвали работы специалистов по психологии образования — Йенсена (Jensen, 1968) и Айсенка (Eysenck, 1971). Эти авторы высказали предположение, что представители некоторых расовых групп менее исполнительны потому, что имеют пониженный коэффициент умственного развития главным образом вследствие генетических факторов. Оправданный скептицизм, касающийся корректности примененной этими учеными методики и характера объяснения, затуманивался, однако, протестами более общего плана, состоявшими в несогласии с «расистскими» теориями.

2. См. Piaget, 1929, 1955, 1963; Piaget, Inhelder, 1956; Werner, 1948, 1957; Werner, Kaplan, 1963; Warner, 1973. Более подробно об этом см. Baldwin, 1967; Furth, 1969; Bee, 1975.

3. Харт и Моор считают эти две подстадии отдельными стадиями.

4. Тем не менее некоторые такие работы начали появляться: напр., исследования, проведенные среди представителей различных культур, в сборнике под ред. Дасена (Dasen, ed., 1977).

5. Наука о знаках в самом широком смысле: о системах обозначений, о значениях коммуникативных связей, при помощи которых отдельные люди или группы людей осуществляют или пытаются осуществить контакты между собой (Seymour-Smith, 1977). Более подробно см. Barthes, 1967; Broadbent, 1975.

6. Некоторые авторы, однако, считают, что любая из трех составляющих треугольника определяет две остальные. Например, Уорф полагает, что язык задает и воспроизводит определенную картину мира и что он определяет восприятие, сознание и поступки тех, кто им пользуется (Carroll, 1956).

Глава шестая

1. Этология, первоначально часть зоологии, превратилась в науку, изучающую поведение животных в их естественной среде обитания.

2. В этой главе обсуждается лишь когнитивное (познавательное) значение территории, а поведенческие аспекты этого феномена будут рассмотрены в четвертой части. Этот принцип изложения будет сохранен и в следующих главах, хотя разделение поведенческих и мыслительных компонентов этого феномена сделано для удобства, а не отражает фиксированную дихотомию, существующую между ними.

3. Определяется как «совокупность взаимосвязанных теорий и эмпирических исследований использования пространства как элемента, характеризующего специфическую культуру» (Hall, 1966, приводится по Saarinen, 1976, 25).

4. Теория, берущая свое начало с идей, высказанных в работе Маклейна (MacLean, 1958; см. также 1975), относящихся к «тройственности мозга». В составе мозга различимы три отдельных, но тесно связанных механизма, которые называются соответственно мозгом рептилианским, ископаемых млекопитающих и мозгом неомлекопитающих. Первые два образуют вместе так называемую «лимбическую систему», которая и ответственна за передачу поведенческих установок далекого эволюционного прошлого. (О развитии этих идей применительно к другим предметам и их обсуждение см. Esser, 1971; Smith, 1974; Greenbie, 1975).

5. Несмотря на проблемы, связанные с обеспечением безопасности, порожденные некото-

рыми особенностями политики, проводимой в области жилищного строительства в XX в. (см. гл. 10).

6. У нас нет возможности рассматривать основные работы подробно. Для получения дополнительной информации см. Altman, 1975; Moos, 1976.

Глава седьмая

1. Проблему того, что является «городским», а что нет, мы оставляем в стороне. Согласно Черри (Cherry, 1974), существует три характерных признака города, основывающихся на чисто материальных параметрах его делимитации, — это характер использования территории, административные границы или сфера влияния города как центра обслуживания окружающих его территорий. Однако в этой книге мы озабочены не столько вычленением городской территории в пространстве, сколько соответствием пространственной среды тех или иных местностей типичной городской жилой среде в смысле ее компактности, развитости, характерной для нее общественной жизни, а также ячеистой структуре, в которой все различные стили образа жизни находятся в тесном соседстве (Gruen, 1965).

2. К обсуждению этой проблемы мы вернемся в гл. 10.

3. См. de Jonge, 1962; Gulick, 1963; Appleyard, 1969; Goodey, 1971; Francescato, Mebane, 1973; Saarinen, 1976; Porteous, 1977.

4. Во всех случаях территория площадью примерно в 3,75 кв. мили.

5. В Бостоне было опрошено тридцать человек, а в Лос-Анджелесе и Джерси-Сити по пятнадцать.

6. По поводу того, следует ли выделять эти категории до обследования или после его проведения, существуют некоторые разногласия. Линч прямо нигде не говорит о своей позиции в этом споре, но, по-видимому, он склоняется к первой точке зрения.

7. Хотя, по мнению Барнета (Burnette, 1974), элементы, выделенные Линчем, могут быть использованы в теории, связывающей способность к конструированию образов со стадиями развития мыслительных способностей.

8. Читатель, который заинтересуется последующим развитием этих исследований, может обратиться к работе Карра и Шисслера (Carr, Schissler, 1969).

9. Семантический дифференциал сначала использовался в качестве одного из психометрических методов специалистами по лингвистике (Osgood et al., 1957). Развитию этого метода способствовало также происходившее в это же время бурное внедрение методов статистического анализа, причем применение факторного анализа было особенно полезно в качестве средства получения оценки явлений, ранжированных на применявшейся семантической шкале. Однако применение методов семантического дифференциала имеет и ряд недостатков, обсуждение которых производится в работах Кука и Голла (Cook, Gold, 1974), а также Уайта (Whyte, 1977).

10. Обсуждение этой проблемы см. в гл. 14.

Глава восьмая

1. См., напр., Brock, 1932; Dohrs, Sommers, 1967.

2. Хотя необходимо отметить, что прослеживается, быть может, приглушенный, но непрерывный интерес к рассмотрению эстетических свойств ландшафтов в географии, начиная с работ Гумбольдта (Humboldt, 1849).

3. «Космология» — это теория о Вселенной как о созданной целостности, функционирующей по своим собственным законам.

4. Эту концепцию много критиковали за то, что ее авторы заменяют один набор неопределенных терминов другим. В ответ на критику Раскин постарался определить зависимость между эстетическими свойствами ландшафта и моральными качествами людей.

5. Этот термин применяется в политической географии, впрочем в совершенно ином контексте (Gottmann, 1952). Готтман использует его для обозначения важности символического значения «идеи государства» в создании и существовании различных государств. Хотя эти работы представляют, по-видимому, некоторый интерес для применения их результатов к углублению понимания роли ландшафтов, о различии в использовании этих слов необходимо сказать четко и ясно.

6. Архитектурный стиль, прекрасно гармонизировавший с так называемыми девственными ландшафтами на картинах художников XVIII в. Клода и Пуссена.

7. См. дискуссию в гл. 7.

Глава девятая

1. Обсуждение процессов социализации см. в гл. 5.

2. Напр., Beer, 1908; Jones, 1946; Smith, 1957; Lefler, 1967; Merrens, 1969; Heathcote, 1972; Powell, 1972; Cameron, 1974; Blouet, Lawson, 1975.

3. Из сообщения корреспондента газеты «The Times», перепечатанного в «Sheffield Daily Telegraph» 28 мая 1856 г.

4. В работе, озаглавленной «Travels Through the Interior Parts of North America in the Years 1776, 1777, and 1778».

5. В книге «A New Voyage round the World», автор которой утверждал, что она построена на данных экспедиционных исследований, однако на самом деле была сфабрикована из

сообщений, полученных от других исследователей, а также просто выдуманных фактов.

6. Нанп., Gilbert, 1960; Berry, 1964; Grigg, 1967; Dickinson, 1976.
7. Gould, 1966, 1969; Gould, Ola, 1970; Gould, White, 1968, 1974.
8. Ранжирование может быть очень полезно для определения относительной значимости нескольких точек зрения или для выбора лучшего варианта из нескольких, предложенных в длинном ряду других, однако совершенно невозможна ситуация, когда кто-либо за короткий промежуток времени мог бы провести вдумчивое ранжирование девяноста двух графств Великобритании. Человек может отлично знать, какое место правится ему больше всего и какие районы он очень не любит, однако под силу ли ему в действительности провести четкое различие между графствами, которые он в списке своих предпочтений ставит на тридцатое и тридцать первое места? Кроме того, существует ли гарантия того, что, будучи вторично приглашены к ранжированию, респонденты построят его таким же образом? Отвечает ли тогда процедура ранжирования каким-либо объективным критериям и насколько приемлемы получаемые таким путем результаты?

Глава десятая

1. Более подробно об этом см. Hawley, 1950; Quinn, 1950; Burgess, Bogue, 1963.
2. См. Gans, 1968; Morris, 1968; Fischer, 1976.
3. Доводы Вирта, относящиеся к уровню социальной психологии тех или иных групп, перекрещиваются с параллельно протекавшей тогда дискуссией о социальной структуре, которая была порождена главным образом книгой Дюркгейма (Durkheim, 1893).
4. «Место поведения» определяется как некая цельность, ограниченная во времени и пространстве, имеющая структуру, в рамках которой физические, социальные и культурные характеристики связываются таким образом, что это приводит к образованию общих или устойчиво организованных форм поведения присутствующих в нем людей (Barker, 1968).
5. См. Nelson, 1974; Edney, 1977.
6. См. Queen, 1940; Timms, 1965.
7. См. Smith, 1973; Cooperman, 1977; Mawby, 1977.
8. Одним из таких примеров служит проект Приюит-Айгоу в Сент-Луисе (штат Миссури), высоко оцененный сначала за великолепный дизайн, который позднее по распоряжению местных властей был уничтожен, не дослужив положенного срока вследствие вопарившегося там беззакония. Сколь бы ужасной ни была эта история, остается фактом, что Приюит-Айгоу — скорее исключение, чем правило.
9. Примеры этого встречаются в работах Бешера (Beshers, 1962), Олсона (Olsson, 1965), Рэмси (Ramsy, 1966), Дэйси (Dacey, 1971), в ходе дискуссии с Джонстоном (Johnston, 1971b) и Форрестом (Forrest, 1974).
10. Webber, 1963, 1964a, 1964b.
11. Для более полного рассмотрения этого вопроса см. Ley, Cybriwsky, 1974; Gold, 1976b.
12. На том основании, что в этом случае роль свободного выбора в сравнении с давлением социально-экономических обстоятельств, обусловленных ситуацией, сложившейся на рынке жилья, может переоцениваться.
13. Кроме названных работ, см. Mogey, 1956; Kerr, 1958; Coates, Silburn, 1970; Jackson, 1976.
14. Keats, 1956; Whyte, 1956; Gans, 1968; Masotti, Hadden, 1973.
15. Это один из вариантов той же идеи, согласно которой человек ориентируется на принятие оптимального решения, однако достичь его мешают несовершенство и неполнота информации и недостаток способностей в этой области.
16. Используется здесь в том же смысле, что и в предыдущей главе. Предпочтения представляют собой оценки участков пространства, ранжированные в некотором порядке, но используемые в этом случае критерии очень часто бывают расплывчатыми и с трудом соотносятся друг с другом.
17. См., напр., работу R. Ford, G. C. Smith, 1976a, посвященную развитию Бирмингема.
18. Хотя, по совести говоря, можно найти немало авторов, работы которых содержат и значительный объем эмпирического материала и описание строгих процедур его получения (см. Parker, 1976; Smith, 1976c).
19. См. гл. 3.

Глава одиннадцатая

1. Понятие «природная среда» нелегко определить строго, так же как и понятие «городская среда». В данном случае под первым понимается просто негородская среда; при этом мы ни в коем случае не считаем ее неизменной деятельностью человека.
2. Хотя сам Эпплтон (Appleton, 1975b) попытался заполнить этот вакуум путем разработки теории естественной среды, см. гл. 8.
3. См. Fines, 1968; Wright, 1974; Zube et al., 1975.
4. Основана на теории адаптации, выдвинутой Хелсоном (Helson, 1964).
5. В действительности эти положения являются частью официальной политики, которая определяется законодательными актами, регулирующими деятельность проектировщиков как в Канаде, так и в Америке (см. соответственно Hall, 1976; Simmons, 1975).

Глава двенадцатая

1. См. Stokols, 1978.
2. Сам Уайт (White, 1973) написал работу, в которой рассматривается история и развитие исследований, посвященных проблемам осознания опасностей и поведения людей в условиях стихийных бедствий, особенно во время наводнений.
3. Важным побочным продуктом этого исследования было его большое влияние на развитие поведенческой географии. Так, первый симпозиум по этому предмету, организованный Ассоциацией американских географов (Lowenthal, 1967), был создан благодаря возросшему интересу к последствиям наводнений.
4. См. White, 1974a, 1976; Haas et al., 1977; Burton et al., 1978.
5. Этим термином надо пользоваться с осторожностью, поскольку бедствия, вызванные антропогенной деятельностью, фактически являются квазистихийными. Так, например, загрязнение вод и воздуха, будучи антропогенным, опосредовано тем не менее многими природными процессами.
6. Особенно тесно связанная с исследовательской программой, выполняемой Отделением изучения стихийных бедствий в Университете Брэдфорда, Великобритания.

Глава тринадцатая

1. См. McCrone, 1969; Hamilton, 1974; Massey, 1974.
2. Рассмотрение исследований, посвященных *собственно* организациям, а также работ, в которых изучается использование таких исследований для применения их в рамках теории размещения, не входит в наши задачи (для углубления знаний по этому вопросу см. Katz, Kahn, 1966; Silverman, 1970).
3. Нанп., Townroe, 1969; Walker, 1975.
4. См. дискуссию в гл. 4 и 9.

Глава четырнадцатая

1. Общее обозначение всех тех специалистов-проектировщиков, архитекторов, дизайнеров архитектурной среды и других, чья профессиональная деятельность делает их участниками процесса формирования и изменения пространственной среды.
2. Эта роль возрастает в связи с усилением позиций функционализма в современной архитектуре, согласно которому правильно понятое назначение того или иного здания определяет его внешние формы. Дизайнеру как профессиональному эксперту отводится роль человека, который дает соответствующую интерпретацию (Pawley, 1971).
3. См. гл. 10.
4. Нанп., Richardson, Corfiato, 1938; Pevsner, 1963; Watkin, 1977.
5. Хотя Липман (Lipman, 1974) и утверждает, что имеющаяся у архитектора как у социального инженера концепция столь же традиционна, пусть и находится отчасти в латентной форме.
6. См., напр., Gropius, 1956; Banham, 1963; Alexander, Poyner, 1967.
7. Нанп., см. Lockwood, 1973; Hayden, 1976; Fishman, 1977; Erasmus, 1978.

Литература для дальнейшего чтения

В прочитанных вами главах и соответствующих примечаниях к ним упоминается почти 900 литературных источников. Трудно в таких условиях составить длинный список из неупомянутых или альтернативных работ, поэтому задача данного приложения состоит в том, чтобы сориентировать читателя, заинтересовавшегося тем или иным вопросом, указав ему ряд возможных литературных источников для дальнейшего углубленного чтения. Основное место в предлагаемом перечне отводится фундаментальным работам по тем или иным темам, хотя в списке содержится немало и таких работ, которые появились совсем недавно и не упоминаются поэтому в основном тексте.

Часть первая

В последние годы появилось множество учебных пособий по психологии, большая часть которых практически одинакова по содержанию и стилю изложения и ориентирована на потребности американского студенчества. Выбор того или иного учебника в значительной мере является вопросом личного вкуса данного человека, однако если вы хотите ознакомиться с оригинальным и остроумным текстом, тогда смотрите книгу Lefrançois, 1974; если вас интересует развитие психологии среды на фоне развития общей психологии — работу Baron et al., 1977; а для рассмотрения различных аспектов психологической теории и методов психологии — книги из серии «Essential Psychology» под ред. Peter Herriot, изд. Methuen: Booth, 1975; Shotter, 1975; Stacey, 1975; Lee, 1976; Reich, Adcock, 1976; Serpell, 1976. Они рекомендуются для первоочередного прочтения. Работы по психологии среды, в которых содержится и солидный перечень соответствующих литературных источников, включают труды Insel, Moos, 1974; Appleyard, 1977; Pervin, 1978; Stokols, 1978 и Leff. Интересные обсуждения проблем развития поведенческой географии содержатся в работах Kasperon, Minghi, 1970, 299–318; Hurst, 1974; Rees, Newby, 1974; Golledge, 1977; Downs, Meyer, 1978, а также Ley, Samuels, 1978. Хотя проблемы методики формально не являются задачами приводимых ниже работ, заинтересованный этой проблемой читатель найдет много полезного в следующих источниках: Saarinen, 1973b; Ittelson et al., 1974, 208–242; Veal, 1974; Golledge, Rushton, 1976; Whyte, 1977.

Часть вторая

Проблемы, относящиеся к восприятию и информации о пространстве, обсуждаются в работах Neisser, 1976; Blakemore, 1977; Downs, Stea, 1977; Busch, 1978; Powell, 1978; Tuan, 1978a; Leff (в печати). Вопросы, относящиеся к пространственному научению в детском возрасте, особенно в условиях города, затрагиваются в книгах Siegel, White, 1975; Moore, Golledge, 1976b; Lynch, 1977; Ward, 1978. Дополнительные источники перечисляются в работе Boice, 1977.

Часть третья

Феномен территориальности продолжает оставаться в центре внимания ученых, занимающихся эмпирическими и теоретическими исследованиями. Кроме обсуждавшихся в тексте работ см. также Watson, 1970; Altman, 1975; Edney, 1976; Esser, 1976; Dyson-Hudson, Smith, 1978. Разрастающийся спор относительно социального и биологического в этом феномене, по-видимому, вскоре явится как бы новым продолжением старой дискуссии о соотношении природных и общественных факторов в развитии у человека феномена территориальности. Противоположные точки зрения на эту проблему можно узнать, если познакомиться с работами Wilson, 1975 и Gould, 1978. Дополнительные материалы, касающиеся значения дома и соседства, содержатся в работах Raglan, 1964; Skaburskis, 1974 и Marc, 1977. В настоящее время создано большое количество работ, посвященных представлениям о городе, каждая из которых содержит внушительную библиографию. Для ознакомления с различными направлениями этих исследований и различными теоретическими подходами, применяемыми в них, см. труды Stringer, 1975a, 1975c; Lee, 1976; Mercer, 1976; Rapoport, 1976; Saarinen, 1976; Bird, 1977; Canter, 1977; Porteous, 1977. Кроме того, продолжающие выходить книги серии «Community Development» (под ред. Richard P. Dober; изд. Dowden, Hutchinson & Ross) содержат материалы соответствующих конференций, сборники различной тематики, монографические исследова-

ния, представляющие, как правило, большой научный интерес. Особую ценность имеют работы Hester, 1975; Stearns, Montag, 1975, и Pollowy, 1977. Вопросы, относящиеся к ландшафтной проблематике, затрагиваются в двух сборниках J. B. Jackson (Zube, ed., 1970 и Zube and Zube, 1977). Обсуждение теоретических дискуссий, посвященных экспериментальным подходам в географии, см. в работах Lowenthal, Bowden, 1976 и Tuan, 1977. Проблемы гуманистической географии обсуждаются в работах Relph, 1976, и Ley, Samuels, 1978, а ее критика содержится у Billinge, 1977, и Cosgrove, 1978. О городских символах см. Bogdanovic, 1975; Rykwert, 1976. Что касается образов района и образов мира, то полезную информацию на эту тему содержат работы Wright, 1966; Eliade, 1968; Nuttgens, 1972; Sack, 1976; Woolcombe, 1976; Lowenthal, 1977; Powell, 1978.

Часть четвертая

Как указывалось в гл. 10, к настоящему времени создан огромный массив литературы, посвященной особенностям осознания и поведения людей в городском пространстве, поэтому ниже предлагается лишь незначительная его часть. О двойственности города см. Williams, 1975; Collette, Webb, 1976; Fischer, 1976; Giner, 1976; Gillis, 1977; Milgram, 1977; Gump, Adelberg, 1978; а также Insel, Lindgren, 1978. О значении микрорайонов и их общностей в жизни города писали Gusfield, 1977; Boal et al., 1978, и Haney, Knowles, 1978. Темы удовлетворенности своим районом проживания, предпочтений, а также пространственной подвижности затрагивают Buchanan, 1975; Adams, Gilder, 1976; Francescato et al., 1977; Michelson, 1977; Newton, 1977; Jones, Zannaras, 1978. О потребительском поведении см. работы Meyer, 1977; Potter, 1977. Оценка ландшафтов и рекреационное поведение рассматриваются Murphy, Rosenblood, 1974; Jacobs, 1975; Mercer, 1975; Aldskogius, 1977; Palmer et al., 1977. В гл. 12 содержится полный перечень всей литературы, посвященной стихийным бедствиям, поэтому добавить к нему здесь нечего, а вот три работы, затрагивающие различные аспекты процесса решения о размещении промышленных объектов, назвать необходимо: Collins, Walker, 1975; Green, 1977; Taylor, McDermott, 1977. Литературы по проблемам пространственного дизайна и поведения в искусственной среде дано в тексте немало, однако на этой стадии к ней можно добавить книги Sommer, 1972, 1974; Canter, 1974; Lang et al., 1974; Allison, 1975; Rapoport, 1975a; Lynch, 1976; Baum, Valins, 1978; Farbstein, Kantrowitz, 1978.

Библиография

- Acredolo, L.P. (1976) "Frames of Reference used by Children for Orientation in Unfamiliar Spaces", in G.T. Moore and R.G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 165-72.
- Adams, J.S. (1969) "Directional Bias in Intraurban Migration", *Economic Geography*, 45, 302-23.
- Adams and Gilder, K.A. (1976) "Household Location and Intraurban Migration", in D.T. Herbert and R.J. Johnston, eds., *Spatial Processes and Form*, London: Wiley, 159-91.
- Adams, P., ed. (1972) *Language in Thinking*, Harmondsworth: Penguin.
- Adams, P.G. (1962) *Travellers and Travel Liars, 1660-1800*, Berkeley: University of California Press.
- Adams, R.L. (1969) "Uncertainty in Nature, Cognitive Dissonance and the Perceptual Distortion of Environmental Information: Weather Forecasts and New England Beach Trips", *Economic Geography*, 49, 287-97.
- Alcock, A. (1975) *Animal Behaviour: An Evolutionary Approach*, San Francisco: Freeman.
- Aldskogius, H. (1977) "A Conceptual Framework and a Swedish Case Study of Recreational Behaviour and Environmental Cognition", *Economic Geography*, 53, 163-83.
- Alexander, C., and Poyner, B. (1967) *The Atoms of Environmental Structure*, London: Ministry of Buildings and Public Works.
- Alland A. (1972) *The Human Imperative*, New York: Columbia University Press.
- Allison, L. (1975) *Environmental Planning*, London: Allen & Unwin.
- Alonso, W. (1971) "A Theory of the Urban Land Market", in L.S. Bourne, ed., *Internal Structure of the City*, London: Oxford University Press, 154-9.
- Altman, I. (1975) *The Environment and Social Behaviour*, Monterey: Brooks-Cole.
- Altman, I. (1976) "Some Perspectives on the Study of Man-Environment Phenomena", in H.M. Proshansky, W.H. Ittelson, and L.G. Rivlin, eds., *Environmental Psychology*, Second Edition, New York: Holt, Rinehart, & Winston, 27-37.
- Anderson, E.N. (1972) "Some Chinese Methods of Dealing with Crowding", *Urban Anthropology*, 1, 141-50.
- Anderson, M.D. (1971) *History and Imagery in British Churches*, London: Murray.
- Appleton, J. (1975a) "Landscape Evaluation: The Theoretical Vacuum", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 66, 120-3.
- Appleton, J. (1975b) *The Experience of Landscape*, London: Wiley.
- Appleyard, D. (1973) "Notes on Urban Perception and Knowledge", in R.M. Downs and D. Stea, eds., *Image and Environment*, Chicago: Aldine, 109-14.
- Appleyard, D. (1977) "A Planner's Guide to Environmental Psychology", *Journal of the American Institute of Planners*, 43, 184-9.
- Appleyard, D. and Lintell, M. (1972) "Environmental Quality of City Streets: The Residents' Viewpoint", *Journal of the American Institute of Planners*, 38, 84-101.
- Appleyard, D., Lynch, K., and Meyer, J. (1964) *The View from the Road*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Ardnt, H.W. (1949) "The Cult of Privacy", *Australian Quarterly*, 21, 70-1.
- Arday, R. (1966) *The Territorial Imperative*, New York: Delta.
- Argyle, M. (1973) *Social Interaction*, London: Tavistock.
- Arndol, M.D. van, Sabagh, G., and Alexander, F. (1964) "Reality and the Perception of Environmental Hazards", *Journal of Health and Human Behaviour*, 5, 144-53.
- Ashley/Myer/Smith Inc. (1971) *City Signs and Lights*, Boston: Signs/Lights.
- Attenborough, D. (1975) *Attenborough round the World*, Radio Broadcast Script, BBC Radio 4, 21 December.
- Ayer, A.J. (1968) *The Origins of Pragmatism*. London: Macmillan.
- Baird, A., O'Keefe, P., Westgate, K., and Wisner, B. (1975) *Towards and Explanation and Reduction of Disaster Proneness*, Occasional Paper 11, Bradford: Disaster Research Unit, University of Bradford.
- Baker, E.J., and Patton, D.J. (1974) "Attitudes toward Hurricane Hazards on the Gulf Coast", in G.F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 30-6.
- Baker, G.W., and Chapman, D.W., eds. (1962) *Man and Society in Disaster*, New York: Basic Books.
- Baldwin, A.L. (1967) *Theories of Child Development*, London: Wiley.
- Baldwin, J., and Bottoms, A.E. (1976) *The Urban Criminal*, London: Tavistock.
- Baltzell, E.D. (1958) *Philadelphia Gentlemen: The Making of a National Upper Class*, New York: Free Press.
- Banerjee, T., and Lynch, K. (1977) "On People and Places: A Comprehensive Study of the Spatial Environment of Adolescence", *Town Planning Review*, 48, 105-15.
- Banham, R. (1963) *Guide to Modern Architecture*, London: Architectural Press.
- Banham, R. (1971) *Los Angeles: The Architecture of Four Ecologies*, London: Allen Lane.
- Banse, E. (1928) *landschaft und Seele: Neue Wege der Untersuchung und Gestaltung*, Munich.
- Banz, G. (1970) *Elements of Urban Form*, New York: McGraw Hill.
- Barber, P.J., and Legge, D. (1976) *Perception and Information*, London: Methuen.
- Barbour, K.M. (1973) *The Geographical Knowledge of the Medieval Islamic World*, Occasional Paper 22, London: Department of Geography, University College London.
- Barbu, Z. (1971) *Society, Culture and Personality*, Oxford: Blackwell.
- Barker, M., and Burton, I. (1969) *Differential Response to Stress in Natural and Social Environments: An Application of a Modified Rosensweig Picture-Frustration Test*, Working Paper 5, Toronto: Natural Hazard Research Unit, Department of Geography, University of Toronto.
- Barker, R.G. (1968) *Ecological Psychology: Concepts and Methods for Studying the Environment of Behaviour*, Stanford: Stanford University Press.
- Baron, R.A., Byrne, D., and Kantowitz, B.H. (1977) *Psychology: Understanding Behaviour*, London: Saunders.
- Barrett, F. (1976) "The Search Process in Residential Relocation", *Environment and Behaviour*, 8, 169-98.
- Barrows, J. (1971) "Forest Fire Research for Environmental Protection", *Journal of Forestry*, 69, 17-20.
- Barthes, R. (1967) *Elements of Semiology*, London: Jonathan Cape.
- Bartlett, F.C. (1932) *Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Barton, A.H. (1969) *Communities in Disaster: A Sociological Analysis of Collective Stress Situations*, New York: Ward Lock.
- Baum, A., and Valins, S. (1978) *Architecture and Social Behaviour: Psychological Studies of Social Density*, London: Wiley.
- Baumann, D.D., and Sims, J.H. (1974) "Human Response to the Hurricane", in G.F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 25-30.
- BBC (British Broadcasting Corporation) (1975) *Twenty-five Years of the Archers*, London: British Broadcasting Corporation.
- Beck, R. (1970) "Spatial Meaning and the Properties of the Environment", in H.M. Proshansky, W.H. Ittelson, and L.G. Rivlin, eds., *Environmental Psychology*, First Edition, New York: Holt, Rinehart, & Winston, 134-41.
- Beck, R. and Wood, D. (1976) "Comparative Developmental Analysis of Individual and Aggregated Cognitive Maps of London", in G.T. Moore and R.G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 173-84.
- Becker, F.D. (1977) *Housing Messages*, London: Wiley.
- Bee, H. (1975) *The Developing Child*, London: Harper & Row.
- Beer, G.L. (1908) "The Early English Colonial Movement", *Political Science Quarterly*, 23, 75-94 and 242-58.
- Belcher, D.M. (1973) *Giving Psychology Away*, San Francisco: Canfield.
- Berelson, B. (1968) "Behavioral Sciences", in D.L. Sills, ed., *International Encyclopedia of the Social Sciences*, 2, London: Macmillan, 41-5.
- Berger, P.L., and Luckmann, T. (1971) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*, Harmondsworth: Penguin.
- Berghie, P.L. van der (1972) "Distance Mechanisms of Stratification", in A.H. Richmond, ed., *Readings in Race and Ethnic Relations*, London: Oxford University Press, 210-19.
- Berlyne, D.E. (1950) "Novelty and Curiosity as Determinants of Exploratory Behaviour", *British Journal of Psychology*, 41, 68-80.
- Berry, B.J.L. (1964) "Approaches to Regional Analysis: A Synthesis", *Annals of the Association of American Geographers*, 54, 2-11.
- Berry, B.J.L. (1972) "More on Relevance and Policy Analysis", *Area*, 4, 77-80.
- Berry, B.J.L. (1973) *The Human Consequences of Urbanisation*, London: Macmillan.
- Beshers, J.M. (1962) *Urban Social Structure*, New York: Free Press.
- Beyer, J.L. (1974) "Global Summary of Human Response to Natural Hazards: Floods", in G.F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 265-74.

- Billings, M. (1977) "In Search of Negativism: Phenomenology and Historical Geography", *Journal of Historical Geography*, 3, 55-67.
- Bird, J. (1977) *Centrality and Cities*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Blache, P.V. de la (1926) *Principles of Human Geography* (trans. M. T. Bingham), London: Constable.
- Blackbourn, A. (1974) "The Spatial Behaviour of American Firms in Western Europe", in F.E.I. Hamilton, ed., *Spatial Perspectives on Industrial Organisation and Decision-Making*, London: Wiley, 245-64.
- Blakemore, C. (1977) *Mechanics of the Mind*, London: Cambridge University Press.
- Blouet, B.N., and Lawson, M.P. (1975) *Images of the Plains*, Lincoln, Neb.: University of Nebraska Press.
- Boal, F.W. (1969) "Territoriality on the Shankill-Falls Divide, Belfast", *Irish Geography*, 6, 30-50.
- Boal, F.W. (1970) "Social Space in the Belfast Urban Area", in N. Stephens and N. Glascock, eds., *Irish Geographical Studies*, Belfast: The Queen's University, 373-93.
- Boal, F.W. (1971) "Territoriality and Class: A Study of Two Residential Areas in Belfast", *Irish Geography*, 6, 229-48.
- Boal, F.W. (1976) "Ethnic Residential Segregation", in D.T. Herbert and R.J. Johnston, eds., *Spatial Processes and Form*, London: Wiley, 41-79.
- Boal, F.W., Doherty, P., and Pringle, D. (1978) *Social Problems in the Belfast Urban Area: An Exploratory Analysis*, Occasional Paper 12, London: Queen Mary College.
- Board, C. (1967) "Maps as Models", in R.J. Chorley and P. Haggett, eds., *Models in Geography*, London: Methuen, 671-725.
- Bogdanovic, B. (1975) "Symbols in the City and the City as Symbols", *Ekistics*, 39, 140-6.
- Boice, L.P. (1977) *Encountering a City: The Spatial Learning Process of Urban Newcomers*, Exchange Bibliography 1264, Monticello, Ill.: Council of Planning Librarians.
- Booth, A. (1975) *Growing up in Society*, London: Methuen.
- Boring, E.G. (1942) *Sensation and Perception in the History of Experimental Psychology*. New York: Appleton-Century.
- Boring, E.G. (1950) *A History of Experimental Psychology*, 2nd edition, New York: Appleton.
- Boulding, K.E. (1956) *The Image: Knowledge in Life and Society*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Boulting, N. (1976) "The Law's Delays: Conservationist Legislation in the British Isles", in J. Fawcett, ed. *The Future of the Past: Attitudes to Conservation*, London: Thames & Hudson, 9-33.
- Bower, T.G.R. (1965) "The Determinants of Perceptual Unity in Infancy", *Psychonomic Science*, 3, 323-4.
- Bower, T.G.R., Broughton, J.M., and Moore, M.K. (1971) "Infant Responses to Approaching Objects: An Indicator of Response to Distal Variables", *Perception and Psychophysics*, 9, 193-6.
- Boyce, R.R. (1971) "Residential Mobility and its Implications for Urban Spatial Change", in L.S. Bourne, ed., *Internal Structure of the City*, London: Oxford University Press, 338-43.
- Brendel, O.J. (1977) *Symbolism of the Sphere*, Leiden: Brill.
- Brennan, T. (1948) *Midland City*, London: Dobson.
- Briggs, R. (1973) "On the Relationship between Cognitive and Objective Distance", in W.F.E. Preiser, ed., *Environmental Design Research*, 2, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 186-99.
- Briggs, R. (1976) "Methodologies for the Measurement of Cognitive Distance", in G.T. Moore and R.G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 325-34.
- Broadbent, G. (1973) *Design in Architecture*, London: Wiley.
- Broadbent, G.H. (1975) "Function and Symbolism in Architecture", in B. Honikman, ed. *Responding to Social Change*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 73-95.
- Broady, M. (1966) "Social Theory in Architectural Design", *Arena*, 81, 149-54.
- Broek, J.O.M. (1932) *The Santa Clara Valley, California: A Study in Landscape Change*, Utrecht.
- Brolin, B.C. (1976) *The Failure of Modern Architecture*, London: Studio Vista.
- Bronzaf, A.L., and McCarthy, D.P. (1975) "The effect of Elevated Train Noise on Reading Ability", *Environment and Behaviour*, 7, 517-27.
- Brooks, R.H. (1971) "Human Resources to Recurrent Drought in Northeastern Brazil", *Professional Geographer*, 23, 42-43.
- Brown, J. (1966) "Information Theory", in B.M. Foss, ed., *New Horizons in Psychology*, Harmondsworth: Penguin, 118-34.
- Brown, L.A., and Holmes, J. (1970) *Search Behaviour in an Intraurban Migration Context: A Spatial Perspective*, Research Paper 13, Columbus: Department of Geography Ohio State University.
- Brown, L.A., and Moore, E.G. (1971) "The Intraurban Migration Process: A Perspective". *Geografiska Annaler*, Series B, vol. 52B, No. 1, Stockholm, Sweden.
- Brown, R. (1962) "Models of Attitude Change", in *New Directions in Psychology*, 1, New York: Holt, Rinehart & Winston, 1-85.
- Brown, R. (1973) *A First Language*, Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Bruce, A. (1971) "Householder Attitudes towards Shops and Shopping Centres", in B. Honikman, ed., *Architectural Psychology '70*, London: RIBA and Kingston Polytechnic, 17-20.
- Bruner, J.S. (1957) *On going beyond the Information given*, Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Brunhes, J. (1920) *Human Geography*, Chicago: Rand McNally.
- Brunswik, E. (1956) *Perception and the Representative Design of Psychological Experiments*, Berkeley: University of California Press.
- Buchanan, M. (1975) "Attitudes towards the Urban Environment: A Melbourne Study", *Australian Geographer*, 13, 15-22.
- Bultena, G.L., and Taves, M.J. (1961) "Changing Wilderness Images and Forestry Policy", *Journal of Forestry*, 59, 161-71.
- Burgess, E.W., and Bogue, D.J., eds. (1963) *Contributions to Urban Sociology*, Chicago: University Press.
- Burgess, J.A., and Hollis, G.E. (1977) "Personal London", *Geographical Magazine*, 50, 155-9.
- Burnette, C. (1974) "The Mental Image and Design", in J. Lang, C. Burnette, C. Moleski, and D. Vachon, eds., *Designing for Human Behaviour: Architecture and the Behavioural Sciences*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 169-82.
- Burrows, A.A., and Zamarin, D.M. (1972) "Aircraft Noise and the Community: Some Recent Survey Findings", *Aerospace Medicine*, 43, 27-33.
- Burt, W.H. (1943) "Territoriality and Home Range as applied to Mammals", *Journal of Mammalogy*, 24, 346-52.
- Burton, I. (1962) *Types of Agricultural Occupation of Flood Plains in the United States*, Research Paper 75, Chicago: Department of Geography, University of Chicago.
- Burton, I. (1963) "The Quantitative Revolution and Theoretical Geography", *Canadian Geographer*, 7, 151-62.
- Burton, I. (1972) "Cultural and Personality Variables in the Perception of Natural Hazards", in J.F. Wohlwill and D.H. Carson, eds., *Environment and the Social Sciences*, Washington, D.C.: American Psychological Association, 184-95.
- Burton, I., and Kates, R.W. (1964) "The Flood Plain and the Seashore: A Comparative Analysis of Hazard Zone Occupance", *Geographical Review*, 54, 366-85.
- Burton, I., and Kates, R.W. (1972) "The Perception of Natural Hazards in Resource Management", in P.W. English and R.C. Mayfield, eds. *Man, Space and Environment*, New York: Oxford University Press, 282-304.
- Burton, I., Kates, R.W., and White, G.F. (1968) *The Human Ecology of Extreme Geographical Events*, Working Paper 1, Toronto: Natural Hazard Research Unit, Department of Geography, University of Toronto.
- Burton, I., Kates, R.W., and White, G.F. (1978) *The Environment as Hazard*, New York: Oxford University Press.
- Busch, L. (1978) "On Understanding Understanding: Two Views of Communication", *Rural Sociology*, 43, 450-73.
- Buttimer, A. (1969) "Social Space in Interdisciplinary Perspective", *Geographical Review*, 59, 417-26.
- Buttimer, A. (1976) "Grasping the Dynamism of Lifeworld", *Annals of the Association of American Geographers*, 66, 277-92.
- Caldwallader, M.T. (1976) "Cognitive Distance in Intraurban Space", in G.T. Moore and R.G. Golledge, eds. *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, Ross, 316-24.
- Calhoun, J.B. (1962) "Population Density and Social Pathology", *Scientific American*, 206, 139-48.
- Calhoun, J.B. (1966) "The Role of Space in Animal Sociology", *Journal of Social Issues*, 22, 46-58.
- Cameron, J.M.R. (1974) "Information Distortion in Colonial Promotion: The Case of Swan River Colony", *Australian Geographical Studies*, 12, 57-76.
- Canter, D.V., ed. (1971) *Architectural Psychology: Proceedings of the Conference held at Dalandhui, University of Strathclyde*, London: RIBA Publications.
- Canter, D.V. (1974) *Psychology for Architects*, London: Applied Science Publishers.
- Canter, D.V. (1975a) *Distance Estimation in Greater London*, Final Report to the Social Science Research Council, Guildford, Surrey: University of Surrey, mimeo.
- Canter, D.V., ed. (1975b) *Environmental Interaction*, London: University of Surrey Press.
- Canter, D.V. (1977) *The Psychology of Place*, London: Architectural Press.
- Canter, D.V. and Lee, T.R., eds. (1974) *Psychology and the Built Environment*, London: Architectural Press.
- Canter, D.V. and Tagg, S.K. (1975) "Distance Estimation in Cities", *Environment and Behaviour*, 7, 59-80.
- Carey, L., and Mapes, R. (1972) *The Sociology of Planning: A Study of Social Activity on New Housing Estates*, London: Batsford.
- Carpenter, E., Varley, F., and Flaherty, R. (1959) *Eskimo*, Toronto: University of Toronto Press.

- Carr, H.A. (1925) *Psychology: A Study of Mental Activity*, New York: McKay.
- Carr, S., and Schissler, D. (1969) "The City as Trip", *Environment and Behaviour*, 1, 7-35.
- Carroll, J.B., ed. (1956) *Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf*, New York: Wiley.
- Carson, D.H. (1972) "Residential Descriptions and Urban Threats", in J.F. Wohlwill and D.H. Carson, eds., *Environment and the Social Sciences*, Washington, D.C.: American Psychological Association, 154-68.
- Chaplin, J.P., and Krawiec, T.S. (1974) *Systems and Theories of Psychology*, 3rd edition, New York: Holt, Rinehart, & Winston.
- Chapman, G.P. (1974) "Perception and Regulation: A Case Study of Farmers in Bihar", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 62, 71-93.
- Cherry, G.E. (1974) *Urban Planning Problems*, London: Leonard Hill.
- Chinoy, E. (1967) *Society: An Introduction to Sociology*, New York: Random House.
- Chomsky, N. (1972) "Psychology and Ideology", *Cognition*, 1, 11-46.
- Chorley, R.J. (1973) "Geography as Human Ecology", in R.J. Chorley, ed., *Directions in Geography*, London: Methuen, 155-69.
- Chorley, R.J. (1976) "Some Thoughts on the Developmet of Geography from 1950 to 1975", in D.M. Pepper and A. Jenkins, eds., *Proceedings of the 1975 National Conference on Geography in Higher Education*, Discussion Paper in Geography 3, Headington, Oxford: Oxford Polytechnic Press, 29-35.
- Christaller, W. (1933) *Die Zentralen Orte in Suddeutschland* (trans. C.W. Baskin, 1963, as *Central Places in Southern Germany*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall).
- Clark, K.G.T. (1951) "Certain Underpinnings of our Arguments in Human Geography" *Transactions of the Institute of British Geographers*, 16, 15-22.
- Clark, S.D. (1966) *The Suburban Society*, Toronto: University of Toronto Press.
- Clark, W.A.V., and Cadwallader, M. (1973) "Locational Stress and Residential Mobility", *Environment and Behaviour*, 5, 29-41.
- Clay, G. (1973) *Clos-Up: How to Read the American City*, London: Pall Mall.
- Clayre, A., ed. (1977) *Nature and Industrialization*, London: Oxford University Press.
- Coates, M., and Silburn, R. (1970) *Poverty: The Forgotten Englishmen*, Harmondsworth: Penguin.
- Cohen, R., McManus, J., Fox, D., Kasteinik, C. (1973) *Psych City: A Simulated Community*, Oxford: Pergamon.
- Cohen, S., Glass, D.C., and Singer, J.E. (1973) "Apartment Noise, Auditory Discrimination and Reading Ability in Children", *Journal of Experimental Social Psychology*, 9, 407-22.
- Cole, M., and Scribner, S. (1974) *Culture and Thought*, New York: Wiley.
- Coleman, B.L., ed. (1973) *The Idea of the City in Nineteenth Century Britain*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Collette, J., and Webb, S. (1976) "Urban Density, Household Crowding and Stress Reactions", *Australia and New Zealand Journal of Sociology*, 12, 184-91.
- Collins, L., and Walker, D.F., eds (1975) *Locational Dynamics of Manufacturing Activity*, London: Wiley.
- Collison, P. (1963) *The Cutteslowe Walls*, London: Faber & Faber.
- Condran, G.A., and Crimmins-Gardner, E. (1978) "Public Health Measures and Mortality in U.S. Cities in the late Nineteenth Century", *Human Ecology*, 6, 27-54.
- Conway, D., ed. (1977) *Human Response to Tall Buildings*, London: Wiley.
- Cook, I.G. (1974) *The Sense of Place in the Nottingham-Derbyshire Coalfield*, paper presented to Annual Meeting, Institute of British Geographers, University of East Anglia, January.
- Cook, I.G. and Gold, J.R. (1974) "The Allestree Trunk Road: An Analysis of Public Cognition", *Ideas in Geography*, 51, whole issue.
- Cooke, A. (1973) *Allstair Cooke's America*, London: British Broadcasting Corporation.
- Cooper Marcus, C. (1974) "The House as Symbol of the Self", in J. Lang, C. Burnette, W. Moleski, and D. Vachon, eds., *Designing for Human Behaviour: Architecture and the Behavioural Sciences*, Stroudsburg, Pa: Dowden, Hutchinson, & Ross, 130-46.
- Cooper Marcus, C. and Hogue, L. (1976) "Design Guidelines for High-Rise Housing", *Journal of Architectural Research*, 5, 34-49.
- Cooperman, D. (1977) "Social Research on Tall Habitats: A Critique and Proposal for Network Analysis", in D. Conway, ed., *Human Response to Tall Buildings*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson & Ross, 29-38.
- Coppock, J.T. (1974) "Geography and Public Policy: Challenges, Opportunities and Implications", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 63, 1-16.
- Cornish, V. (1928) "Harmonies of Scenery; An Outline of Aesthetic Geography", *Geography*, 14, 275-83 and 382-94.
- Cosgrove, D.E. (1978) "Place, Landscape and the Dialectics of Cultural Geography", *Canadian Geographer*, 22, 66-72.
- Coventry-Solihull-Warwickshire Sub-Regional Planning Study Group (1971) *A Strategy for the Sub-Region*, Supplementary Report 5 "Countryside", Coventry: Study Group.
- Cox, H. (1968) "The Restoration of a Sense of Place", *Ekistics*, 25, 422-4.
- Coyne, J. (1974) "Alaska: Image of a Resource Frontier Region", unpublished Ph.D. thesis, Department of Geography, Birkbeck College, University of London.
- Craik, K. H. (1968) "The Comprehension of the Everyday Physical Environment", *Journal of the American Institute of Planners*, 34, 29-37.
- Craik, K. H. (1970) "Environmental Psychology", *New Directions in Psychology*, 4, New York: Holt, Rinehart, & Winston, 1-121.
- Craik, K. H. (1972) "Psychological Factors in Landscape Appraisal", *Environment and Behaviour*, 4, 255-66.
- Crofts, R. S. (1975) "The Landscape Component Approach to Landscape Evaluation", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 66, 124-9.
- Cromer, R. F. (1974) "The Development of Language and Cognition: The Cognition Hypothesis", in B. M. Foss, ed., *New Perspectives in Child Development*, Harmondsworth: Penguin.
- Grosby, T. (1970) *The Necessary Monument*, London: Studio Vista.
- Cullen, G. (1961) *Townscape*, London: Architectural Press.
- Cyert, R. M., and March, J. G. (1963) *A Behavioural Theory of the Firm*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Dacey, M. F. (1971) "Two-Dimensional Urban Contact Fields", *Geographical Analysis*, 3, 109-20.
- Darley, G. (1975) *Villages of Vision*, London: Architectural Press.
- Dasen, P. R., ed. (1977) *Piagetian Psychology: Cross-Cultural Contributions*, New York: Halsted.
- Davies, R. L. (1976) *Marketing Geography*, Corbridge: Retail and Planning Associates.
- Davis, D.E. (1958) "The Role Of Density in Aggressive Behaviour of House Mice", *Animal Behaviour*, 6, 207-10.
- Davis, I. R. (1978) *Shelter after Disaster*, Headington, Oxford: Oxford Polytechnic Press.
- Davis, W. M. (1906) "An Inductive Study of the Content of Geography", *Bulletin of the American Geographical Society*, 38, 67-84.
- Deasy, C. M. (1974) *Design for Human Affairs*, London: Wiley.
- DeLoen, A. J. (1973) "Territorial Stability and Hierarchical Formation", *Small Group Behaviour*, 4, 56-63.
- Dennis, N. (1968) "The Popularity of the Neighbourhood Idea", in R. Pahl, ed., *Readings in Urban Sociology*, Oxford: Pergamon, 74-92.
- Davlin, A. S. (1976) "The "Small Town" Cognitive Map: Adjusting to a New Environment", in G. T. Moore and R. G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 58-66.
- Dewey, J. (1929) *Experience and Nature*, London: Allen & Unwin.
- Dewey, J. (1934) *Art as Experience*, New York: Capricorn.
- Dicken, P. (1971) "Some Aspects of the Decision-Making Behaviour of Business Organisations", *Economic Geography*, 47, 426-37.
- Dickinson, R. E. (1939) "Landscape and Society", *Scottish Geographical Magazine*, 55, 1-15.
- Dickinson, R. E. (1976) *The Regional Concept: The Anglo-American Leaders*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Dodwell, P. C. (1956) "Studies of the Visual System", in B. M. Foss, ed., *New Horizons in Psychology*, Harmondsworth: Penguin.
- Dohrs, F. E., and Sommers, L. M. (1967) *Cultural Geography: Selected Readings*, New York: Crowell.
- Donaldson, B. (1973) "An Empirical Investigation into the Concept of Sectoral Bias in the Mental Maps, Search Spaces and Migration Patterns of Intraurban Migrants", *Geografiska Annaler*, 55B, 13-33.
- Douglas, M. (1970) *Natural Symbols*, Harmondsworth: Penguin.
- Downs, A. (1973) *Opening up the Suburbs*, New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Downs, R. M. (1970) "The Cognitive Structure of an Urban Shopping Centre", *Environment and Behaviour*, 2, 13-39.
- Downs, R. M. (1976) "Cognitive Mapping and Information Processing: A Commentary", in G. T. Moore and R. G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson & Ross, 131-6.
- Downs, R. M. and Meyer, J. T. (1978) "Geography and the Mind: An Exploration of Perceptual Geography", *American Behavioural Scientist*, 22, 59-78.
- Downs, R. M. and Stea, D. eds. (1973) *Image and Environment*, Chicago: Aldine.
- Downs, R. M. and Stea, D. eds. (1977) *Maps in Minds*, London: Harper & Row.
- Dudley Report, The (1944) *Design of Dwellings*, London: HMSO.
- Duffield, B. S., and Coppock, J. T. (1975) "The Delineation of Recreational Landscapes: The Role of a Computer-baser Information System", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 66, 141-8.
- Duncan, J. S., and Duncan, N. G. (1976) "Housing as Presentation of Self and the Structure of Social Networks", in G. T. Moore and R. G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 247-53.

- Dunn, M. C. (1974) "Landscape Evaluation for Development Plans: A Further Perspective", *Journal of the Royal Planning Institute*, 60, 935-36.
- Dunn, M. C. (1976) "Landscape with Photographs: Testing the Preference Approach to Landscape Evaluation", *Journal of Environmental Management*, 4, 15-26.
- Dupree, H., and Roder, W. (1974) "Coping with Drought in a Pre-industrial Pre-literate Farming Society", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 115-19.
- Durkheim, E. (1893) *The Division of Labour in Society* (trans. G. Simpson, 1933, New York: Free Press).
- Dyson-Hudson, R., and Smith, E. A. (1978) "Human Territoriality: An Ecological Reassessment", *American Anthropologist*, 80, 21-41.
- Earney, F. C. F., and Knowles, B. A. (1974) "Urban Snow Hazard: Marquette, Michigan", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 167-74.
- Edgell, M. C. R. (1975) "The Bushfire Environment of Southeastern Australia", *Journal of Environmental Management*, 3, 329-49.
- Edney, J. J. (1976) "Human Territoriality", in H. M. Proshansky, W. H. Ittelson, and L. G. Rivlin, eds., *Environmental Psychology*, Second Edition, New York: Holt, Rinehart, & Winston, 189-205.
- Edney, J. J. (1977) "Theories of Human Crowding: A Review", *Environment and Planning*, A9, 1211-32.
- Eisenberg, L. (1972) "The human nature of human nature", *Science*, 176, 123-8.
- Eliade, M. (1961) *Images and Symbols*, London: Harill.
- Eliade, M. (1968) *Myth and Reality*, New York: Harper & Row.
- Elkind, D., and Scott, L. (1962) "Studies in Perceptual Development I: The Decentering of Perception", *Child Development*, 33, 619.
- Elliott, P. (1972) *The Making of a Television Series*, London: Constable.
- Engels, F. (1844) *The Condition of the English Working Classes* (trans. W. O. Henderson and W. H. Chailoner, 1958, London: Allen & Unwin).
- Erasmus, C. J. (1978) *In Search of the Common Good: Utopian Experiments Past and Present*, New York: Free Press.
- Ericksen, N. J. (1970) "Human Adjustment to Floods in New Zealand", *New Zealand Geographer*, 27, 105-29.
- Esser, A. H. (1970) "From Territorial Image to Cultural Environment", *Geloof en Wetenschap*, 68, 89-98.
- Esser, A. H. (1971a) *Behaviour and Environment: The Use of Space by Animals and Men*, New York: Plenum Press.
- Esser, A. H. (1971b) "Social Pollution", *Social Education*, 35, 10-18.
- Esser, A. H. (1972) "A Biosocial Perspective on Crowding", in J. F. Wohlwill and D. H. Carson, eds., *Environment and the Social Sciences*, Washington, D. C.: American Psychological Association, 15-28.
- Esser, A. H. (1976) "Theoretical and Empirical Issues with regard to Privacy, Territoriality, Personal Space and Crowding", *Environment and Behaviour*, 8, 117-24.
- Etzioni, A. (1964) *Modern Organisations*, Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall.
- Evans, P. (1976) *Motivation*, London: Methuen.
- Everitt, J. C. (1976) "Community and Propinquity in a City", *Annals of the Association of American Geographers*, 66, 104-16.
- Eyles, J. (1971) "Geography and Relevance", *Area*, 3, 158-60.
- Eyles, J. (1974) "Increased Spatial Mobility: A Minor Social Indicator?", *Area*, 6, 305-8.
- Eyles, J. (1977) "After the Relevance Debate: The Teaching of Social Geography", *Journal of Geography in Higher Education*, 1 (2), 3-12.
- Eyre, S. R., and Jones, G. R. J., eds. (1966) *Geography as Human Ecology: Methodology by Example*, London: Arnold.
- Eysenck, H. J. (1953) *The Structure of Human Personality*, London: Wiley.
- Eysenck, H. J. (1971) *Race, Intelligence and Education*, London: Temple Smith.
- Fantino, E., and Reynolds, G. S. (1975) *An Introduction to Contemporary Psychology*, San Francisco: Freeman.
- Farbstein, J., and Kantrowitz, M. (1978) *People in Places: A Workbook for Knowing, Using and Changing the Built Environment*, Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall.
- Faris, R. E. L., and Dunham, H. W. (1939) *Mental Disorders in Urban Areas*, Chicago: University of Chicago Press.
- Farr, L. E. (1967) "Medical Consequences of Environmental Noises", *Journal of the American Medical Association*, 202, 171-4.
- Febvre, L. P. V. (1925) *A Geographical Introduction to History*, New York: Knopf.
- Festinger, L. (1947) *A Theory of Cognitive Dissonance*, Evanston: Ross, Peterson.
- Festinger, L. (1951) "Architecture and Group Membership", *Journal of Social Issues*, 7, 152-63, (also reprinted in R. Gutman, ed., (1972) *People and Buildings*, New York: Basic Books, 120-34).
- Festinger, L., Schachter, S., and Back, K. (1950, 1959) *Social Pressures in Informal Groups: A Study of Human Factors in Housing*, 1st and 2nd editions, London: Tavistock.
- Fines, K. D. (1968) "Landscape Evaluation: A Research Project in East Sussex", *Regional Studies*, 2, 41-55.
- Firey, W. (1947) *Land Use in Central Boston*, Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Fischer, C. S. (1975) "The Myth of Territoriality in van der Verghe's 'Bringing Beasts Back In'", *American Sociological Review*, 40, 674-6.
- Fischer, C. S. (1976) *The Urban Experience*, New York: Harcourt, Brace, & Jovanovitch.
- Fishbein, M., and Ajzen, I. (1975) *Belief, Attitude and Behaviour*, Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Fishman, R. (1977) *Urban Utopias in the Twentieth Century*, London: Basic Books.
- Fitter, R., consulting ed. (1969) *Book of British Birds*, London: Drive Publications.
- Flaschbart, P. G. (1969) "Urban Territorial Behaviour", *Journal of the American Institute of Planners*, 35, 412-16.
- Forrest, J. (1974) "Spatial Aspects of Urban Social Travel", *Urban Studies*, 11, 301-13.
- Francescato, D., and Mebane, W. (1973) "How Citizens view two great Cities: Milan and Rome", in R. M. Downs and D. Stea, eds., *Image and Environment*, Chicago: Aldine, 131-47.
- Francescato, G., Weidemann, S., Anderson, J., Chenoweth, R. (1977) "Predictors of Residents' Satisfaction in High-Rise and Low-Rise Housing", in D. Conway, ed., *Human Response to Tall Buildings*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 160-7.
- Freedman, J. L. (1975) *Crowding and Behaviour*, San Francisco: Freeman.
- Freedman, J. L., Heshka, S., and Levy, A. (1975) "Population Density and Pathology: Is there a Relationship?" *Journal of Experimental Social Psychology*, 11, 539-52.
- Fried, M. (1963) "Grieving for a Lost Home", in L. H. Duhl, ed., *The Urban Condition*, New York: Basic Books, 151-71.
- Fried, M., and Gleicher, P. (1961) "Some Sources of Residential Satisfaction in an Urban Slum", *Journal of the American Institute of Planners*, 27, 305-15.
- Friedman, S., and Juhasz, J. B. (1974) *Environments: Notes and Selections on Objects, Spaces and Behaviour*, Monterey: Brooks-Cole.
- Furth, H. G. (1969) *Piaget and Knowledge*, Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall.
- G. A. C. (1904) *Ealing: A Country Town Near London*, n.p.
- Gad, G. H. K. (1973) "«Crowding» and «Pathologies»: Some Critical Remarks", *Canadian Geographer*, 17, 373-90.
- Gad, G. H. K., Peddie, R., and Punter, J. (1973) "Ethnic Differences in the Residential Search Process", in L. S. Bourne, R. D. MacKinnon, and J. W. Simmons, eds., *The Form of Cities in Canada: Selected Papers*, Toronto: University of Toronto Press, 168-80.
- Galanter, E. (1962) "Contemporary Psychophysics", *New Directions in Psychology*, 1, New York: Holt, 89-156.
- Galle, O. R., Gove, W. R. and McPherson, J. M. (1972) "Population Density and Pathology: What are the Relations for Man?" *Science*, 176, 23-30.
- Gans, H. J. (1962) *The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans*, New York: Free Press.
- Gans, H. J. (1967) *The Levittowners*, New York: Pantheon.
- Gans, H. J. (1968) *People and Plans*, New York: Basic Books.
- Garner, B. J. (1970) "Towards a Better Understanding of Shopping Patterns", in R. H. Osborne, F. A. Barnes, and J. C. Doornkamp, eds., *Geographical Essays in Honour of K. C. Edwards*, Nottingham: University of Nottingham Press, 179-86.
- Gerasimov, I. P., and Zvonkova, T. G. (1974) "Natural Hazards in the Territory of the USSR: Study, Control and Warning", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 243-51.
- Gibson, E. J., and Walk, R. D. (1960) "The «Visual Cliff»", *Scientific American*, 202, 64-71.
- Gibson, J. J. (1950) *The Perception of the Visual World*, Boston: Houghton-Mifflin.
- Giggs, J. A. (1973) "The Distribution of Schizophrenics in Nottingham", *Transactions of the Institute of Geographers*, 51, 55-76.
- Gilbert, E. W. (1960) "The Idea of the Region", *Geography*, 45, 157-174.
- Gillis, A. R. (1977) "High-Rise Housing and Psychological Strain", *Journal of Health and Social Behaviour*, 18, 418-32.
- Giner, S. (1976) *Mass Society*, London: Martin Robertson.
- Glacken, C. J. (1967) *Traces on the Rhodian Shore: Nature and Culture in Western Thought from Ancient Times to the end of the Eighteenth Century*, Berkeley: University of California Press.
- Glass, D. C., and Singer, J. E. (1972) *Urban Stress: Experiments on Noise and Social Stressors*, New York: Academic Press.
- Goddard, J. B. (1976) "Research and Teaching: Speeding up the Trickling-Down Process", in D. M. Pepper and A. Jenkins, eds., *Proceedings of the 1975 National Conference on Geography in Higher Education*, Discussion Paper in Geography 3, Headington, Oxford: Oxford Polytechnic Press, 38-9.

- Golant, S. and Burton, I. (1970) "A Semantic Differential Experiment in the Interpretation and Grouping of Environmental Hazards", *Geographical Analysis*, 2, 120-34.
- Gold, J. R. (1974) *Communicating Images of the Environment: With Case Studies of the Use of the Media by West Midland Overspill Schemes*, Occasional Paper 29, Birmingham, Eng.: Centre for Urban and Regional Studies, University of Birmingham.
- Gold, J. R. (1976a) "Communicating Images of New Urban Developments", paper presented to the Twenty-Third Congress of the International Geographical Union, Moscow, August.
- Gold, J. R. (1976b) "Neighbourhood, Territory and Identity in the City", in J. R. Gold, ed., *Neighbourhood, Planning and Politics*, Discussion Paper in Geography 1, Headington, Oxford: Geography Section, Oxford Polytechnic.
- Gold, J. R. (1977a) "Teaching Behavioural Geography", *Journal of Geography in Higher Education*, 1 (1), 37-46.
- Gold, J. R. (1977b) "Towns get the Marketing Blues", *Urban*, n.v., September-October, 14-16.
- Gold, J. R. (1978) "Some Implications of the Development of Behavioural Geography for Geographical Education", paper presented to the National Conference on Geography in Higher Education, Portsmouth, September.
- Gold, J. R. and Barke, M. (1978) *Communications Media and the Future of Cities*, Discussion Paper in Geography 4, Headington, Oxford: Geography Section, Oxford Polytechnic.
- Gold, R. (1971) "Urban Violence and Contemporary Defensive Cities", in W. McQuade, ed., *Cities fit to Live in*, London: Collier-Macmillan, 4-20.
- Golledge, R. G. (1977) "Behavioural Approaches in Geography: Comment and Prospects", in R. Taaffe and J. Odland, eds., *Current Trends in Geography*, Bloomington: Kendall, 87-96.
- Golledge, R. G., Briggs, R., and Demko, D. (1969) "The Configuration of Distances in Intraurban Space", Proceedings of the Association of American Geographers, 1, 60-5.
- Golledge, R. G., Brown, L. A., and Williamson, F. (1972) "Behavioural Approaches in Geography: An Overview", *Australian Geographer*, 12, 59-79.
- Golledge, R. G. and Rushton, G., eds., (1976) *Spatial Choice and Spatial Behaviour*, Columbus: Ohio State University Press.
- Gombrich, E. H. (1966) "The Renaissance Theory of Art and the Rise of Landscape", in E. H. Gombrich, ed., *Norm and Form: Studies in the Art of the Renaissance*, London: Rhaidon, 107-21.
- Gombrich, E. H. (1975) "Mirror and Map: Theories of Pictorial Presentation", *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*, B, 270, 119-49.
- Goodey, B. (1971) *Perception of the Environment*, Occasional Paper 17, Birmingham, Eng.: Centre for Urban and Regional Studies, University of Birmingham.
- Goodey, B. (1974a) *Images of Place: Essays on Environmental Perception, Communications, and Education*, Occasional Paper 30, Birmingham, Eng.: Centre for Urban and Regional Studies, University of Birmingham.
- Goodey, B. (1974b) *Urban Walks and Town Trails: Origins, Principles and Sources*, Research Memorandum 40, Birmingham, Eng.: Centre for Urban and Regional Studies, University of Birmingham.
- Goodey, B. ed. (1975) *Sensory Walks*, Working Paper 33, Birmingham, Eng.: Centre for Urban and Regional Studies, University of Birmingham.
- Goodey, B., Duffett, A., Gold, J. R., and Spencer, D. (1971) *The City Scene: An Exploration into the Image of Central Birmingham as seen by Area Residents*, Research Memorandum 10, Birmingham, Eng.: Centre for Urban and Regional Studies, University of Birmingham.
- Gordon, R. (1972) "A Very Private World", in P. W. Sheehan, ed., *The Function and Nature of Imagery*, London: Academic Press, 63-80.
- Gottmann, J. (1952) "The Political Partitioning of our World: An Attempt at Analysis", *World Politics*, 4, 512-29.
- Gottmann, J. (1973) *The Significance of Territory*, Charlottesville: University Press of Virginia.
- Gottmann, J. (1977) "Geography", in A. Bullock and O. Stallybrass, eds., *The Fontana Dictionary of Modern Thought*, London: Fontana, 260-1.
- Goudge, T. A., (1967) "Evolutionism", *Dictionary of the History of Ideas*, 1, New York: Scribner, 174-89.
- Goudie, A. S. (1972) "Vaughan Cornish: Geographer, with a Bibliography of his Published Works", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 55, 1-16.
- Gould, P. R. (1963) "Mann against his Environment: A Game Theoretic Framework", *Annals of the Association of American Geographers*, 53, 290-7.
- Gould, P. R. (1966) *On Mental Maps*, Discussion Paper 9, Michigan Inter-University Community of Mathematical Geographers, Ann Arbor: Department of Geography, University of Michigan Press.
- Gould, P. R. (1969) "Problems of Space Preferences, Measures and Relationships", *Geographical Analysis*, 1, 34-44.
- Gould, P. R. (1973) "The Black Boxes of Jönköping: Spatial Information and Preference", in R. M. Downs and D. Stea, eds., *Image and Environment*, Chicago: Aldine, 235-45.
- Gould, P. R. and Ola, D. (1970) "The Perception of Residential Desirability in the Western Region of Nigeria", *Environment and Planning*, 2, 73-88.
- Gould, P. R. and White, R. R. (1968) "The Mental Maps of British School Leavers", *Regional Studies*, 2, 161-82.
- Gould, P. R. and White, R. R. (1974) *Mental Maps*, Harmondsworth: Penguin.
- Gould, S. J. (1978) "Sociobiology: The Art of Storytelling", *New Scientist*, 80, 530-3.
- Graber, L. H. (1976) *Wilderness as Sacred Space*, Monograph 8, Washington, D. C.: Association of American Geographers.
- Granö, O. (1977) "Maantiede ja tieteen kehityksen Ongelma", *Terra*, 89, 1-9.
- Green, D. H. (1974) "Information, Perception and Decision-Making in the Industrial Relocation Decision", unpublished Ph.D. thesis, University of Reading.
- Green, D. H. (1977) "Industrialists' Information Levels of Regional Incentives", *Regional Studies*, 11, 7-18.
- Greenbie, B. B. (1975) *Design for Diversity*, Amsterdam: Elsevier.
- Green, S. (1973) "The Family in Suburbia", in L. H. Masotti and J. K. Hadden, eds., *The Urbanisation of the Suburbs*, Beverley Hills: Sage, 149-70.
- Gregory, R. L. (1966) *Eye and Brain*, London: World University Library.
- Gregory, R. L. (1970) *The Intelligent Eye*, New York: McGraw Hill.
- Grigg, D. (1967) "Regions, Models and Classes", in R. J. Chorley and P. Haggett, eds., *Models in Geography*, London: Methuen, 461-501.
- Gropius, W. (1956) *The Scope of Modern Architecture*, London: Allen & Unwin.
- Gruen, V. (1965) *The Heart of our Cities*, London: Thames & Hudson.
- Gulick, J. (1963) "Images of an Arab City", *Journal of the American Institute of Planners*, 29, 179-97.
- Gulliver, F. P. (1908) "Orientation of Mars", *Journal of Geography*, 7, 55-8.
- Gump, P., and Adelberg, B. (1978) "Urbanism from the Perspective of Ecological Psychologists", *Environment and Behaviour*, 10, 171-92.
- Gusfield, J. R. (1977) *Community: A Critical Response*, Oxford: Blackwell.
- Gutman, R. (1966) "Site Planning and Social Behaviour", *Journal of Social Issues*, 22, 103-15.
- Gutman, R., ed. (1972) *People and Buildings*, New York: Basic Books.
- Haas, J. E., Kates, R. W., and Bowden, M. J. (1977) *Reconstruction following Disaster*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Hadden, J. K., and Barton, J. J. (1973) "An Image that will not die: Thoughts on the History of anti-urban Ideology", in L. H. Masotti and J. K. Hadden, eds., *The Urbanisation of the Suburbs*, Beverley Hills: Sage, 79-116.
- Hall, A. D. (1969) "Forest fire Prevention in Canada: An Assessment", *Pulp and Paper Magazine of Canada*, 70, 125-7.
- Hall, E. T. (1966) *The Hidden Dimension*, New York: Doubleday.
- Hall, E. T. (1972) "Art, Space and the Human Experience", in G. Kepes, ed., *Arts of the Environment*, London: Aidan Ellis, 52-9.
- Hall, P. (1969) "The Urban Culture and the Suburban Culture", in R. Eells and C. Walton, eds., *Man in the City of the Future*, London: Collier-Macmillan, 99-146.
- Hall, P. (1974) *Urban and Regional Planning*, Harmondsworth: Penguin.
- Hall, R. K. (1976) *Outdoor Recreation Provision in Canada*, Discussion Paper in Geography 2, Headington, Oxford: Geography Section, Oxford Polytechnic.
- Hallowell, A. I. (1955) *Culture and Experience*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Halprin, L. (1966) *Freeways*, New York: Reinhold.
- Hamilton, F. E. I., ed. (1974) *Spatial Perspectives on Industrial Organisation and Decision-Making*, London: Wiley.
- Hancy, W. G., and Knowles, E. S. (1978) "Perception of Neighbourhoods by City and Suburban Residents", *Human Ecology*, 6, 201-14.
- Hannerz, U. (1969) *Soulside: Inquiries into Ghetto Culture and Community*, New York: Columbia University Press.
- Hansen, J. (1977) Personal Communication.
- Harding, D. M., and Parker, D. J. (1974) "Flood Hazard at Shrewsbury, United Kingdom", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 43-52.
- Hart, R. A., and Moore, G. T. (1973) "The Development of Spatial Cognition: A Review", in R. M. Downs and D. Stea, eds., *Image and Environment*, Chicago: Aldine, 246-88.
- Hartshorne, R. (1939) *The Nature of Geography*, Washington, D. C.: Association of American Geographers.
- Harvey, D. W. (1969) *Explanation in Geography*, London: Arnold.
- Harvey, D. W. (1973) *Social Justice and the City*, London: Arnold.
- Hawley, A. (1950) *Human Ecology*, New York: Ronald Press.
- Hayden, D. (1976) *Seven American Utopias: The Architecture of Communitarian Socialism, 1770-1975*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Head, H. (1920) *Studies in Neurology*, London: Oxford University Press.
- Heathcote, R. L. (1969) "Drought in Australia: A Problem of Perception", *Geographical Review*, 59, 175-94.

- Heathcote, R. L. (1971) "The Visions of Australia, 1770-1970", in A. Rapoport, ed., *Australia as Human Setting*, Sydney: Angus & Robertson, 77-99.
- Hediger, H. (1961) "The Evolution of Territorial Behaviour", in S. L. Washburn, ed., *The Social Life of Early Man*, New York: Wenner-Gren Foundation for Anthropological Research, 34-57.
- Heilweil, M. (1973) "Influence of Dormitory Architecture on Resident Behaviour", *Environment and Behaviour*, 5, 377-412.
- Heimstra, N. W., and McFarling, L. H. (1974) *Environmental Psychology*, Monterey: Brooks-Cole.
- Heinemeyer, W. F. (1967) "The Urban Core as a Centre of Attraction", in *Urban Core and Inner City*, Leiden: Brill, 82-99.
- Heisenberg, W. (1930) *The Physical Principles of Quantum Physics* (trans. C. Eckart and F. C. Hoyt), Chicago: University of Chicago Press.
- Held, R., and Richards, W., eds. (1972) *Perception: Mechanisms and Models*, San Francisco: Freeman.
- Helson, H. (1964) *Adaptation Level Theory: An Experimental and Systematic Approach to Behaviour*, London: Harper & Row.
- Hendee, J. C., Catton, W. R., Marlow, L. D., and Brockmar, C. F. (1968) *Wilderness Users in the Pacific Northwest: Their Characteristics, Values and Management Preferences*, Research Paper PNW 61, Portland, Oreg.: Forest Service, United States Department of Agriculture.
- Henle, M., ed. (1961) *Documents of Gestalt Psychology*, Berkeley: University of California Press.
- Herbert, D. T. (1972) *Urban Geography: A Social Perspective*, Newton Abbot: David & Charles.
- Herbert, D. T. (1975) "Urban Neighbourhoods and Social Geographical Research", in A. D. M. Phillips and B. J. Turton, eds., *Environment, Man and Economic Change*, London: Longman, 459-78.
- Herrnstein, R. J., and Boring, E. G. (1965) *A Sourcebook in the History of Psychology*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Hesselgren, S. (1975) *Man's Perception of Man-Made Environment*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross.
- Hester, R. T. (1975) *Neighbourhood Space*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross.
- Hewitt, K. and Burton, I. (1971) *The Hazardousness of a Place: A Regional Ecology of Damaging Events*, Working Paper 6, Toronto: Natural Hazard Research Unit, Department of Geography, University of Toronto.
- Himmelweit, H. T., Oppenheim, A. N., and Vince, P. (1958) *Television and the Child*, London: Oxford University Press.
- Hinshaw, M., and Allott, K. (1972) "Environmental Preferences of Future Housing Consumers", *Journal of the American Institute of Planners*, 38, 102-7.
- Hirsh, S. (1955) *The Fears Men Live By*, New York: Harper.
- Hollis, M., and Nell, E. J. (1975) *Rational Economic Man: A Philosophical Critique of Neo-Classical Economics*, London: Cambridge University Press.
- Honikman, B., ed. (1971) *Architectural Psychology '70*, London: RIBA and Kingston Polytechnic.
- Honikman, B. (1975) *Responding to Social Change*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson & Row.
- Honour, H. (1976) *The New Golden Land: European Images of America from the Discoveries to the Present Time*, Harmondsworth: Allen Lane.
- Hoover, E. M. (1937) *Location Theory and the Shoe and Leather Industries*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Horrell, M., ed., (1965) *A Survey of Race Relations in South Africa*, annual, Johannesburg: South African Institute of Race Relations.
- Horton, F., and Reynolds, D. R. (1969) "An Investigation of Individual Action Spaces: A Progress Report", *Proceedings of the Association of American Geographers*, 1, 70-5.
- Horton, F., and Reynolds, D. R. (1971) "Effects of Urban Spatial Structure on Individual Behaviour", *Economic Geography*, 47, 36-48.
- Horvath, R. J. (1974) "Machine Space", *Geographical Review*, 64, 167-88.
- Houghton-Evans, W. (1977) "Schemata in British New Town Planning", paper presented to the First International Conference on History of Planning, Bedford College, University of London.
- Howard, H. E. (1920) *Territory in Bird Life*, London: Murray.
- Howe, G. F. (1931) "A Study of Children's Knowledge of Directions", *Journal of Geography*, 31, 207-10.
- Huckle, J. (1977) "Geography and Values in Higher Education, Part 1", *Journal of Geography in Higher Education*, 1 (2), 13-19.
- Hudson, R. (1974) "Images of the Retailing Environment: An Example of the Use of Repertory Grid Methodology", *Environment and Behaviour*, 6, 470-94.
- Hudson, R. (1976) *Environmental Images, Spatial Choice and Consumer Behaviour*, Occasional Publication (New Series) 9, Durham: Department of Geography, University of Durham.
- Humboldt, A. von (1849) *Cosmos: A Sketch of a Physical Description of the Universe*, (trans. E. C. Otte), London: Bohn.
- Huntington, E. (1915) *Civilisation and Climate*, New Haven: Yale University Press.
- Huntington, E. (1945) *Mainsprings of Civilisation*, New York: Wiley.
- Hurst, M. E. E. (1974) *A Geography of Economic Behaviour*, London: Prentice Hall International.
- Huxley, J. (1934) "A Natural Experiment on the Territorial Instinct", *British Birds*, 27, 270-7.
- Insel, P., and Lindgren, H. (1978) *Too Close for Comfort: The Psychology of Crowding Behaviour*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Insel, P., and Moos, R. H. (1974) "Psychological Experiments: Expanding the Scope of Human Ecology", *American Psychologist*, 29, 179-88.
- Isard, W. (1956) *Location and Space Economy*, Cambridge, Mass: MIT Press.
- Isard, W. (1960) *Methods of Regional Analysis*, Cambridge, Mass: MIT Press.
- Islam, M. A. (1974) "Tropical Cyclones: Coastal Bangladesh", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 19-25.
- Ittelson, W. H. (1976) "Environment Perception and Contemporary Perceptual Theory", in H. M. Proshansky, W. H. Ittelson, and L. G. Rivlin, eds., *Environmental Psychology*, Second Edition, New York: Holt, Rinehart, & Winston, 141-54.
- Ittelson, W. H., Proshansky, H. M., Rivlin, L. G., and Winkel, G. H. (1974) *An Introduction to Environmental Psychology*, New York: Holt, Rinehart, & Winston.
- Jackson, A. (1976) *A Place called Home: A History of Low-Cost Housing in Manhattan*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Jackson, E. L., and Mukerjee, T. (1974) "Human Adjustment to the Earthquake Hazard of San Francisco, California", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 160-6.
- Jackson, J. B. (1964) "The Meanings of Landscape", *Kulturgeografie*, 88, 47-51.
- Jacobs, J. (1962) *The Death and Life of Great American Cities*, New York: Random House.
- Jacobs, P. (1975) "The Landscape Image: Current Approaches to the Visual Analysis of the Landscape", *Town Planning Review*, 46, 127-50.
- Jahoda, M. (1977) *Freud on the Dilemmas of Psychology*, London: Hogarth.
- James, P. E. (1973) *All Possible Worlds*, Indianapolis: Bobbs-Merrill.
- Janowitz, M. (1952) *The Community Press in an Urban Setting*, Chicago: University of Chicago Press.
- Janowitz, M. (1968) "Communications, Mass", in D. L. Sills, ed., *International Encyclopedia of the Social Sciences*, 3, London: Macmillan, 41-53.
- Jean, D. N. (1974) "Changing Formulations of the Man-Environment Relationship in Anglo-American Geography", *Journal of Geography*, 73 (3), 36-40.
- Jencks, C. (1969) "Semiology and Architecture", in C. Jencks and G. Baird, eds., *Meaning in Architecture*, London: Barrie & Rockliff, 11-26.
- Jensen, A. R. (1968) "Social Class, Race and Genetics: Implications for Education", *American Educational Research Journal*, 5, 1-42.
- Jensen, R. A. (1966) *High Density Living*, London: Leonard Hill.
- Johns, E. (1960) "Langstone Rock: An Experiment in the Art of Landscape Description", *Geography*, 45, 176-82.
- Johns, E. (1965) *British Townscapes*, London: Arnold.
- Johns, E. (1969) "Symmetry and Asymmetry in the Urban Scene", *Area*, 2, 48-57.
- Johnston, R. J. (1971a) "Mental Maps of the City: Suburban Preferences", *Environment and Planning*, 3, 63-71.
- Johnston, R. J. (1971b) *Urban Residential Patterns*, London: Bell.
- Johnston, R. J. (1972) "Continually changing Human Geography: A Review of some recent Literature", *New Zealand Geographer*, 28, 78-96.
- Jones, E. (1956) "Cause and Effect in Human Geography", *Annals of the Association of American Geographers*, 46, 369-77.
- Jones, H. M. (1946) "The Colonial Impulse: An Analysis of the Promotion Literature of Colonisation", *Proceedings of the American Philosophical Society*, 90, 131-61.
- Jones, M. H. (1972) "Pain Thresholds for Smog Components", in J. F. Wohlwill and D. H. Carson, eds., *Environment and the Social Sciences*, Washington, D.C.: American Psychological Association, 61-5.
- Jones, R. C., and Zannaras, G. (1978) "The Role of Awareness of Space in Urban Residential Preferences: A Case Study of Venezuelan Youth", *Annals of Regional Science*, 12, 36-52.
- Jonge, D. de (1962) "Images of Urban Areas: Their Structure and Psychological Foundations", *Journal of the American Institute of Planners*, 28, 266-76.
- Jung, C. G., ed (1964) *Man and his Symbols*, London: Aldous.
- Kain, J. F. (1968) "Urban Travel Behaviour", in L. F. Schnore, ed., *Social Science and the City*, New York: Praeger, 161-92.
- Kaluger, G., and Kaluger, M. F. (1974) *Human Development: The Span of Life* 2nd edn., St. Louis, Mo.: C. V. Mosby Company.
- Kaplan, S. (1976) "Adaptation, Structure and Knowledge", in G. T. Moore and R. G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 32-45.

- Kasl, S. V., and Harburg, E. (1972) "Perceptions of the Neighbourhood and the Desire to Move Out", *Journal for the American Institute of Planners*, 38, 318-24.
- Kasperson, R.E., and Minghi, J.V., eds. (1970) *The Structure of Political Geography*, London: University of London Press.
- Kates, R.W. (1962) *Hazard and Choice Perception in Flood Plain Management*, Research Paper 78, Chicago: Department of Geography, University of Chicago.
- Kates, R.W. (1965) *Industrial Flood Losses: Damage Estimation in the Lehigh Valley*, Research Paper 98, Chicago: Department of Geography, University of Chicago.
- Kates, R.W. (1967) "The Perception of Storm Hazard on the Shores of Megalopolis", in D. Lowenthal, ed., *Environmental Perception and Behaviour*, Research Paper 109, Chicago: Department of Geography, University of Chicago.
- Kates, R.W. (1970) "Human Perception of the Environment", *International Social Science Journal*, 22, 648-60.
- Kates, R.W. (1971) "Natural Hazard in Human Ecological Perspectives: Hypotheses and Models", *Economic Geography*, 47, 438-51.
- Kates, R.W. (1975) *Natural Disasters and Development*, paper presented at the Wingspread Conference, Pacine, Wis., October.
- Kates, R.W., Haas, J.E., Amaral, O.J., Olson, R.A., Ramos, R., and Olson, R. (1973) "Human Impact of the Managua Earthquake", *Science*, 182, 981-90.
- Kates, R.W., and Katz, C. (1977) "The Hydrological Cycle and the Wisdom of the Child", *Geographical Review*, 67, 51-62.
- Katz, D., and Kahn, R.L. (1966) *The Social Psychology of Organisations*, New York: Wiley.
- Keats, J. (1956) *The Crack in the Ricture Window*, Boston, Mass.
- Kelly, G.A. (1955) *The Psychology of Personal Constructs*, New York: Norton.
- Kerr, M. (1958) *The People of Ship Street*, New York: Humanities Press.
- Kilbrandon Report, The (1973) *Devolution and other Aspects of Government: An Attitudes Survey*, presented as Research Paper 7, the Report of the Commission on the Constitution, London: HMSO.
- Kirk, W. (1952) "Historical Geography and the Concept of the Behavioural Environment", *Indian Geographical Journal*, Jubilee Edition, 152-60.
- Kirk, W. (1963) "Problems of Geography", *Geography*, 48, 357-71.
- Kirkby, A.V. (1973) *Some Perspectives on Environmental Hazard Research*, Bristol: Department of Psychology, University of Bristol.
- Kirkby, A.V. (1974) "Individual and Community Response to Rainfall Variability in Oaxaca, Mexico", in G.F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 119-28.
- Klapper, J.T. (1960) *The Effects of Mass Communication*, Glencoe, Ill.: Free Press.
- Klein, H.J. (1967) "The Delimitation of the Town Centre in the Image of its Citizens: A Report of Methods and Preliminary Results of a Town-Sociological Study", in *Urban Core and Inner City*, Leiden: Brill 286-306.
- Kluckhohn, F.R. (1959) "Dominant and Variant Value Orientations", in C. Kluckhohn, H.A. Murray, and D.M. Schneider, eds., *Personality in Nature, Culture and Society*, New York: Knopf, 342-57.
- Knapp, P.H. (1948) "Emotional Aspects of Hearing Loss", *Psychosomatic Medicine*, 10, 203-22.
- Knewstun, N. (1977) "Teenager told Police he drowned Boy", *Guardian*, 28 January, 4.
- Knight, C.G. (1971) "Ethnogeography and Change", *Journal of Geography*, 70, 47-51.
- Knight, F.H. (1956) *On the History and Method of Economics*, Chicago: University of Chicago Press.
- Koestler, A. (1975) *The Ghost in the Machine*, London: Picador.
- Koffka, K. (1935) *Principles of Gestalt Psychology*, New York: Harcourt, Brace.
- Kramer, J., and Leventman, S. (1961) *Children of the Gilded Ghetto*, New Haven: Yale University Press.
- Krantz, D.L. (1969) *Schools of Psychology: A Symposium*, New York: Meredith.
- Krech, D., Crutchfield, R.S., and Livson, N. (1974) *Elements of Psychology*, 3rd Edition, New York: Knopf.
- Kuhn, T.S. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*, Chicago: University of Chicago Press.
- Kuper, L., ed. (1953) *Living in Towns*, London: Cresset Press.
- Ladd, F.L. (1970) "Black Youths view their Environment", *Environment and Behaviour*, 2, 74-99.
- Ladd, F.L. (1976) "Black Perspectives on American Cities", in J.W. Watson and T.O'Riordan, eds., *The American Environment*, London: Wiley, 132-43.
- Lamy, B. (1967) "The Use of the Inner City of Paris and Social Stratification", in *Urban Core and Inner City*, Leiden: Brill, 356-67.
- Lang, J., Burnette, C., Moleski, W., and Vachon, D., eds. (1974) *Designing for Human Behaviour: Architecture and the Behavioural Sciences*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross.
- Lang, S. (1952) "The Ideal City from Plato to Noward", *Architectural Review*, 112, 91-101.
- Langer, S.K. (1953) *Feeling and Form*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Lansing, J.B., and Hendricks, G. (1967) *Living Patterns and Attitudes in the Detroit Region*, Detroit: Southeast Michigan Council of Governments.
- Lapierre, R.T. (1934) "Attitudes vs. Actions", *Social Forces*, 13, 230-37.
- Lasswell, H. (1966) "The Structure and Function of Communication", in B. Berelson and M. Janowitz, eds., *Reader in Public Opinion and Communication*, New York: Free Press, 178-90.
- Latané, B., and Darley, J. (1970) *The Unresponsive Bystander*, New York: Appleton, Century, Croft.
- Lawson, B.R., and Walters, D. (1974) "The Effects of a New Motorway on an Established Residential Area", in D.V. Canter and T.R. Lee, eds., *Psychology and the Built Environment*, London: Architectural Press, 132-8.
- Lazarsfeld, P.F., Berelson, B., and Gaudet, H. (1944) *The People's Choice: How the Voter makes up his Mind in a Presidential Campaign*, New York: Duell, Sloan, & Pearce.
- Lee, L. (1976) "A Voyage of Imagination", Radio Broadcast Script, BBC Radio 4, 1 January.
- Lee, S.A. (1975) "The Local Area in the Urban Context", paper presented to the Architectural Psychology Conference, University of Sheffield, July.
- Lee, T.R. (1954) "A Study of Urban Neighbourhood", unpublished Ph.D. thesis, University of Cambridge.
- Lee, T.R. (1962) "Brennan's Law" of Shopping Behaviour", *Psychological Reports*, 11, 662.
- Lee, T.R. (1968) "Urban Neighbourhood as a Socio-spatial Schema", *Human Relations*, 21, 241-68.
- Lee, T.R. (1970) "Perceived Distance as a Function of Direction in the City", *Environment and Behaviour*, 2, 40-51.
- Lee, T.R. (1971) "Psychology and Architectural Determinism" (essay in three parts), *Architects' Journal*, 154, 253-61, 475-83, and 651-9.
- Lee, T.R. (1976) *Psychology and the Environment*, London: Methuen.
- Leff, H.L. (forthcoming) *Experience, Environment and Human Potentials*, London: Oxford University Press.
- Leffler, H.T. (1967) "Promotional Literature of the Southern Colonies", *Journal of Southern History*, 33, 3-25.
- Lefrançois, G.R. (1974) *Of Humans: Introductory Psychology by Kongor*, Monterey: Brooks-Cole.
- Leibenstein, H. (1976) *Beyond Economic Man*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Leighley, J., ed. (1969) *Land and Life: A Selection from the Writings of Carl Ortwin Sauer*, Berkeley: University of California Press.
- Lentnek, B., Lieber, S.R., and Sheskin, I. (1975) "Consumer Behaviour in Different Areas", *Annals of the Association of American Geographers*, 65, 538-45.
- Lenz-Romeiss, F. (1973) *The City: Home Town or New Town?* London: Pall Mall.
- Lethbridge, T.C. (1957) *Gogmagog*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Levin, H. (1969) *The Myth of the Golden Age in the Renaissance*, London: Faber & Faber.
- Lewin, K. (1951) *Field Theory in Social Science*, New York: Harper & Row.
- Lewis, O. (1968) *La Vida*, New York: Vintage Books.
- Lewthwaite, G.R. (1966) "Environmentalism and Determinism: A Search for Clarification", *Annals of the Association of American Geographers*, 56, 1-23.
- Ley, D. (1977) "Social Geography and the Taken-for-Granted World", *Transactions of the Institute of British Geographers (New Series)*, 2, 498-512.
- Ley, D., and Cybriwsky, R. (1974) "Urban Graffiti as Territorial Markers", *Annals of the Association of American Geographers*, 64, 491-505.
- Ley, D., and Samuels, M.S., eds. (1978) *Humanistic Geography*, London: Croom Helm.
- Leyhausen, P. (1971) "Dominance and Territoriality as Complemented in Mammalian Social Structure", in A.H. Esser, ed., *Behaviour and Environment: The Use of Space by Animals and Men*, London: Plenum, 22-23.
- Lime, D.W. (1972) "Behavioural Research in Outdoor Recreation Management: An Example of how Visitors select Campgrounds", in J.H. Wohlwill and D.H. Carson, eds., *Environment and the Social Sciences*, Washington, D.C.: American Psychological Association, 198-206.
- Linton, D.L. (1968) "The Assessment of Scenery as a Natural Resource", *Scottish Geographical Magazine*, 84, 219-38.
- Lipman, A. (1974) "The Architectural Belief System and Social Behaviour", in J. Lang, C. Burnette, W. Moleski, and D. Vachon, eds., *Designing for Human Behaviour: Architecture and the Behavioural Sciences*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson & Ross, 23-30.
- Lipman, A. and Russell-Lacy, S. (1974) "Some Social Psychological Correlates of New Town Residential Location", in D.V. Canter and T.R. Lee, eds., *Psychology and the Built Environment*, London: Architectural Press, 139-47.
- Lipsey, R.G. (1975) *An Introduction to Positive Economics*, 4th edition, London: Weidenfeld & Nicolson.
- Littlejohn, J. (1963) "Temne Space", *Anthropology Quarterly*, 36, 1-17.
- Lloyd, P.E., and Dicken, P. (1972) *Location in Space*, London: Harper & Row.
- Lockwood, M. (1973) "The Experimental Utopia in America", in F.E. Manuel, ed., *Utopias and Utopian Thought*, London: Souvenir Press, 183-200.
- Lord, F.E. (1941) "A Study of Spatial Orientation in Children", *Journal of Educational Research*, 34, 481-505.
- Lorenz, K. (1952) *King Solomon's Ring*, London: Methuen.
- Lorenz, K. (1966) *On Aggression*, New York: Harcourt.

- Lorenz, K. (1970) *Studies in Animal and Human Behaviour*, 1 (trans. R. Martin), Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Lorenz, K. and Leyhausen, P. (1973) *Motivation of Human and Animal Behaviour*, New York: Van Nostrand Reinhold.
- Lösch, A. (1940) *Die räumliche Ordnung der Wirtschaft* (trans. W. H. Woglom, 1954, as *The Economics of Location*, New Haven: Yale University Press).
- Lowenthal, D. (1961) "Geography, Experience and Imagination: Towards a Geographical Epistemology", *Annals of the Association of American Geographers*, 51, 241-60.
- Lowenthal, D. (1964) "The American Scene", *Geographical Review*, 58, 61-88.
- Lowenthal, D. ed. (1967) *Environmental Perception and Behaviour*, Research Paper 109, Chicago: Department of Geography, University of Chicago.
- Lowenthal, D. (1975) "Past time, Present place: Landscape and Memory", *Geographical Review*, 65, 1-36.
- Lowenthal, D. (1977) "The Bicentennial Landscape: A Mirror held up to the Past", *Geographical Review*, 67, 253-67.
- Lowenthal, D. and Bowden, M. J., eds. (1976) *Geographies of the Mind*, London: Oxford University Press.
- Lowenthal, D. and Prince, H. C. (1965) "English Landscape Tastes", *Geographical Review*, 55, 186-222.
- Lowenthal, D. and Riel, M. (1972) *Milieu and Observer Differences in Environmental Associations*, Publications on Environmental Perception 7, New York: American Geographical Society.
- Lowrey, R. A. (1973) "A Method for Analysing Distance Concepts of Urban Residents", in R. M. Downs and D. Stea, eds., *Image and Environment*, Chicago: Aldine, 338-60.
- Lucas, R. C. (1970) "User Concepts of Wilderness and their Implications for Resource Management", in H. M. Proshansky, W. H. Ittelson, and L. G. Rivlin, eds., *Environmental Psychology*, First Edition, New York: Holt, Rinehart, & Winston, 297-303.
- Lyman, S. M., and Scott, M. B. (1967) "Territoriality: A Neglected Sociological Dimension", *Social Problems*, 15, 236-49.
- Lynch, K. (1960) *The Image of the City*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Lynch, K. (1972a) "The Openness of Open Space", in G. Kepes, ed., *Arts of the Environment*, London: Aidan Ellis, 108-24.
- Lynch, K. (1972b) *What Time is this Place?* Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Lynch, K. (1976) *Managing the Sense of a Region*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Lynch, K., ed. (1977) *Growing up in Cities*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Lynch, K. and Banerjee, T. (1976) "Growing up in Cities", *New Society*, 37, 281-4.
- Lynch, K. and Rivkin, M. (1959) "A Walk around the Block", *Landscape*, 8, 24-34.
- McBurney, D. H., and Collings, V. B. (1977) *An Introduction to Sensation/Perception*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- McClenahan, B. (1929) *The Changing Urban Neighbourhood*, Los Angeles: University of Southern California.
- McClenahan, B. (1946) "The Communality: The Urban Substitute for the Traditional Community", *Sociology and Social Research*, 30, 264-74.
- McCord, C. P., Teal, E. E., and Witheridge, W. N. (1938) "Noise and its Effect on Human Beings: Noise Control as a By-product of Air Conditioning", *Journal of the American Medical Association*, 110, 1553-60.
- McCrone, G. (1969) *Regional Policy in Britain*, London: Allen & Unwin.
- McDougall, W. (1908) *An Introduction to Social Psychology*, London: Methuen.
- MacLean, P. D. (1958) "Contrasting Functions of Limbic and Neocortical Systems of the Brain and their Relevance to Psychophysiological Aspects of Medicine", *American Journal of Medicine*, 25, 611-26.
- MacLean, P. D. (1975) "On the Evolution of three Mentalities", *Man-Environment Systems*, 5, 213-24.
- McLuhan, H. M., and Fiore, Q. (1967) *The Medium is the Massage*, London: Allen Lane.
- McQuail, D., ed. (1972) *Sociology of Mass Communications*, Harmondsworth: Penguin.
- Maier, E. (1975) "Torah as Moveable Territory", *Annals of the Association of American Geographers*, 65, 18-23.
- Maine, H. (1861) *Ancient Law*, London: Murray.
- Mannheim, K. (1960) *Ideology and Utopia*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Manuel, F. E. (1973) "Toward a Psychological History of Utopias", in F. E. Manuel, ed. *Utopias and Utopian Thought*, London: Souvenir Press, 69-98.
- Marc, O. (1977) *Psychology of the House*, London: Thames & Hudson.
- Marchand, B. (1972) "Information Theory and Geography", *Geographical Analysis*, 4, 234-58.
- Martin, A. F. (1951) "The Necessity for Determinism: A Metaphysical Problem confronting Geographers", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 17, 1-11.
- Maruyama, M. (1976) "Design Principles for Extra-Terrestrial Communities", *Futures*, 8, 104-21.
- Marx, L. (1964) *The Machine in the Garden: Technology and the Pastoral Ideal in America*, London: Oxford University Press.
- Marx, L. (1968) "Pastoral Ideals and City Troubles", in *The Quality of Man's Environment: Voice of America Forum Lectures*, New York: Smithsonian Institution, 119-44.
- Marx, M. H. and Hillix, W. A. (1973) *Systems and Theories in Psychology*, Second Edition, New York: McGraw Hill.
- Maslow, A. H. (1954) *Motivation and Personality*, New York: Harper.
- Masotti, L. H., and Hadden, J. K., eds. (1973) *The Urbanisation of the Suburbs*, Beverley Hills: Sage.
- Massey, D. (1974) *Towards a Critique of Industrial Location Theory*, Research Paper 5, London: Centre for Environmental Studies.
- Maurer, R., and Baxter, J. C. (1972) "Images of the Neighbourhood and City among Black-, Anglo- and Mexican-American Children", *Environment and Behaviour*, 4, 351-88.
- Mawby, R. I. (1977) "Defensible Space: A Theoretical and Empirical Appraisal", *Urban Studies*, 14, 169-79.
- Mawson, J. (1975) "Organisation Theory, Location Theory and British Regional Policy", unpublished M. Phil. thesis, Department of Town Planning, University College London.
- Mead, M. (1968) "The Crucial Role of the Small City in meeting the Urban Crisis", in R. Eells and C. Walton, eds., *Man in the City of the Future*, London: Collier-Macmillan, 29-57.
- Medici, L. de (1939) *Opere*, A. Simioni, ed., Bari: Larenza.
- Mehrabian, A. (1976) *Public Places and Private Spaces*, New York: Basic Books.
- Mehrabian, A. and Russell, J. A. (1974) *An Approach to Environmental Psychology*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Mercer, D. C. (1975) "Perception in Outdoor Recreation", in P. Lavery, ed., *Recreational Geography*, Newton Abbot, Devon: David & Charles, 50-69.
- Mercer, D. C. and Powell, J. M. (1972) *Phenomenology and Related Non-Positivistic Viewpoints in the Social Sciences*, Monash Publications in Geography 1, Melbourne: University of Monash.
- Mercer, J. C. (1976) *Living in Cities*, Harmondsworth: Penguin.
- Merrens, H. R. (1969) "The Physical Environment in Early America: Images and Image Makers in Colonial South Carolina", *Geographical Review*, 59, 530-56.
- Merton, R. K. (1957) *Social Theory and Social Structure*, New York: Free Press.
- Meyer, G. (1977) "Distance Perception of Consumers in Shopping Streets", *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*, 68, 355-61.
- Michelson, W. (1970) *Man and his Urban Environment: A Sociological Approach*, Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Michelson, W. (1973) *Residential Mobility as a Deficit Compensating Process*, paper presented to meeting of the Canadian Sociology and Anthropology Association, Kingston, Ontario, May.
- Michelson, W., ed. (1975) *Behavioural Research Methods in Environmental Design*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson & Ross.
- Michelson, W. (1977) *Environmental Choice, Human Behaviour and Residential Satisfaction*, New York: Oxford University Press.
- Mikesell, M. W. (1968) "Landscape", in D. R. Sills, ed., *International Encyclopedia of the Social Sciences*, 8, London: Macmillan, 575-80.
- Milgram, S. (1970) "The Experience of Living in Cities", *Science*, 167, 1461-8.
- Milgram, S. (1977) *The Individual in a Social World*, London: Addison-Wesley.
- Milgram, S. and Hollander, P. (1964) "Paralysed Witnesses: The Murder they heard", *Nation*, 602-4.
- Milgram, S., and Jodelet, D. (1976) "Psychological Maps of Paris", in H. M. Proshansky, W. H. Ittelson, and L. G. Rivlin, eds., *Environmental Psychology*, 2nd edition, New York: Holt, Rinehart, & Winston, 104-24.
- Miller, G. A. (1962) *Psychology: The Science of Mental Life*, Harmondsworth: Penguin.
- Miller, J. M. (1961) "Residential Density: Relating People to Space rather than to Ground Area", *Journal of the American Institute of Planners*, 27, 77-8.
- Mills, C. W. (1970) *The Sociological Imagination*, Harmondsworth: Penguin.
- Misiak, H., and Sexton, V. S. (1973) *Phenomenological, Existential and Humanistic Psychologies*, New York: Grune & Stratton.
- Mitchell, J. K. (1974) *Community Response to Coastal Erosion: Individual and Collective Adjustments to Hazard on the Atlantic Shore*, Research Paper 156, Chicago: University of Chicago Press.
- Mitchell, J. K. (1976) "Adjustment to new Physical Environments beyond the Metropolitan Fringe", *Geographical Review*, 66, 59-72.
- Mitchell, R. E. (1975) "Ethnographic and Historical Perspectives on Relationships between Physical and Socio-spatial Environments", *Sociological Symposium*, 14, 25-42.
- Mogey, J. M. (1956) *Family and Neighbourhood*, London: Oxford University Press.
- Montefiore, A. C., and Williams, W. W. (1955) "Determinism and Possibilism", *Geographical Studies*, 2, 1-11.
- Moore, G. T. (1976) "Theory and Research on the Development of Environmental Knowing", in

- G. T. Moore and R. G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 138-64.
- Moore, G. T. (1977) "Review", *Journal of the American Institute of Planners*, 43, 192-94.
- Moore, G. T. and Golledge, R. G. (1976a) "Environmental Knowing: Concepts and Theories", in G. T. Moore and R. G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 3-30.
- Moore, G. T., eds. (1976b) *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa. Dowden, Hutchinson, & Ross.
- Moos, R. H. (1976) *The Human Context*, London: Wiley.
- Morris, D. (1967) *The Naked Ape*, London: Jonathan Cape.
- Morris, R. N. (1968) *Urban Sociology*, London: Allen & Unwin.
- Mumford, L. (1963) *The City as History*, Harmondsworth: Penguin.
- Mundie, C. W. K. (1971) *Perception: Facts and Theories*, London: Oxford University Press.
- Murdock, B. B. (1973) "Learning and Memory", in P. Mussen and M. R. Rosenzweig, eds., *Psychology*, Lexington: Heath, 447-532.
- Murphy, P. E., and Rosenblood, L. (1974) "Tourism: An Exercise in Spatial Search", *Canadian Geographer*, 18, 201-10.
- Murton, B. J. (1972) "Some Aspects of a Cognitive-Behavioural Approach to Environment: A Review", *New Zealand Journal of Geography*, 53, 1-8.
- Murton, B. J. and Shimabukuro, S. (1974) "Human Adjustment to Volcanic Hazard in Puna District, Hawaii", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 151-9.
- Musgrove, F. (1963) *The Migratory Elite*, London: Heinemann.
- Mutch, R. N. (1970) "Wildland Fires and Ecosystems: A Hypothesis", *Ecology*, 51, 1046-51.
- Myers, J. H., and Reynolds, W. H. (1967) *Consumer Behaviour and Marketing Management*, Boston: Houghton Mifflin.
- Nairn, I. (1965) *The American Landscape*, New York: Random House.
- Nakano, T. (1974) "Natural Hazards: Report from Japan", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, London: Oxford University Press, 231-43.
- Neel, A. F. (1971) *Theories of Psychology*, London: University of London Press.
- Neisser, U. (1976) *Cognition and Reality*, San Francisco: Freeman.
- Nelson, R. L. (1958) *The Selection of Retail Locations*, New York: Dodge.
- Nelson, S. D. (1974) "Nature-Nurture Revisited I: A Review of the Biological Bases of Conflict", *Journal of Conflict Resolution*, 18, 285-335.
- Newell, A., and Simon, H. A. (1972) *Human Problem Solving*, Englewood Cliffs, N. J.: Prentice Hall.
- Newman, O. (1969) *Physical Parameters of Defensible Space: Past Experiences and Hypotheses*, New York: Columbia University Press.
- Newman, O. (1972) *Defensible Space*, New York: Macmillan and the Architectural Press Ltd.
- Newton, P. W. (1977) "Choice of Residential Location in an Urban Environment", *Australian Geographical Studies*, 15, 3-21.
- Nichols, T. C. (1974) "Global Summary of Human Response to Natural Hazards: Earthquakes", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 274-84.
- Nilles, J. M., Carlson, F. R., Gray, P., and Hanneman, G. J. (1976) *The Telecommunications-Transportation Tradeoff*, New York: Wiley.
- Noble, J. (1963) "The How and Why of Behaviour: Social Psychology for the Architect", *Architects' Journal*, 137, 531-46.
- Norberg-Schulz, C. (1971) *Existence, Space and Architecture*, London: Studio Vista.
- North, D. J. (1974) "The Process of Locational Change in different Manufacturing Organisations", in F. E. I. Hamilton, ed., *Spatial Perspectives on Industrial Organisation and Decision-Making*, London: Wiley, 213-44.
- Nuttgens, P. (1972) *The Landscape of Ideas*, London: Faber & Faber.
- Ogden, C. K. and Richards, I. (1949) *The Meaning of Meaning*, London: Routledge.
- O'Keefe, P. (1975) *African Drought: A Review*, Occasional Paper 8, Bradford, York.: Disaster Research Unit, University of Bradford.
- O'Keefe, P., and Halverston, B. (forthcoming) "The MacNamara Medicine Show: The Use of Theatre in the Classroom", *Journal of Geography in Higher Education*, 3 (1), 29-37.
- Oliver, J. (1975) "The Significance of Natural Hazards in a Developing Area: A Case Study from North Queensland", *Geography*, 60, 99-110.
- Olson, S. (1961) "The Spiritual Aspects of Wilderness", in D. Brower, ed., *Wilderness: America's Living Heritage*, San Francisco: Freeman, 16-25.
- Olsson, G. (1965) *Distance and Human Interaction*, Bibliography Series 2, Philadelphia: Regional Science Research Institute.
- Onibokun, A. G. (1974) "Evaluating Consumers' Satisfaction with Housing", *Journal of the American Institute of Planners*, 40, 189-200.
- Onibokun, A. G. (1976) "Social System Correlated of Residential Satisfaction", *Environment and Behaviour*, 8, 323-44.
- O'Riordan, T. (1973) "Some Reflections on Environmental Attitudes and Environmental Behaviour", *Area*, 5, 17-19.
- O'Riordan, T. (1976a) "Black Culture, Violence and the American City", in J. W. Watson and T. O'Riordan, eds., *The American Environment*, London: Wiley, 109-13.
- O'Riordan, T. (1976b) *Environmentalism*, London: Pion.
- Orleans, P. (1973) "Differential Cognition of Urban Residents: Effects of Social Scale on Mapping", in R. M. Downs and D. Stea, eds., *Image and Environment*, Chicago: Aldine, 115-30.
- Orme, J. E. (1969) *Time, Experience and Behaviour*, London: Iliffe.
- ORRRC (Outdoor Recreation Resources Review Commission) (1962) *Outdoor Recreation for America*, Washington, D.C.: United States Government Printing Office.
- Osgood, C. E., Suci, G. J., and Tannenbaum, P. H. (1957) *The Measurement of Meaning*, Urbana: University of Illinois Press.
- Palmer, C., Robinson, M., and Thomas, R. (1977) "The Countryside Image: An Investigation of Structure and Meaning", *Environment and Planning*, A9, 739-49.
- Panofsky, E. (1970) *Meaning in the Visual Arts*, Harmondsworth: Penguin.
- Papalia, E. E., and Olds, S. W. (1975) *A Child's World: Infancy through Adolescence*, New York: McGraw Hill.
- Park, R. E. (1916) "The City: Suggestions for the Investigation of Human Behaviour in the Urban Environment", *American Journal of Sociology*, 20, 577-612.
- Park, R. E., Burgess, E. W., and Mackenzie, R. D. (1925) *The City*, Chicago: University of Chicago Press.
- Parker, A. J. (1976) *Consumer Behaviour, Motivation and Perception: A Study of Dublin*, Research Report, Dublin, Eire: Department of Geography, University College, Dublin.
- Parkes, J. G. M., and Day, J. C. (1975) "The Hazard of Sensitive Clays: A Case Study of the Ottawa Hull Area", *Geographical Review*, 65, 198-213.
- Parr, A. E. (1964) "Environmental Design and Psychology", *Landscape*, 14, 15-18.
- Paterson, J. (1976) "The Poet and the Metropolis", in J. W. Watson and T. O'Riordan, eds., *The American Environment*, London: Wiley, 93-108.
- Patmore, J. A. (1971) *Land and Leisure*, Harmondsworth: Penguin.
- Patrick, J. (1973) *A Glasgow Gang Observed*, London: Eyre Methuen.
- Pawley, M. (1971) *Architecture versus Housing*, London: Studio Vista.
- Pearson, N. (1972) "Planning a Social Unit", in G. Bell and J. Tyrwhitt, eds., *Human Identity in the Urban Environment*, Harmondsworth: Penguin, 252-61.
- Penning-Rowsell, E. C. (1974) "Landscape Evaluation for Development Plans", *Journal of the Royal Town Planning Institute*, 60, 930-4.
- Penning-Rowsell, E. C. (1975) "Constraints on the Application of Landscape Evaluation", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 66, 149-55.
- Pentland, D. H. (1975) "Cartographic Concepts of the Northern Algonquians", *Canadian Cartographer*, 12, 149-60.
- Perin, C. (1970) *With Man in Mind*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Perrow, C. (1971) *Organisational Analysis*, London: Tavistock.
- Perry, C. (1929) "The Neighbourhood Unit Formula", in W. C. L. Wheaton, G. Milgram, and M. E. Meyson, eds., *Urban Housing*, New York: Free Press.
- Pervin, L. A. (1978) "Definitions, Measurements and Classifications of Stimuli, Situations and Environments", *Human Ecology*, 6, 71-105.
- Peterson, G. L. (1973) "Psychology and Environmental Management for Outdoor Recreation", in W. F. Preiser, ed., *Environmental Design Research*, 1, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 161-74.
- Pevsner, N. (1963) *An Outline of European Architecture*, 7th edition, London: Allen Lane.
- Piaget, J. (1929) *The Child's Conception of the World*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Piaget, J. (1955) "Perceptual and Cognitive (or Operational) Structures in the Development of the Concept of Space in the Child", *Acta Psychologica*, 11, 41-6.
- Piaget, J. (1963) *The Psychology of Intelligence*, Totowa, N.J.: Littlefield, Adams.
- Piaget, J. and Inhelder, B. (1956) *The Child's Conception of Space*, New York: Norton.
- Pick, H. L. (1976) "Transactional-Constructivist Approach to Environmental Knowing: A Commentary", in G. T. Moore and R. G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 185-88.
- Piliavin, J., Rodin, J., and Piliavin, J. A. (1969) "Good Samaritanism: An Underground Phenomenon?" *Journal of Personality and Social Psychology*, 13, 289-330.
- Plant, J. S. (1937) *Personality and the Cultural Pattern*, New York: New Commonwealth Fund.
- Plant, J. S. (1950) *The Envelope: A Study of the Impact of the World upon the Child*, New York: New Commonwealth Fund.
- Pocock, D. C. D. (1975) *Durham: Images of a Cathedral City*, Occasional Publication (New Series) 6, Durham: Department of Geography, University of Durham.
- Polanyi, K. (1944) *The Great Transformation*, Boston: Beacon.
- Pollowy, A. M. (1977) *The Urban Nest*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross.

- Porteous, J. D. (1975) "A Preliminary Landscape Analysis of Middle Earth during its Third Age", *Landscape*, 19, 33-8.
- Porteous, J. D. (1976) "Home: The Territorial Core", *Geographical Review*, 66, 383-90.
- Porteous, J. D. (1977) *Environment and Behaviour*, London: Houghton Mifflin.
- Potter, R. B. (1977) "Spatial Patterns of Consumer Behaviour and Perception in relation to the Social Class Variable", *Area*, 9, 153-6.
- Powell, J. M. (1972) *Images of Australia, 1788-1914*, Monash Publications in Geography 3, Melbourne: University of Monash.
- Powell, J. M. (1978) *Mirrors of the New World: Images and Image-Makers in the Settlement Process*, Folkestone: Dawson.
- Prak, N. L. (1977) *The Visual Perception of the Built Environment*, Delft: Delft University Press.
- Pred, A. R. (1967, 1969) *Behaviour and Location: Foundations for a Geographic and Dynamic Location Theory*, Parts 1 and 2, Lund Studies in Geography, B, 27 and 28, Lund: Gleerup.
- Pred, A. R. (1973) "Urbanisation, Domestic Planning Problems and Swedish Geographic Research", in C. Board, R. J. Chorley, P. Haggett, and D. Stoddart, eds., *Progress in Geography*, 5, London: Arnold, 1-76.
- Pred, A. R. and Kibel, B. M. (1970) "An Application of Gaming Simulation to a General Model of Economic Locational Processes", *Economic Geography*, 46, 136-56.
- Preiser, W. F. E. (1973) *Environmental Design Research*, 2 volumes, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross.
- Price, E. T. (1964) "Viterbo: Landscape of an Italian City", *Annals of the Association of American Geographers*, 54, 242-75.
- Proshansky, H. M. (1976) "Environmental Psychology: A Methodological Orientation", in H. M. Proshansky, W. H. Ittelson and L. G. Rivlin, eds., *Environmental Psychology*, Second Edition, New York: Holt, Rinehart, & Winston, 59-68.
- Proshansky, H. M., Ittelson, W. H., and Rivlin, L. G., eds. (1970, 1976) *Environmental Psychology*, 1st and 2nd editions, New York: Holt, Rinehart, & Winston.
- Pryce, R. (1977) "Approaches to the Study of Man and Environment", Unit 2, in *Man and Environment*, Milton Keynes: Open University, 45-90.
- Queen, S. A. (1940) "Ecological Study of Mental Disorders", *American Sociological Review*, 5, 201-9.
- Quinn, J. A. (1950) *Human Ecology*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Raban, J. (1974) *Soft City*, London: Hamish Hamilton.
- Rachlin, H. (1976) *An Introduction to Modern Behaviourism*, 2nd edition, San Francisco: Freeman.
- Raglan, Lorg (1964) *The Temple and the House*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Rainwater, L. (1966) "Fear and the House-as-Haven in the Lower Class", *Journal of the American Institute of Planners*, 32, 23-31.
- Ramachandran, R., and Thakur, S. C. (1974) "India and the Ganga Floodplains", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 36-43.
- Ramsli, G. (1974) "Avalanche Problems in Norway", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 175-80.
- Ramsy, N. R. (1966) "Assortative Mating and the Structure of Cities", *American Sociological Review*, 31, 773-86.
- Rapoport, A. (1969) *House Form and Culture*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Rapoport, A. (1975a) "An 'Anthropological' Approach to Environmental Design Research", in B. Honikman, ed. *Responding to Social Change*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 145-51.
- Rapoport, A. (1975b) "Images, Symbols and Popular Design", *Ekistics*, 232, 165-68.
- Rapoport, A. (1976) "Environmental Cognition in Cross-Cultural Perspective", in G. T. Moore and R. G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 220-34.
- Rapoport, A. (1977) *Human Aspects of Urban Form*, Oxford: Pergamon.
- Rapoport, A. and Hawkes, R. (1970) "The Perception of Urban Complexity", *Journal of the American Institute of Planners*, 36, 106-11.
- Rapoport, A. and Kantor, R. E. (1967) "Complexity and Ambiguity in Environmental Design", *Journal of the American Institute of Planners*, 33, 210-21.
- Ratzel, F. (1882, 1891) *Anthropogeographie*, 2 volumes, Stuttgart: Engelhorn.
- Ratzel, F. (1898) *Deutschland*, Leipzig: Grunow.
- Rawstron, E. M. (1955) "Three Principles of Industrial Location", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 23, 132-42.
- Reckie, R. F. (1972) *Design in the Built Environment*, London: Arnold.
- Rees, J., and Newby, P., eds. (1974) *Behavioural Perspectives in Geography*, Monograph in Geography 1, Hendon: Middlesex Polytechnic.
- Rees, R. (1975) "The Scenery Cult: Changing Landscape Tastes over three Centuries", *Landscape*, 19, 39-47.
- Rees, R. (1976a) "Images of the Prairie: Landscape Painting and Perception in the Western Interior of Canada", *Canadian Geographer*, 20, 259-78.
- Rees, R. (1976b) "John Constable and the Art of Geography", *Geographical Review*, 66, 59-72.
- Reich, B., and Adcock, C. (1976) *Values, Attitudes and Behaviour Change*, London: Methuen.
- Reiner, T. A. (1963) *The Place of the Ideal Community in Urban Planning*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Relph, E. C. (1973) "The Phenomenon of Place: An Investigation of the Experience and Identity of Places", unpublished Ph.D. thesis, Department of Geography, University of Toronto.
- Relph, E. C. (1976) *Place and Placelessness*, London: Pion.
- Revelle, R. (1970) "Pollution and Cities", in J. Q. Wilson, ed., *The Metropolitan Enigma*, New York: Doubleday Anchor, 96-143.
- Richards, J. M. (1946) *The Castles on the Ground: The Anatomy of Suburbia*, London: Architectural Press.
- Richards, P. (1974) "Kant's Geography and Mental Maps", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 61, 1-16.
- Richardson, A. E., and Corfiato, H. O. (1938) *The Art of Architecture*, London: English Universities Press.
- Ridgely, D. (1922) "The Teaching of Direction in Space and on Maps", *Journal of Geography*, 21, 66-72.
- Rieser, R. (1972) *Urban Spatial Images: An Appraisal of the Choice of Respondents and Measurement Situation*, Discussion Paper 42, London: Graduate School of Geography, London School of Economics.
- Rieser, R. (1973) "The Territorial Illusion and Behavioural Sink: Critical Notes on Behavioural Geography", *Antipode*, 5, 52-7.
- Roethlisberger R. J., and Dickson, W. J. (1939) *Management and the Worker*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Rogers, E. M., and Shoemaker, F. F. (1971) *Communication of Innovations*, New York: Free Press.
- Rokeach, M. (1973) *The Open and Closed Mind*, New York: Basic Books.
- Rooney, J. F. (1967) "The Urban Snow Hazard in the United States", *Geographical Review*, 57, 538-59.
- Rooney, J. F. (1969) "The Economic and Social Implications of Snow and Ice", in R. J. Chorley, ed., *Water, Earth and Man*, London: Methuen, 389-401.
- Ross, A. (1967) *Pagan Celtic Britain: Studies in Iconography and Tradition*, London: Routledge & Kegan Paul.
- Ross, H. E. (1974) *Behaviour and Perception in Strange Environments*, London: Allen & Unwin.
- Rossi, P. H. (1955) *Why Families Move: A Study in the Social Psychology of Urban Residential Mobility*, New York: Free Press.
- Rowntree, R. R. (1974) "Coastal Erosion: The Meaning of a Natural Hazard in the Cultural and Ecological Context", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 71-9.
- Rummel, R. J. (1975) *Understanding Conflict and War*, 1, New York: Halsted.
- Rykwert, J. (1976) *The Idea of a Town: The Anthropology of Urban Form in Rome, Italy and the Ancient World*, London: Faber & Faber.
- Saarinen, L. (1943) *The City: Its Growth, its Decay, its Future*, New York: Reinhold.
- Saarinen, T. F. (1966) *Perception of Drought Hazard on the Great Plains*, Research Paper 106, Chicago: Department of Geography, University of Chicago.
- Saarinen, T. F. (1969) *Perception of the Environment*, Commission on College Geography Resource Paper 5, Washington, D.C.: Association of American Geographers.
- Saarinen, T. F. (1973a) "Student Views of the World", in R. M. Downs and D. Stea, eds., *Image and Environment*, Chicago: Aldine, 148-61.
- Saarinen, T. F. (1973b) "The Use of Projective Techniques in Geographic Research", in W. H. Ittelson, ed., *Environment and Cognition*, New York: Seminar Press, 29-52.
- Saarinen, T. F. (1974) "Problems in the use of a Standardised Questionnaire for Cross-Cultural Research on Perception of Natural Hazards", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 180-84.
- Saarinen, T. F. (1976) *Environmental Planning: Perception and Behaviour*, Boston: Houghton Mifflin.
- Sack, R. D. (1976) "Magic and Space", *Annals of the Association of American Geographers*, 66, 309-22.
- Sahakian, W. S. (1975) *History and Systems of Psychology*, New York: Halsted.
- Sanoff, H. (1975) "Son of Rationality", in B. Honikman, ed., *Responding to Social Change*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross, 225-34.
- Sarre, P. V. (1972) "Perception", Unit 16, in *New Trends in Geography*, Milton Keynes: Open University, 10-43.
- Sarre, P. V. (1976) "Understanding Environments", Unit 1, in *Man and Environment*, Milton Keynes: Open University, 5-44.
- Sauer, C. O. (1925) "The Morphology of Landscape", in J. Leighley, ed. (1969), *Land and Life*:

- A Selection from the Writings of Carl Ortwin Sauer, Berkeley: University of California Press, 315-50.
- Schiffman, H. R. (1976) *Sensation and Perception: An Integrated Approach*, London: Wiley.
- Schmid, C. (1960) "Urban Crime Areas", *American Sociological Review*, 25, 655-78.
- Schmitt, R. C. (1957) "Density, Delinquency and Crime in Honolulu", *Sociology and Social Research*, 41, 274-6.
- Schmitt, R. C. (1963) "Implications of Density in Hong Kong", *Journal of the American Institute of Planners*, 29, 210-17.
- Schorr, A. L. (1964) *Slums and Social Insecurity*, London: Nelson.
- Schorske, C. E. (1963) "The Idea of the City in European Thought: Voltaire to Spengler", in O. Handlin and J. Burchard, eds., *The Historian and the City*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 95-115.
- Schwitzgebel, R. (1962) "The Performance of Dutch and Zulu Adults on Selected Perceptual Tasks", *Journal of Social Psychology*, 57, 73.
- Scully, V. (1962) *The Earth, the Temple and the Gods: Greek Sacred Architecture*, New Haven, Conn.: Yale University Press.
- Seeley, R., Sim, A., and Loosley, E. W. (1956) *Crestwood Heights*, New York: Basic Books.
- Selye, H. (1956) *The Stress of Life*, New York: McGraw Hill.
- Semple, E. C. (1911) *Influences of Geographical Environment, on the Basis of Ratzel's System of Anthro-Geography*, New York: Holt.
- Sereno, K. K., and Mortensen, C. D., eds. (1970) *Foundations of Communication Theory*, London: Harper & Row.
- Serpell, R. (1976) *Culture's Influence on Behaviour*, London: Methuen.
- Severin, T. (1973) *African Adventure*, London: Hamish Hamilton.
- Seymour-Smith, M. (1977) "Semiology", in A. Bullock and O. Stallybrass, eds., *Fontana Dictionary of Modern Thought*, London: Fontana, 566-7.
- Shafer, E. L., Hamilton, J. E., and Schmidt, E. A. (1969) "Natural Landscape Preferences: A Predictive Model", *Journal of Leisure Research*, 1, 1-20.
- Shafer, E. L., and Mietz, J. (1972) "Aesthetic and Emotional Experiences rate highly with Northeast Wilderness Hikers", in J. F. Wohlwill and D. H. Carson, eds., *Environment and the Social Sciences*, Washington, D.C.: American Psychological Association, 207-16.
- Sharp, T. (1968) *Town and Townscape*, London: Murray.
- Sheehan, L., and Hewitt, K. (1969) *A Pilot Study of Global Natural Disasters of the past Twenty Years*, Working Paper 1, Toronto: Natural Hazard Research Unit, Department of Geography, University of Toronto.
- Shin, M. (1976) "Geographical Knowledge in three Southwestern Novels", in G. T. Moore and R. G. Golledge, eds., *Environmental Knowing*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson & Ross, 273-8.
- Shotter, J. (1975) *Images of Man in Psychological Research*, London: Methuen.
- Siegel, A. W., and White, S. H. (1975) "The Development of Spatial Representations of Large-Scale Environments", in H. W. Reese, ed., *Advances in Child Development and Behaviour*, 10, New York: Academic Press, 9-55.
- Silverman, D. (1970) *The Theory of Organisations*, London: Heinemann.
- Simmel, G. (1950) *The Sociology of Georg Simmel* (trans. K. H. Wolff), New York: Free Press.
- Simmons, I. G. (1975) *Rural Recreation in the Industrial World*, London: Arnold.
- Simmons, J. W. (1968) "Changing Residence in the City: A Review of Intraurban Mobility", *Geographical Review*, 58, 622-51.
- Simon, H. A. (1952) "A Behavioural Model of Rational Choice", *Quarterly Journal of Economics*, 69, 99-118.
- Simon, H. A. (1957) *Models of Man*, New York: Wiley.
- Simons, M. (1966) "What is a Geographical Factor?" *Geography*, 51, 210-17.
- Sims, J. H., and Baumann, D. D. (1972) "The Tornado Threat: Coping Styles of the North and South", *Science*, 176, 1386-92.
- Skaburskis, J. W. (1974) "Territoriality and its relevance to Neighbourhood Design: A Review", *Journal of Architectural Research*, 3, 39-44.
- Skinner, B. F. (1938) *The Behaviour of Organisms*, New York: Appleton.
- Skinner, B. F. (1971) *Beyond Freedom and Dignity*, New York: Knopf.
- Skinner, B. F. (1974) *About Behaviourism*, London: Jonathan Cape.
- Skurnik, L. S., and George, F. (1967) *Psychology for Everyman* (Pelican Original, 2nd edn.), Harmondsworth: Penguin.
- Smith, B. (1960) *European Vision and the South Pacific, 1768-1850*, London: Oxford University Press.
- Smith, B. M. (1971) "Radical Geography: The Next Revolution", *Area*, 3, 153-7.
- Smith, D. M. (1977) *Human Geography: A Welfare Approach*, London: Arnold.
- Smith, G. C. (1976a) Personal Communication.
- Smith, G. C. (1976b) "Responses of Residents and Policy-Makers to Urban Environmental Hazards", *Area*, 8, 279-83.
- Smith, G. C. (1976c) "The Spatial Information Fields of Urban Consumers", *Transactions of the Institute of British Geographers (New Series)*, 1, 175-89.
- Smith, G. C. (1976d) *Urban Environmental Hazard Cognition and Concern*, Occasional Paper 3, Birmingham, Eng.: Department of Geography, University of Birmingham.
- Smith, H. N. (1957) *Virgin Land: The American West as Symbol and Myth*, New York: Vintage Books.
- Smith, P. F. (1974) *The Dynamics of Urbanism*, London: Hutchinson.
- Smith, P. F. (1975) "Symbolic Meaning in Contemporary Cities", *Ekistics*, 39, 159-64.
- Smith, R. W. (1973) "Territoriality and Space Planning: Some Limitations and Prospects", *Urban and Social Change Review*, 6, 50-8.
- Smith, W. (1955) "The Location of Industry", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 21, 1-18.
- Soja, E. W. (1971) *The Political Organisation of Space*, Commission of College Geography Resource Paper 8, Washington, D.C.: Association of American Geographers.
- Sommer, R. (1969) *Personal Space*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Sommer, R. (1972) *Design Awareness*, San Francisco: Rinehart.
- Sommer, R. (1974) *Tight Spaces: Hard Architecture and how to Humanise it*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Sonnenfeld, J. (1966) "Variable Values in Space and Landscape: An Inquiry into the nature of Environmental Necessity", *Journal of Social Issues*, 22, 71-82.
- Southworth, M. (1969) "The Sonic Environment of Cities", *Environment and Behaviour*, 1, 49-70.
- Spate, O. H. K. (1953) *The Compass of Geography*, Canberra.
- Spate, O. H. K. (1958) "The End of an Old Song? The Determinism-Possibilism Problem", *Geographical Review*, 48, 280-2.
- Spencer, D. (1973) *An Evaluation of Cognitive Mapping in Neighbourhood Perception*, Research Memorandum 23, Birmingham, Eng.: Centre for Urban and Regional Studies, University of Birmingham.
- Spencer, D. and Lloyd, J. (1974) *The Small Heath Schools Session: Mental Maps of Routes from Home to School*, Working Paper 24, Birmingham, Eng.: Centre for Urban and Regional Studies, University of Birmingham.
- Sprout, H., and Sprout, M. (1965) *The Ecological Perspective on Human Affairs with special reference to International Politics*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Stacey, B. (1975) *Psychology and Social Structure*, London: Methuen.
- Stea, D., and Wood, D. (1974) *A Cognitive Atlas: The Psychological Geography of four Mexican Cities*, Mexico: Instituto Nacional de Bellas Artes, Cuadernos de Arquitectura.
- Stearns, F. W., and Montag, T. (1975) *The Urban Ecosystem*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross.
- Steinitz, C. (1968) "Meaning and the Congruence of Urban Form and Activity", *Journal of the American Institute of Planners*, 34, 233-48.
- Stewart, J. Q., and Warntz, W. (1958) *Physics of Population*, Philadelphia: Regional Science Institute.
- Stewart, T. C. (1970) *The City as an Image of Man*, London: Latimer Press.
- Stokols, D. (1978) "Environmental Psychology", in M. R. Rosenzweig and L. W. Porter, eds., *Annual Review of Psychology*, 29, 253-96.
- Stone, G. P. (1954) "City Shoppers and Urban Identification: Observations on the Social Psychology of City Life", *American Journal of Sociology*, 60, 36-45.
- Stringer, P. (1975a) "Living in the City", in D. V. Canter, ed., *Environmental Interaction*, London: Surrey University Press, 253-80.
- Stringer, P. (1975b) "The Natural Environment", D. V. Canter, ed., *Environmental Interaction*, London: Surrey University Press, 281-320.
- Stringer, P. (1975c) "Understanding the City", in D. V. Canter, ed., *Environmental Interaction*, London: Surrey University Press, 215-52.
- Suedfeld, P., and Russell, J., eds. (1976) *The Behavioural Basis of Design*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross.
- Summerston, J. (1969) *Georgian London*, Harmondsworth: Penguin.
- Susser, M., and Watson, A. (1962) *Sociology in Medicine*, London: Oxford University Press.
- Sutter, R. (1973) *The Next Place you come to: A Historical Introduction to Communities in North America*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.
- Suttles, G. D. (1968) *The Social Order of the Slum*, Chicago: University of Chicago Press.
- Suttles, G. D. (1972) *The Social Construction of Communities*, Chicago: University of Chicago Press.
- Tatham, G. (1975) "Environmentalism and Possibilism", in G. Taylor, ed., *Geography in the Twentieth Century*, New York, Philosophical Library, 128-62.
- Taylor, C. C., and Townsend, A. R. (1976) "The Local 'Sense of Place' as evidenced in North-east England", *Urban Studies*, 13, 133-46.
- Taylor, G. (1937) *Environment, Race and Migration*, Toronto: University of Toronto Press.
- Taylor, G. (1940) *Australia*, London: Methuen.
- Taylor, M. J., and McDermott, P. J. (1976) "Attitudes, Images and Location: The

Subjective Context of Decision-Making in New Zealand Manufacturing", *Economic Geography*, 52, 325-46.

Taylor, M.J., and McDermott, P.J. (1977) "Perception of Location and Industrial Decision-Making: The Example of New Zealand Manufacturing", *New Zealand Geographer*, 33, 26-33.

Thiel, P. (1961) "A Sequence-Experience Notation for Architectural and Urban Space", *Town Planning Review* 32, 33-52.

Thomas, F. (1925) *The Environmental Basis of Society*, New York: Century.

Thompson, K. (1969) "Insalubrious California: Perception and Reality", *Annals of the Association of American Geographers*, 59, 50-64.

Tiger, L. (1969) *Men in Groups*, New York: Random House.

Tilly, C. (1974) "Metropolitan Boston's Social Structure", in C. Tilly, ed., *An Urban World*, Boston: Little, Brown, 250-73.

Timms, D. W. G. (1965) "The Spatial Distribution of Social Deviants in Luton, England", *Australia and New Zealand Journal of Sociology*, 1, 38-52.

Timms, D. W. G. (1971) *The Urban Mosaic*, Cambridge: Cambridge University Press.

Tolman, E. C. (1932) *Purposive Behaviour in Animals and Men*, New York: Century, Crofts.

Tolman, E. C. (1948) "Cognitive Maps in Rats and Men", *Psychological Review*, 55, 189-208, (also reprinted in R. M. Downs and D. Stea, eds. (1973) *Image and Environment*, Chicago: Aldine, 27-50).

Tolman, E. C. (1952) "A Cognition-Motivation Model", *Psychological Review*, 59, 389-408.

Tönnies, F. (1887) *Gemeinschaft und Gesellschaft* (trans. C. P. Loomis, 1955, as *Community and Association*, London: Routledge & Kegan Paul).

Torrance, J. R. (1977) "Phenomenology", in A. Bullock and O. Stallybrass, eds., *Fontana Dictionary of Modern Thought*, London: Fontana, 469.

Townroe, P.M. (1969) "Locational Choice and the Individual Firm", *Regional Studies*, 3, 15-24.

Townroe, P.M. (1974) "Post-move Stability and the Location Decision", in F. E. I. Hamilton, ed., *Spatial Perspectives on Industrial Organisation and Decision-Making*, London: Wiley, 287-307.

Triandis, H.C. (1971) *Attitude and Attitude Change*, New York: Wiley.

Trowbridge, C.C. (1913) "On Fundamental Methods of Orientation and Imaginary Maps", *Science*, 38, 888-97.

Tuan, Y.F. (1963) "Architecture and Human Nature: Can there be an Existential Architecture?" *Landscape*, 13, 16-19.

Tuan, Y.F. (1964) "Mountains, Ruins and the Sentiment of Melancholy", *Landscape*, 14, 27-30.

Tuan, Y.F. (1966) "Man and Nature: an Eclectic Reading", *Landscape*, 16, 30-6.

Tuan, Y.F. (1968) "Discrepancies between Environmental Attitude and Behaviour: Examples from Europe and China", *Canadian Geographer*, 12, 176-91.

Tuan, Y.F. (1971) "Geography, Phenomenology and the Study of Human Nature", *Canadian Geographer*, 15, 181-92.

Tuan, Y.F. (1972) "Structuralism, Existentialism and Environmental Perception", *Environment and Behaviour*, 4, 319-31.

Tuan, Y.F. (1973) "Ambiguity in Attitudes towards Environment", *Annals of the Association of American Geographers*, 63, 411-23.

Tuan, Y.F. (1974) *Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

Tuan, Y.F. (1975a) "Images and Mental Maps", *Annals of the Association of American Geographers*, 65, 205-14.

Tuan, Y.F. (1975b) "Place: An Experiential Perspective", *Geographical Review*, 65, 151-65.

Tuan, Y.F. (1976a) "Geopietty: A Theme in Man's Attachment to Nature and to Place", in D. Lowenthal and M.J. Bowden, eds., *Geographies of the Mind*, New York: Oxford University Press, 11-39.

Tuan, Y.F. (1976b) "Humanistic Geography", *Annals of the Association of American Geographers*, 66, 266-76.

Tuan, Y.F. (1977) *Space and Place*, London: Arnold.

Tuan, Y.E. (1978a) "Sign and Metaphor", *Annals of the Association of American Geographers*, 68, 363-72.

Tuan, Y.F. (1978b) "The City: Its Distance from Nature", *Geographical Review*, 68, 1-12.

Tunstall, J. (1970) *Media Sociology*, London: Constable.

Turan, M.H. (1974) "Environmental Stress: An Ecological Approach, with special reference to Housing", unpublished Ph. D. thesis, Department of Architecture, Columbia University.

Turner, B. (1976) "Development of Disasters: A Sequence Model for the Analysis of the Origins of Disaster", *Sociological Review*, 24, 753-74.

Turner, J.R. (1975) "Applications of Landscape Evaluation: A Planner's View", *Transactions of the Institute of British Geographers*, 66, 156-61.

Tyler, S.A. ed. (1969) *Cognitive Anthropology*, New York: Holt, Rinehart, & Winston.

Vance, J.E. (1972) "California and the Search for the Ideal", *Annals of the Association of American Geographers*, 62, 185-210.

Veal, A.J. (1974) *Environmental Perception and Recreation: A Review and Annotated Bibliography*, Research Memorandum 39, Birmingham, Eng.: Centre for Urban and Regional Studies, University of Birmingham.

Venturi, R., Brown, D.S., and Izenour, S. (1977) *Learning from Las Vegas*, 2nd edition, Cambridge, Mass.: MIT Press.

Vernon, M.D. (1971) *Perception through Experience*, London: Methuen.

Visvader, H., and Burton, I. (1974) "Natural Hazards and Hazard Policy in Canada and the United States", in G.F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 219-30.

Wacher, J.D. (1974) *The Towns of Roman Britain*, London: Book Club Associates.

Waddell, E. (1977) "The Hazards of Scientism: A Review Article", *Human Ecology*, 5, 69-76.

Wagner, P.L. (1972) *Environments and People*, Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall.

Walker, D.F. (1975) "A Behavioural Approach to Industrial Location", in L. Collins and D.F. Walker, eds., *Locational Dynamics of Manufacturing Activity*, London: Wiley, 135-58.

Walmsley, D.J. (1974) "Positivism and Phenomenology in Human Geography", *Canadian Geographer*, 18, 95-107.

Walsh, J.A., and Webber, M.J. (1977) "Information Theory: Some Concepts and Measures", *Environment and Planning*, A9, 395-417.

Wanklyn, H. (1961) *Friedrich Ratzel: A Bibliographical Memoir and Bibliography*, Cambridge: Cambridge University Press.

Wann, T.W. (1964) *Behaviourism and Phenomenology*, Chicago, William Marsh Rice University.

Wapner, S. (1973) "An Organismic-Developmental Perspective for understanding Transactions of Men and Environments", *Environment and Behaviour*, 5, 255-89.

Ward, C. (1978) *The Child in the City*, London: Architectural Press.

Ward, L.M., and Suedfeld, P. (1973) "Human Responses to Highway Noise", *Environmental Research*, 6, 306-26.

Ward, R.M. (1974) "Decisions by Florida Citrus Growers and Adjustments to Freeze Hazards", in G.F. White, ed. *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 137-45.

Warntz, W. (1973) "New Geography as General Spatial Systems Theory.-Old Social Physics writ large?" in R.J. Chorley, ed. *Directions in Geography*, London: Methuen, 89-126.

Watkin, D. (1977) *Morality and Architecture*, London: Oxford University Press.

Watson, A. and Moss, R. (1971) "Spacing as affected by Territorial Behaviour, Habitat and Nutrition in Red Grouse (*Lagopus l. scotius*)", in A.H. Esser, ed., *Behaviour and Environment*, New York: Plenum, 92-111.

Watson, J.B. (1913) "Psychology as the Behaviourist views it", *Psychological Review*, 20, 158-77.

Watson, J.B. (1924) *Behaviourism*, New York: Norton.

Watson, J.W. (1971) "Geography and Image Regions", *Geographica Helvetica*, 1 (26), 31-3.

Watson, J.W. (1975) "Perception and Place", *Geographical Journal*, 141, 271-4.

Watson, M.O. (1970) *Proxemic Behaviour: A Cross-Cultural Study*, The Hague: Mouton.

Webber, M.M. (1963) "Order in Diversity: Community without Propinquity", in L. Wingo, ed., *Cities and Space*, Baltimore: John Horkins Press, for Resources for the Future Inc., 23-56.

Webber, M.M. (1964a) "Culture, Territoriality and the Elastic Mile", *Papers and Proceedings of the Regional Science Association*, 13, 59-70.

Webber, M.M. (1964b) "The Urban Place and the Nonplace Urban Realm", in M.M. Webber, J.W. Dyckham, D.L. Foley, A.Z. Guttenberg, W.L.C. Wheaton, and C.B. Wurster *Explorations into Urban Structure*, Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 79-153.

Webber, M.M. (1971) "The Post-City Age", in L.S. Bourne, ed., *Internal Structure of the City*, London: Oxford University Press, 496-501.

Weber, A. (1929) *Theory of the Location of Industries* (trans. C.J. Friedrich), Chicago: University of Chicago Press.

Weddle, A.E. (1969) "Techniques in Landscape Planning: Landscape Evaluation", *Journal of the Royal Town Planning Institute*, 55, 387-81.

Wells, B.W.P. (1965) "The Psycho-Social Influence of Building Environment: Sociometric Findings in large and small Office Spaces", *Building Science*, 1, 153-65.

Werner, H. (1948) *Comparative Psychology of Mental Development*, New York: International Universities Press.

Werner, H. (1957) "The Concept of Development from a Comparative and Organismic Point of View", in D.B. Harris, ed., *The Concept of Development*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 125-48.

Werner, H., and Kaplan, B. (1963) *Symbol Formation: An Organismic-Developmental Approach to Language and the Expression of Thought*, New York: Wiley.

Wertheimer, M. (1973) "The Psychology of Perception", in P. Mussen and M.R. Rosenzweig, eds., *Psychology: An Introduction*, Lexington: Heath, 523-628.

Western, J.S. Weldon, P.D., and Huang, T.T. (1974) "Housing and Satisfaction with Environment in Singapore", *Journal of the American Institute of Planners*, 39, 201-8.

Westgate, K. (1978) "A Necessary Bandwagon", *Futures*, 10, 163-6.

- Westgate, K. and O'Keefe, P. (1976) *Some Definitions of Disaster*, Occasional Paper 4, Bradford, York: Disaster Research Unit, University of Bradford.
- Wheatley, P. (1969) *The City as Symbol*, London: Lewis.
- Wheatley, P. (1971) *The Pivot of the Four Quarters*, Edinburgh: University of Edinburgh Press.
- Wheeler, K., ed. (1976) "Experiencing Townscape", *Bulletin of Environmental Education*, 68 (December), 1-28.
- White, G. (1789) *The Natural History of Selbourne* (R. Mabey, ed., 1977, Harmondsworth: Penguin).
- White, G. F. (1939) "Economic Aspects of Flood Forecasting", *Transactions of the American Geophysical Union*, 20, 218-33.
- White, G. F. (1942) *Human Adjustment of Floods: A Geographical Approach to the Flood Problem in the United States*, Research Paper 29, Chicago: Department of Geography, University of Chicago.
- White, G. F. (1964) *Choice of Adjustment to Floods*, Research Paper 93, Chicago: Department of Geography, University of Chicago.
- White, G. F. (1970) "Recent Developments in Flood Plain Research", *Geographical Review*, 60, 440-3.
- White, G. F. (1973) "Natural Hazards Research", in R. J. Chorley, ed., *Directions in Geography*, London, Methuen, 193-216.
- White, G. F. (1974a) *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press.
- White, G. F. (1974b) "Natural Hazards Research: Concepts, Methods and Policy Implications", in G. F. White, ed., *Natural Hazards: Local, National, Global*, New York: Oxford University Press, 3-16.
- White, G. F. (1976) "Commission on Man and Environment", in I. P. Gerasimov, ed., *International Geography '76*, 11, Moscow, USSR: International Geographical Union, 11-13.
- White, G. F. (1978) "Natural Hazards and the Third World: A Reply", *Human Ecology*, 6, 229-31.
- White, G. F., Calef, W. C., Hudson, J. W., Mayer, H. M., Sheaffer, J. R., and Volk, D. J. (1958) *Changes in Urban Occupance of Flood Plains in the United States*, Research Paper 57, Chicago: Department of Geography, University of Chicago.
- White, M., and White, L. (1962) *The Intellectual versus the City*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- White, A. V. T. (1977) *Guidelines for Field Studies in Environmental Perception*, Paris: UNESCO.
- Whyte, W. F. (1943) *Street Corner Society: The Social Structure of an Italian Slum*, Chicago: University of Chicago Press.
- White, W. F. (1956) *The Organisation Man*, New York: Simon & Shuster.
- Williams, E. (1977) "Experimental Comparisons of Face-to-Face and Mediated Communication", *Psychological Bulletin*, 84, 963-76.
- Williams, E. P., and Rausch, H. L. (1969) *Naturalistic Viewpoints in Psychological Research*, New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Williams, R. (1975) *The Country and the City*, London: Paladin.
- Willmott, P. (1963) *The Evolution of a Community*, London: Routledge.
- Wilson, E. O. (1975) *Sociobiology: The New Synthesis*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Wilson, R. B. (1970) *Go Great Western: A History of GWR Publicity*, Newton Abbot: David & Charles.
- Winsborough, H. (1965) "The Social Consequences of high Population Density", *Law and Contemporary Problems*, 30, 120-6.
- Wirth, L. (1938) "Urbanism as a Way of Life", *American Journal of Sociology*, 44, 1-24.
- Wisner, B., Westgate, K., and O'Keefe, P. (1976) "Poverty and Disaster", *New Society*, 37, 546-8.
- Wohlwill, J. F. (1968) "Amount of Stimulus Exploration and Preference as differential Functions of Stimulus Complexity", *Perception and Psychophysics*, 4, 307-12.
- Wohlwill, J. F. (1970) "The Emerging Discipline of Environmental Psychology", *American Psychologist*, 25, 303-12.
- Wolf, E. R., and Hansen, E. C. (1972) *The Human Condition in Latin America*, London: Oxford University Press.
- Wolfe, I. de (1963) *The Italian Townscape*, London: Architectural Press.
- Wollheim, R. (1971) *Freud*, London: Fontana.
- Wolpert, J. (1964) "The Decision Process in Spatial Perspective", *Annals of the Association of American Geographers*, 54, 537-58.
- Wolpert, J. (1970) "Departures from the usual Environment in Locational Analysis", *Annals of the Association of American Geographers*, 60, 220-9.
- Wood, P. (1969) "Industrial Location and Linkage", *Area*, 2, 32-9.
- Woolcombe, K. (1976) "The Beginning and the End", *Oxford Diocesan Magazine*, 9 (11), 6-7.
- Wright, D. S., Taylor, A., Davies, D. R., Sluckin, W., Lee, S. G. M., and Reason, J. T. (1970) *Introducing Psychology: An Experimental Approach*, Harmondsworth: Penguin.

- Wright, F. L. (1945) *When Democracy Builds*, Chicago: University of Chicago Press.
- Wright, G. (1974) "Appraisal of Visual Landscape Qualities in a Region selected for accelerated Growth", *Landscape Planning*, 1, 307-27.
- Wright, J. K. (1947) "Terrae Incognitae: The Place of the Imagination in Geography", *Annals of the Association of American Geographers*, 37, 1-15.
- Wright, J. K. (1966) *Human Nature in Geography*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Wyburn, G. M., Pickford, R. W., and Hurst, R. J. (1964) *Human Senses and Perception*, Edinburgh: Oliver & Boyd.
- Wynne-Edwards, V. C. (1962) *Animal Dispersal in relation to Social Behaviour*, Edinburgh: Oliver & Boyd.
- Yancey, W. L. (1972) "Architecture, Interaction and Social Control: The Case of a large-scale Housing Project", in J. F. Wohlwill and D. H. Carson, eds., *Environment and the Social Sciences*, Washington, D. C.: American Psychological Association, 126-36.
- Young, M. (1954) "The Role of the Extended Family in a Disaster", *Human Relations*, 7, 383-91.
- Young, M. and Willmott, P. (1957) *Family and Kinship in East London*, Harmondsworth: Penguin.
- Zehner, R. B. (1972) "Neighbourhood and Community Satisfaction: A Report on New Towns and less-planned Suburbs", in J. H. Wohlwill and D. H. Carson, eds., *Environment and the Social Sciences*, Washington, D. C.: American Psychological Association, 169-83.
- Zlutnick, S., and Altman, I. (1972) "Crowding and Human Behaviour", in J. F. Wohlwill and D. H. Carson, eds., *Environment and the Social Sciences*, Washington, D. C.: American Psychological Association, 44-58.
- Zorbaugh, H. W. (1926) "The Natural Areas of the City", *Publications of the American Sociological Society*, 20, 188-97.
- Zorbaugh, H. W. (1929) *The Gold Coast and the Slum: A Sociological Study of Chicago's Near North Side*, Chicago: University of Chicago Press.
- Zube, E. H., ed. (1970) *Landscapes: Selected Writings of J. B. Jackson*, Amherst: University of Massachusetts Press.
- Zube, E. H., Brush, R. O., and Fabos, G. Y. (1975) *Landscape Assessment: Values, Perceptions and Resources*, Stroudsburg, Pa.: Dowden, Hutchinson, & Ross.
- Zube, E. H., and Zube, M. (1977) *Changing Rural Landscapes*, Amherst: University of Massachusetts Press.